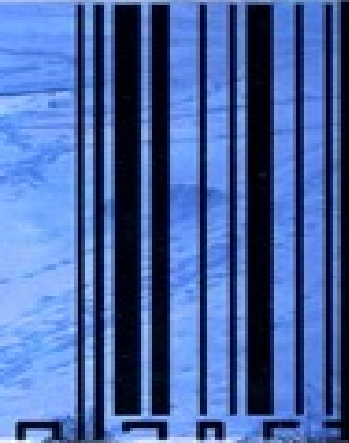

Стиг Ларссон отдыхает!
The Herald-Dispatch

ДЖОН
ВЕРДОН
Загадай число
[thriller]

События

Annotation

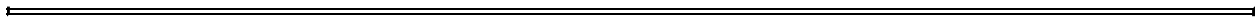
Может ли анонимное письмо напугать до смерти? Оказывается, да — если тебе есть что скрывать, а автор письма читает твои мысли. Получив такое послание, Марк Меллери обращается за помощью к старому приятелю — знаменитому детективу в отставке. Дэвид Гурни, для которого всякое преступление — ребус, обретает идеального противника: убийцу, который любит загадывать загадки. Каждая неразгаданная загадка приводит к новой жертве. Однако Гурни продолжает игру...

Дебютный роман американского писателя Джона Вердона «Загадай число» — классический триллер. Безупречно выстроенный сюжет, тщательно прописанные детали, узнаваемые персонажи и жизненные коллизии складываются в повествование, от которого захватывает дух.

- [Джон Вердон](#)
 - [Пролог](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3 Беда в раю](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15 Дихотомии](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)

- [Глава 20 Друг семьи](#)
- [Глава 21 Приоритеты](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42 Вверх ногами](#)
 - [Глава 43 Мадлен](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
- [Слова признательности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

◦ 3

Джон Вердон
ЗАГАДАЙ ЧИСЛО

Посвящается Наоми

Пролог

— Куда ты уходил? — спросила старуха, ерзая в постели. — Мне надо было в туалет. Я была совсем одна.

Молодой человек, стоявший рядом с кроватью, сиял от радости. Ее недовольный тон словно его не касался.

— Мне надо было в туалет, — повторила она, на этот раз задумчиво, как будто смысл произнесенных слов только сейчас до нее дошел.

— Мама, у меня отличные новости, — сказал молодой человек. — Скоро все будет хорошо. Я все сделаю как надо.

— Куда ты все время уходишь? — капризно спросила она.

— Недалеко. Ты же знаешь, я никогда не ухожу далеко.

— Я не люблю оставаться одна.

Он блаженно улыбнулся.

— Очень скоро все будет хорошо. Все будет так, как должно было быть. Поверь мне, мама. Я придумал, как все исправить. Он отдаст мне то, что забрал.

— Ты пишешь такие прекрасные стихи.

В комнате не было окон. Единственным источником света служила лампа на прикроватной тумбочке. Этот свет подчеркивал крупный шрам на шее старухи и странный блеск в глазах ее сына.

— А танцевать пойдем? — спросила она, глядя сквозь него и сквозь темную стену за его спиной, словно там было радостное видение.

— Конечно, мама. Все будет просто идеально.

— Где моя деточка?

— Я здесь, мама.

— Баю-баюшки-баю, баю деточку мою.

— Баю-бай, мама, баю-бай, баю-бай.

— Мне надо в туалет, — произнесла она, на этот раз почти кокетливо.

Часть первая
ОПАСНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Глава 1

Коп-арт

Джейсон Странк был человеком во всех смыслах незаметным: невзрачный мужчина тридцати с чем-то лет, чье существование едва замечали даже соседи. Его было не видно и не слышно; во всяком случае, никто не мог вспомнить, чтобы он когда-либо с кем-нибудь говорил. Хотя, возможно, кому-то кивал или даже здоровался, а то и обменивался парой слов. Никто не помнил наверняка.

Все были поражены и даже сперва не поверили, когда оказалось, что мистер Странк одержим одной страстью: он убивает усарых мужчин средних лет, а впоследствии крайне неприятным способом избавляется от тел — расчленяет их на небольшие удобные фрагменты, упаковывает в цветную обертку и отправляет по почте офицерам местной полиции в качестве подарков на Рождество.

Дэйв Гурни пристально рассматривал на экране скучное, невыразительное лицо Джейсона Странка — если быть совсем точным, то это была фотография оперативного учета, увеличенная до реального размера и окруженная панелями программы для обработки фотографий, в которой Гурни уже неплохо разобрался.

Он поднял яркость у радужки глаза преступника, нажал кнопку мышки и отодвинулся, чтобы оценить эффект.

Лучше, чем было. Но все равно не то.

Глаза — самое сложное. Глаза и рот. Но они — самое главное. Иногда ему приходилось возиться с насыщенностью и яркостью какого-нибудь крохотного блика по нескольку часов, и все равно результат не заслуживал того, чтобы показать его Соне, не говоря уже о Мадлен.

Глаза были важной деталью, потому что именно они, как ничто другое, передавали напряжение, противоречивость — взгляд был замкнутым, как будто невидящим, но в нем сквозила жестокость. Это особое выражение отпечаталось на лицах многих убийц, с которыми Гурни довелось как следует пообщаться.

При помощи терпеливых манипуляций с фотографией он добился правдоподобного взгляда у Хорхе Кунцмана (товароведа из универсама «Уолмарт», который хранил голову своей последней подружки в холодильнике, пока у него не появлялась новая). Ему и самому тогда

понравился результат, передававший черную пустоту, скрытую за скучающим взглядом Кунцмана, а Соня и вовсе была в восторге — она его так хвалила, что он поверил в свой талант. Ее реакция и неожиданная покупка портрета одним из Сониных знакомых коллекционеров вдохновили его сделать серию обработанных фотографий, которая теперь под названием «Портреты убийц глазами преследователя» выставилась в маленькой, но недешевой галерее Сони в Итаке.

Как вышло, что недавно ушедший в отставку детектив Нью-Йоркского полицейского управления, при его неприкрытом равнодушии к искусству в целом и авангардному искусству в частности, а также при его нелюбви к славе, оказался главным автором на модной художественной выставке с «фотографиями, поражающими воображение брутальным реализмом, психологичностью и мастерской обработкой»? На этот счет существовало два совершенно разных ответа: его собственный и его жены.

Он считал, что все началось в тот день, когда Мадлен уговорила его ходить с ней в музей Куперстауна на курс искусствоведения. Она вечно куда-то его тащила из норы — из дома, из самого себя — куда угодно. Он понял, что единственный способ остаться хозяином своему времени — это периодически поддаваться ей. Посещение курса искусствоведения было в этом смысле стратегическим ходом: хотя перспектива таскаться на лекции ему претила, он надеялся, что это обеспечит ему месяц-другой покоя. Дело не в том, что он был диванным лентяем. В свои сорок семь лет он все еще отжимался, подтягивался и приседал по пятьдесят раз кряду. Просто он не слишком любил куда-то выбираться из дому.

Однако курс преподнес ему целых три сюрприза. Вопреки его уверенности, что придется прикладывать нечеловеческие усилия, чтобы не засыпать на лекциях, он сидел и не мог оторвать взгляда от Сони Рейнольдс, местной галеристки и художницы. Она не была красавицей в североевропейском понимании красоты а-ля Катрин Денев. Ее губы были слишком пухлыми, скулы слишком выдающимися, нос слишком длинным. Однако все эти черты, несовершенные по отдельности, складывались в гармоничное целое и поражали воображение благодаря огромным зеленым глазам с поволокой и удивительной манере держаться легко и расслабленно, с ненаигранной чувственностью в каждом жесте. Среди двадцати шести слушателей было шесть мужчин, и все они были заморожены ею.

Вторым сюрпризом оказался его неожиданный интерес к предмету. Соня питала особую страсть к фотографии и много говорила о том, как она

становится искусством, как благодаря обработке можно получить яркие образы, по силе воздействия значительно превосходящие оригинал.

Третий сюрприз появился спустя три недели из двенадцатинедельного курса. Соня с энтузиазмом рассказывала про шелкографические отпечатки передержанных фотографий, сделанные неким современным художником. Гурни смотрел на эти отпечатки, и его посетила мысль, что он мог бы прибегнуть к необычному ресурсу, к которому имел особый доступ, и использовать его неожиданным образом. Отчего-то эта идея вдохновила его. Последнее, чего он ожидал от курса по искусствоведению, — это вдохновение.

Как только ему пришло на ум, что фотографии преступников, особенно убийц, можно делать больше, ярче, резче, чтобы проявить живущее в них чудовище, которое он изучал и преследовал долгие годы своей карьеры, — эта мысль захватила его полностью. Он думал об этом чаще, чем готов был бы признаться. В конце концов, он был человеком осторожным, привыкшим рассматривать любую тему со всех сторон, находить изъян в каждом утверждении, наивность в любом порыве энтузиазма.

Тем ясным октябрьским утром Гурни сидел в своей берлоге и обрабатывал фотографию Джейсона Странка, когда приятный процесс прервал звук падающего предмета за его спиной.

— Я их здесь положу, — сказала Мадлен тоном, который кому угодно показался бы вполне обыденным, но Гурни распознал в нем напряженность.

Он посмотрел через плечо и сощурился при виде маленького мешочка, прислоненного к двери.

— Кого «их»? — переспросил он, отлично зная ответ.

— Тюльпаны, — ответила Мадлен все тем же ровным тоном.

— То есть луковицы?

Это было ненужное уточнение, и оба это понимали. Так Гурни выражал свою досаду, когда Мадлен пыталась заставить его сделать что-то, к чему он не был расположен.

— И что я должен с ними сделать?

— Вынести в сад и помочь мне их посадить.

Он хотел указать ей на отсутствие логики в идее принести ему саженцы, чтобы он отнес их обратно в сад, но сдержался.

— Мне надо сперва закончить работу, — слегка раздраженно ответил он. Было понятно, что сажать тюльпаны посреди роскошного бабьего лета с видом на пылающий красками осенний лес и изумрудные луга под густо-

синим небом — ничуть не обременительное занятие. Просто он ненавидел, когда его отрывали от дела. Себе он объяснял, что такая реакция — побочный эффект его главного достоинства: линейного логического ума, благодаря которому он стал таким успешным детективом. Он всегда замечал малейшую непоследовательность в рассказах подозреваемых, микроскопические несостыковки, незаметные для большинства.

Мадлен взглянула на экран через его плечо.

— Как можно в такой день возиться с таким уродством? — спросила она.

Глава 2

Идеальная жертва

Дэвид и Мадлен Гурни жили в добротном загородном доме постройки XIX века. Он примостился в уголке укромно расположенного луга, в конце проселочной дороги посреди холмов округа Делавер, в восьми километрах от деревни Уолнат-Кроссинг. Четыре гектара луга были окружены лесом, где росли клены, дубы и вишни.

Дом сохранил свою первозданную архитектурную простоту. Гурни владели им всего год, но успели вернуть ему первоначальный вид, убрав неудачные нововведения предыдущего владельца, — заменили невзрачные алюминиевые окна деревянными с переплетом, в духе ушедшего столетия. Не то чтобы Гурни болели душой за историческую аутентичность. Просто обоим казалось, что первоначальный вид дома был каким-то *правильным*. Насчет того, как должно выглядеть и ощущаться жилище, Дэвид и Мадлен всегда сходились во мнениях, чего нельзя было сказать о других вопросах, особенно в последнее время.

Эта мысль весь день мало-помалу портила Дэвиду настроение с того момента, как жена обозвала его работу уродством. Сидя в любимом садовом кресле после посадки тюльпанов, он все еще думал об этом сквозь дрему, когда раздался шелест невысокой травы — шаги Мадлен. Она остановилась у кресла, и Дэвид приоткрыл один глаз.

— Как думаешь, — произнесла она спокойным и легким тоном, — может, лодку вытащить? Или уже поздно?

Это прозвучало как нечто среднее между вопросом и вызовом.

В свои сорок пять Мадлен была стройной и спортивной, ее легко можно было принять за тридцатипятилетнюю. У нее был открытый, откровенный, внимательный взгляд. Ее длинные темные волосы, кроме нескольких непослушных прядей, были собраны под широкополой соломенной шляпой.

Он думал о своем и ответил вопросом на вопрос:

— А что, у меня там действительно уродство?

— Естественно, уродство. Разве ты не этого добиваешься?

Он поморщился:

— Ты имеешь в виду персонажей?

— А что же еще?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Мне показалось, ты с каким-то

презрением говорила обо всем — и о содержании, и о форме.

— Прости.

Однако раскаяния в ее голосе не прозвучало. Он хотел ей об этом сказать, но Мадлен сменила тему:

— Так что, предвкушаешь встречу с этим своим однокурсником?

— Вообще-то нет, — признался он, откидывая спинку кресла чуть дальше. — Я не любитель вспоминать былое.

— Может, он собирается попросить тебя раскрыть какое-нибудь убийство.

Гурни внимательно посмотрел на жену, но ее взгляд был непроницаем.

— Думаешь, он за этим сюда едет? — спросил он.

— Разве ты не этим знаменит? — В ее голосе появились стальные нотки.

Последние месяцы он часто за ней такое замечал — и предполагал, что знает причину. У них были разные взгляды на то, что означает его уход из полиции и какие перемены в их жизни он должен за собой повлечь, а еще точнее — как это должно изменить его самого. Кроме того, тучи сгущались над его новым увлечением — проектом с портретами убийц, который поглощал все его время. Он подозревал, что причина неприязни Мадлен к этому занятию кроется в восторженных отзывах Сони.

— А ты в курсе, что он тоже знаменитость? — спросила она.

— Кто?

— Твой однокурсник.

— Нет. Он по телефону упомянул, что написал книгу, и я вкратце почитал про это в интернете. Но я бы не подумал, что он прямо знаменит.

— У него две книги, — сказала Мадлен. — Он директор в каком-то институте в Пионе, читал курс лекций, который показывали по каналу «Пи-Би-Эс». Я распечатала обложки его книг из интернета. Может, тебе интересно будет.

— Думаю, он сам мне расскажет все и про себя, и про свои книги. Он вообще не из застенчивых.

— Как хочешь. Я все равно на всякий случай оставила распечатки у тебя на столе. Да, кстати, звонил Кайл.

Он молча посмотрел на нее.

— Я сказала, что ты перезвонишь.

— Почему ты сразу меня не позвала? — Вопрос прозвучал грубее, чем он хотел. Сын звонил ему довольно редко.

— Я спросила, надо ли тебя позвать. Он сказал, что не хочет отвлекать тебя и что дело не срочное.

— Он больше ничего не сказал?

— Нет.

Она повернулась и пошла по густой влажной траве к дому. Дойдя до порога и положив пальцы на ручку двери, она будто вспомнила что-то еще, оглянулась и с подчеркнуто озадаченным видом произнесла:

— Если верить обложке, этот твой однокурсник прямо святой, само совершенство. Гуру достойного поведения. Непонятно, зачем ему могла понадобиться консультация детектива — специалиста по убийствам.

— Детектива в отставке, — поправил Гурни.

Но она уже зашла в дом и не потрудилась смягчить грохот захлопнувшейся двери.

Глава 3 Беда в раю

Следующий день выдался еще более великолепным. Образцовый октябрь из календаря с видами Новой Англии. Гурни проснулся в семь утра, принял душ, побрился, надел джинсы и легкий свитер и пил кофе в садовом кресле на террасе, выложенной голубым песчаником. Эти французские двери и террасу, куда выходила дверь нижней спальни, он пристроил к дому по настоянию Мадлен.

В этом ей не было равных — она отлично видела, какую деталь можно добавить, как она будет сочетаться с целым. Это выдавало другие качества Мадлен — интуицию, живое воображение, отличный вкус. Но когда они увязали в дебрях разногласий — в топком болоте неоправданных ожиданий и взаимных претензий, — Дэвид почти забывал о ее безусловных достоинствах.

Нужно будет перезвонить Кайлу. Только придется подождать три часа из-за разницы во времени между Уолнат-Кроссинг и Сиэтлом. Он устроился поудобнее в кресле, согревая руки о теплую чашку с кофе.

Он посмотрел на тоненькую папку, которую взял с собой на террасу, и попытался представить себе однокурсника, которого не видел двадцать пять лет. Фотография на обложках, которые Мадлен распечатала с сайта книжного магазина, оживила в памяти Дэвида не только лицо — он вспомнил и тембр его голоса, как у ирландского тенора, и обезоруживающую улыбку.

Когда они учились в колледже Фордхам и жили на кампусе в Бронксе, Марк Меллери был заметным персонажем. Его искрометный юмор, нескончаемую энергию и грандиозные амбиции омрачала некоторая сумасшедшинка: он любил ходить по краю и умудрялся удерживать баланс между безрассудством и расчетливостью, но всегда был в шаге от того, чтобы сорваться в пропасть.

Судя по информации на его сайте, после недолгого витания над бездной в молодости, он пережил какой-то духовный опыт, и жизнь его кардинально изменилась.

Поставив чашку на узкую ручку кресла, Гурни открыл лежавшую на коленях папку, достал распечатку письма, полученного от Меллери неделю назад, и снова перечитал его.

Привет, Дэйв!

Надеюсь, тебя не смутит, что старый однокурсник пишет тебе столько времени спустя. Никогда не знаешь, с чем может пожаловать голос из прошлого. Я следил за успехами наших ребят через клуб выпускников и был поражен, как высоко некоторые взлетели. Рад был узнать о твоих достижениях и прочесть отзывы о твоей работе. В одной статье газета клуба назвала тебя самым выдающимся детективом в Нью-Йоркском полицейском управлении. Я ничуть не удивился, потому что хорошо помню, что из себя представляет Дэйв Гурни. А год назад я прочитал, что ты ушел в отставку и переехал в Делавер. Я обратил на это внимание, потому что я сам нахожусь в городке Пион — мы, получается, почти соседи.

Ты вряд ли об этом слышал, но я здесь открыл нечто вроде реабилитационного центра, называется «Институт духовного обновления». Звучит возвышенно, понимаю. Но на деле все довольно приземленно. Знаешь, за прошедшие годы я много раз думал, что хорошо бы с тобой снова повидаться, но в конце концов написать тебе меня заставила одна непростая ситуация. Думаю, никто не даст мне совета лучше, чем ты. Я бы хотел тебя навестить, если ты не против. Если сможешь уделить мне полчаса, я заеду в Уолнат-Кроссинг или в любое другое место, где тебе будет удобно.

Помню, как мы с тобой болтали обо всем на кампусе или в баре, и эти воспоминания — не говоря уже о твоей профессиональной репутации — подсказывают мне, что именно с тобой следует поговорить о моем запутанном деле. Это своего рода ребус, который, как мне кажется, тебя интересует. Ты всегда отличался умением устанавливать между событиями связи, которые больше никому не были видны. Когда я думаю о тебе, я вспоминаю твою безупречную логику и удивительную ясность ума — те качества, которых мне сейчас больше всего не хватает. Я позвоню тебе в ближайшие несколько дней по номеру, который указан в каталоге выпускников. Надеюсь, он актуален.

С наилучшими пожеланиями,

Марк Меллери.

P.S. Даже если ты в результате запутаешься так же

*сильно, как я сам, и не сможешь мне помочь, я все равно буду
очень рад тебя видеть.*

Звонок раздался два дня спустя. Гурни тут же узнал голос, к его удивлению не изменившийся за годы, если не считать нотки нервозности.

После нескольких дежурных фраз о том, как жаль, что они не общались все это время, Меллери перешел к делу. Могут ли они увидеться в ближайшие дни? Чем раньше — тем лучше, потому что «ситуация» требует безотлагательного решения, у нее появилось «развитие». Нет, по телефону он ничего обсуждать не станет, и при встрече Гурни поймет почему. Меллери должен ему кое-что показать. Нет, местная полиция не сможет решить эту задачу, почему — он также объяснит, когда приедет. Нет, никакого правонарушения не произошло, во всяком случае пока. Речь не идет о преступлении или угрозе преступления — по крайней мере, он не смог бы доказать наличие такой угрозы. Господи, решительно невозможно что-либо объяснить по телефону, лично было бы настолько проще. Да, он понимает, что Гурни не занимается частными расследованиями. Но он просит всего полчаса его времени — найдется ли у него полчаса?

Со смешанными чувствами Гурни согласился. Любопытство в нем часто одерживало верх над замкнутостью; на этот раз его заинтересовали истерические нотки в вежливой речи Меллери. Кроме того, он сам не до конца отдавал себе отчет, как сильна была его тяга к разгадыванию ребусов.

Перечитав письмо в третий раз, Гурни убрал его обратно в папку и позволил себе отдаться воспоминаниям: утренние лекции, на которых Меллери, явившись с похмелья, отчаянно скучал; как он постепенно оживал к вечеру; приступы шутовства и проницательности, случавшиеся с ним под воздействием спиртного. Он был прирожденный актер, звезда университетского театра — как бы он ни зажигал каждый вечер в баре, на сцене он был еще зажигательней. Он зависел от публики, она была нужна ему как воздух.

Гурни открыл папку и снова пробежался по письму. Его смущало описание их отношений. Они с Меллери общались значительно менее содержательно и близко, чем следовало из письма. Однако у него было ощущение, что Меллери тщательно подбирал слова, которыми обращался к нему, — письмо переписывалось несколько раз, было видно, что над ним много думали, и лесть, как и все остальное в этом послании, была неслучайной. Но чего он добивался? Очевидным образом, согласия на личную встречу и разговор об упомянутом «ребусе». Остальное было загадкой. При этом вопрос был очень важен для Меллери, как следовало из

аккуратно взвешенной и сформулированной смеси теплых слов и отчаянья.

Отдельного внимания заслуживал постскрипtum. Помимо завуалированного вызова, который содержался в предположении, что Гурни может не справиться с задачей, он также пресекал возможность легкого отказа — на такое письмо невозможно было ответить, что ты отошел от дел и не сможешь помочь, потому что это было бы слишком грубым ответом старому другу.

Да, письмо определенно было тщательно продумано.

Тщательность. Это было что-то новое, никак не свойственное прежнему Марку Меллери.

Эта перемена показалась Гурни любопытной.

В этот момент на террасу вышла Мадлен и остановилась на полпути к креслу, в котором сидел Гурни.

— Твой гость приехал, — без выражения сообщила она.

— Где он?

— В доме.

Он посмотрел вниз. По ручке кресла зигзагом полз муравей. Он щелчком отправил его в полет.

— Попроси его, чтобы вышел сюда, — сказал Гурни. — Погода слишком хорошая, чтобы сидеть внутри.

— Да, это точно, — произнесла она, и это прозвучало одновременно едко и иронично. — Кстати, он до жути похож на свою фотографию на обложке. Действительно — до жути.

— Почему до жути? Ты о чем?

Но она уже вернулась в дом и не ответила ему.

Глава 4

Знаю, как ты дышишь

Марк Меллери рассекал мягкую траву широкими шагами. Он подошел к Гурни с таким видом, будто собирался его обнять, но что-то заставило его передумать.

— Дэйви! — воскликнул он, протягивая руку.

«Дэйви?» — удивился Гурни.

— Господи! — продолжил Меллери. — Ты вообще не изменился! Боже мой, как я рад тебя видеть! Отлично выглядишь! В Фордхаме поговаривали, что ты похож на Роберта Редфорда в фильме «Вся королевская рать». И вот — до сих пор похож! Если бы я не знал наверняка, что тебе сорок семь, как и мне, я бы подумал, что тебе тридцать!

Он схватил Гурни за кисть обеими руками, как будто это был драгоценный объект.

— Пока я ехал сюда из Пиона, я вспоминал, какой ты всегда был спокойный и уравновешенный. Человек-отдушина, ты был настоящей отдушиной! И взгляд у тебя до сих пор такой же — спокойствие, собранность и уверенность в себе, и плюс к тому самая светлая голова в городе. Ну, как ты поживаешь?

— Мне повезло, — ответил Гурни, высвобождая руку. Он был настолько же спокоен, насколько Меллери — возбужден. — Жаловаться мне не на что.

— По-вез-ло... — по слогам протянул Меллери, как будто пытаюсь вспомнить значение иностранного слова. — У тебя здесь славно. Очень славно.

— У Мадлен отличный вкус. Присядем? — Гурни кивнул на пару потрепанных садовых кресел, стоявших друг напротив друга между яблоней и кормушкой для птиц.

Меллери сделал было шаг в том направлении, но внезапно остановился.

— У меня с собой был...

Мадлен вышла к ним из дома, держа перед собой элегантный портфель. Он был неброский, но дорогой, под стать всему наряду Меллери — от ручной работы английских ботинок (разношенных и не слишком начищенных) до идеально сидящего (но слегка помятого) кашемирового пиджака. Это был костюм человека, желающего показать, что он умеет

управляться с деньгами и не дает им управлять собой, умеет достигать успеха, не поклоняясь успеху, и что в целом благополучие дается ему с легкостью. Несколько одичалый взгляд, впрочем, диссонировал с внешним видом.

— Ах да, благодарю, — сказал Меллери, принимая портфель с явным облегчением. — А где же я его...

— Вы оставили его на журнальном столике.

— Да-да, действительно. Я сегодня ужасно рассеянный. Спасибо!

— Хотите что-нибудь выпить?

— Выпить?..

— У нас есть домашний холодный чай. Но если вы хотите что-нибудь другое...

— Нет-нет, холодный чай — то, что нужно. Спасибо.

Рассматривая однокурсника, Гурни внезапно понял, что имела в виду Мадлен, сказав, что он до жути похож на свою фотографию на обложке.

На той фотографии сильнее всего в глаза бросалась некоторая небрежная продуманность снимка — это была не студийная съемка, но портрет получился без лишних теней или неудачной композиции, присущих непрофессиональным фотографиям. Меллери был воплощением этой тщательно скроенной небрежности, движимого самолюбием стремления не казаться самолюбивым. Мадлен, как всегда, попала точно в цель.

— В своем письме ты упоминал о какой-то проблеме, — напомнил Гурни с резкостью, граничащей с грубостью.

— Да, — отозвался Меллери, но вместо того, чтобы перейти к делу, вспомнил случай, как один их однокурсник ввязался в довольно глупый спор с профессором философии. Пересказывая эту историю, он назвал себя, Гурни и героя истории «тремя мушкетерами кампуса», пытаясь придать их студенческим шалостям героический оттенок. Гурни эта попытка показалась жалкой, и он никак на нее не отреагировал, только уставился на собеседника в ожидании продолжения.

— Что ж, — произнес Меллери, наконец-то переходя к цели своего визита. — Не знаю, с чего начать.

«Если ты сам не знаешь, с чего начать собственную историю, то кто знает?» — подумал Гурни.

Меллери открыл портфель, достал две тонкие книжки в мягкой обложке и бережно, как будто они могли рассыпаться, передал их Гурни. Он узнал их по распечаткам, принесенным Мадлен. Одна называлась «Единственное значимое» с подзаголовком «Измените свою жизнь силой

сознания». Другая книжка называлась «Честно говоря», а подзаголовком было «Единственный способ быть счастливым».

— Ты, наверное, и не слышал об этих книгах. Они были довольно популярны, хотя не сказать чтобы бестселлеры в полном смысле слова. — Меллери улыбнулся с как будто хорошо отрепетированной скромностью. — Я не к тому, что ты должен их сейчас же прочитать. — Он снова улыбнулся, будто сказал что-то смешное. — Но они, мне кажется, немного разъяснят, что происходит или почему это так происходит, как только я расскажу о своей проблеме... Или о своей возможной проблеме. Честно говоря, я несколько сбит с толку всей этой историей.

«И довольно сильно напуган», — подумал Гурни.

Меллери набрал в легкие воздуха и начал свой рассказ с видом человека, решившегося отправиться в трудный путь.

— Для начала расскажу тебе про записки. — Он достал два конверта из портфеля, открыл один, вынул лист, исписанный с одной стороны, и конверт поменьше, какой обычно используют для срочного ответа. Он протянул записку Гурни. — Это первое, что я получил. Примерно три недели тому назад.

Гурни взял записку и откинулся в кресле, чтобы прочитать ее. Он тут же обратил внимание на опрятный почерк. Ладные, аккуратные буквы внезапно напомнили ему почерк его первой учительницы, слова, выведенные мелом на школьной доске. Еще удивительнее, впрочем, было то, что послание было написано перьевой ручкой, красными чернилами. У дедушки Гурни были красные чернила. Маленькие флакончики синих, зеленых и красных чернил. Он плохо помнил дедушку, но отлично помнил эти флакончики. Продают ли до сих пор красные чернила для перьевых ручек?

Гурни прочитал записку, нахмурившись, затем прочитал еще раз. Не было ни приветствия, ни подписи.

Ты веришь в Судьбу? Я верю. Вероятность того, что я встречу тебя снова, была ничтожна — но встреча случилась. Воспоминания накрыли меня: как ты говоришь, как двигаешься и, главным образом, как ты мыслишь. Если бы кто-то попросил тебя загадать число, я даже знаю, какое число ты загадал бы. Не веришь мне? Я докажу. Загадай число от одного до тысячи.

Любое, первое, какое придет на ум.

Представь его себе.

А теперь взгляни, как хорошо мне известны все твои

секреты. Открой маленький конверт.

Гурни неопределенно хмыкнул и взглянул на Меллери, который не сводил с него взгляда, пока тот читал.

— Ты не знаешь, кто мог тебе это прислать?

— Понятия не имею.

— А подозреваешь кого-нибудь?

— Нет.

— Хмм. Ты повелся на это?

— Повелся ли я? — Было ясно, что Меллери не думал об этом в таком ключе. — То есть если ты спрашиваешь, загадал ли я число, то да. В такой ситуации трудно было поступить иначе.

— И ты загадал число?

— Да.

— И?..

Меллери прочистил горло.

— Я загадал число 658. — Он повторил, разбивая число на цифры: — Шесть-пять-восемь, — как будто это могло навести Гурни на какую-то идею. Когда этого не произошло, он нервно вздохнул и продолжил: — Цифра 658 ничего особенного для меня не значит. Это просто первое, что мне пришло на ум. Я перекопал свою память, пытаюсь вспомнить что-нибудь, с чем она могла бы ассоциироваться, почему она могла бы оказаться неслучайной, но тщетно. Это просто цифра, которая пришла мне в голову, — очень серьезно повторил он.

Гурни взглянул на него с растущим интересом:

— И что же оказалось в маленьком конверте?..

Меллери протянул ему маленький конверт, приложенный к записке, и внимательно наблюдал за тем, как Гурни открывает его, извлекает листок размером с половину первого и читает строчки, написанные все тем же опрятным почерком и красными чернилами:

Ты удивлен: откуда я знаю, что ты загадал цифру 658?

Кто может знать тебя настолько хорошо? Хочешь получить ответ?

Тогда сперва ты должен мне вернуть \$289.87, которые были истрачены на то, чтобы найти тебя. Пришли эту сумму по адресу: а/я 49449, Вичерли, штат Коннектикут, 61010.

Пусть это будут наличные или личный чек на имя Х. Арибда (раньше меня звали иначе).

Перечитав записку, Гурни спросил, отправил ли Меллери ответ.
— Да. Я отправил чек ровно на указанную сумму.
— Зачем?
— В каком смысле?
— Это не маленькая сумма. Почему ты решил заплатить?
— Потому что меня это мучило. Число! Откуда он мог его знать?
— Чек обналичили?
— Кстати, нет, — сказал Меллери. — Я каждый день проверяю. Именно поэтому я отправил чек, а не наличные. Думал, может, удастся что-нибудь узнать про этого Арибду — хотя бы где он обналичивает чеки. Вся эта история меня ужасно вывела из себя.
— Что именно вывело тебя из себя?
— Чертово число, конечно! — воскликнул Меллери. — Откуда он мог что-то такое знать?
— Хороший вопрос, — кивнул Гурни. — А почему ты считаешь, что это «он»?
— В смысле? А, понял. Ну, я подумал... Даже не знаю, просто пришло на ум. Почему-то «Х. Арибда» показалось мне мужским именем.
— Х. Арибда — странное имя, — заметил Гурни. — Оно что-нибудь тебе говорит?
— Ничего.
Гурни это имя тоже ничего не говорило, однако показалось каким-то... не то чтобы знакомым, но и не вполне случайным. Видимо, ответ следовало искать в закромах подсознания.
— После того, как ты отправил чек, с тобой связывались?
— О да, — ответил Меллери, снова заглядывая в портфель и доставая еще два листа. — Я получил вот это дней десять назад, а это — на следующий день после того, как написал тебе письмо с просьбой о встрече. — Он протянул Гурни записки с видом ребенка, показывающего отцу синяки.
Обе были написаны тем же почерком и теми же чернилами, что и предыдущие два послания, но на этот раз они были в стихах.
В первом было восемь строк:

*На острие булавки
Ты ангелов сочти;
Потом на дне бутылки
Ты истину найди.
Ведь знаешь, как бывает:*

*Стакан — и вдруг стреляет.
Подумай, покопайся,
А вспомнишь — так покайся.*^[1]

Восемь строк следующей записки были настолько же загадочны и зловещи:

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.
Знаю, что ты слышишь,
Знаю, как ты дышишь,
Где бывал,
Что видал.
Шесть-пять-восемь,
В гости просим.*

В течение следующих десяти минут, по мере того, как Гурни вновь и вновь перечитывал каждую записку, его лицо становилось все мрачнее, а беспокойство Меллери — заметнее.

— Так что ты думаешь? — наконец спросил Меллери.

— Что у тебя умный враг.

— Я имею в виду, насчет цифры.

— А что насчет цифры?

— Откуда он знал, какое число придет мне на ум?

— Я бы сказал, что он не мог этого знать.

— Не мог, но знал! То есть в этом все дело, понимаешь? Он не мог знать, но знал! Невозможно было угадать, что я загадаю цифру 658, но он не только угадал, он знал это как минимум за два дня до того, как я сам узнал, когда он отправлял мне чертово письмо!

Меллери внезапно вскочил из кресла и начал ходить взад-вперед по траве перед домом, нервно приглаживая волосы.

— Научного способа угадать такое не существует. Такого способа вообще не существует. Понимаешь, какой дурдом?

Гурни в задумчивости почесал подбородок.

— Есть простой философский принцип, который я считаю стопроцентно достоверным. Если что-то произошло, значит, для этого существует способ. У этой истории с цифрой наверняка есть простая

отгадка.

— Но...

Гурни поднял руку жестом дорожного полицейского, которым был в первые полгода своей работы в управлении.

— Марк, сядь. Расслабься. Я думаю, мы разберемся.

Глава 5

Неприятные предположения

Мадлен принесла на террасу два холодных чая и вернулась в дом. Воздух был наполнен запахом прогретой травы. Птичья стайка приземлилась на кормушку. Солнце, краски и запахи осени окутывали и кружили голову, но Меллери ничего не замечал, погрузившись в свои раздумья.

Потягивая чай, Гурни пытался оценить мотивы и искренность своего гостя. Он знал, что скоропалительные выводы о человеке приводят к ошибкам, но воспринимал это как игру и редко мог удержаться. Он знал: главное — помнить о ненадежности таких выводов и быть готовым их переосмыслить, как только появится новая информация.

Нутром он чувствовал, что Меллери — фальшивка, опытный притворщик, отчасти сам поверивший в свое притворство. К примеру, у него еще в колледже был акцент, но это был акцент из ниоткуда, из воображаемой утонченной культурной среды. Очевидно, он уже давно не изображал этот акцент специально, он действительно с ним сжился, но под его корнями не было почвы. Дорогая стрижка, ухоженная кожа, безупречные зубы, подтянутое тело и маникюр делали его похожим на какого-нибудь популярного телепроповедника.

Всем своим видом он старался показать: все в этой жизни, все, о чем мечтают простые смертные, дается ему без особых усилий. Гурни вдруг понял, что все это было уже тогда, двадцать с лишним лет назад. Просто теперь Марк Меллери стал утрированным вариантом себя самого.

— Ты не думал обратиться в полицию? — спросил Гурни.

— Я решил, что это бессмысленно. Они бы ничего не сделали. Сам подумай, ну что они могут? Прямой угрозы нет, все можно как-то объяснить, преступлением не пахнет. Мне не с чем было к ним прийти. Ну прислали мне пару неприятных стишков. Может, их написал какой-нибудь подросток с дурацким чувством юмора. Следовательно, полиция бы мне не помогла, они, скорее всего, восприняли бы это как шутку — и зачем в таком случае тратить на них время?

Гурни кивнул, но доводы показались ему неубедительными.

— Кроме того, — продолжил Меллери, — я как представляю себе — начинается расследование, полиция заявляется в институт, пристаёт к нашим нынешним и бывшим гостям с вопросами — а гости у нас зачастую

люди нервные... Стали бы совать нос куда не следует, развели бы жуткий бардак... Так и вижу заголовки в газетах в духе «НЕИЗВЕСТНЫЕ УГРОЖАЮТ АВТОРУ ДУХОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» — и все, пошло-поехало... — Меллери покачал головой, как будто слов не хватало описать тот вред, который способно принести вмешательство полиции.

Гурни посмотрел на него с недоумением.

— Что-то не так? — спросил Меллери.

— Твои причины не обращаться в полицию одна другой противоречат.

— Каким образом?

— Ты не пошел в полицию, потому что боялся, что они не сделают ничего. Ты также не пошел в полицию, потому что боялся, что они сделают что-то не то.

— Ах да. Но верно и то и другое. В обоих случаях я боюсь некомпетентного подхода. Можно ничего не делать, а можно действовать как слон в посудной лавке. Некомпетентное бездействие или некомпетентная агрессия — теперь понимаешь, о чем я?

У Гурни было ощущение, что перед ним только что споткнулись и попытались выдать это за пируэт. Что-то тут не сходилось. Его опыт говорил, что если высказывают две разные причины какого-либо решения, значит, существует третья — истинная — причина, о которой умалчивают.

Как будто уловив сомнения Гурни, Меллери внезапно сказал:

— Мне надо быть с тобой честным до конца, говорить более откровенно. Ты, конечно, не сможешь мне помочь, если у тебя не будет полной картины происходящего. Понимаешь, сорок семь лет я живу двумя разными жизнями. Первые две трети своего жизненного пути я шел неверной дорогой, стремительно ведущей куда не надо. Все началось в колледже, а после колледжа усугубилось. Я стал больше пить и превратил свою жизнь в бардак. Я продавал наркотики богатым клиентам и заводил с ними дружбу. Один такой клиент настолько впечатлился моей способностью красноречиво всучивать людям дерьмо, что устроил меня работать на Уолл-стрит — и я впаривал бессмысленные биржевые сделки по телефону всяким жадным идиотам, которые верили, что за три месяца можно удвоить их вклад. У меня отлично получалось, и я стал очень неплохо зарабатывать, а уж эти деньги вымостили мне дорогу к полному безумию. Я делал все, что мне вздумается, и практически ничего из того времени не помню, потому что почти всегда был мертвецки пьян. Я угробил десять лет ради обогащения выводка ловких, бессовестных воругов. Потом умерла моя жена. Ты вряд ли об этом знаешь, но я женился на следующем году после окончания колледжа.

Меллери потянулся за стаканом, сделал глоток и задумался, как будто этот глоток пробудил в нем какую-то новую мысль. Когда стакан был наполовину пуст, он поставил его на ручку кресла, секунду посмотрел на него, затем продолжил:

— Ее смерть меня потрясла. Она повлияла на меня сильнее, чем все, что произошло за пятнадцать лет нашего брака. Честно говоря, жизнь моей жены стала для меня что-то значить, только когда она умерла.

Гурни показалось, что эта аккуратная ирония и последовавшая пауза были хорошо отрепетированы.

— От чего она умерла?

— Это описано в моей первой книге, но я вкратце тебе перескажу. Мы поехали в отпуск на полуостров Олимпик. И вот как-то вечером сидим мы на пустынном пляже, смотрим на закат. Эрин решила искупаться. Обычно она отплывала метров на тридцать и плавала взад-вперед вдоль берега. Она вообще любила всякого рода зарядку.

Он помолчал, прикрыв глаза.

— Тем вечером было то же самое?

— В каком смысле?

— Ты сказал, что обычно она так плавала.

— А, ну да. Да, в тот вечер все было как обычно. По правде говоря, я точно не помню, потому что был пьян. Эрин зашла в воду, а я остался на берегу с бутылкой мартини. — Уголок его глаза нервно дернулся. — Она утонула. Те, кто нашли ее тело недалеко от берега, также нашли меня, валявшегося в пьяном беспамятстве.

Снова выдержав паузу, он слегка натужно продолжил:

— Видимо, у нее свело ногу... или что-то в этом роде... но в любом случае она наверняка звала меня на помощь... — Он замолчал, зажмурился и потер дергающийся глаз. Когда он снова открыл глаза, он оглянулся, как будто впервые увидел, где находится.

— У тебя здесь очень красиво, — сказал он с грустной улыбкой.

— Ты сказал, что ее смерть сильно на тебя повлияла?

— Очень сильно.

— Сразу или потом?

— Сразу. Это звучит банально, но у меня действительно случилось прозрение. Оно было болезненнее и живее всего, что я когда-либо испытывал. Я впервые в жизни осознал, как я живу и насколько разрушительным было все, что я делал. Не хочу сравнивать себя со святым Павлом, которого настигло озарение по дороге в Дамаск, но это был момент, когда я твердо решил жить по-другому. — Последние слова он

произнес с убийственной убедительностью и явно не в первый раз.

Гурни подумал, что Меллери мог бы вести семинары по Убийственной Убедительности.

— Для начала я сдался в реабилитационный центр для алкоголиков. После курса детоксикации я пошел к психотерапевту, чтобы убедиться, что я действительно нашел истину, а не сошел с ума. Терапевт меня поддержал. Я снова отправился учиться и получил два дополнительных образования — по психологии и по психологическому консультированию. Моим сокурсником оказался один пастор из унитарийанской церкви, и он предложил мне поговорить о моем «обращении», как он это назвал. Мы хорошо пообщались. В результате я стал читать лекции в разных унитарийанских церквях, и из этих лекций сложилась моя первая книга. По ней сняли трехсерийный фильм для канала «Пи-Би-Эс», а потом выпустили его на кассетах. Такого рода событий произошло множество — череда случайностей как будто вела меня от одной удачи к другой. Меня пригласили провести несколько частных семинаров для знаменитых и сказочно богатых людей. В итоге я основал Институт духовного обновления. Те, кто ко мне приходит, в восторге от того, чему я учу. Понимаю, что это звучит как бахвальство, но это правда. Некоторые из года в год возвращаются послушать одни и те же лекции и пройти через те же духовные практики. Мне трудно это произнести — слишком претенциозно выходит, — но из-за смерти Эрин я заново родился и зажил удивительной жизнью.

Его глаза бегали без остановки, как будто рассматривая какой-то ему одному видимый ландшафт.

Мадлен пришла забрать их пустые стаканы и спросила, хотят ли они добавки. Они отказались. Меллери снова сказал, что у них дома очень красиво.

— Ты сказал, что хочешь быть со мной откровенным до конца, — напомнил Гурни.

— Да. Речь о времени, когда я пил. Я был запойным алкоголиком, с провалами в памяти. Некоторые провалы были длиной в пару часов, а некоторые дольше. Под конец провалы стали случаться всякий раз, как я напивался. А это уйма времени и уйма поступков, о которых я ничего не помню. Будучи пьян, я водил компанию с кем попало и не задумывался о том, что творю. Честно говоря, упоминание алкоголизма в этих гнусных записочках меня сильнее всего расстраивает. Последние несколько дней я только и делаю, что расстраиваюсь или ужасаюсь.

Гурни, невзирая на скептический настрой, уловил в голосе Меллери

нотки искренности.

— Расскажи поподробнее, — попросил он.

За следующие полчаса стало ясно, что Меллери больше ничего не может или не хочет рассказать. Он вернулся к тому, что его мучило.

— Боже мой, но все-таки как он мог знать, какое число я загадаю? Я перебрал в памяти всех, с кем был знаком, все места, где я бывал, все адреса, почтовые индексы, телефоны, даты, дни рожденья, номерные знаки машин, даже стоимость некоторых покупок — и ничто даже отдаленно не связано с цифрой 658. Это сводит меня с ума!

— Может быть, имеет смысл сейчас сосредоточиться на вопросах попроще. К примеру...

Но Меллери не слушал.

— Мне кажется, что 658 вообще ни с чем не связано. Но что-то оно, видно, означает. И кому-то это значение известно. Кто-то в курсе, что 658 — настолько значимое число, что оно первым придет мне на ум. Это в голове не укладывается. Это какой-то кошмар!

Гурни сидел молча и ждал, когда Меллери сам успокоится.

— Упоминание алкоголя означает, что автор записки — кто-то, знавший меня в недобрые старые времена. И похоже, что у него на меня зуб, причем давно. Наверное, он потерял мой след, а потом увидел мою книгу, что-нибудь почитал обо мне и решил... что он решил? Я даже толком не понимаю, о чем эти записки.

Гурни продолжал молчать.

— Знаешь, каково это — сто, а то и двести дней твоей жизни, о которых ты напрочь ничего не помнишь? — Меллери покачал головой, будто не веря себе, что такое могло приключиться. — Единственное, что я знаю про такие дни, — это что я был в том состоянии, в котором человек способен на что угодно. Когда пьешь столько, сколько я пил тогда, о последствиях не заботишься. Твой рассудок отключается, как и твоя память, и тебя несет — ты ведом сиюминутными импульсами, инстинктом, не ведающим преград... — Он замолк и снова покачал головой.

— А что, по-твоему, ты мог совершить в момент такого затмения?

Меллери уставился на него:

— Да что угодно! Господи, в том-то и дело, я мог натворить что угодно!

У Меллери был вид человека, только что обнаружившего, что тропический рай его грез, в который он вложил все свое состояние, населен скорпионами.

— Так чего же ты хочешь от меня?

— Не знаю. Может быть, я надеялся на твою дедукцию. Что ты разгадаешь ребус, разоблачишь автора записок и придешь к выводу, что дело яйца выеденного не стоит.

— Тебе должно быть виднее, в чем тут дело.

Меллери покачал головой. Затем снова взглянул на Гурни, с внезапной надеждой:

— Может, это все просто шутка?

— Если так, то уж больно она жестокая, — ответил Гурни. — Какие у тебя еще предположения?

— Шантаж? Например, автор знает про меня что-то ужасное, чего я сам не помню? И просьба выслать \$289.87 — это только начало?

Гурни кивнул:

— А еще?

— Месть? За что-нибудь, что я натворил, но автор хочет не денег, а... — Его голос многозначительно оборвался.

— Но ты ничего конкретного не помнишь, за что кто-то мог бы на тебя так озлобиться?

— Нет. Я же говорю. Я ничего не помню.

— Хорошо, я тебе верю. Но нынешние обстоятельства таковы, что нелишне было бы ответить на несколько простых вопросов. Записывай, дома подумаешь день, посмотрим, что вылезет на поверхность.

Меллери открыл свой элегантный портфель и достал небольшой кожаный блокнот и ручку «Монблан».

— Составь несколько списков, как можно более подробных. Первый список: возможные враги, связанные с работой, — люди, с которыми ты когда-либо конфликтовал из-за денег, контрактов, обязательств, субординации, деловой репутации. Второй список: нерешенные личные конфликты — бывшие друзья, бывшие любовницы — словом, те, с кем у тебя не сложились отношения. Третий список: непосредственные враги — те, кто тебя в чем-то напрямую обвинял или угрожал тебе. Четвертый список: психи — неуравновешенные или спятившие люди, с которыми тебе приходилось общаться. Пятый список: персонажи из прошлого, с которыми ты недавно вновь столкнулся, — даже если эта встреча показалась тебе совершенно незначительной и невинной. Шестой список: любые связи, какие у тебя могут быть с Вичерли, поскольку там находится ящик Х. Арибды и там проштампованы все его марки.

Меллери записывал, но качал головой, как будто отрицая возможность вспомнить хоть какие-то имена по таким спискам.

— Я понимаю, что это кажется очень сложным, — терпеливо объяснил

Гурни, — но это нужно сделать. А записки оставь пока у меня, я их еще поизучаю. Но учти, частными расследованиями я не занимаюсь, и есть шанс, что я не смогу тебе помочь.

Меллери уставился на свои руки.

— А кроме этих списков я могу что-нибудь сделать?

— Хороший вопрос. У тебя есть какие-то идеи?

— Ну... например, может быть, с твоей помощью я мог бы что-то узнать про этого мистера Арибду из Вичерли, раздобыть какую-нибудь информацию про него.

— Если ты имеешь в виду что-то большее, чем номер ящика, почтовое отделение тебе этого ни за что не сообщит. А вмешательства полиции ты не хочешь. Можешь, конечно, поискать в интернете, но раз имя, скорее всего, вымышленное, ничего особо не найдешь. — Гурни задумался. — Странная история с чеком, не правда ли?

— Ты про сумму?

— Я про то, что его не обналичили. Зачем указывать такие подробности — сумма с точностью до цента, имя получателя, — если не собираешься обналичивать чек?

— Ну, если Арибда — это не настоящая фамилия и у него нет документов с этим именем...

— Тогда зачем вообще предлагать возможность прислать чек? Почему не потребовать наличные?

Меллери шарил взглядом по земле перед собой, как человек, боящийся наступить на мину.

— Может быть, ему просто нужно было увидеть мою подпись.

— Да, я об этом думал, — ответил Гурни, — но тут возникают еще две загадки. Во-первых, он оставлял за тобой возможность расплатиться наличными. Во-вторых, если целью было получить чек с подписью, то отчего бы не попросить сумму поменьше? Двадцать или хотя бы пятьдесят долларов. Разве это не сделало бы твой ответ более вероятным?

— Может быть, Арибда не слишком умен.

— Отчего-то мне кажется, что дело не в этом.

У Меллери был такой вид, словно в каждой его клетке усталость яростно борется с беспокойством и их силы равны.

— Как ты думаешь, мне что-то угрожает?

Гурни пожал плечами:

— Большинство таких писем — дурацкие шутки, их действие ограничивается самим посланием. Но все-таки...

— Это не совсем обычные записки, да?

— Мне так кажется.

Меллери судорожно сглотнул.

— Понятно. Значит, ты их еще поизучаешь?

— Да. А ты займись списками.

— Это ничего не даст, но я, конечно, попытаюсь.

Глава 6

Кровь как роза красная

Поскольку приглашения остаться на обед не последовало, Меллери нехотя уехал на своем педантично отреставрированном дымчато-голубом «Остин-Хили» — классическом кабриолете. Это была идеальная машина для поездки в идеальный погожий день, но Меллери, погруженный в свои переживания, едва ли мог это оценить.

Гурни вернулся в свое садовое кресло и сидел там почти час в надежде, что путаница фактов сама собой начнет складываться в какую-то схему, какую-то понятную последовательность. Но единственное, что он понял за этот час, — это что он голоден. Он встал, пошел в дом, сделал бутерброд с сыром и консервированным перцем и перекусил в одиночестве. Мадлен нигде не было видно, и он попытался вспомнить, не говорила ли она ему, что куда-то собирается. Позже, споласкивая тарелку, он выглянул в окно и увидел ее: она шла с сумкой яблок из сада. Как обычно, когда она была на природе, ее лицо сияло спокойствием.

Она зашла на кухню и высыпала яблоки в раковину с громким счастливым вздохом.

— Господи, какая погода! — воскликнула она. — В такой день находиться в помещении лишнюю минуту — настоящее святотатство.

Не то чтобы он с ней был не согласен. Он был не против прогулок в хорошую погоду. Но его всегда тянуло внутрь — так уж он был устроен. Он проводил больше времени в размышлениях о том или ином действии, нежели в самом действии; он жил скорее в собственной голове, нежели в мире. Когда речь шла о его профессии, то проблемы в этом не было. Даже напротив — вероятно, именно это делало его профессионалом.

Как бы там ни было, ему совсем не хотелось выходить из дома или обсуждать эту возможность, а уж тем более спорить и чувствовать себя виноватым. Поэтому он предпочел сменить тему:

— Как тебе Марк Меллери?

Она ответила сразу, не поднимая взгляда от яблок, которые выкладывала из сумки на столешницу.

— Крайне самовлюбленный тип. Напуган до смерти. Эгоцентрик с комплексом неполноценности. Бойтся, что вот-вот придет серенький волчок. Одна надежда — на доброго дядю Дэвида. Я, кстати, не специально подслушивала. У него ужасно громкий и четкий голос. Наверняка он

одаренный оратор. — В ее устах это прозвучало как сомнительное достоинство.

— А что ты думаешь про историю с цифрами?

— О да, — произнесла она с наигранным пафосом. — Преследователь, Читающий Мысли.

Он подавил в себе раздражение.

— У тебя есть какая-нибудь идея, откуда автор записок мог знать, какое число Меллери загадает?

— Нет.

— Но тебе как будто даже неинтересно.

— Зато тебе интересно.

Она не сводила глаз со своих яблок. В уголке рта у нее мелькнула легкая усмешка, уже не в первый раз за эти несколько дней.

— Но ты должна признать, что это непростая загадка, — настаивал он.

— Да, пожалуй.

Он повторил основные факты с упрямством человека, который не может поверить, что его не понимают.

— Человек присылает тебе запечатанный конверт и говорит загадать число. Ты загадываешь 658. Тебе предлагается заглянуть в конверт. В записке внутри написано «658».

Было очевидно, что Мадлен это не впечатляет. Тогда он продолжил:

— Это само по себе поразительно. Казалось бы, это невозможно. Однако факт налицо. Я хочу понять, что за этим стоит.

— А я не сомневаюсь, что ты поймешь, — ответила она, вздохнув.

Он посмотрел на сад сквозь стеклянные двери, скользнул взглядом по побитым первым морозом помидорам и перцам — когда только успел ударить мороз? Он не помнил. Редко замечал, какое время года на дворе. Вдали, за садом, за лугом, стоял красный амбар. На углу росла яблоня. Ее плоды яркими импрессионистскими мазками проступали из гущи листвы. Идиллию разрушало саднящее ощущение, что он что-то забыл сделать. Но что? Ну конечно! Неделю назад он обещал достать стремянку из амбара и снять яблоки с верхних веток, куда Мадлен не могла дотянуться. Такая мелочь. Он с такой легкостью мог с этим справиться. Дело на полчаса, не больше.

Он поднялся, движимый благими намерениями, но тут зазвонил телефон. Мадлен подошла, как будто потому что находилась ближе к нему, — но на самом деле она всегда подходила к телефону первой, даже если Гурни стоял ближе. Дело было не в расстоянии до телефона, а скорее в их отношении к людям. Для Мадлен люди в целом были чем-то

положительным (за исключением редких недоразумений вроде Сони Рейнольдс). Для Гурни общение, как правило, означало напрасную трату энергии (кроме редких счастливых исключений вроде Сони Рейнольдс).

— Да? — произнесла Мадлен дружелюбным голосом, которым обращалась ко всем звонившим, обещая искренний интерес, что бы на том конце ни собирались сказать. Еще секунда — и голос ее заметно утратил дружелюбие.

— Да, он дома. Минутку. — Она помахала трубкой Гурни, положила ее на стол и вышла из комнаты.

Звонил Марк Меллери, и он был взволнован пуще прежнего.

— Дэйв, как хорошо, что ты дома! Я только что приехал. Мне прислали еще одно чертово письмо.

— С сегодняшней почтой?

Он ответил «да», как Гурни и предполагал. За годы разговоров с людьми, бывшими в истерике — на месте преступления, в приемной скорой помощи, в любой сумятице и неразберихе, — он открыл верный способ успокоить собеседника. Нужно задать ему несколько простых вопросов, на которые он может ответить «да».

— Почерк тот же?

— Да.

— И те же красные чернила?

— Все то же самое, кроме текста. Я зачитаю тебе?

— Давай, — сказал он. — Читай медленно и говори, где кончается строка.

Четкие слова, четкие инструкции и голос Гурни возымели предсказуемое действие. Меллери заговорил так, будто вновь ощутил землю под ногами, и зачитал странный стишок:

*Я делаю, что сделал
За совесть и за страх,
Чтоб месть не охладела,
Не обратилась в прах,
Чтоб кровь, как роза красная,
Цвела в саду моем.
Явился не напрасно я —
Предстанешь пред судом.*

Набросав текст в блокноте, лежавшем у телефона, Гурни аккуратно

все перечитал, чтобы попытаться представить себе автора — загадочного персонажа, одержимого мстью и страстью к стихотворной форме.

Меллери не выдержал:

— Что ты думаешь?

— Я думаю, что, возможно, тебе пора позвонить в полицию.

— Я не хочу. — Он снова заволновался. — Я тебе уже объяснял...

— Знаю. Но это лучший совет, какой я могу тебе дать.

— Я все понимаю. Но неужели нет каких-то еще вариантов?..

— Лучший вариант, если у тебя хватит на него денег, это нанять круглосуточных телохранителей.

— То есть ходить повсюду в компании двух амбалов? И как я это объясню своим гостям?

— Не обязательно, чтобы это были амбалы.

— Послушай, дело в том, что я не обманываю своих гостей. Если кто-нибудь спросит, кто это ходит за мной, мне придется признаться, что это телохранители, а это неминуемо приведет к новым вопросам. Это будет отравлять атмосферу, которую я пытаюсь здесь создать. Неужели ты больше ничего не можешь предложить?

— Смотря какого эффекта ты хочешь добиться.

Меллери горько усмехнулся:

— Может быть, ты сумеешь узнать, кто ко мне прицепился и чего он от меня хочет, а затем не дать ему этого добиться? Как думаешь?

Гурни собирался ответить, что не может дать однозначного ответа, но Меллери продолжил:

— Дэйв, ради бога, я перепуган до полусмерти. Я понятия не имею, что происходит. Умнее тебя я никого не знаю и тем более не знаю никого, кто не ухудшил бы ситуацию, узнав о ней.

В этот момент по кухне прошла Мадлен с вязанием в руках. Она подняла со столешницы соломенную шляпу и журнал «Твой сад» и вышла сквозь французские двери, улыбнувшись синему небу.

— Насколько я смогу тебе помочь, зависит от того, насколько ты сможешь помочь мне, — сказал Гурни.

— Что я должен сделать?

— Мы об этом уже говорили.

— О чем? Ах да, списки...

— Когда что-нибудь напишешь, перезвони мне, и мы продолжим.

— Дэйв...

— Да?

— Спасибо тебе.

— Я пока ничего не сделал.

— Ты дал мне надежду. Да, кстати, я очень осторожно открыл сегодняшний конверт. Как по телевизору показывают — чтобы сохранить отпечатки пальцев, если они там есть. Я надел резиновые перчатки, взял пинцет и переложил письмо в полиэтиленовый пакет.

Глава 7

Черная дыра

Гурни сам был не рад, что согласился помочь Марку Меллери. Загадка этой истории, без сомнения, притягивала его; ему хотелось ее разгадать. Тогда отчего же он чувствовал себя так паршиво?

Он подумал, что надо бы сходить в амбар и достать стремянку, чтобы собрать яблоки, но тут же вспомнил, что надо готовить следующий проект для Сони Рейнольдс — хотя бы открыть в программе портрет печально известного Питера Пиггерта. Он предвкушал, как ему удастся запечатлеть внутренний мир этого бойскаута, убившего своего отца, а пятнадцать лет спустя и мать, причем совершившего эти убийства на сексуальной почве, еще более отталкивающей, чем сами убийства.

Гурни поднялся в комнату, в которой работал над фотографиями преступников. Раньше здесь была кладовая, теперь переоборудованная под кабинет с окном. Он посмотрел на открывшийся ему пасторальный вид. Кленовая роща обрамляла уходящие вдаль голубоватые холмы. Он снова вспомнил о яблоках и вернулся на кухню.

Он стоял и пытался собраться с мыслями, когда Мадлен вернулась с вязанием.

— Ну что, какой следующий шаг по делу Меллери? — спросила она.

— Я еще не решил.

— Как же так?

— Ну... ты же не хочешь, чтобы я впутывался в это дело, верно?

— Проблема не в этом, — сказала она с уверенностью, которая всегда его поражала.

— Ты права, — кивнул он. — Проблема в том, что в уравнении слишком много неизвестных.

Она понимающе кивнула. Он продолжил:

— Я больше не расследую убийства, а он не является в полном смысле жертвой. Непонятно, каковы наши роли относительно друг друга.

— Приятели по колледжу?

— Черта с два. Он вспоминает какую-то дружбу, которой между нами никогда не было. Кроме того, ему сейчас нужен не приятель, а спаситель.

— Он думает, это ты и есть.

— Тогда он ошибается.

— Ты уверен?

Он вздохнул:

— Ты хочешь, чтобы я занимался этим делом или нет?

— Ты им уже занимаешься. Возможно, ты еще не разобрался толком, что к чему, и ты больше не полицейский, а он не жертва преступления. Но имеет место загадка, которую рано или поздно ты начнешь разгадывать. Потому что так оно всегда и происходит, разве нет?

— Это что, обвинение? Ты сама вышла за детектива. Я не выдавал себя за кого-то другого.

— Я надеялась, что есть разница между детективом и бывшим детективом.

— Я уже год как в отставке. Разве хоть что-то из того, что я делаю, связано с моей бывшей работой?

Она покачала головой, как бы имея в виду, что ответ слишком очевиден.

— Что из того, что ты делаешь, не связано с твоей бывшей работой?

— Не понимаю, о чем ты.

— Что, все подряд создают портреты убийц?

— Это просто тема, в которой я разбираюсь. Ты бы предпочла, чтобы я ромашки рисовал?

— Ромашки уж точно лучше, чем маньяки и извращенцы.

— Ты сама меня в это дело втянула.

— Ага, то есть это я виновата, что ты проводишь каждое божественное осеннее утро, уставившись в глаза серийных убийц?

Заколка у нее в волосах немного сбилась, и несколько темных прядей спадало ей на глаза, но она как будто этого не замечала. У нее редко бывал такой незащищенный, растрепанный вид; в этом было что-то трогательное.

Он вздохнул:

— О чем мы сейчас спорим?

— Вот ты мне и скажи. Ты же у нас детектив.

Он посмотрел на нее снова, и желание продолжать спор отступило.

— Хочу тебе кое-что показать, — сказал он. — Сейчас вернусь.

Он вышел из комнаты и вернулся минуту спустя с записанным на слух стишком, который Меллери зачитал ему по телефону.

— Что скажешь?

Она так быстро скользнула взглядом по бумаге, что если ее не знать, можно было подумать: она вовсе ничего не прочла.

— Дело серьезное, — кивнула она, возвращая ему листок.

— Мне тоже так кажется.

— Как ты думаешь, что он натворил?

— Хороший вопрос. Ты обратила внимание на формулировку?
Она наизусть прочитала строчки:

— *Я делаю, что сделал
За совесть и за страх.*

«Если у Мадлен и не фотографическая память, — думал Гурни, — то явно что-то похожее».

Она продолжила рассуждать:

— Итак: что именно он уже *сделал* и что *собирается делать* дальше? Это ты наверняка выяснишь. Может, тебе даже придется расследовать очередное убийство, если я правильно понимаю тон этого послания. В таком случае останется опросить свидетелей, пойти по следу, поймать убийцу, сделать его портрет и повесить в галерее у Сони. Как там в поговорке: раз уж есть лимоны, делай лимонад?

Ее улыбка не предвещала ничего хорошего.

В такие моменты он задумывался, хотя меньше всего хотел об этом задумываться: не было ли огромной ошибкой переезжать в Делавер?

Он подозревал, что пошел на поводу у ее желания перебраться поближе к природе в качестве компенсации за все неудобства, которые ей приходилось терпеть как жене полицейского, вечно живущей в тени его работы. Она любила леса, горы, большие пространства, и он считал, что должен устроить ей новую жизнь, которой она заслуживает, а сам может приспособиться к любым условиям. Это была самонадеянность. Или самообман. А может, просто желание разом, таким вот широким жестом избавиться от чувства вины... Глупость, конечно. Правда заключалась в том, что он так и не свыкся с переездом. Он наивно считал себя гораздо более гибким. Пытаясь найти себе применение в новой реальности, он постоянно возвращался к тому, что хорошо умел прежде, до нее, — потому что умел это слишком хорошо. Он подходил ко всему новому со старой закалкой. Даже к природе. К наблюдению за птицами. Процесс беззаботного созерцания он превратил в слежку. Он записывал время, когда они прилетали и улетали, записывал их повадки, особенности полетов. Со стороны это могло показаться полноценным новым увлечением, но — увы. Это его не увлекало. Он всего лишь привычно анализировал то, что видел.

Чтобы затем привычно расшифровать.

Господи, неужели он был настолько ограниченным человеком?

Быть может, слишком ограниченным, чтобы возместить Мадлен то,

чего она была лишена из-за его увлеченности работой? Он понимал, что предстояло возместить не только это — еще многое.

Или только одно.

То, о чем они так редко говорили.

Это было их пропавшее счастье.

Черная дыра, навсегда изменившая их отношения.

Глава 8

Молот и наковальня

Тем вечером погода испортилась. Облака, которые с утра были похожи на невинных кудрявых овечек, потемнели. Издалека доносились раскаты грома — было невозможно понять, с какой стороны идет звук. Казалось, что гром — просто незримое присутствие в воздухе, а не знак надвигающейся бури. Это ощущение крепло по мере того, как проходили часы, а раскаты не приближались и не прекращались.

Мадлен тем вечером отправилась на концерт с какими-то новыми друзьями из Уолнат-Кроссинг. Она не предполагала, что Гурни захочет с ней пойти, поэтому он не чувствовал себя виноватым, оставшись дома работать над очередными фотографиями.

Стоило ей уехать, как он обнаружил, что уже сидит перед монитором, уставясь на портрет Питера Поссума Пиггерта. Пока он успел только открыть фотографию и сохранить ее как новый проект с остроумным названием «Конец Эдипа».

По версии Софокла, Эдип убил человека, оказавшегося его отцом, и женился на женщине, оказавшейся его матерью. Вместе они произвели на свет двух дочерей, отчего на всех обрушились страшные несчастья. Фрейд полагал, что эта история символически отражает период развития психики мальчика, когда он мечтает об исчезновении или смерти своего отца, чтобы безраздельно завладеть вниманием матери. В случае с Питером Поссумом Пиггертом, впрочем, речь не шла о каком-то роковом незнании или о символизме происходящего. Отлично понимая, что он делает, Питер в пятнадцать лет убил своего отца и начал жить со своей матерью, которая родила ему двух дочерей. Но история на этом не закончилась. Пятнадцать лет спустя он убил мать в споре из-за дочерей, с которыми он тоже начал жить, когда одной было тринадцать, а другой четырнадцать лет.

Когда Гурни взялся за дело, половину миссис Айрис Пиггерт как раз обнаружили в Гудзоне — она была намотана на винт дневного парома. Дело завершилось арестом Питера Пиггерта в пустыне штата Юта, в общине мормонов-традиционалистов, куда преступник сбежал, чтобы продолжить сожительство со своими дочерьми.

Невзирая на вопиющую безнравственность своих преступлений, Пиггерт оказался сдержанным, неразговорчивым персонажем, спокойно отвечавшим на допросах и похожим скорее на мрачного сантехника, чем на

убийцу родителей и совратителя дочерей.

Гурни смотрел на Пиггерта, а Пиггерт смотрел на него с экрана. Еще на первом допросе Гурни подумал, что главная черта этого человека — жажда власти. Окружавшие его люди, особенно семья, были объектами его власти, и ему было необходимо, чтобы они поступали так, как он считал нужным. Если приходилось кого-то убить, чтобы не потерять власть, — что ж, он убивал. Секс как мощная движущая сила в его случае, скорее всего, имел больше отношения к власти, чем к похоти.

Пока Гурни искал в невозмутимом лице намек на дьявольскую сущность, порыв ветра подхватил ворох сухой листвы, закружил по террасе; несколько листьев легонько ударились о стеклянные двери. Их беспокойный шорох и далекие раскаты мешали Гурни сосредоточиться. Он сначала радовался, что на несколько часов остался один и не нужно реагировать на поднятые брови и неприятные вопросы, а можно спокойно поработать над портретом. Но теперь что-то ему не давало покоя. Он смотрел в темные глаза Пиггерта. В них не было глухой ярости, как во взгляде Чарли Мэнсона, названного желтыми газетами королем секса и смерти. Снова зашуршали листья. Снова гром. В лиловом небе над холмами полыхнуло. Гурни вспомнил строчку из стихотворных угроз Меллери, которая то и дело всплывала в памяти, а теперь и вовсе привязалась.

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.*

Такой ребус было невозможно разгадать. Слова были слишком общими и значили одновременно слишком много и слишком мало, но стишок крутился в голове, и Гурни никак не мог от него избавиться.

Он открыл ящик стола и достал записки, которые Меллери ему оставил. Затем выключил компьютер и отодвинул клавиатуру, чтобы можно было разложить листки на столе в нужном порядке, начиная с первого.

Ты веришь в Судьбу? Вероятность того, что я встречу тебя снова, была ничтожна — но встреча случилась. Воспоминания накрыли меня: как ты говоришь, как двигаешься и, главным образом, как ты мыслишь. Если бы кто-то попросил тебя загадать число, я даже знаю, какое число ты загадал бы. Не веришь мне? Я докажу. Загадай число от одного до тысячи.

Любое, первое, какое придет на ум.

Представь его себе.

А теперь взгляни, как хорошо мне известны все твои секреты. Открой маленький конверт.

Он в очередной раз изучил большой конверт снаружи и внутри, а также лист бумаги, на котором была записка, чтобы убедиться, что нигде нет намека на цифру 658, чтобы Меллери мог неосознанно ее повторить, решив, что сам ее выдумал. Но ничего такого не было. Стоило исследовать вопрос поглубже, однако пока Гурни было достаточно того, что автор записки знал, какое число выберет Меллери, не потому, что сам незаметно предложил его.

Записка содержала несколько утверждений, которые Гурни выписал в отдельный блокнот:

1. Мы были знакомы в прошлом, но я потерял твой след.
2. Недавно я вновь тебя встретил.
3. Я многое о тебе помню.
4. Я могу доказать, что знаю, что ты скрываешь, запечатав в конверт бумажку с числом, которое ты случайным образом загадаешь.

Интонация записки была обескураживающе игривой, но заявление, что автор знает какие-то секреты Меллери, подкрепленное требованием денег, было похоже на угрозу.

Ты удивлен: откуда я знаю, что ты загадал цифру 658? Кто может знать тебя настолько хорошо? Хочешь получить ответ?

Тогда сперва ты должен мне вернуть \$289.87, которые были истрачены на то, чтобы найти тебя. Пришли эту сумму по адресу: а/я 49449, Вичерли, штат Коннектикут, 61010.

Пусть это будут наличные или личный чек на имя Х. Арибда (раньше меня звали иначе).

Помимо необъяснимого предсказания цифры, вторая записка вновь делала упор на личное знакомство и упоминала сумму, якобы уплаченную, чтобы найти Меллери (хотя из первой записки складывалось впечатление, что речь идет про случайную встречу), — сумму, которую следовало вернуть, чтобы автор обнаружил себя. Записка также предоставляла выбор:

заплатить наличными или чеком, и для чека упоминалось имя Х. Арибда с пояснением, почему Меллери это имя не покажется знакомым. К этому прилагался адрес абонентского ящика для отправки денег. Все эти факты Гурни записал в блокнот, потому что это помогало ему приводить мысли в порядок.

Из всего записанного следовало четыре вопроса: как можно объяснить фокус с цифрой, если исключить возможность гипноза или ясновидения? Имеет ли какой-то смысл цифра 289.87, помимо того, что она заявлена как сумма, потраченная, чтобы найти Меллери? С каким замыслом предоставлялся выбор между наличными и чеком, звучащий как дешевый рекламный ход? И почему имя «Х. Арибда» кажется Гурни смутно знакомым? Он записал эти вопросы в столбик.

Затем он разложил записки в порядке, в котором они пришли.

*На острие булавки
Ты ангелов сочти;
Потом на дне бутылки
Ты истину найди.
Ведь знаешь, как бывает:
Стакан — и вдруг стреляет.
Подумай, покопайся,
А вспомнишь — так покайся.*

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.
Знаю, что ты слышишь,
Знаю, как ты дышишь,
Где бывал,
Что видал.
Шесть-пять-восемь,
В гости просим.*

*Я делаю, что сделал
За совесть и за страх,
Чтоб месть не охладела,
Не обратилась в прах,
Чтоб кровь, как роза красная,
Цвела в саду моем.
Явился не напрасно я —*

Предстанешь пред судом.

Первое, что поразило его, это резкая смена настроения. Игривый тон первых записок в прозе стал угрожающим уже к первому стиху, откровенно зловещим ко второму и заговорил об отмщении в третьем. Если оставить в стороне вопрос, насколько велика реальная угроза, послание было таково: автор, некто Х. Арибда, говорил, что намерен поквитаться с Меллери (или даже убить его) за некий поступок, совершенный спьяну когда-то в прошлом. Записывая слово «убить» в блокноте, Гурни снова взглянул на первые строчки второго стиха:

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.*

Теперь ему стало совершенно ясно, что эти слова означали, и значение их было до ужаса простым. За жизнь, которую ты отнял, ты заплатишь собственной жизнью. С тобой сделают то, что сделал ты.

Его пробила нервная дрожь. Он не знал, явилась ли дрожь для него подтверждением правоты, или уверенность в собственной правоте вызвала дрожь, однако сомнений у него не осталось. Впрочем, это не давало ответов на остальные вопросы, а скорее порождало новые и делало поиск ответов более срочным.

Была ли угроза убийства просто угрозой или декларацией о намерениях? Что именно автор хотел сказать строчкой «Я делаю, что сделал»? Сделал ли он уже с кем-то другим то, что теперь собирался повторить с Меллери? Мог ли у Меллери быть поделщик, с которым автор уже поквитался? Гурни записал для себя напоминание спросить у Меллери о его друзьях — был ли кто-нибудь убит, подвергался ли угрозам или нападениям.

Возможно, далекие вспышки у чернеющих холмов и упрямые раскаты грома вызвали соответствующий настрой, а может быть, Гурни просто устал, но образ автора записок начал потихоньку проступать из тени. Отстраненный тон, угрозы, аккуратный почерк — он сталкивался с таким сочетанием прежде, и оно приводило к ужасным последствиям. Он смотрел в окно бывшей кладовой, чувствуя надвигающуюся бурю. Записки, со всей очевидностью, писал психопат. Психопат, называющий себя Х. Арибда.

Разумеется, оставалась возможность, что он ошибался. Не в первый

раз мимолетное настроение, особенно когда он сидел дома один вечером, создавало в нем уверенность, не подкрепленную фактами.

И все же... что такого в этом имени? Почему что-то шевелилось в закоулках памяти?

Он лег спать пораньше, задолго до возвращения Мадлен с концерта, намереваясь первым делом с утра вернуть записки Меллери и уговорить его пойти в полицию. Угроза была слишком явной. Он улегся в постели, но не смог успокоиться. В голове у него безудержно метались мысли, которым не было выхода. Это случалось не впервые — он объяснял себе, что такова цена вовлеченности, предельной концентрации на задаче. Когда размышления одолевали его в постели, у него был выбор: либо пролежать часа четыре, пока ум не выдохнется, либо встать и одеться.

Несколько минут спустя он уже стоял на патио в джинсах и старом удобном хлопковом свитере. Полная луна просвечивала сквозь тучи — амбар было видно почти как днем. Он решил пройтись в том направлении, по дороге, ведущей через луг.

За амбаром был пруд. На полпути он остановился и прислушался к звуку машины, едущей со стороны деревни где-то в километре. В этой части Катскильских гор, где ночами раздавался только вой койотов, машину можно было услышать задолго до ее появления.

Вскоре передние фары машины осветили увядающие заросли золотарника на краю луга. Мадлен повернула к амбару, остановилась на щебневой дороге и выключила фары. Выбравшись из машины, она медленно направилась к мужу, привыкая к темноте.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она. Ее голос звучал мягко и дружелюбно.

— Не мог заснуть. Мысли всякие крутятся. Решил пройтись вокруг пруда.

— Дождь будет. — Раскат в небе словно подтвердил ее замечание.

Он кивнул.

Мадлен встала рядом с ним на тропинку и сделала глубокий вдох.

— Какой запах. Давай прогуляемся. — Она взяла его под руку.

Они дошли до пруда, где тропинка расширялась. Где-то в лесу кричала сова, точнее, это был скрип, который они принимали за крик совы с момента, когда впервые услышали его тем летом, и с тех пор с каждым разом их убежденность в том, что это именно сова, крепла. Гурни, со своим аналитическим подходом, понимал, что в этой крепнущей уверенности нет никакой логики, однако понимал также, что сказать об этом значило огорчить Мадлен. Поэтому он молчал, радуясь, что знает, когда рядом с ней

надо промолчать, и они дошли до дальней стороны пруда в согласной тишине. Она была права — в воздухе стоял невероятно сладкий запах.

У них случались такие вечера, когда они остро чувствовали нежность друг к другу и были близки, как в первые годы брака, до несчастного случая. «Несчастный случай» — безликое обобщение, которым он маскировал в памяти то, что произошло на самом деле, чтобы острота конкретики не впивалась в сердце. Несчастный случай — смерть — затмил солнце, превратил их брак в помесь привычки, сотрудничества и долга, и лишь иногда, очень редко, между ними проскальзывала искра, напоминая о том, что было когда-то и что, возможно, еще не было потеряно.

— Ты как будто все время с чем-то борешься, — сказала она, сомкнув пальцы на его руке, чуть повыше локтя.

И снова она была права.

— Как концерт? — спросил он наконец.

— В первом отделении играли барокко, было замечательно. Во втором — двадцатый век, не так интересно.

Он хотел что-то сказать о собственной нелюбви к современной музыке, но передумал.

— Отчего ты не можешь заснуть? — спросила она.

— Сам не знаю.

Он почувствовал ее недоверие. Она отпустила его руку. Что-то плеснулось в пруду недалеко от них.

— История Меллери из головы не идет, — признался он.

Она промолчала.

— Какие-то обрывки мыслей все кружат, кружат, покоя не дают, и толку тоже никакого. Я слишком устал, чтобы выстроить логику.

Она снова задумчиво промолчала.

— Все время думаю про подпись в записке.

— Х. Арибда?

— Откуда ты... ты слышала, как мы об этом говорили?

— У меня отличный слух.

— Знаю, но всякий раз удивляюсь.

— Может быть, на самом деле это не Х. Арибда, — сказала она как бы между прочим, но он отлично знал, что она ничего не говорит просто так.

— Что-что?

— Может быть, это не Х. Арибда.

— Что ты имеешь в виду?

— Я сидела на концерте, играли какой-то атональный ужас, как будто кто-то из современных композиторов, пишущий для струнных оркестров,

при этом всей душой ненавидит скрипки и виолончели. Это была не музыка, а какой-то жуткий скрип и скрежет.

— Да-да, — кивнул он, стараясь не подать виду, что его распирает любопытство.

— И я безо всякой видимой причиной вспомнила «Одиссею».

— Древнегреческую... Гомера?

— Да, — ответила она с какой-то хитринкой. — Гомера. Возможно, мне просто надо было отвлечься от этой какофонии, а может быть, кто-то из музыкантов был похож на грека, но я сидела и думала про «Одиссею». И вспомнила: Сцилла и Харибда.

— Черт, ну конечно же! — воскликнул Гурни. — Мне это что-то напоминало, но я не мог понять что!

— Так что, возможно, имя Х. Арибда — просто чья-то шутка.

— «Между Сциллой и Харибдой». Корабли, которые проплывали между ними, неминуемо шли ко дну.

— Пойдем в дом, — предложила Мадлен. — Сейчас будет дождь.

Но он уже погрузился в новые размышления.

— Идем скорее, — повторила она. — Не то промокнем.

Он прошел с ней к машине, и они проехали через луг к дому.

— Я вспомнила это выражение, — продолжила она, — и что оно означает «между молотом и наковальней». Сцилла — это скала, об которую разбивались корабли. Но я не помню, кто такая Харибда. А ты?

— О, я помню, — сказал он. — Харибда была водоворотом. Олицетворением морской пучины. Если корабль или человек попадал в нее, его засасывало и разрывало на части.

Она внимательно посмотрела на него, но он не понял, что означал этот взгляд. Затем, как она и обещала, пошел дождь.

Глава 9

Неправильный адрес

Задержавшись на несколько часов на окраине гор, холодный фронт накрыл окрестности и принес с собой ветер и дождь. Утром вся земля была засыпана листьями, а в воздухе стояли влажные запахи осени. Капли воды на травинках искрились на солнце.

Гурни шел к своей машине, и окутавшие его ароматы пробудили какое-то детское воспоминание о времени, когда от сладкого запаха травы возникало чувство спокойствия и безопасности. Но воспоминание тут же утонуло в море планов на день.

Он собирался съездить в Институт духовного обновления. Если Марк Меллери намеревается и дальше противиться общению с полицией, нужно еще раз с ним встретиться и переубедить его. Дело было не в том, что Гурни решил умыть руки и не участвовать в деле. Напротив, чем больше он думал о странной судьбе бывшего однокурсника и о том, что ему теперь угрожало, тем интереснее ему становилось. Он хорошо представлял себе, какую работу будет делать полиция, и считал, что в расследовании найдется место и для него.

Гурни позвонил Меллери, чтобы предупредить о приезде. Это было идеальное утро для поездки по горной дороге. Путь до Пиона сперва пролегал через Уолнат-Кроссинг, которая, как и многие деревушки в этих горах, появилась в девятнадцатом веке на перекрестке значимых в местных масштабах дорог. Значимость пропала, а перекресток остался. Грецкий орех, в честь которого был назван поселок, давно исчез из этих мест, равно как и бывшее благополучие, но наступившее запустение было крайне живописным — выцветшие амбары, ржавые плуги, разбитые телеги с сеном, запущенные пастбища, поросшие желтыми цветами. Дорога, ведущая дальше, к Пиону, проходила мимо идиллической речной долины, где боролись за выживание несколько старых ферм. Среди них была ферма Абеяров, втиснутая между деревней Диллвид и рекой. Ее владельцы выращивали овощи без пестицидов и торговали ими, а также свежим хлебом, местным сыром и очень хорошим кофе в собственном магазинчике. Гурни страшно хотелось выпить этого кофе, и поэтому он припарковался на грязной стоянке у просевшего крыльца.

За дверью находилось помещение с высоким потолком, а у правой стены стоял ряд кофейников, к которым Гурни сразу направился, чтобы

наполнить свой полулитровый термос. Он вдохнул горячий запах и улыбнулся: лучше, чем в «Старбаксе», и вдвое дешевле.

К сожалению, мысль про «Старбакс» вызвала в уме образ типичного посетителя этой кофейни — успешного молодого человека, — Гурни тут же вспомнил про Кайла и внутренне поморщился. Мысль о Кайле всегда вызывала у него такую реакцию. Видимо, дело было в том, что он мечтал о сыне, который считал бы умного отца-полицейского достойным примером для подражания, авторитетом. Но Кайл не признавал авторитетов и не искал примеров для подражания, зато разъезжал на невероятно дорогом «порше», купленном на невероятно высокие доходы с Уолл-стрит в невероятно юном возрасте — в двадцать четыре года. И все же Гурни должен был перезвонить ему — даже если сын готов был обсуждать исключительно свои новые часы «Ролекс» или уикенд на горнолыжном курорте.

Он расплатился за кофе и поспешил назад к машине. Гурни думал об этом неизбежном разговоре как раз в момент, когда зазвонил телефон. Он не любил совпадения и поэтому обрадовался, обнаружив, что звонит не Кайл, а Марк Меллери.

— Я только что забрал почту. Звонил тебе домой, но ты уже уехал. Мадлен дала мне твой мобильный. Надеюсь, ты не против.

— Что случилось?

— Вернулся мой чек. Человек, которому принадлежит абонентский ящик в Вичерли, куда я отправил чек Арибде на \$289.87, вернул мне его с запиской, что никого с таким именем там нет и у меня, вероятно, неправильный адрес. Но я перепроверил его — это именно тот адрес. Дэйв? Ты слушаешь?

— Да. Просто пытаюсь сообразить, что к чему.

— Давай я зачитаю тебе записку. «Я нашел этот конверт в своем абонентском ящике. Должно быть, в адресе допущена ошибка. Никакого Х. Арибды здесь нет». Подпись — Грегори Дермотт. На шапке бланка написано «Системы безопасности Джи-Ди», и там же адрес и телефон в Вичерли.

Гурни собирался было объяснить, что Арибда — это совершенно точно не настоящее имя, а искаженное название мифологического водоворота, который разрывал своих жертв на куски, но решил, что лучше сообщить об этом лично. Он пообещал быть в институте через час.

Что, черт побери, происходит? В этом не было никакого смысла. Зачем требовать конкретную сумму денег, просить выписать чек на

несуществующее имя и выслать его на неправильный адрес, откуда, вероятнее всего, он будет возвращен отправителю? Зачем такая сложная и с виду бессвязная преамбула к последовавшим стишкам?

Недоумение Гурни росло, а вместе с ним и его интерес к делу.

Глава 10

Идеальное место

Городок Пион претендовал на громкую историю, хотя претензии эти были вдвойне вторичны. Соседствуя с Вудстоком, он притворился, что разделяет его психоделическое рок-н-рольное прошлое, тогда как сам Вудсток выезжал на названии знаменитого фестиваля, который на самом деле происходил почти в ста километрах от него, на территории фермы в Бетеле. Таким образом, имидж Пиона зиждился на отголосках чужой славы, но этих отголосков оказалось достаточно, чтобы выросла целая инфраструктура из магазинчиков с литературой жанра нью-эйдж, кабинетов гадалок и татуировщиков, лавок с эзотерическими товарами, веганских ресторанчиков и площадок для перформансов. Все это как магнит притягивало седеющих детей цветов, неформалов в винтажных микроавтобусах «фольксваген» и других колоритных персонажей.

Разумеется, городок предоставлял туристам массу возможностей потратить деньги: лавки и кафешки были скроены с достаточным вкусом, чтобы понравиться взыскательным посетителям, приехавшим сюда из антропологического любопытства.

Районы, раскинувшиеся вокруг делового центра Пиона, тоже притягивали деньги. Цены на недвижимость взлетели здесь вдвое и втрое после 11 сентября, когда состоятельные жители Нью-Йорка задумались о побеге в безопасную глушь. На холмах вокруг городка появлялись все новые и новые дома, один роскошнее другого; джипы стали дороже — «блейзеры» и «бронко» сменились «хаммерами» и «лендроверами», а воскресные туристы одевались так, как одеваются сельские жители, по мнению Ральфа Лорена.

Охотников, пожарных и учителей вытеснили адвокаты, банкиры и женщины неопределенного возраста, чьи доходы от разводов обеспечивали их культурный досуг, спа-процедуры и занятия по расширению сознания с разнообразными гуру. Гурни подозревал, что именно увлеченность местных жителей всякого рода учителями, предлагающими решения жизненных проблем, убедила Марка Меллери открыть здесь свою лавочку.

Следуя карте «Гугл», он свернул с главной дороги на Филчерз-Брукроуд, змейкой ползущей вверх по лесистому холму. Дорога привела его к длинному забору в полметра высотой.

Забор растянулся вдоль дороги на полкилометра и был усажен бледно-

синими астрами. В нем было две пары ворот: въезд и выезд с круговой дороги. У въезда висела неброская бронзовая табличка: ИНСТИТУТ ДУХОВНОГО ОБНОВЛЕНИЯ.

Повернув на подъездную дорожку, Гурни смог как следует рассмотреть облик этого места. Все, что открывалось взору, производило впечатление некоего спонтанного совершенства. Вдоль дороги, засыпанной гравием, беспорядочно росли осенние цветы. Но Гурни было ясно, что эта небрежность тщательно продумана, как и все, созданное Меллери. Как во многих прибежищах скромных богатеев, здесь старательно поддерживалась атмосфера неформальности, естественности, но при этом каждый увядший цветок был аккуратно обрезан. Дорога привела Гурни к большому особняку в георгианском стиле, столь же ненавязчиво ухоженному, как и сад.

Перед зданием стоял начальственного вида мужчина с ярко-рыжей бородой и с интересом рассматривал новоприбывшего. Гурни опустил стекло и спросил, где можно припарковаться. Мужчина с аристократическим британским акцентом сказал, что ему следует проехать до конца дороги.

Вскоре Гурни оказался у выезда с территории института. Он вернулся и снова подъехал к особняку, где рослый англичанин вновь с любопытством посмотрел на него.

— Конец дороги упирается в выезд, — сказал Гурни. — Может быть, я неправильно вас понял?

— Какой же я дурак! — воскликнул рыжий с досадой, которая не клеилась с его представительным видом. — Мне все кажется, будто я все знаю, но чаще всего выходит, что я неправ!

Гурни на мгновение заподозрил, что перед ним сумасшедший. В тот же момент в его поле зрения возникла еще одна фигура. В тени огромного рододендрона стоял темноволосый приземистый человечек, словно пришедший на пробы к сериалу «Клан Сопрано».

— Ну вот, — воскликнул англичанин, указывая куда-то рукой, — вот и ваш ответ. Сара сейчас возьмет вас к себе под крылышко. Обратитесь к Саре! — И, театрально развернувшись, он зашагал прочь, а маленький гангстер засеменил за ним следом.

Гурни подъехал к женщине, стоявшей у дороги, с материнской улыбкой на полном лице. Она обратилась к нему пугающе елеинным голосом:

— Какой ужас, вы из-за нас кругами ездите! Это никуда не годится, — причитала она с таким неподдельным беспокойством, что это

обескураживало. — Позвольте, я позабочусь о вашей машине, а вы сами ступайте в дом.

— Это не обязательно. Просто скажите мне, где у вас паркуются.

— Разумеется. Следуйте за мной. Я прослежу, чтобы вы на этот раз не заблудились. — Судя по ее тону, это могло неожиданно оказаться сложной задачей.

Она жестом пригласила Гурни следовать за ней — широко взмахнула рукой, как будто обращалась к целому каравану. В другой руке она держала сложенный зонтик. По дороге она без конца оборачивалась, как будто боясь, что Гурни может потерять ее из виду. Дойдя до просвета в кустарнике, она отошла в сторону, указывая Гурни на узкий проезд. Когда он поравнялся с ней, она просунула зонтик в его открытое окно.

— Возьмите! — воскликнула она.

Он остановился в недоумении.

— Вы же знаете, какая в горах коварная погода, — объяснила она.

— Спасибо, я обойдусь. — Он поехал дальше, на парковку, где стояло вдвое меньше машин, чем могло бы уместиться. Гурни насчитал шестнадцать. Аккуратная прямоугольная площадка уютно угнездилась среди неизменных кустарников и цветов. С них тоже были обрезаны все увядшие листья и бутоны, но в остальном они выглядели абсолютно естественно. Высокий бук отделял парковку от трехэтажного ярко-красного сарая, резавшего глаз в закатном освещении.

Гурни припарковался между двумя исполинскими джипами и заметил, что за ним из-за клумбы с георгинами следит женщина. Он вежливо улыбнулся ей, выходя из машины. Она была маленькая, хрупкая, с тонкими чертами лица, и во всем ее облике было что-то старомодное. Гурни даже подумал, что если бы она была актрисой, то идеально подошла бы на роль Эмили Дикинсон в «Красавице из Амхерста».

— Простите, вы не подскажете, где мне найти Марка... — Но красавица перебила его:

— Какого хрена вы решили, что тут можно парковаться?

Глава 11

Уникальный пастырь

С парковки Гурни прошел по мощенной булыжником дорожке вокруг георгианского особняка, в котором, как он предполагал, находились основной офис и лекторий института, и она привела к особняку поменьше, стоявшему в полутораэта метрах. Небольшая табличка с золочеными буквами у дороги гласила: «Частное владение».

Марк Меллери открыл дверь раньше, чем Гурни успел постучать. Он был одет в такую же дорожную, но неброскую одежду, что и во время своего визита в Уолнат-Кроссинг. На фоне архитектуры и ландшафта это делало его похожим на сквайра.

— Дэйв! Как я рад тебя видеть!

Гурни вошел в просторный холл с полом из благородного каштана и антикварной мебелью. Меллери провел его в удобный кабинет в глубине дома. Из камина, в котором негромко потрескивал огонь, сочился легкий вишневый запах.

Два глубоких кресла стояли справа и слева от камина и вместе с диваном, повернутым лицом к очагу, образовывали полукруг. Гость и хозяин уселись в кресла, и Меллери спросил, легко ли Гурни сориентировался на территории. Гурни рассказал о трех странных встречах, которые с ним приключились, и Меллери объяснил, что эти трое — гости института, а их поведение — часть терапии по самопознанию.

— Во время своего пребывания у нас, — пояснил Меллери, — каждый гость играет десять разных ролей. В один день он может быть Человеком Ошибающимся — видимо, англичанин, Уорт Партридж, выбрал именно эту роль. В другой день он может быть Помощником — сегодня это Сара, которая предлагала припарковать за тебя твою машину. Есть еще роль Грубияна — похоже, третья дама, которую ты встретил, не без удовольствия ее исполняет.

— А какой в этом смысл?

Меллери улыбнулся.

— Люди всю жизнь играют какие-то роли. Содержание этих ролей — сценарии, если угодно, совершенно предсказуемо, хотя нам кажется, что мы импровизируем, — терпеливо объяснял он, хотя было очевидно, что он произносит ровно эти фразы в тысячный раз. — То, чем мы здесь занимаемся, в сущности, очень просто, хотя многие гости наделяют это

глубоким смыслом. Мы обращаем их внимание на то, какие роли мы подсознательно играем, в чем выгоды и недостатки этих ролей и как это влияет на окружающих. Как только человек понимает, что действует по определенному сценарию, мы помогаем ему осознать, что сценарий — это его собственный выбор. Можно ему следовать, а можно от него отказаться. И тогда — это самая важная часть нашей работы — мы предлагаем программу действий по замещению деструктивного сценария более здоровым.

По мере того как он повествовал, его беспокойство таяло. Гурни заметил, что глаза его светятся восторгом проповедника.

— Наверняка все это покажется тебе знакомым. Сценарий, выбор, перемены — эти понятия уже набили оскомину в убогом мире, живущем под девизом: «Помоги себе сам». Но наши гости утверждают, что наш метод действует принципиально иначе. Буквально вчера один человек мне сказал, будто сам Господь держит это место в своих ладонях.

— Видимо, вы достигаете мощного терапевтического эффекта, — предположил Гурни, стараясь не выдать скептицизма.

— Многие так считают.

— Я слышал, что некоторые такого рода терапевтические методы довольно жесткие.

— Не в нашем случае, — ответил Меллери. — Наш метод очень щадящий. Наше любимое местоимение — «мы». Мы говорим про «наши» неудачи, страхи и ограничения. Мы ни на кого не показываем пальцем и никого не критикуем. Мы считаем, что критика лишь укрепляет сопротивление переменам. Если ты считаешь какую-нибудь из моих книг, наша философия станет тебе понятнее.

— Я просто подумал, что наверняка порой у вас случается что-то, не предусмотренное этой философией.

— У нас слово не расходится с делом.

— То есть вообще никаких конфликтов?

— Почему тебя это так волнует?

— Я задался вопросом, не мог ли ты ненароком устроить кому-нибудь такое потрясение основ, что человек захотел дать тебе сдачи.

— Наш подход редко вызывает агрессию. Кроме того, кем бы ни был мой загадочный корреспондент, он явно относится к жизни, которую я вел задолго до основания института.

— Может, да, а может, и нет.

Меллери неуверенно нахмурился.

— Он упоминает времена, когда я пил, и ссылается на что-то, что я

сделал спьяну. Следовательно, к институту это отношения не имеет.

— С другой стороны, это мог быть человек, который знает тебя нынешнего и прочел про пьянки в твоих книжках, а теперь использует эту информацию, чтобы тебя запугать.

Меллери задумался. В комнату зашла девушка с умными зелеными глазами и рыжими волосами, собранными в хвост.

— Простите за беспокойство. Но вам тут звонили.

Она протянула Меллери несколько розовых листов с записками. По его удивленному лицу Гурни понял, что его не часто отвлекают таким образом.

— Я подумала, — сказала девушка, многозначительно подняв бровь, — что вам может быть интересна верхняя записка.

Меллери прочел ее дважды, затем наклонился и через стол протянул записку Гурни, который также прочел ее дважды.

В поле «Кому» значилось: мистеру Меллери.

В поле «От кого» значилось: Х. Арибда.

В поле сообщения были следующие строчки:

*Не ходит истина одна,
Другую в путь возьмет она.
Забыл? Так вот тебе урок:
Любому делу есть цена,
Любой цене приходит срок.
Сегодня к ночи жди звонок.
Будет встреча в декабре
Или даже в ноябре.*

Гурни спросил у девушки, она ли приняла сообщение. Она вопросительно посмотрела на Меллери.

Он сказал:

— Простите, я должен был вас друг другу представить. Сью, это мой старый добрый друг Дэйв Гурни. Дэйв, это Сьюзан Макнил, моя замечательная помощница.

— Приятно познакомиться, Сьюзан.

Она вежливо улыбнулась и сказала:

— Да, сообщение приняла я.

— Звонил мужчина или женщина?

Она задумалась.

— Странно, что вы спросили. Я сперва подумала, что это мужчина с

высоким голосом. А потом уже была не так уверена. Голос все время менялся.

— Каким образом?

— Сначала казалось, что это мужчина, который пытается говорить женским голосом, а потом я подумала, что, может быть, наоборот — женщина пытается выдать себя за мужчину. Что-то в нем было неестественное, что-то не то.

— Любопытно, — сказал Гурни. — Еще один вопрос — вы записали все, что этот человек сказал?

Она снова задумалась.

— Не совсем понимаю вас.

— Мне показалось, — сказал он, указывая на записку, — что это сообщение вам тщательно продиктовали, вплоть до переносов строк.

— Так и было.

— Значит, он должен был сказать, что расстановка строк важна и что записывать надо ровно так, как он диктует.

— А, теперь поняла. Да, он говорил мне, когда писать с новой строки.

— Он говорил еще что-нибудь, что здесь не записано?

— Да, вообще-то говорил. Перед тем как повесить трубку, он уточнил, работаю ли я в институте на мистера Меллери. Я сказала, что да. Тогда он сказал: «Возможно, вам следует поискать новую работу. Я слышал, что духовное обновление — нынче бизнес убыточный». И засмеялся, как будто удачно пошутил. Потом он попросил немедленно доставить сообщение мистеру Меллери. Так что я сразу принесла его сюда. — Она с беспокойством взглянула на Меллери. — Надеюсь, я правильно сделала.

— Вы все сделали правильно, — сказал Меллери тоном человека, который держит ситуацию под контролем.

— Сюзан, я обратил внимание, что про звонившего вы все-таки говорите «он», — заметил Гурни. — Следовательно, вы все же считаете, что это был мужчина.

— Мне так кажется.

— Он не говорил, во сколько он собирается перезванивать сегодня?

— Нет.

— Может быть, вы помните еще что-нибудь? Какую-нибудь мелочь, что-то, что могло даже показаться незначительным?

Она повела бровью.

— Мне от его голоса сделалось как-то не по себе, как будто, знаете, мне нагрубили.

— Он был рассержен? Угрожал?

— Нет, не в этом дело. Он был вполне вежлив, но...

Гурни терпеливо ждал, пока она подберет слова.

— Может быть, он был слишком вежлив. Может быть, дело в странном голосе. Не знаю, в чем было дело, но он меня напугал.

Когда она ушла в свой кабинет в основном здании, Меллери задумчиво уставился в пол.

— Пора обратиться в полицию, — сказал Гурни, решив, что это подходящий момент.

— В полицию Пиона? Да ты только вслушайся: полиция Пиона! Это даже звучит как название гей-кабаре.

Гурни проигнорировал натужную шутку.

— Мы имеем дело с кем-то, кто тебя ненавидит и хочет тебе отомстить. Он знает, где ты, и, возможно, готовится спустить курок.

— Этот Х. Арибда?

— Скорее, тот, кто придумал этот псевдоним.

Гурни рассказал Меллери, что они с Мадлен вспомнили про Харибду из греческой мифологии, а также что в справочниках по Коннектикуту и соседним штатам нет ни одного человека с такой фамилией.

— Водоворот, значит, — мрачно произнес Меллери.

Гурни кивнул.

— Господи, — выдохнул Меллери.

— В чем дело?

— Больше всего на свете я боюсь утонуть.

Глава 12

Почему важно быть откровенным

Меллери стоял у камина с кочергой и поправлял горящие поленья.

— Почему же чек вернулся? — размышлял он, морщась, как от зубной боли. — Человек с таким педантичным почерком должен быть предельно аккуратным, вряд ли он указал неправильный адрес. Значит, он это сделал специально. Но зачем? — Он повернулся к Гурни. — Дэйв, что это за чертовщина?

— Можешь показать мне записку, с которой чек вернулся? Ту, что ты зачитывал мне по телефону?

Меллери подошел к небольшой конторке в другом конце комнаты, забыв оставить кочергу у камина. Заметив ее у себя в руке, он выругался и прислонил ее к стене, затем достал из ящичка конверт и принес его Гурни.

Внутри большого конверта с адресом Меллери был конверт, который Меллери отправил Х. Арибде на абонентский ящик 49449 в Вичерли, а в том — чек на \$289.87. В большом конверте был бланк с шапкой «Системы безопасности Джи-Ди», с телефонным номером, и краткое сообщение, которое Меллери по телефону зачитывал Гурни. Письмо было подписано Грегори Дермоттом, без указания его должности.

— Ты не разговаривал с этим Дермоттом? — спросил Гурни.

— А зачем? Неправильный адрес — значит неправильный адрес. Он-то тут при чем?

— Бог его знает. — Гурни пожал плечами. — Но поговорить с ним стоит. У тебя тут есть телефон?

Меллери отстегнул блэкберри последней модели от пояса и протянул ему. Гурни набрал номер из шапки бланка. После двух гудков включилась запись: «Вы дозвонились до компании „Системы безопасности Джи-Ди“, это автоответчик Грега Дермотта. Представьте и оставьте свое сообщение, а также сообщите телефон и время, когда вам лучше перезвонить. Говорите после гудка». Гурни выключил телефон и протянул его назад Меллери.

— По автоответчику непросто будет объяснить, зачем я звоню, — произнес Гурни. — Я же не твой сотрудник или официальный представитель, и я не полицейский. И кстати о полиции, тебе надо с ними связаться. Сейчас же.

— А если это его цель — довести меня, чтобы я обратился в полицию,

чтобы они устроили здесь погром и распугали гостей? Может, этот псих того только и добивается, чтобы копы пришли, как стадо слонов в посудную лавку, и все здесь крушили.

— Хорошо, если это единственная его цель, — заметил Гурни.

Меллери отреагировал так, точно его ударили.

— Думаешь, он действительно собирается сделать что-то... серьезное?

— Существует такая вероятность.

Меллери медленно кивнул, как будто пытаясь определенностью этого жеста победить страх.

— Я поговорю с полицией. Но не раньше, чем этот Арибда или как его там зовут нам позвонит.

Гурни скептически сощурился. Меллери продолжил:

— Может быть, этот звонок что-то прояснит. Мы можем понять, с кем имеем дело и чего он хочет. Возможно, после этого вовсе не понадобится обращаться в полицию, а если все-таки понадобится, то у нас будет для них дополнительная информация. В любом случае, мне кажется, разумно подождать.

Гурни знал, что было бы полезнее, чтобы полицейские прослушали звонок, но он также знал, что упрямство Меллери не победить логикой. Поэтому он предпочел обсудить тактические детали.

— Если он действительно позвонит сегодня, хорошо бы записать разговор. У тебя есть какое-нибудь записывающее устройство, пусть даже кассетник, что-нибудь, что можно подключить к телефону?

— У нас есть кое-что получше, — сказал Меллери. — Все наши телефоны могут записывать разговор. Можно записать любую беседу, просто нажав на кнопку.

Гурни взглянул на него с любопытством.

— Тебе интересно, зачем нам здесь нужна такая система? Несколько лет назад у нас был один сложный гость. Его попросили покинуть институт, и в результате нас стали донимать звонками угрожающего характера. Короче, нам посоветовали записывать эти звонки. — Что-то в выражении лица Гурни остановило его. — Нет-нет, я знаю, о чем ты сейчас подумал! Поверь мне, та история ничего общего не имеет с тем, что происходит сейчас. С ней давным-давно покончено.

— Ты полностью в этом уверен?

— Звонивший человек умер. Покончил с собой.

— Помнишь, я просил тебя составить списки? Перечислить все серьезные конфликты и обвинения в твой адрес?

— Нет ни единого имени, которое я мог бы внести в такой список в

здравом уме и твердой памяти.

— Ты только что рассказал мне про конфликт, в результате которого человек покончил с собой. Тебе кажется, это не в счет?

— Это была женщина. Психически неуравновешенная. Между ее конфликтом с нами, который, кстати, был плодом ее фантазии, и ее смертью не было связи.

— Откуда ты знаешь?

— Послушай, это запутанная история. Далеко не все наши гости являют собой образец психического здоровья. Не буду же я записывать имена всех, кто когда-либо высказывал в мой адрес что-то негативное. Это безумие.

Гурни откинулся в кресле и потер глаза, которые начали пересыхать от жара, идущего из камина.

Когда Меллери снова заговорил, его голос как будто шел откуда-то издалека.

— Когда ты мне говорил про списки, ты сказал, что надо записать всех людей, с которыми у меня остались неразрешенные конфликты. Понимаешь, я себя убеждал, что все конфликты из моего прошлого разрешены. Возможно, это не так. Возможно, я просто предпочитаю о них больше не думать, и оттого мне кажется, что их нет. — Он покачал головой. — Господи, Дэйв, что вообще могут дать эти списки? Ты не обижайся, но если какой-нибудь коп с бицепсом вместо мозга пойдет донимать людей расспросами, ворошить старые истории... Бог ты мой! У меня просто земля уходит из-под ног, как представляю.

— Я всего лишь предлагаю записать имена на лист бумаги. Это, напротив, поможет ощутить землю под ногами. Тебе не придется показывать эти списки полиции, если ты не захочешь. Но, поверь мне, это полезное упражнение.

Меллери сокрушенно вздохнул и кивнул.

— Ты сказал, что не все твои гости отличаются психическим здоровьем.

— Я не имел в виду, что у нас тут психиатрическая лечебница.

— Конечно, я понимаю.

— Я также не имел в виду, что среди наших гостей преобладают люди с такого рода проблемами.

— А какие люди вообще к вам сюда приезжают?

— Люди с деньгами, ищущие умиротворения.

— И они его здесь получают?

— Я считаю, что да.

— Помимо того, что они богаты и ищут покоя, как еще можно их описать?

Меллери пожал плечами.

— Они уязвимы, невзирая на агрессивное поведение, присущее успешным людям. Они сами себе не нравятся — это основное, с чем мы здесь работаем.

— Как ты полагаешь, кто из твоих нынешних гостей способен нанести тебе физический ущерб?

— Что?!

— Насколько хорошо ты в действительности знаешь людей, которые здесь живут? А тех, кто зарезервировал визит на следующий месяц?

— Мы не наводим справок о клиентах, если ты об этом. Мы знаем ровно то, что они сами о себе рассказывают, и что-то от людей, которые их нам рекомендуют. Иногда информация выглядит сомнительной, но мы не заостряем на этом внимание. Мы довольствуемся тем, что они хотят нам рассказать сами.

— Кто здесь сейчас находится?

— Бизнесмен с Лонг-Айленда, который инвестирует в недвижимость; домохозяйка из Санта-Барбары; человек, который, возможно, является сыном главы криминального клана; очаровательный мануальный терапевт из Голливуда; рок-звезда; бывший банкир... и еще дюжина человек.

— И они приехали сюда за *духовным обновлением*?

— Так или иначе, они все пришли к тому, что успех накладывает на человека ограничения. Кроме того, они, как и прочие, страдают от страхов, страстей, от чувства вины и стыда. Они обнаружили, что ни «порше», ни прозак не дают им внутреннего спокойствия, которое они ищут.

Гурни слегка покоробило при упоминании «порше», потому что он сразу подумал о Кайле. Он стряхнул с себя эти мысли и спросил:

— Значит, твоя миссия — приносить умиротворение богатым и знаменитым?

— В такой формулировке звучит, конечно, анекдотично. Но я не гнался за деньгами. Я пришел сюда благодаря открывшимся мне дверям и сердцам. Мои клиенты сами меня нашли. У меня не было цели стать гуру из Пиона.

— Однако на тебе огромная ответственность.

— В том числе за собственную жизнь, — кивнул Меллери и уставился на огонь. — У тебя есть какие-нибудь советы насчет сегодняшнего звонка?

— Продержи его на линии как можно дольше.

— Чтобы можно было отследить звонок?

— Такой технологией уже никто не пользуется. Ты пересмотрел старых фильмов. Надо, чтобы он как можно дольше говорил, потому что чем больше он скажет, тем больше себя выдаст и тем больше шансов, что ты узнаешь его по голосу.

— А если я его узнаю, ему об этом надо говорить?

— Нет. Если ты знаешь что-то, чего не знает он, это может оказаться преимуществом. Постарайся сохранять спокойствие и поддерживать разговор.

— Ты сегодня вечером будешь дома?

— Собирался быть дома, я же все-таки женатый человек. А что?

— Я вспомнил, что наши телефоны умеют еще одну модную вещь. Называется «рикошетный звонок». Позволяет подключить дополнительную линию к звонку во время разговора.

— И что?

— Обычно для конференции по телефону необходимо, чтобы с исходного аппарата позвонили всем участникам. Но «рикошет» позволяет обойтись без этого. Если кто-то тебе звонит, можно подключать к звонку других людей, набрав их номера от себя. При этом не придется отсоединять звонившего, и абонент ничего не будет об этом знать. Мне объяснили так, что исходящий звонок происходит по параллельной линии, а когда связь устанавливается, то сигналы объединяются. Возможно, я что-то путаю в механизме того, как система работает, но идея в том, что, когда Арибда позвонит, я могу позвонить тебе, и ты услышишь разговор.

— Отлично. Разумеется, я буду дома.

— Я буду очень признателен. — Он улыбнулся, как человек, испытавший долгожданное освобождение от хронической боли.

Где-то на территории несколько раз прозвонил колокол. Он звучал уверенно и мощно, как медный колокол старого корабля. Меллери посмотрел на свои золотые наручные часы.

— Мне пора готовиться к вечерней лекции, — сказал он, вздохнув.

— А какая тема?

Меллери поднялся из кресла, поправил свой кашемировый свитер и неопределенно улыбнулся:

— «Почему важно быть откровенным».

Было по-прежнему пасмурно. Дул порывистый ветер, теплее не становилось. Трава была покрыта завитками коричневых листьев. Меллери ушел в главное здание, еще раз поблагодарив Гурни и напомнив ему, чтобы тот не занимал вечером телефон. Он извинился за свое перегруженное

расписание и предложил напоследок прогуляться по территории института. «Раз уж ты здесь, взгляни, как тут у нас все устроено, проникнись атмосферой».

Гурни вышел на изящное крыльцо здания и застегнул куртку. Он решил воспользоваться приглашением и пройти до парковки окольным маршрутом, сделать круг по парку, окружавшему здание. Травянистая тропинка привела его к задней части особняка, где стриженная изумрудная лужайка упиралась в кленовую рожицу. Невысокий бордюр каменной кладки разделял газон и деревья. Возле него стояли женщина и двое мужчин с лопатками в руках, занятые посадкой каких-то растений.

По мере того как Гурни приближался к ним по зеленой лужайке, он разглядел, что это были молодые латиноамериканцы, которыми командовала женщина постарше, в зеленых сапогах до колена и коричневой куртке. В садовой тележке лежало несколько разноцветных мешочков с луковицами тюльпанов. Женщина недовольно наблюдала за работниками.

— Карлос, — закричала она, — roja, blanca, amarilla... roja, blanca, amarilla! — а затем повторила по-английски: — Красный, белый, желтый. Красный, белый, желтый — неужели так сложно запомнить?

Она тяжело вздохнула, по-видимому сокрушаясь о нерадивости своих подопечных, а затем приветливо улыбнулась подошедшему Гурни.

— Мне кажется, что цветущий бутон — самое исцеляющее зрелище на свете, — заявила она с характерным лонг-айлендским выговором. — А вы как думаете?

Он не успел ответить. Она протянула ему руку и представилась:

— Я Кадди.

— Дэйв Гурни.

— Добро пожаловать в рай на земле! Мне кажется, я вас тут раньше не видела.

— Я здесь только на один день.

— Да что вы? — В ее тоне звучало ожидание объяснения.

— Я приятель Марка Меллери.

Она слегка нахмурилась:

— Дэйв Гурни, говорите?

— Да.

— Наверняка он упоминал вас, просто я что-то не припомню. А давно вы знаете Марка?

— С колледжа. Могу я спросить, чем вы здесь занимаетесь?

— Я-то? — Она удивленно вскинула брови. — Я здесь живу. Это мой

дом. Я Кадди Меллери. Марк — мой муж.

Глава 13

Не о чем жалеть

Стоял полдень, но сгущавшиеся тучи накрыли долину атмосферой зимних сумерек. Гурни включил в машине обогреватель, чтобы согреть руки. С каждым годом суставы его пальцев становились все чувствительнее, напоминая ему об отцовском артрите. Он разжал пальцы и снова сомкнул их на руле.

Отец тоже так делал.

Он вспомнил, как однажды спросил у него, неразговорчивого, замкнутого человека, не болят ли у него пальцы.

— Это возраст, — ответил ему отец, — ничего с этим не поделаешь. — Его интонация не подразумевала продолжения беседы.

Он снова подумал о Кадди. Почему Меллери не сказал ему, что снова женился? Неужели он не хотел, чтобы Гурни с ней поговорил? И если он не упомянул даже собственную жену, о чем еще он умалчивал?

И тут странная цепочка размышлений заставила его вспомнить строчки из третьего стиха. Он попытался вспомнить его целиком:

*Я делаю, что сделал
За совесть и за страх,
Чтоб месть не охладела,
Не обратилась в прах,
Чтоб кровь, как роза красная,
Цвела в саду моем.
Явился не напрасно я —
Предстанешь пред судом.*

Почему кровь была красной, именно как роза? Потому ли, что роза — первое, что ассоциируется с красным цветом?

Желание вернуться домой усилилось голодом. После утреннего кофе у Абеляров прошло полдня, а он до сих пор ничего не ел.

Когда Мадлен была голодна, ее начинало подташнивать, а Гурни в такой ситуации становился чересчур критичным в суждениях, хотя нелегко было себе в этом признаться. Он научился оценивать свое настроение по реакции на внешний мир. Например, у поворота на Уолнат-Кроссинг

находилась художественная галерея «Верблюжий горб», где выставлялись местные художники, скульпторы и прочие творческие личности. Когда Гурни был в хорошем настроении, при взгляде на витрину он радовался эксцентричности своих соседей; когда в плохом — их творения казались ему пустышкой. Сегодня галерея его раздражала — верный знак, что дома следует воздержаться от категоричных заявлений.

После утренних порывов ветра трава вдоль пыльной дороги разметалась, как будто ее расчесали. Дорога спускалась в низину между холмами и заканчивалась владением Гурни. Из-за низких облаков на лугу было как-то по-зимнему зябко. Он не без раздражения заметил, что трактор выведен из амбара и стоит рядом с сараем, в котором хранились косилка, бур и прочие инструменты. Дверь в сарай была открыта — словно намек, что придется заняться хозяйственными делами.

Он вошел в дом через кухонную дверь. Мадлен сидела у камина в дальнем углу комнаты с книгой. Взгляд Гурни упал на тарелку с огрызком яблока, виноградными косточками и хлебными крошками, оставленную на журнальном столике. Это напомнило ему о собственном голоде и усилило раздражение. Мадлен оторвалась от чтения и улыбнулась ему.

Гурни подошел к раковине и включил воду, дожидаясь, когда она станет ледяной, как он любил. При этом внутренне он приготовился привычно спорить с Мадлен, которая считала, что пить ледяную воду вредно, — и тут же ему стало стыдно, что он настолько мелочен, настолько раздражителен, настолько инфантилен, чтобы реагировать на такие глупости. Он решил сменить тему, но тут же спохватился, что они еще не успели заговорить.

— Я заметил, что ты трактор вывела из амбара.

— Хотела подключить к нему снегоочиститель.

— Какие-то проблемы?

— Я подумала, что лучше подготовиться, пока снег не выпал.

— Я имею в виду, у тебя не получилось подключить его?

— Он тяжелый. Я решила, что дождусь тебя и ты мне поможешь.

Он колебался и кивнул, подумав: ну вот опять, берешься за дело, которое тебе не по силам, зная, что заканчивать придется мне. Однако Гурни понимал, что он сейчас не в лучшем настроении, и предпочел ничего не отвечать. Он наполнил стакан ледяной водой и неспешно ее выпил.

Мадлен опустила взгляд на книгу и сказала:

— Звонила эта женщина из Итаки.

— Какая женщина из Итаки?

Она не ответила.

— Ты про Соню Рейнольдс? — догадался он.

— Про нее. — Она ответила равнодушным голосом, под стать ему.

— Что она хотела?

— Хороший вопрос.

— В каком смысле?

— В том смысле, что она не сказала, зачем звонит. Просила передать, чтобы ты перезвонил ей в любое время до полуночи.

Он почувствовал язвительность в ее голосе.

— Она оставила свой номер?

— Похоже, она считает, что он у тебя есть.

Он снова наполнил стакан водой и стал пить, делая задумчивые паузы между глотками. Присутствие в его жизни Сони создавало определенные сложности, но он не понимал, как с этим быть, если не отказываться от проекта с фотографиями преступников для Сониной галереи. А пойти на это он не был готов.

Слегка обескураженный разговором с Мадлен, он вдруг подумал, что эта неловкость, которую он ощущал, эта неуверенность — сама по себе непостижима. Как настолько рациональный и логически мыслящий человек, как он, мог быть настолько эмоционально уязвимым? Из множества допросов подозреваемых он знал, что причина такой уязвимости обычно заключается в подспудном чувстве вины. Но ведь он ничего не сделал, чтобы чувствовать себя виноватым.

Он ни в чем не виноват. Вот где проблема! Непоколебимость этой уверенности. Возможно, он ничего такого не делал в *самое* последнее время — во всяком случае, он ничего не мог припомнить, — но если вернуться на пятнадцать лет назад, его заявление о собственной невинности звучало бы фальшиво.

Он поставил пустой стакан в раковину, вытер руки, подошел к стеклянным дверям и выглянул наружу. Мир вокруг был серым. Мир между осенью и зимой. Мелкую снежную пыль, как песок, размело по террасе. В контексте пятнадцатилетней давности он едва ли был невиновен, потому что этот контекст охватывает несчастный случай. Осторожно, как будто нащупывая языком больную десну, чтобы оценить масштаб воспаления, он заставил себя заменить словосочетание «несчастный случай» конкретикой, которая так тяжело ему давалась:

Смерть нашего четырехлетнего сына.

Он проговорил эти слова одними губами, едва шепча. Собственный голос показался ему чужим.

Мысли и чувства, которые следовали за этими словами, были

непереносимы, и он попытался отринуть их первым попавшимся способом.

Прокашлявшись, он повернулся к Мадлен и с преувеличенным энтузиазмом произнес:

— Давай разберемся с трактором, пока не стемнело?

Мадлен снова оторвалась от книги. Если она и почувствовала искусственность в его тоне, то не подала виду.

Возня с прикреплением снегоочистителя заняла битый час, после которого Гурни еще час рубил дрова для камина, пока Мадлен готовила ужин: суп из кабачков и свиные отбивные в яблочном соусе. Потом они развели огонь, сели рядом на диване в уютной гостиной рядом с кухней и предались блаженному безделью, какое обычно следует за тяжелой работой и вкусной едой.

Ему хотелось верить, что эти маленькие оазисы спокойствия обещают возвращение отношений, которые были у них когда-то, что стычки и отчужденность последних лет — все же явление временное, но верилось в это с трудом. И даже сейчас эту хрупкую надежду мало-помалу вытеснял более привычный для детектива ход мыслей. Он думал о предстоящем звонке Арибды и о новой телефонной технологии, позволяющей подключиться к звонку.

— Идеальный вечер для камина, — сказала Мадлен, нежно прижавшись к нему.

Он улыбнулся и постарался вновь сосредоточиться на рыжем пламени и простом, близком тепле ее руки. От ее волос исходил чудесный запах. На мгновение ему показалось, что он мог бы сидеть вот так вечность.

— Да, — отозвался он. — Идеальный.

Он закрыл глаза, надеясь, что счастливый момент отвлечет его ум от вечного стремления разгадывать головоломки. Как это ни парадоксально, даже мимолетный покой давался Гурни нелегкой внутренней борьбой. Он завидовал способности Мадлен наслаждаться настоящим, ловить мгновение. Его ум всегда предпочитал настоящему предполагаемое, возможное.

Он задумался, является ли такое устройство ума врожденным, или же это приобретенный способ побега от действительности. Возможно, и то и другое — и тем прочнее это в нем сидит. А возможно...

О господи.

Он поймал себя за абсурдным анализом собственной способности к анализу. Он отчаянно попытался вновь ощутить себя в комнате, на диване. «Господи, помоги мне», — подумал он, хотя никогда не верил в силу

молитвы. И тут же спохватился, что едва не произнес это вслух.

Зазвонил телефон. Для него это прозвучало как сигнал к передышке от битвы.

Он поднялся с дивана и взял трубку.

— Дэйв, это Марк.

— Да.

— Я только что поговорил с Кадди, она сказала, что встретила тебя в саду для медитации.

— Было такое.

— В общем... короче, мне как-то неловко, что не познакомил вас, когда была возможность. — Он помедлил, как будто ожидая ответа, но Гурни молчал.

— Дэйв?

— Я слушаю.

— Словом... я хотел извиниться за то, что не представил вас. Это было с моей стороны невежливо.

— Ничего страшного.

— Ты уверен?

— Конечно.

— Кажется, ты расстроен.

— Я не расстроен, хотя меня несколько удивило, что ты ничего про нее не сказал.

— Ну... да... у меня столько всего на уме, что как-то даже в голову не пришло. Ты слушаешь?

— Да.

— Ты прав, должно быть, это выглядит странно, что я не рассказал тебе про нее. Но я действительно не сообразил. — Он помолчал, затем добавил, с неловким смешком: — Думаю, психолог нашел бы это примечательным: забыл упомянуть, что женат.

— Марк, дай я у тебя кое-что спрошу. Ты мне всю правду говоришь?

— Что?... Почему ты спрашиваешь?

— Слушай, не тяни резину.

Последовала долгая пауза.

— Знаешь, — наконец сказал Меллери, вздохнув, — это долгая история. Я не хотел впутывать Кадди в этот бардак.

— Про какой бардак ты сейчас говоришь?

— Про угрозы.

— Она не знает про эти письма?

— В этом нет необходимости. Они просто напугали бы ее.

— Наверняка она знает про твое прошлое. Она же читала твои книги.

— Она знает. Но эти угрозы — совсем другое дело. Я просто не хочу, чтобы она волновалась.

Это показалось Гурни почти убедительным. Почти.

— А есть какая-то часть твоего прошлого, которую ты особенно тщательно хочешь скрыть от Кадди, от полиции или от меня?

Неуверенная пауза, за которой последовало «нет», настолько явственно противоречила отрицанию, что Гурни засмеялся.

— Что смешного?

— Я не знаю, можно ли тебя назвать худшим лгуном из всех, кого я знал, Марк, но ты явно в десятке лидеров.

После еще одной долгой паузы Меллери тоже начал смеяться. Это был приглушенный, вымученный смех, напоминающий сдавленные рыдания. Затем он произнес упавшим голосом:

— Что ж, когда все прочее не работает, остается только сказать правду. А правда в том, что вскоре после нашей с Кадди женитьбы у меня был краткий роман с женщиной, которая была гостьей института. Это было чистое безумие с моей стороны. И все закончилось плохо, что любому здравомыслящему человеку было бы ясно с самого начала.

— И?..

— И все. Я вздрагиваю при одной мысли об этом. Эта история связывает меня с моим прошлым, со всей его грязью — эгоизмом, похотью, порочными мыслями.

— Может быть, я чего-то не понял, — сказал Гурни. — Но как это связано с тем, почему ты мне не сказал, что женат?

— Ты будешь думать, что у меня паранойя. Но я подумал, что тот роман может каким-то образом быть связан с этой историей с письмами. И я испугался, что если ты узнаешь о Кадди, ты захочешь с ней поговорить, и... последнее, чего я хочу, — это чтобы она узнала о том безрассудном, идиотском романе.

— Понимаю. Кстати, а кто владелец института?

— В каком смысле владелец?

— Разве существует несколько смыслов?

— Духовно я владелец, потому что программа основана на моих книгах и записях.

— Духовно?

— Юридически всем владеет Кадди — недвижимостью и остальным вещественным имуществом.

— Любопытно. То есть ты главный акробат, но цирк принадлежит

Кадди.

— Можно и так сказать, — с прохладцей ответил Меллери. — Думаю, пора вешать трубку. Арибда может позвонить в любой момент.

Он позвонил ровно три часа спустя.

Глава 14

Долг

Мадлен устроилась на диване с вязаньем и была полностью поглощена одной из трех работ, которые у нее находились в разной степени готовности. Гурни сидел в кресле поблизости и листал 600-страничный учебник по компьютерной обработке фотографий, но не мог сосредоточиться на чтении. Дрова в камине догорели до углей, над которыми теперь вспыхивали и, чуть потанцевав, исчезали языки пламени.

Когда зазвонил телефон, Гурни поспешил подойти.

Меллери говорил низким встревоженным голосом:

— Дэйв, это ты?

— Да, я слушаю.

— Он на другой линии. Я включил запись и собираюсь тебя подсоединить. Ты готов?

— Давай.

Мгновение спустя Гурни услышал странный голос, заканчивающий предложение:

— ...не будет какое-то время. Но я хочу, чтобы ты знал, кто я.

Голос был высокий и натужный, ритм — неловкий и искусственный. Чувствовался какой-то акцент, но не характерный, как будто слова нарочно слегка коверкали, чтобы сделать голос неузнаваемым.

— Сегодня вечером кое-что для тебя было оставлено. Ты получил?

— Получил что? — Меллери явно нервничал.

— Не получил, значит? Ладно, скоро получишь. Ты знаешь, кто я?

— Кто вы?

— Тебе действительно интересно?

— Разумеется. Откуда я могу вас знать?

— Значит, цифра 658 не подсказала тебе ответ?

— Эта цифра для меня ничего не значит.

— Неужели? Однако из всех возможных цифр ты выбрал именно ее.

— Да кто вы, черт побери?

— Есть еще одна цифра.

— Ч-что? — Голос Меллери задрожал от волнения и испуга.

— Я сказал, что есть еще одна цифра. — В голосе звучало садистское удовольствие.

— Не понимаю.

— Подумай сейчас о какой-нибудь цифре, любой, кроме 658.
— Зачем?
— Загадай любую цифру, кроме 658.
— Хорошо. Я загадал.
— Отлично. Теперь прошепчи ее.
— Не понимаю, что?..
— Прошепчи цифру.
— Прошептать?
— Да.
— Девятнадцать, — громко и резко прошептал Меллери.
На другом конце раздался мрачный смех.
— Хорошо, очень хорошо.
— Так кто вы?
— А ты все еще не понял? Столько мучений, а ты не узнаешь меня. Такую возможность нельзя было исключать. Поэтому тебе была оставлена записка. Ты уверен, что не получал ее?
— Не знаю, о какой записке речь.
— Да, но ты же знал, что цифра 19.
— Вы же сказали загадать цифру.
— Но это была та самая цифра, разве нет?
— Я ничего не понимаю.
— Ты давно заглядывал в свой почтовый ящик?
— Почтовый ящик? Не знаю, когда-то днем.
— Загляни туда еще раз. Увидимся в декабре или даже в ноябре. — За этими словами последовал обрыв связи.
— Алло! — закричал Меллери. — Вы там? Вы слышите? — Когда он снова заговорил, его голос звучал изможденно. — Дэйв?
— Я здесь, — ответил Гурни. — Повесь трубку, проверь ящик и перезвони мне.
Едва Гурни повесил трубку, как телефон вновь зазвонил. Он ответил:
— Угадал. Как ты?
— Хорошо. Но я тут немного занят...
— У тебя все в порядке?
— Да. Прости, что повторяюсь, но я жду звонка с минуты на минуту. Можно я тебе перезвоню?
— Легко. Я просто хотел рассказать тебе кое-какие новости, тут кое-что произошло, я кое-чем занялся. Мы так давно не разговаривали...
— Я перезвоню, как только смогу.
— Хорошо, буду ждать.

— Прости. Спасибо. До связи.

Гурни закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Господи, почему все всегда наваливается сразу? Разумеется, он сам в этом виноват. Отношения с Кайлом лежали в самой неблагоприятной плоскости его жизни и были полны вытеснения и самооправдания.

Кайл был ребенком от его первого, недолгого брака с Карен. Воспоминания об этом браке до сих пор, двадцать два года спустя после развода, портили Гурни настроение. Их несовместимость была очевидна с самого начала всем, кто был с ними знаком, однако в силу упрямства (или эмоциональной ущербности, как ему думалось бессонными ночами) они оба ввязались в этот злосчастный союз.

Кайл был похож на мать, он вырос таким же манипулятором и любителем материальных благ. Это она настояла, чтобы его так назвали. *Кайл*. Гурни так и не привык к этому имени. Невзирая на то что сын был умным человеком и не по годам успешным в финансовом мире, Кайл казался ему именем самовлюбленного смазливой подростка из мыльной оперы. Кроме того, существование Кайла было постоянным напоминанием о первом браке, который, в свою очередь, напоминал Гурни о каком-то другом человеке в нем самом, теперь недоступном его пониманию, — хотя бы потому, что этот человек хотел жениться на Карен.

Он закрыл глаза, удрученный тем, что так и не разобрался в собственных мотивах, и тем, какую реакцию вызывал у него собственный сын.

Телефон зазвонил. Он снова снял трубку, опасаясь опять услышать Кайла, но звонил Меллери.

— Дэйв?

— Да.

— В почтовом ящике оказался конверт, на нем напечатаны мои имя и адрес, но нет ни марки, ни почтового штампа. Видимо, его туда бросили просто так. Открыть его?

— На ощупь там есть что-то, кроме бумаги?

— Как, например, что?

— Что угодно, там прощупывается что-нибудь?

— Нет, абсолютно плоский конверт, как будто вовсе пустой. Никаких посторонних предметов не чувствую, если ты об этом. Так мне его вскрыть?

— Давай, но остановись, если увидишь что-то, кроме бумаги.

— Хорошо. Вот, вскрыл. Там только один листок. Текст напечатан на машинке. Простая бумага, без шапки. — Последовало несколько секунд

тишины. — Что? Что за чертовщина!

— Что там?

— Это невозможно. Не может такого быть...

— Прочитай вслух.

Меллери удивленно прочитал:

— *Оставляю эту записку на случай, если ты пропустишь мой звонок. Если ты еще не понял, кто я, подумай про цифру 19. Она ни о ком тебе не напоминает? И не забывай: мы увидимся в декабре или даже в ноябре.*

— Это все?

— Да. Так и написано: подумай про цифру 19. Как он мог угадать? Это же невозможно!

— Но там именно так напечатано?

— Да! Я просто хочу сказать... не знаю, что я хочу сказать... то есть... ну это же невероятно... Господи, Дэйв, что происходит?

— Не знаю пока. Но мы разберемся.

Что-то вдруг встало на место — ответ еще не был очевиден, он еще был далек от разгадки, но что-то в его уме сдвинулось с мертвой точки. Теперь он на сто процентов был готов ответить на вызов. Мадлен, стоявшая в дверях, увидела эту решимость. Увидела резкий блеск в его глазах — огонь его неутомимого ума, — и, как обычно, это наполнило ее восхищением и одиночеством.

Новая загадка с цифрой и всплеск адреналина, который она вызвала, не давали Гурни заснуть глубоко за полночь, хотя он лежал в кровати с десяти часов. Он беспокойно ворочался с боку на бок, пока его ум искал подходы к задаче, как человек, который во сне потерял ключи от дома и ломится во все запертые окна и двери поочередно.

Потом он вспомнил вкус мускатного ореха, который был в кабачковом супе, и ощущение дурного сна усилилось.

Если ты еще не понял, кто я такой, подумай про цифру 19. И Меллери загадал именно цифру 19, и это было до того, как он открыл конверт. Невероятно. Но все случилось именно так.

Привкус муската продолжал его донимать. Трижды он вставал выпить воды, это не помогало. А потом он вспомнил про масло. Мадлен добавляла в свой кабачковый суп много мускатного ореха и масла. Как-то раз он даже обсуждал это с их психотерапевтом. С их бывшим семейным психотерапевтом. У которого, впрочем, они были всего дважды, когда спорили, стоит ли Гурни уходить в отставку, и полагали (ошибочно, как потом выяснилось), что разговор с посторонним человеком поможет им

преодолеть разногласия. Он попытался вспомнить, к чему он тогда упомянул злосчастный суп, в каком контексте, как ему вообще могло прийти в голову заговорить о чем-то настолько пустячном.

Это была сессия, когда Мадлен говорила о нем так, словно он не присутствовал в той же комнате. Сначала она рассказывала о том, как он спит — если уж заснул, то, как правило, до самого утра не проснется. Тогда-то он и заметил, что исключением были ночи после того, как она готовила суп из кабачков, когда он не мог отделаться от привкуса мускатного ореха и масла. Но она продолжила говорить, игнорируя его дурацкое замечание, обращаясь к психотерапевту, как будто они были двумя взрослыми, обсуждающими ребенка.

Она сказала, что нет ничего удивительного в том, что он не просыпается до самого утра, поскольку работа его так изматывает. В его жизни так мало спокойствия и возможностей расслабиться. Он такой хороший человек, такой порядочный, но постоянно испытывает чувство вины за то, каков он есть, мучимый своими ошибками и недостатками. Столько блестящих профессиональных достижений — но в его сознании все затмевает горстка неудач. Он безостановочно думает, решает какие-то задачи, одну за другой, словно Сизиф, который вечно катит камень в гору, — снова, и снова, и снова. Цепляется за жизнь, как за головоломку, которую необходимо решить. Но ведь не вся жизнь — головоломка, говорила Мадлен, обращаясь наконец-то к нему, а не к терапевту. К жизни можно подходить по-другому. Тайны, а не загадки. То, что можно любить, а не разгадывать.

Воспоминание о ее словах странно подействовало на него. Оно захватило его целиком, растревожило и измотало, а потом постепенно отпустило, заодно с привкусом масла и мускатного ореха, и он погрузился в тяжелый сон.

Под утро он ненадолго проснулся от того, что Мадлен выбиралась из постели. Она негромко высморкалась. Долю секунды он размышлял, отчего она плакала, но тут же подумал, что, скорее всего, причина насморка — какая-нибудь сезонная аллергия. Сквозь сонный прищур он наблюдал, как она открывает шкаф и надевает махровый халат. Чуть позже он услышал — или домыслил во сне, наверняка он не знал, — как она спускается в подвал, а после еле слышно проходит мимо спальни. Когда первый утренний свет залил спальню и просочился в коридор, она вернулась, похожая на призрак, с чем-то в руках — с какой-то коробкой.

Его веки сомкнулись от усталости, и он заснул еще на час.

Глава 15 Дихотомии

Он встал не потому, что выспался или хорошо отдохнул, а потому, что встать оказалось предпочтительнее, чем погрузиться обратно в сон, от которого в памяти не осталось ничего, кроме отчетливого ощущения клаустрофобии. Было похоже на похмелье времен колледжа.

Он заставил себя принять душ, и это слегка улучшило его настроение. Затем он оделся и вышел на кухню, где с удовольствием обнаружил, что Мадлен сварила достаточно кофе для двоих. Она сидела за столом, задумчиво смотрела на террасу и держала обеими руками горячую чашку, как будто пытаясь согреться. Он налил себе кофе и сел напротив нее.

— Доброе утро, — сказал он.

Она загадочно улыбнулась в ответ.

Он проследил за ее взглядом. Сердитый ветер срывал последние листья с деревьев у подножия холмов. От сильного ветра Мадлен обычно нервничала — с тех пор, как перед ее машиной на дороге упал огромный дуб как раз в тот день, когда они переезжали в Уолнат-Кроссинг. Но сегодня утром она была слишком погружена в свои мысли, чтобы нервничать.

Спустя пару минут она повернулась к нему, и на ее лице появилось резкое недовольство, как будто что-то в его манере или внешнем виде ее неприятно поразило.

— Куда ты собрался? — спросила она.

Он помолчал.

— В Пион. В институт.

— Зачем?

— Зачем?.. — переспросил он, едва скрывая раздражение. — Потому что Меллери до сих пор отказывается обратиться в полицию, и я хочу подтолкнуть его посильнее в этом направлении.

— Этого нельзя сделать по телефону?

— Живьем получится убедительнее. К тому же я хочу сделать копии всех записок и записи вчерашнего звонка.

— Для этого давно изобрели курьерскую почту.

Он посмотрел на нее:

— Почему ты против того, чтобы я ехал в институт?

— Проблема не в том, куда ты едешь, а в том зачем.

— Чтобы убедить его обратиться в полицию! И сделать копии записок!

— Ты искренне считаешь, что ты ради этого собираешься в Пион?

— Если нет, то почему?

Она посмотрела на него странно, как будто даже с жалостью, а потом ответила:

— Ты едешь, потому что ты вцепился в это дело и не можешь его отпустить. Ты едешь, потому что не можешь остаться в стороне. — Она закрыла глаза, и это было как затемнение в конце фильма.

Он не нашелся что ответить. Мадлен часто заканчивала споры вот так — говорила или делала что-то такое, отчего поток его мыслей прерывался и он был вынужден замолчать. На этот раз ему показалось, что он понимает, почему это произвело на него такой эффект, хотя бы отчасти. В ее голосе ему померещился отголосок той речи у психотерапевта, которую он так ясно вспоминал несколько часов назад. Совпадение показалось ему обескураживающим, как будто Мадлен из прошлого и нынешняя Мадлен вместе ополчились против него.

Он долго молчал.

Она отнесла чашки из-под кофе в раковину и помыла их. Затем, вместо того чтобы поставить их в сушку, как обычно, она вытерла чашки и убрала в шкаф.

Продолжая смотреть в этот шкаф, словно она забыла, зачем открыла его, она спросила:

— Во сколько ты едешь?

Он пожал плечами и огляделся, как будто правильный ответ мог оказаться написанным на одной из стен. Его взгляд привлек какой-то предмет на журнальном столике перед камином. Картонная коробка из-под винных бутылок, перевязанная белой лентой, собранной сверху в бант. Он впился взглядом в этот бант.

Господи. Вот зачем она спускалась в подвал.

Коробка оказалась меньше, чем ему помнилось, и картон оказался темнее, но это был тот самый, безошибочно узнаваемый белый бант. Индуисты были тысячу раз правы: именно белый, а не черный, естественный цвет скорби.

Он почувствовал пустоту в легких, как будто сила земного притяжения отнимала у него дыхание и тащила самую его душу вниз, в землю. *Дэнни. Рисунки Дэнни. Мой маленький мальчик.* Он сглотнул и отвернулся, не в силах встречаться взглядом с такой необъятной потерей. Его охватила такая слабость, что он не мог пошевелиться. Он выглянул на террасу, прокашлялся, прочистил горло и попытался заменить нахлынувшие воспоминания ощущениями из настоящего, переключиться, сказать что-то, услышать собственный голос, прервать ужасное молчание.

— Я вряд ли надолго, — сказал он и поднялся из кресла. Это отняло последние его силы. — К ужину вернусь.

Он едва сознавал, что говорит. Мадлен наблюдала за ним с болезненным подобием улыбки на лице и молчала.

— Мне пора, — сказал он. — Нехорошо будет, если я опоздаю.

Ничего не видя перед собой, спотыкаясь, он поцеловал ее в щеку и вышел к машине, забыв дома куртку.

Виды за окном тем утром были совсем иными, зимними, краски осени как будто стекли с деревьев. Он едва замечал это. Он ехал на автопилоте, ничего не видя, поглощенный образом коробки с белым бантом, памятью о ее содержимом, попыткой понять, что означало ее появление на столе.

Почему? Почему именно сейчас, после стольких лет? Зачем? О чем она думала? Он проехал через Диллвид и мимо Абеляров, даже не заметив. У него засосало под ложечкой. Надо было отвлечься, как-то собраться.

Думай о том, куда едешь и зачем ты туда едешь. Он постарался заставить себя думать о записках, о стихах, о цифре 19. О том, почему Меллери выбрал цифру 19. О том, как он нашел эту цифру в конверте. Как это можно было подстроить? Это второй случай, когда Арибда, Харибда или как его на самом деле звали, провернул этот невероятный трюк. Между первым и вторым случаем была определенная разница, но второй случай был таким же удивительным, как и первый.

Мысль о коробке на журнальном столике не давала ни на что отвлечься. Коробка и ее содержимое — он так явственно помнил, как ее упаковывали много лет назад. Карандашные рисунки Дэнни. Господи. Листок с оранжевыми каракулями, которые Мадлен считала бархатцами. И эта смешная картинка, изображавшая то ли зеленый шарик, то ли дерево, то ли леденец. Боже ты мой.

Гурни не помнил, как доехал до аккуратной парковки института — он почти не смотрел на дорогу. Оглядевшись, он сделал очередную попытку вернуться в реальность, вызвать свой рассудок туда, где находилось тело.

Наконец его постепенно отпустило и даже стало клонить в сон — это было легкое онемение, которое так часто наступает после сильных переживаний. Он посмотрел на часы — умудрился приехать как раз вовремя. Видимо, эта его способность не зависела от сознательной вовлеченности в действительность и функционировала как автономная нервная система. Меллери, как и в предыдущий раз, открыл дверь раньше, чем он успел постучать.

Гурни вошел с ветреного двора в дом.

— Есть новости?

Меллери покачал головой и закрыл тяжелую антикварную дверь, но несколько сухих листьев успело проскользнуть за порог.

— Пройдем в кабинет, — предложил он. — Кофе, сок?

— Кофе, пожалуйста, — сказал Гурни.

Они снова сели в кресла перед камином. На столике между ними лежал большой желтый конверт. Меллери указал на него со словами:

— Копии всех записок и запись звонка, приготовил для тебя.

Гурни взял конверт и положил его к себе на колени.

Меллери нетерпеливо смотрел на него.

— Тебе надо обратиться в полицию, — сказал Гурни.

— Мы это уже проходили.

— Значит, надо пройти еще раз.

Меллери закрыл глаза и потер виски, как будто у него болела голова. Когда он вновь открыл глаза, было видно, что он на что-то решился.

— Приходи сегодня утром на мою лекцию. Тогда тебе все станет понятно. — Он говорил быстро, словно чтобы опередить возражения. — То, что здесь происходит, очень хрупко. Мы объясняем нашим гостям про сознание, про умиротворение, про ясность ума. Их доверие — это самое главное. Мы же сталкиваем их с чем-то, что способно изменить их жизни. Но это как след от самолета в небе. Когда ясно и безветренно — читается. Но хоть один порыв ветра — и все смазывается. Понимаешь, о чем я?

— Не уверен.

— Просто приходи на лекцию, — умоляюще повторил Меллери.

Ровно в десять утра Гурни вошел следом за ним в большое помещение на первом этаже главного особняка. Оно напоминало гостиную дорогого загородного отеля. Дюжина кресел и несколько диванов полукругом расположились перед огромным камином. Гостей было человек двадцать, и большинство уже сидело, но кое-кто стоял у столика с серебряным кофейником и вазой с круассанами.

Меллери спокойно вышел к камину и встал лицом к зрителям. Те, кто стоял у столика, поспешили занять свои места, и все замолчали. Меллери жестом пригласил Гурни занять кресло у камина.

— Это Дэвид, — сказал Меллери, улыбнувшись Гурни. — Он хочет побольше узнать про то, чем мы с вами занимаемся, поэтому я пригласил его присутствовать на нашем утреннем собрании.

Несколько человек высказали что-то ободряющее, и все заулыбались, как показалось Гурни, довольно искренне. Он столкнулся взглядом с женщиной, которая обругала его накануне. Она выглядела застенчивой и

даже слегка покраснела.

— Роли, оказывающие важнейшее влияние на нашу жизнь, — Меллери заговорил без вступления, — это те роли, которых мы обычно не осознаем. Точно так же мы менее всего отдаем себе отчет в тех потребностях, которые в первую очередь движут нами. Чтобы стать счастливыми и свободными, нам надо понять, какие роли мы играем, и выявить наши истинные потребности.

Он говорил спокойно и прямолинейно, и публика охотно его слушала.

— Первым препятствием на этом пути будет наша уверенность, что мы уже все про себя понимаем, что нам известны мотивы собственных действий, что мы знаем, почему мы испытываем те или иные чувства по отношению к себе и окружающим людям. Для того чтобы продвинуться на нашем пути, необходимо подойти к этому по-новому. Чтобы узнать правду о себе, я должен перестать настаивать на том, что я ее уже знаю. Я никогда не сдвину с дороги камень, если не пойму, чем он на самом деле является.

Гурни подумал, что эта последняя метафора звучит особенно сомнительно и нагоняет мистического тумана, но тут Меллери резко повысил голос.

— Знаете, что это за камень? Это наше устоявшееся представление о себе. Тот, кем вы себя считаете, удерживает того, кем вы на самом деле являетесь, в темнице, вдали от света, пищи и близких. Тот, кем вы себя считаете, пытается убить того, кто вы есть на самом деле, покуда вы оба живы.

Меллери сделал паузу, как бы приходя в себя после нахлынувших чувств. Он посмотрел на своих зрителей. Те слушали его, едва дыша. Когда он снова заговорил, его голос стал тише, но оставался взволнованным.

— Тот, кем я себя считаю, боится того, кем я являюсь. Боится того, что другие могут про него подумать. Что бы они сделали со мной, если бы узнали, кто я такой в действительности? Лучше перестраховаться!

Лучше спрятать настоящего человека, заморить его голодом, похоронить его!

Он снова сделал паузу, умеряя пыл.

— С чего же все начинается? В какой момент мы раздваиваемся на себя мнимого, занимающего наш ум, и себя настоящего, запертого в темнице, умирающего? Я считаю, что это случается достаточно рано. В моем случае близнецы обосновались во мне прочно к девяти годам. Сейчас я расскажу вам историю. Заранее извиняюсь перед теми, кто ее уже слышал.

Гурни оглядел гостей, несколько человек понимающе улыбались.

Казалось, перспектива услышать какую-то из историй Меллери во второй или в третий раз их только воодушевляла, как ребенка воодушевляет обещание пересказать любимую сказку.

— Однажды я собирался в школу, и моя мама дала мне двадцать долларов, чтобы я по дороге домой купил молока и хлеба. Когда я вышел из школы в три часа, я остановился в кафетерии возле школы, чтобы купить себе колу перед походом в магазин. После уроков там болталось много учеников. Я положил на прилавок двадцатидолларовую купюру, чтобы расплатиться за колу, но не успел продавец ее взять, как кто-то из учеников подошел и увидел ее. «Слышь, Меллери, — сказал он. — Откуда у тебя двадцать баксов?» Это был самый отъявленный забияка в нашем классе. Мне было девять, ему одиннадцать — он дважды оставался на второй год, и он был настоящим хулиганом. Мне не то что дружить, даже разговаривать с ним не полагалось. Он часто ввязывался в драки, иногда залезал в чужие дома и что-нибудь крал. Когда он спросил, откуда у меня деньги, я собирался ответить, что мне их дала мама, чтобы купить молоко и хлеб, но я боялся, что он начнет меня обзывать маменькиным сынком, а хотелось сказать что-нибудь такое, чтобы он впечатлился. И я сказал, что украл их. Он посмотрел на меня с любопытством, и мне это понравилось. Тогда он спросил, у кого я их украл, и я сказал первое, что мне пришло на ум, — у мамы. Он кивнул и отстал от меня. Я испытал некоторое облегчение, хотя в то же время мне было как-то не по себе. Наутро я уже забыл об этом случае. Но неделю спустя он подошел ко мне в школьном дворе и спросил: «Слышь, Меллери, ну что, сколько еще денег у матери украл?» Я ответил, что нисколько. А он спросил: «А чего не стыришь еще двадцатку?» Я не знал, что ответить, просто молча уставился на него. А он нехорошо так улыбнулся и сказал: «Стыришь у нее еще двадцатку и отдашь мне, иначе я расскажу про двадцатку, которую ты украл на той неделе». Я почувствовал, как земля уходит у меня из-под ног.

— Господи, — воскликнула женщина с лошадиным лицом, сидевшая в бордовом кресле у дальнего края камина. По комнате пронесся сочувственный гул.

— Каков засранец, — проворчал полный мужчина с мрачным взглядом.

— У меня началась паника. Я представил себе, как он идет к моей матери и рассказывает, что я украл у нее двадцать долларов. То, что эта ситуация крайне маловероятна — чтобы этот бандюган вообще заговорил с моей мамой, — мне тогда не пришло на ум. Я был охвачен страхом, что он ей расскажет, а она ему поверит. Я даже не рассматривал вариант, что ей

надо рассказать правду. И в этом состоянии паники я принял худшее из возможных решений. Я тем же вечером вытащил из кошелька матери двадцатку и отдал ему на следующий день. Разумеется, через неделю он потребовал повторения. И еще через неделю. И так далее, шесть недель, пока отец не поймал меня с поличным, когда я задвигал ящик маминой конторки, сжимая в руке двадцать долларов. Я рассказал родителям всю постыдную историю как есть, от начала до конца. Все стало еще хуже. Они позвонили нашему пастору, монсеньору Реардону, и повели меня к нему, чтобы я пересказал историю ему. На следующий вечер монсеньор снова позвал нас, и снова, уже в компании мальчишки-вымогателя и его родителей, мне пришлось пересказать всю историю. Но даже этим дело не закончилось. Родители на год лишили меня карманных денег, чтобы возместить украденное. Они стали по-другому ко мне относиться. Вымогатель придумал такую версию истории, в которой он получался эдаким героическим робингудом, а я — крысятником-стукачом. И время от времени он бросал на меня такой хитрый, злобный взгляд, намекавший, что при любом удобном случае он сбросит меня с крыши.

Меллери сделал паузу и помассировал лицо, как будто мышцы свело от воспоминаний.

Полный мужчина угрюмо покачал головой и повторил:

— Вот засранец!

— Я тоже так думал, — ответил Меллери. — Каков изворотливый засранец. Когда бы я ни вспоминал об этой истории, я сразу думал: засранец! Это было моей первой мыслью.

— Да потому что так и есть, — сказал толстяк тоном, не тепрящим возражений. — Он и был засранцем.

— Конечно был, — с энтузиазмом согласился Меллери. — Конечно. Но я был так увлечен тем, кем являлся он, что совершенно забыл спросить себя, кто же я. Кем же был этот девятилетний мальчишка и почему он поступил как поступил? Мало сказать, что он был напуган. Чего он боялся? И за кого он в тот момент себя принимал?

Гурни с удивлением заметил, что рассказ его захватил. Меллери завладел его вниманием, как и всех присутствовавших в комнате. Из наблюдателя он превратился в участника в этом поиске значения, мотива, собственного «я». Меллери принялся прохаживаться взад-вперед перед камином, продолжая говорить, как будто память о прошлом не давала ему стоять на месте.

— Сколько бы я ни вспоминал того мальчишку — себя девятилетнего, — я воспринимал его как жертву. Жертву шантажа, жертву

собственного невинного желания нравиться, быть любимым, быть принятым. Ведь ему всего лишь хотелось нравиться этому парню постарше. Он был жертвой жестокости этого мира. Бедный малыш, бедный агнец в зубах у волка.

Тут Меллери остановился лицом к зрителям. Теперь голос его стал мягче.

— Но этот мальчик был кое-кем еще. Он был лгуном и вором.

Публика разделилась на тех, кто хотел с этим поспорить, и тех, кто согласно кивал.

— Он солгал, когда его спросили, откуда у него деньги. Он притворился вором, чтобы понравиться тому, кого сам считал вором. А затем, боясь, что мать узнает о его воровстве, решил: лучше и в самом деле стать вором, чем предстать таковым в ее глазах. Больше всего его заботило, как его воспринимают другие люди. В свете этого восприятия ему было безразлично, являлся ли он на самом деле лгуном или вором, и он не думал, какие последствия будут у его лжи и кражи для тех, кому он лгал и кого обкрадывал. Это беспокоило его не настолько, чтобы перестать врать и красть. Но беспокоило достаточно, чтобы после каждой новой кражи мучиться угрызениями совести. Достаточно, чтобы ненавидеть себя и мечтать о смерти.

Меллери замолчал на несколько секунд, чтобы его пояснения улеглись в головах слушателей, и затем продолжил:

— Вот что я хочу попросить вас сделать. Составьте список людей, которых вы терпеть не можете, людей, на которых вы злитесь, людей, которые чем-то вас обидели, — и спросите себя: как я попал в эту ситуацию? Как я оказался с ним в таких отношениях? Каковы были мои мотивы? Как бы мои действия в той ситуации выглядели со стороны в глазах объективного наблюдателя? Не концентрируйтесь на обидах, которые вам причинили, — мы не ищем виноватых. Мы всю жизнь искали виноватых, и это ни к чему не привело. У нас образовался длинный список людей, ответственных за все, что в жизни пошло не так. Длинный, бессмысленный список. Главный вопрос в этой истории — это где во всем этом был я? Как я открыл дверь и оказался в этой комнате? Когда мне было девять лет, я открыл эту дверь, солгав, чтобы завоевать симпатию. А вы — как вы ее открыли?

Маленькая женщина, которая обругала Гурни накануне, беспокойно заерзала на месте. Она подняла руку и спросила:

— Разве не случается, что злой человек совершает что-то ужасное по отношению к невинному, например, вламывается в его дом и грабит его?

Ведь тот, кого ограбили, не виноват?

Меллери улыбнулся.

— Ужасные вещи происходят с хорошими людьми, такое бывает. Но эти хорошие люди не тратят затем всю свою жизнь на то, чтобы вновь и вновь прокручивать в своей голове несправедливость. Истории, что расстраивают нас сильнее всего и никак не идут из головы, — те, где мы играли роль, в которой не в силах себе признаться. Вот почему длится эта боль: мы отказываемся посмотреть в ее корень. Мы не можем освободиться от нее, потому что не видим той точки, где она сцеплена с нами.

Меллери закрыл глаза, как будто собираясь с силами, чтобы продолжить.

— Худшие страдания в жизни причиняют ошибки, в которых мы отказываемся признаться, — наши поступки, настолько не соответствующие нашей истинной сущности, что мы не в силах подумать о них. И мы раздваиваемся, превращаемся в двух человек в одной шкуре, и эти двое друг друга ненавидят. Один — лгун, другой — тот, кто ненавидит лгунов. Один — вор, другой — тот, кто ненавидит воров. И ничто не сравнится с болью, какую причиняет эта бесконечная битва в нашем подсознании. Мы можем от нее убежать, но она бежит вместе с нами. Куда бы мы ни шли, эта битва будет всегда внутри нас.

Меллери вновь заходил взад-вперед перед камином.

— Сделайте, как я говорю. Составьте список людей, которых вы вините в различных невзгодах вашей жизни. Чем сильнее вас кто-нибудь злит, тем лучше. Запишите их имена. Чем глубже вы убеждены в собственной невиновности, тем лучше. Запишите, что они сделали и как вам было больно. А затем спросите у себя: как вы открыли дверь? Если ваша первая мысль — что это упражнение бессмысленно, спросите себя, почему вы так торопитесь отказаться от него. Запомните: задача не в том, чтобы снять вину с тех, кто перед вами действительно виноват. Снять с кого-либо вину не в наших силах, это Господня работа. Ваша задача — ответить на один-единственный вопрос: *как я открыл эту дверь?*

Он огляделся, стараясь встретиться взглядом с как можно большим количеством гостей.

— *Как я открыл эту дверь?* Счастье всей вашей жизни зависит от того, насколько честно вы ответите на этот вопрос.

Он остановился, как будто в изнеможении, и объявил перерыв на «чай, кофе, глоток свежего воздуха и так далее». Люди принялись вставать со своих мест и разбредаться, а Меллери вопросительно посмотрел на Гурни, который остался сидеть.

— Это что-нибудь прояснило? — спросил он.

— Это было впечатляюще.

— В каком смысле?

— Ты чертовски хороший оратор.

Меллери кивнул — в этом кивке не было ни скромности, ни тщеславия.

— Ты заметил, насколько все это хрупко?

— Ты имеешь в виду контакт, который ты устанавливаешь с клиентами?

— Наверное, «контакт» — подходящее слово, если оно подразумевает одновременно доверие, единение, открытость, надежду и любовь — и если ты понимаешь, насколько это нежные цветы, особенно когда они только начинают распускаться.

Гурни не мог понять, как относиться к Марку Меллери. Если он и был шарлатаном, то определенно лучшим из всех, что ему встречались.

Меллери поднял руку и обратился к девушке, стоявшей у столика с кофе:

— Кайра, сделай мне одолжение, позови сюда Джастина!

— Легко! — ответила она и тут же вышла.

— Кто такой Джастин?

— Молодой человек, без помощи которого мне все труднее справляться. Впервые он приехал сюда как гость, когда ему был всего двадцать один год, посетителей младше у нас не бывает. Он возвращался трижды, и на третий раз так и не уехал.

— И чем он здесь занимается?

— Можно сказать, тем же, чем и я.

Гурни непонимающе посмотрел на Меллери.

— Джастин с самого первого визита был на одной волне со мной — всегда понимал, что я говорю, улавливал все нюансы и все такое. Очень сообразительный молодой человек, незаменимый участник всех наших действий. Институт был создан для таких, как он, а такие, как он, созданы для нашего дела. У него здесь есть будущее, если он пожелает.

— Марк младший, — пробормотал Гурни, скорее сам для себя.

— Что, прости?

— По рассказу выходит идеальный сын. Воспринимает и одобряет все, что ты можешь ему предложить.

Ухоженный, интеллигентного вида молодой человек зашел в комнату и подошел к ним.

— Джастин, познакомься, это мой старый друг Дэйв Гурни.

Молодой человек протянул руку, и жест был одновременно дружелюбный и смущенный.

Они обменялись рукопожатием, затем Меллери отвел его в сторону и заговорил с ним негромким голосом:

— Я хочу, чтобы ты провел следующие полчаса лекции, приведи несколько примеров внутренней дихотомии.

— С удовольствием, — сказал молодой человек.

Гурни дождался, когда Джастин отойдет за кофе, затем сказал Меллери:

— Если у тебя есть время, я бы хотел, чтобы ты сделал один звонок, пока я здесь.

— Мы сейчас вернемся в дом. — Было очевидно, что Меллери хотел соблюсти максимально возможную дистанцию между своими гостями и текущими трудностями.

По дороге к дому Гурни объяснил ему, что надо позвонить Грегори Дермотту и расспросить поподробнее о его абонентском ящике и обо всем, что он может помнить в связи с получением чека на имя Арибды, который он затем вернул Меллери. Есть ли в компании кто-то с доступом к ящику? Хранится ли ключ от ящика у самого Дермотта? Существует ли запасной ключ? Как давно он арендует этот ящик? Получал ли он на этот адрес другие письма по ошибке? Получал ли когда-нибудь непонятные чеки? Говорят ли ему что-нибудь имена Х. Арибда, Харибда или Марк Меллери? Слышал ли он что-нибудь про Институт духовного обновления?

Когда по виду Меллери стало понятно, что информации слишком много, Гурни вытащил из кармана записку и протянул ему:

— Я записал все вопросы здесь. Возможно, мистер Дермотт не на все захочет ответить, но попытка не пытка.

Они продолжили путь мимо клумб умирающих цветов. Меллери, казалось, все глубже погружался в переживания. Когда они дошли до террасы, он остановился и заговорил голосом человека, который боится, что кто-то его может услышать.

— Всю прошлую ночь я не спал. Эта история с цифрой 19 сводит меня с ума.

— И ты не нашел никакой связи? Она что-нибудь для тебя значит?

— Ничего. Какие-то глупости в голову лезут. Один психотерапевт как-то выдал мне опросник на двадцать пунктов, чтобы выявить, есть ли у меня проблемы с алкоголем, и я набрал девятнадцать из двадцати. Моей первой жене было девятнадцать, когда мы поженились. Всякое такое — случайные вещи, ничего, что можно было бы предсказать, как бы хорошо человек меня

ни знал.

— Однако у него это получилось.

— Именно это и сводит меня с ума! И главное — последовательность фактов. В моем почтовом ящике оставляют запечатанный конверт. Затем мне звонят и сообщают, что он там лежит, и просят загадать число. Я загадываю 19. Иду к почтовому ящику, достаю конверт, и в конверте нахожу листок с цифрой 19. Ровно той, о которой я подумал. Я мог подумать о цифре 72,951. Но я подумал о девятнадцати, и это была та самая цифра. Ты говоришь, что экстрасенсорные способности — ерунда, но как еще это можно объяснить?

Гурни был спокоен настолько же, насколько Меллери был встревожен.

— В нашей картине произошедшего не хватает звеньев, вот как это объясняется. Мы так смотрим на последовательность событий, что задаем неверные вопросы.

— А какой вопрос верный?

— Когда я узнаю, я первым делом сообщу тебе. Но я гарантирую, что это не будет связано с экстрасенсорными способностями.

Меллери покачал головой, и это больше напоминало тремор, чем добровольный жест. Затем он посмотрел на стену своего дома и на террасу, на которой стоял. У него был такой взгляд, словно он не помнит, как попал сюда.

— Пойдем внутрь? — предложил Гурни.

Меллери спохватился:

— Я совсем забыл — прости, Кадди сегодня вечером дома. Я не смогу... то есть, наверное, лучше будет, если... я хочу сказать, что не получится так быстро позвонить Дермотту. Придется отложить.

— Но ты позвонишь сегодня?

— Да, да, конечно. Мне просто надо будет улучить удачный момент. Я позвоню тебе, как только поговорю с ним.

Гурни кивнул, внимательно глядя на него и видя в его глазах страх рушащейся жизни.

— Прежде чем я уеду, хочу задать один вопрос. Ты попросил Джастина поговорить про внутренние дихотомии. Что ты имел в виду?

— Ты не много пропустишь, — ответил Меллери, слегка поморщившись. — Дихотомия — это разделение, дуализм. Я использую это слово для описания внутренних конфликтов.

— В духе Джекила и Хайда?

— Да, но все гораздо глубже. Люди битком набиты внутренними конфликтами. Из них складываются наши отношения, растут наши

переживания, и они же портят нашу жизнь.

— Приведи пример.

— Я могу привести сотню примеров. Простейший конфликт — между тем, как мы видим себя, и тем, как мы видим других. Допустим, мы с тобой спорим и ты на меня кричишь. Я буду считать, что ты не умеешь держать себя в руках. Но если я на тебя закричу, я буду считать, что проблема не в моем самообладании, а в том, что ты меня спровоцировал, сделал то, на что крик — адекватная реакция.

— Любопытно.

— Мы все привыкли думать так: мои проблемы от того, что я попал в такую ситуацию, а твои проблемы — от того, что ты такой человек. Отсюда все беды. Мое желание, чтобы все было по-моему, кажется мне очень логичным, а твое желание, чтобы все было по-твоему, — инфантильным. Все хорошо — это когда я хорошо себя чувствую, а ты хорошо себя ведешь. То, как я все вижу, — это то, как оно есть, а то, как ты все видишь, — это предвзятость.

— Идею я понял.

— И это только начало. Наш разум состоит из противоречий и конфликтов. Мы лжем, чтобы нам верили. Мы прячем свою истинную сущность, чтобы достичь с кем-то близости. Мы гонимся за счастьем так, что оно убегает от нас. Когда мы неправы, мы готовы горы свернуть, чтобы доказать, что мы правы.

Захваченный собственным программным текстом, Меллери говорил убедительно и красиво — эта теория мобилизовала его, невзирая на стресс.

Гурни сказал:

— У меня такое впечатление, что ты говоришь о каком-то личном источнике боли, а не об общечеловеческой проблеме.

Меллери медленно кивнул:

— Нет боли хуже, чем когда в одном теле живет два человека.

Глава 16

Конец начала

У Гурни было странное чувство. Оно то и дело появлялось после того, как Меллери впервые приехал в Уолнат-Кроссинг, но только теперь Гурни с грустью понял, что он чувствовал. Это была тоска по относительной ясности уже совершенного преступления, когда есть то, что можно измерить, описать и проанализировать — отпечатки пальцев и следы, образцы волос и тканей, показания свидетелей и подозреваемых, алиби, которые нужно проверить, оружие, которое нужно найти, пули для баллистической экспертизы. Никогда раньше он не сталкивался с делом настолько неопределенным, настолько не поддающимся стандартной процедуре.

Спускаясь по горе к деревне, он раздумывал про страхи Меллери — с одной стороны, злонамеренный преследователь, с другой — вмешательство полиции, чреватое отчуждением клиентов. Уверенность Меллери, что лекарство опаснее болезни, держало ситуацию в подвешенном состоянии.

Ему было интересно, о чем Меллери может умалчивать. Знал ли он, какой именно поступок из давнего прошлого мог быть причиной угроз и намеков? Знал ли доктор Джекил, что сделал мистер Хайд?

Лекция Меллери о двух разумах, воюющих в одном теле, заинтересовала Гурни по своим причинам. Она напоминала его собственную догадку, подкрепленную увлечением портретами преступников, о том, что раздвоение сознания заметно по лицу, и особенно по глазам. Раз за разом он сталкивался с лицами, которые в действительности были двумя лицами в одном. На фотографиях это было особенно заметно. Достаточно было заслонить половину лица листом бумаги и описать человека, которого видишь на правой половине, а затем на левой. Удивительно, насколько разными могли быть эти описания. Человек мог казаться спокойным, терпимым, мудрым с одной стороны — и холодным, недружелюбным, склонным к интригам с другой. В лицах, где невыразительность пронзала вспышка зла, выдававшая способность убивать, эта вспышка часто присутствовала только в одном глазу. Возможно, при живом общении мозг объединял и усреднял свойства этих сторон, но на фотографиях это различие было трудно не заметить.

Гурни вспомнил фотографию Меллери на обложке его книги. Он пообещал себе рассмотреть снимок получше, когда доберется домой. Он

также вспомнил, что надо перезвонить Соне Рейнольдс, которую Мадлен упоминала с такой колкостью в голосе. В нескольких милях от Пиона он остановился на засыпанной гравием обочине, отделявшей дорогу от местной речушки под названием Эзопов ручей, достал мобильный и набрал номер галереи. Через четыре гудка мягкий голос Сони предложил ему оставить сообщение любой длины и содержания.

— Соня, это Дэйв Гурни. Я помню, что обещал тебе на этой неделе прислать портрет, и я надеюсь завезти его в субботу или хотя бы прислать тебе файл по электронной почте, чтобы ты могла его распечатать. Он почти готов, но я еще не до конца им доволен. — Он сделал паузу, обратив внимание, что говорит чуть более низким и мягким голосом, чем обычно. Это всегда случалось с ним при общении с привлекательными женщинами, как верно подметила Мадлен. Он прочистил горло и продолжил: — Важнее всего поймать характер. На лице должна читаться кровожадность, особенно в глазах. Я над этим сейчас работаю и это занимает уйму времени.

Раздался щелчок, и вслед за ним — запыхавшийся голос Сони.

— Дэвид, я тут. Не успела добраться до телефона, но я все слышала. Я тебя понимаю, хочется, чтобы все получилось идеально. Но было бы здорово, если бы ты действительно успел к субботе. В воскресенье будет фестиваль, в галерее будет куча народу.

— Я постараюсь. Может быть, ближе к вечеру.

— Отлично! Я закрываюсь в шесть, но сама задержусь еще на час. Тогда и приезжай. Как раз будет время поговорить.

Он в очередной раз поразился, что любые слова, сказанные голосом Сони, звучат как сексуальная прелюдия. Конечно, он понимал, что слишком многое домысливает. Он также понимал, что ведет себя довольно глупо.

— В шесть часов, хорошо, — услышал он собственный голос и вспомнил, что кабинет Сони, с его огромными диванами и мягкими коврами, больше похож на будуар, чем на место, где решаются деловые вопросы.

Он бросил телефон обратно в бардачок и окинул взглядом долину. Голос Сони, как обычно, внес сумбур в стройный ход его мыслей, и теперь они лихорадочно носились в его голове: слишком уютный кабинет Сони, настороженность Мадлен, невозможность заранее знать, какую цифру загадает человек, кровь, как роза, красная, шесть-пять-восемь — в гости просим, Харибда, неправильный абонентский ящик, нежелание Меллери связываться с полицией, серийный убийца Питер Пиггерт, обаятельный юный Джастин, богатая стареющая Кадди, доктор Джекил и мистер Хайд и так далее и тому подобное, безо всякой связи и ясности. Он открыл окно у

пассажирского сиденья, со стороны речушки, откинулся назад, закрыл глаза и попытался сконцентрироваться на звуке воды, бегущей по камням.

Его разбудил стук в окно над ухом. Он поднял взгляд и увидел невыразительное квадратное лицо, глаза были скрыты солнечными очками, а над ними чернел козырек полицейской кепки. Он опустил стекло.

— Сэр, с вами все в порядке? — Вопрос прозвучал скорее угрожающе, чем сочувственно, а слово «сэр» было скорее формальным, нежели вежливым.

— Да, спасибо, мне просто надо было закрыть глаза на пару минут. — Он взглянул на часы на панели приборов. Пара минут, как он заметил, растянулась на четверть часа.

— Куда вы направляетесь, сэр?

— В Уолнат-Кроссинг.

— Понятно. Вы сегодня употребляли алкоголь, сэр?

— Нет, офицер, я не пил.

Мужчина кивнул и сделал шаг назад, чтобы взглянуть на машину. Его рот — единственная различимая черта его лица, по которой можно было как-то судить о его настроении, — был презрительно искривлен, как будто он считал, что Гурни заведомо врет, что не пил, и намеревался найти тому доказательство. Он нарочито неторопливо обошел машину и вернулся к открытому окну рядом с водительским сиденьем. После долгой паузы он спросил с плохо скрытой угрозой, более уместной в пьесе Гарольда Пинтера, чем в рутинной проверке на дороге:

— Вы знали, что здесь нельзя парковаться?

— Я не сообразил, — спокойно ответил Гурни. — Я собирался остановиться всего на пару минут.

— Позвольте взглянуть на ваши права?

Гурни достал документы из бумажника и протянул их из окна. Он не любил в таких случаях щеголять тем, что он отставной детектив полицейского управления Нью-Йорка, со связями, которые при необходимости можно задействовать, но в этом копе он чувствовал неуместную надменность и враждебность, чреватые как минимум неоправданной задержкой. Он неохотно достал из бумажника еще одну карточку.

— Минуточку, офицер. Возможно, это тоже пригодится.

Коп осторожно взял карточку. Гурни увидел перемену в его лице, но не в сторону дружелюбия. Было больше похоже на помесь разочарования и злобы. Нехотя он вернул ему карточку и права.

— Хорошего вам дня, сэр, — сказал он голосом, подразумевавшим

обратное, вернулся в машину и быстро уехал в том направлении, откуда появился.

Гурни подумал, что насколько бы сложным ни становилось психологическое тестирование, насколько бы высокими ни были требования к образованию, насколько бы серьезным ни было обучение в академии, всегда найдутся полицейские, которым не следует быть полицейскими. В данном случае коп ничего не нарушил, но Гурни безошибочно чувствовал в нем такую ненависть, которая не может не просочиться наружу, это всего лишь вопрос времени. И тогда непременно произойдет что-то ужасное. А до тех пор множество людей будут задерживать и допрашивать без надобности. Именно из-за таких как он копов не любят.

Может быть, Меллери в чем-то был прав.

За следующую неделю на северные склоны Катскильских гор спустилась зима. Гурни проводил почти все время в кабинете, работая то над фотографией, то над записками от Харибды. Он метался между этими двумя мирами, старательно избегая мыслей о рисунках Дэнни и хаосе, который они в нем пробуждали. Об этом стоило бы поговорить с Мадлен, узнать, зачем она решила достать коробку сейчас и почему она ждала, что он что-нибудь скажет первым. Но он не мог собраться с духом, поэтому из всех сил гнал от себя эту мысль и возвращался к делу Харибды. Об этом он хотя бы мог думать спокойно, не чувствуя себя потерянным, без учащенного сердцебиения.

Он часто вспоминал вечер после последнего визита в институт. Меллери, как и обещал, перезвонил ему тогда и передал содержание беседы с Грегори Дермоттом. Тот был достаточно учтив, чтобы ответить на все вопросы, которые Гурни написал на бумажке, но информация оказалась не особенно полезной. Он арендовал абонентский ящик последний год, никогда раньше не возникало проблем, никаких заблудших писем или чеков, доступ к ящику был у него одного, имена Арибда, Харибда и Меллери ни о чем ему не говорили, и он ничего не знал про институт. На вопрос, мог ли кто-то другой в компании иметь доступ к ящику, Дермотт объяснил, что это невозможно, так как в его конторе никого, кроме него, нет. Он работал консультантом по безопасности в компаниях с большими базами данных, которые нуждались в защите от взлома. Ничто из его рассказа не пролило свет на историю с чеком.

Поиски в интернете, предпринятые Гурни, тоже ни к чему не привели. Все источники сообщали в основном одно и то же: Грегори Дермотт

окончил Массачусетский технологический институт, приобрел солидную репутацию как компьютерщик и обзавелся отменной клиентурой. Ни он, ни его контора не были замешаны в уголовных делах, не получали судебных исков, не подвергались нападкам со стороны прессы. Незапятнанность на грани со стерильностью. И тем не менее, по какой-то по-прежнему необъяснимой причине, кто-то присвоил номер его абонентского ящика. Гурни мучил вопрос, остававшийся без ответа: зачем просить прислать чек человеку, который почти наверняка вернет его отправителю?

Гурни приводила в бешенство необходимость снова и снова думать об этом, снова и снова попадать в тот же тупик, как будто на десятый раз он мог обнаружить что-то, чего не обнаружил на девятый и восьмой. Но все же это было лучше, чем думать про Дэнни.

Первый серьезный снег выпал вечером первой пятницы ноября. Из нескольких сумеречных снежинок за пару часов он превратился в снегопад, а к полуночи вновь затих.

Гурни пил свой субботний утренний кофе и смотрел, как бледный диск солнца крадется через лесистые холмы на восток. Ночью было безветренно, поэтому все от террасы до крыши амбара было покрыто несколькими сантиметрами снега.

Он плохо спал. Его затягивали замкнутые круги беспокойства. Некоторые из них, растворившиеся к утру, были про Соню. Он в последний момент перенес их вечернюю встречу. Он не знал, чем эта встреча чревата, и не понимал, чего он сам от нее ждет, так что решил, что разумнее всего будет ее отменить.

Все эти дни он нарочно садился спиной к той части комнаты, где на журнальном столике стояла коробка с рисунками Дэнни, завязанная белым бантом, — и сегодня сделал то же самое. Он потягивал кофе и смотрел на побелевший луг за окном.

Вид снега всегда вызывает в памяти запах снега. Гурни вдруг встал, подошел к стеклянным дверям и открыл их. Резкий поток холодного воздуха воскресил целую вереницу воспоминаний — сугробы на обочинах дорог, доходящие до подмышек, покрасневшиеся и ноющие от снежков руки, крошки льда, застрявшие в шерстяном свитере, ветви деревьев, согнувшиеся под тяжестью снега, рождественские венки на дверях домов, пустые улицы, яркий свет повсюду.

Удивительное дело — прошлое живет в тебе, незримо и спокойно ожидая момента, чтобы всплыть на поверхность из мнимого небытия. Кажется, что его нет, что оно тебя покинуло. Но затем оно, как феникс,

восставший из пепла, вспыхивает внутри со всей яркостью красок, звуков, движений, присущей настоящему.

Ему захотелось окружить себя запахом снега. Он снял куртку с крючка у двери, накинул ее и вышел. Снег был слишком глубоким для ботинок, которые он надел, но ему не хотелось переобуваться. Он пошел по направлению к пруду, закрывая на ходу глаза и глубоко вдыхая воздух. Он не успел пройти и сотни шагов, как кухонная дверь открылась и Мадлен окликнула его:

— Дэвид, вернись!

Гурни повернулся и увидел ее, страшно встревоженную, в дверном проеме. Он направился к дому.

— Что случилось?

— Скорее! — сказала она. — По радио передают — Марк Меллери мертв!

— Что?!

— Марк Меллери мертв, только что передали по радио. Его убили! — Она вернулась в дом.

— О господи, — выдохнул Гурни, чувствуя спазм в груди. Он пробежал оставшиеся метры до дома и вошел на кухню, не снимая заснеженных ботинок.

— Когда это случилось?

— Не знаю. Может, сегодня утром или вчера вечером, неизвестно. Они не сказали.

Он стал слушать. Радио все еще работало, но обозреватель переключился на другую тему, что-то про банкротство большой корпорации.

— Как это произошло?

— Ничего не сказали. Только что по всем признакам это убийство.

— И никакой другой информации?

— Нет. Хотя... что-то сказали про институт, где это произошло. Институт духовного обновления в Пионе, штат Нью-Йорк. Сказали, что полиция начала расследование.

— И это все?

— Кажется, да. Какой ужас!

Он медленно кивнул, соображая.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

Быстрый перебор вариантов в уме оставил единственный возможный.

— Сообщить следователю по этому делу о своих отношениях с Меллери. Пусть он сам решает, что делать дальше.

Мадлен вздохнула и попыталась улыбнуться, но улыбка получилась грустной.

Часть вторая

СТРАШНЫЕ ИГРЫ

Глава 17

Много крови

Ровно в десять утра Гурни позвонил в полицейское управление Пиона, чтобы сообщить свое имя, адрес, телефон и рассказать о своих отношениях с покойным. Его собеседник, некто сержант Буркхольц, ответил, что информацию передадут Государственному полицейскому бюро криминальных расследований, которое занимается этим делом.

Гурни предполагал, что с ним свяжутся спустя сутки или двое, и был крайне удивлен, когда ему перезвонили уже через десять минут. Голос казался смутно знакомым, но его обладатель не представился.

— Мистер Гурни, это старший следователь по делу убийства в Пионе. Как я понял, у вас есть для нас информация.

Гурни помедлил. Он собирался было попросить полицейского представиться, как того требовала стандартная процедура, но тут голос внезапно вызвал в памяти лицо и имя. Джек Хардвик, которого он помнил по одному сенсационному делу, был любителем крепкого словца, шумным, резким, с красным лицом, ранней сединой и бледными, как у лайки, глазами. Он постоянно над всеми подшучивал, отчего полчаса рядом с ним могли показаться сутками, которые никак не заканчивались. Но помимо этого он был умен, решителен, неутомим и подчеркнуто неpolitкорректен.

— Привет, Джек, — сказал Гурни, скрывая удивление.

— Откуда ты узнал? Черт! Кто-то проболтался, да? Какой урод?

— У тебя запоминающийся голос, Джек.

— Запоминающийся, мать твою! Десять гребаных лет прошло!

— Девять.

Арест Питера Поссума Пиггерта был крупнейшим делом в карьере Гурни, благодаря которому его повысили до детектива первого класса. Разумеется, он это помнил.

— Так кто проболтался-то?

— Никто.

— Да ладно, колись!

Гурни промолчал, вспоминая, как Хардвик всегда поворачивал разговор таким образом, чтобы последнее слово оставалось за ним, и как подобного рода диалоги продолжались до тех пор, пока он не ставил точку.

Спустя долгие три секунды Хардвик продолжил менее напористым тоном:

— Девять чертовых лет — и тут ты возникаешь из ниоткуда, посреди дела, которое, возможно, будет крупнейшим в Нью-Йорке с того дня, как ты выудил нижнюю часть миссис Пиггерт из реки. Ничего себе совпаденъице.

— Вообще-то, Джек, это была верхняя часть.

В ответ раздалось характерное ослиное ржание, которым Хардвик славился.

— Ох! — выдохнул он, перестав ржать. — Дэйв, ну ты в своем репертуаре — щепетилен до мелочей.

Гурни прочистил горло.

— Можешь рассказать мне, как погиб Марк Меллери?

Хардвик помолчал, видимо застряв в неуютном тесном пространстве между личными отношениями и правилами выдачи информации, где полицейские наживают себе язву желудка. Он решил рассказать правду — не потому, что ситуация того требовала (Гурни официально не был задействован в расследовании, и ему не полагалось быть в курсе дела), а потому, что было о чем рассказать.

— Кто-то перерезал ему горло разбитой бутылкой.

Гурни вскрикнул так, будто его ударили в сердце.

Первую реакцию, впрочем, быстро вытеснила профессиональная сноровка. Ответ Хардвика поставил на место одно из звеньев головоломки.

— Это, случаем, была не бутылка от виски?

— Откуда ты знаешь? — За три слова интонация Хардвика из удивленной превратилась в подозрительную.

— Долго объяснять. Может, мне лучше заехать?

— Сделай одолжение.

Солнце, прохладный диск которого еще с утра проглядывал сквозь серую завесу зимних облаков, теперь окончательно скрылось за тяжелыми бугристыми тучами. Освещение казалось зловещим, как лицо ледяной вселенной, равнодушной ко всему живому.

Устыдившись такого фантазерства, Гурни припарковался за чередой полицейских автомобилей на заснеженной обочине перед Институтом духовного обновления. Большинство машин были сине-желтые, с символикой полиции штата Нью-Йорк; еще были фургон местной судмедэкспертизы, две белые машины из управления шерифа и два зеленых джипа полиции Пиона. Гурни вспомнил остроту Меллери: «полиция Пиона» звучит как название для гей-кабаре.

Заросли астр, видневшиеся между машинами и каменной стеной, превратились в спутанные коричневые стебли, на которых причудливыми

бутонами висели комья снега. Гурни вышел из машины и направился ко входу. У ворот стоял молодой полицейский, одетый с иголки и с неприятной ухмылкой вояки. Гурни отметил про себя, что он, вероятно, всего на год или два младше его сына.

— Чем могу помочь, сэр?

Слова были вежливыми, но взгляд им противоречил.

— Моя фамилия Гурни. Я пришел к Джеку Хардвику.

Молодой человек дважды моргнул — по одному разу на каждом имени. Выражение его лица выдавало, что как минимум одно из этих имен вызывает у него несварение.

— Минуточку, — сказал он, доставая рацию из-за пояса. — Вас проводят.

Три минуты спустя явился провожатый — детектив из отдела криминалистики, который, казалось, отчаянно пытается быть похожим на Тома Круза. Невзирая на зимний холод, он был одет в черную ветровку поверх черной же футболки. Памятуя о строгом дресс-коде, Гурни решил, что его, должно быть, вызвали на место внезапно. Край девятимиллиметрового «Глока», торчавший из наплечной кобуры, видневшейся под ветровкой, казался не столько профессиональным орудием, сколько модным аксессуаром.

— Детектив Гурни?

— Я в отставке, — ответил Гурни.

— Неужели? — переспросил Том Круз, не выражая никакого интереса. — Должно быть, это приятно. Идемте за мной.

Гурни шел следом за ним по тропинке, которая огибала главное здание и вела к малому особняку, и думал, до чего же несколько сантиметров снега видоизменили эти места. Все превратилось в простой холст, без лишних деталей. Казалось, что ступаешь по только что созданной планете, и этот образ — нового нетронутого мира — резко контрастировал с кровавой реальностью. Они обошли старый георгианский особняк, где Меллери жил, и остановились у засыпанной снегом террасы, где он умер.

Место его гибели было хорошо заметно. В снегу еще сохранялся отпечаток тела. Там, где лежали голова и плечи, расплылось огромное кровавое пятно. Гурни не в первый раз видел это кричащее сочетание ярко-красного с ослепительно-белым. Он был новичком в полиции и дежурил на Рождество, когда один пьющий коп, которого жена не пустила домой на праздники, выстрелил себе в сердце, сидя на заснеженном берегу реки.

Гурни прогнал от себя это воспоминание и сосредоточился на том, что открылось его взору.

Криминалист сидел на корточках возле следов на снегу, идущих к кровавому пятну, и чем-то их сбрызгивал. Гурни не смог разглядеть на канистре надпись с указанием химиката, но предположил, что это специальный воск, закрепляющий форму следов, чтобы с них можно было сделать слепки. Это была чрезвычайно трудоемкая задача, зато такие следы могли на многое пролить свет. Гурни не в первый раз наблюдал за работой специалиста по отпечаткам, но снова поймал себя на восхищении.

Большая часть террасы была перетянута желтой полицейской лентой, тянувшейся до заднего входа в дом. Лента также тянулась по обе стороны от следов в снегу, идущих от большого сарая рядом с домом к кровавому пятну и дальше, в сторону леса.

Задняя дверь в дом была открыта. На пороге стоял полицейский из группы расследования и рассматривал вид на террасу от входа. Гурни отлично понимал, чем он занят. На месте преступления много времени уходит на то, чтобы вжиться в него, попытаться представить, что видела жертва в свои последние минуты. Существуют четкие, хорошо проработанные правила для обнаружения и сбора улик — крови, оружия, отпечатков пальцев, следов, волос, фрагментов ткани, засохшей краски, образцов земли или растений и так далее, — но проблемы восстановления общей картины они не решают. Иными словами, нужно допускать разные варианты того, что именно, где и как произошло, потому что слишком поспешно сделанные выводы заставляют пропустить улики, которые не вписываются в первоначальную версию. В то же время важно иметь хотя бы приблизительную гипотезу, чтобы поиски происходили системно. Можно совершить массу досадных ошибок, поторопившись с выводами о сценарии преступления, а можно потратить кучу драгоценного времени и сил, исследуя квадратный метр по миллиметру в поисках неизвестно чего.

Хорошие детективы, к которым, как показалось Гурни, относился и тот, что стоял сейчас в дверях дома Меллери, поступали так: переключались с дедуктивного метода на индуктивный, и обратно. Что я здесь вижу и о какой последовательности событий говорит мне эта картина? И если результат правдоподобен, какие дополнительные улики мне нужно найти и где их искать?

Ключом к успеху, по опыту Гурни, был правильный баланс между наблюдательностью и интуицией. Главной опасностью тут было тщеславие. Старший детектив, который не торопится с рабочей версией, может потерять драгоценное время и вовремя не направить группу расследования в нужном направлении, однако детектив, который с первого взгляда заявляет, будто знает, что произошло в забрызганной кровью

комнате, и выстраивает расследование в пользу собственной правоты, причиняет куда больше проблем, которые далеко не ограничиваются потерянными временами.

Гурни было интересно, какой подход преобладает в текущей ситуации.

По ту сторону желтой ленты, недалеко от кровавого пятна, Джек Хардвик инструктировал двух серьезного вида молодых людей, один из которых был подражатель Тома Круза, а другой казался его братом-близнецом. За девять лет, прошедшие с их последней встречи по делу Пиггерта, Хардвик постарел на все восемнадцать. Лицо стало краснее и шире, волосы поредели, в голосе появилась характерная хрипотца от избытка курева и текилы.

— Здесь двадцать гостей, — говорил он близнецам. — Каждый из вас займется девятью. Запишите их имена, адреса, телефоны, проверьте документы. Патти Плюшкина и дезинсектора оставите мне. Со вдовой я тоже сам поговорю. Жду отчета в четыре часа.

Они обменялись еще какими-то негромкими репликами, перемежавшимися ослиным ржанием Хардвика, — слов Гурни не расслышал. Провожатый Гурни что-то сказал и кивнул головой в его сторону, затем парочка отправилась к главному зданию.

Как только они скрылись из виду, Хардвик повернулся и приветствовал Гурни чем-то средним между улыбкой и гримасой. Его странные голубые глаза, в которых когда-то светился скептический ум, теперь приобрели усталое и циничное выражение.

— Какая честь, — пробасил он, обходя вокруг лент в сторону Гурни, — профессор Дэйв собственной персоной.

— Всего лишь преподаватель, — поправил его Гурни, размышляя, что еще Хардвик успел узнать о его работе в университете.

— Не надо тут прибедняться. Ты звезда, дружище, и прекрасно об этом знаешь.

Они без особого дружелюбия обменялись рукопожатием. Гурни поразило, как изменилась свойственная Хардвику манера подтрунивать: теперь его шутки сочлились ядом.

— Насчет места смерти особо сомневаться не приходится, — предположил Гурни, кивая на кровавое пятно. Ему хотелось поскорее рассказать Хардвику все, что он знал, и убраться отсюда.

— Сомневаться приходится всегда, — заявил Хардвик. — Смерть и сомнение — вот единственное, что мы знаем наверняка про жизнь.

Гурни промолчал. Тогда тот продолжил:

— Впрочем, насчет места смерти сомнений поменьше, чем насчет кое-

каких других вещей. Тут натуральный дурдом. Все говорят про жертву так, будто он Копро-чувак из телевизора.

— Ты имеешь в виду Дипака Чопру?

— Ну да, этот Черпак, какая разница!

Слова Хардвика вызывали у Гурни все большую неприязнь, но он промолчал.

— Зачем люди вообще приезжают в такие места? Послушать, как какой-то шарлатан будет впаривать им что-то про смысл жизни, запустив ручонки в их кошельки? — Хардвик покачал головой, сокрушаясь о легковёрности своих сограждан и кивая в сторону особняка, как будто архитектура восемнадцатого века была отчасти всему виной.

Гурни не выдержал.

— Насколько мне известно, — сказал он как можно спокойнее, — погибший не был шарлатаном.

— А я и не говорю, что был.

— А мне показалось, что говоришь.

— Да я в общем рассуждал, абстрактно. Наверняка твой приятель был исключением из правила.

Хардвик начал не на шутку его раздражать.

— Он не был моим приятелем.

— Из сообщения, которое ты оставил по телефону, я понял, что вы давно знакомы.

— Мы были знакомы в колледже, потом двадцать пять лет не виделись, а две недели назад он прислал мне имейл.

— О чем?

— О кое-каких письмах, которые он получал по почте. Они его испугали.

— Что за письма?

— В стихах. Эти стихи были похожи на угрозы.

Хардвик задумался:

— А что он хотел от тебя?

— Совета.

— И что ты ему посоветовал?

— Обратиться в полицию.

— Как я понимаю, он ему не последовал.

Сарказм этой фразы задел Гурни, но он не подал виду.

— Тут был еще один стишок, — сказал Хардвик.

— То есть?

— Стишок на листке бумаги. Лежал прямо на теле, придавленный

камешком. Опрятненько так.

— Он вообще довольно аккуратен. Перфекционист, я бы сказал.

— Кто?

— Убийца. Возможно, крайне неуравновешенный тип, но однозначно перфекционист.

Хардвик с любопытством посмотрел на Гурни. Он даже перестал язвить, по крайней мере на время.

— Пока мы не продолжили, я хочу знать, откуда тебе известно про бутылку.

— Я просто угадал.

— Угадал, что это бутылка из-под виски?

— Если быть точным, виски «Четыре розы», — ответил Гурни и улыбнулся, увидев, как расширяются глаза Хардвика.

— Объяснись, — потребовал Хардвик.

— Это была догадка, основанная на стихах, — сказал Гурни. — Ты сам поймешь, когда прочитаешь их. — И, предвосхищая вопрос, добавил: — Стихи и пара других сообщений лежат в ящике стола в кабинете. По крайней мере, последний раз я видел, как Меллери их туда убирал. Кабинет — это большая комната с камином.

Хардвик продолжал таращиться на него, как будто надеясь разглядеть что-то полезное.

— Идем со мной, — сказал он. — Хочу, чтобы ты кое на что взглянул.

Молча, что было для него нехарактерно, он провел Гурни к парковке между большим сараем и дорогой и остановился там, где начинался коридор, огороженный желтой лентой.

— Это самое близкое к дороге место, где мы ясно различаем следы преступника. Дорогу и въезд расчищали после снегопада часа в два ночи. Мы не знаем, когда появился преступник — до или после этого момента. Если до, то следы на дороге и здесь, на въезде, были уничтожены во время чистки. Если после, то следов не было бы видно. Но вот от этого места, за сараем, на террасе, через поляну и до сосняка возле Торнбуш-лейн следы отчетливо прослеживаются.

— Их даже не попытались скрыть?

— Нет, — ответил Хардвик, и было件нятно, что его это озадачивает. — Следы никто не замечал. Если я все правильно понимаю.

Гурни посмотрел на него с любопытством:

— А в чем проблема?

— Сейчас сам увидишь.

Они прошли вдоль очерченного желтой лентой коридора, следуя

отпечаткам в снегу до сарая. Это были следы довольно больших (Гурни определил 10-й или 11-й размер, ширину D) походных ботинок, ясно различимые в мягком снегу. Тот, кто пришел сюда ранним утром, не беспокоился о том, что его маршрут кто-то проследит.

Они обогнули сарай, и Гурни увидел очередную зону, огороженную желтой лентой. Полицейский фотограф что-то снимал профессиональной камерой, а рядом ждал специалист по сбору улик в белом защитном костюме, с инструментами. Фотограф делал каждый снимок дважды — с линейкой в кадре для обозначения масштаба и без нее, и снимал предметы с разным фокусным расстоянием — издали для общей картины и вблизи, чтобы были видны детали.

В центре внимания был простенький складной садовый стул, какие часто продают в дешевых магазинах. Следы вели к этому стулу. Перед ним лежало полдюжины окурков. Гурни присел на корточки, чтобы разглядеть их получше, и увидел, что это «Мальборо». Затем следы огибали куст рододендронов и вели к террасе, где, по-видимому, произошло убийство.

— Господи, — произнес Гурни. — Он просто сидел тут и курил?

— Ну да. Расслаблялся перед тем, как перерезать жертве горло. По крайней мере, так оно выглядит. Полагаю, тебе интересно, откуда взялся садовый стул? Вот и мне интересно.

— И что удалось узнать?

— Супруга жертвы утверждает, что никогда его раньше тут не видела. Кажется, ее даже оскорбил его внешний вид.

— Что ты сказал? — резко переспросил Гурни. Высокомерные замечания Хардвика начали бесить его, как звук железа по стеклу.

— Да ладно тебе. — Он пожал плечами. — Что ж теперь, убиваться из-за перерезанной глотки? Кроме шуток, похоже, Кадди Смит-Вестерфилд Меллери впервые в своей упакованной жизни видела такой дешевый стул.

Гурни все понимал про чувство юмора у полицейских, про то, как оно помогает справляться с тяжелыми ситуациями, но иногда оно его выводило из себя.

— То есть убийца принес с собой садовый стул?

— Похоже на то, — ответил Хардвик, поморщившись от очевидной абсурдности такого предположения.

— И, выкурив — сколько там, полдюжины сигарет? — пошел к задней двери, выманил Меллери на террасу и перерезал ему горло разбитой бутылкой? Вот так сейчас выглядит рабочая версия?

Хардвик неохотно кивнул, как будто только теперь осознав, что в рабочей версии что-то не сходится. Но дальше стало еще хуже.

— Вообще-то, — сказал он, — «перерезал горло» — это еще мягко сказано. Горло жертвы пронзили более десяти раз. Когда судмедэксперты переносили тело в фургон для вскрытия, голова чуть не отвалилась от тела.

Гурни посмотрел в направлении террасы, и хотя ее не было видно за рододендронами, кровавое пятно отчетливо всплыло в его памяти, как будто он смотрел на него под прожекторами.

Хардвик помолчал, задумчиво закусив губу. Затем заговорил снова:

— На самом деле это еще не самое странное. Самое странное начинается, когда дойдешь до конца следов.

Глава 18

Следы в никуда

Хардвик повел Гурни от сарая через кусты, мимо террасы, туда, куда уходили предполагаемые следы преступника — от задней части дома через заснеженную лужайку к кленовой роще в нескольких десятках метров.

Неподалеку от террасы, следуя за отпечатками сапог в снегу в направлении рощи, они встретили еще одного эксперта, одетого в герметичный защитный костюм, хирургическую шапочку и маску — снаряжение, необходимое, чтобы получить образец ДНК, не заразив его своим собственным.

Он стоял на корточках в нескольких метрах от следов, поднимая стальными щипцами из снега осколок коричневого стекла. Три похожих осколка он уже положил в пакетики, как и большой фрагмент бутылки от виски.

— По всей видимости, оружие убийства, — прокомментировал Хардвик. — Хотя ты уже в курсе — ты же ас. Ты даже в курсе, что это «Четыре розы».

— Почему бутылка валяется на лужайке? — спросил Гурни, игнорируя язвительность в тоне Хардвика.

— Ну надо же, а я думал, ты и это знаешь. Уж если даже марку виски угадал...

Гурни устало ждал, как ждут, пока откроется программа на медленном компьютере, и в конце концов Хардвик сказал:

— Похоже, что он унес бутылку от тела и бросил ее здесь по дороге в лес. Зачем он так сделал? Это хороший вопрос. Может, не заметил, что все еще несет ее в руке. То есть, представь, он ею многократно ударил жертву в горло. И все его внимание было сосредоточено на этом. А потом, когда он стал уходить по лужайке к лесу, увидел, что бутылка у него в руке, и отбросил ее. Ну хоть как-то правдоподобно.

Гурни не слишком нравилась эта версия, но, поскольку ему нечего было предложить самому, он кивнул.

— Это и есть «самое странное»?

— Это? — переспросил Хардвик и заржал. — Да ты еще ничего не видел.

Пройдя около восьмисот метров по кленовой роще, через десять минут они добрались до места, где начинался сосняк. Где-то недалеко проехала

машина, что означало, что они рядом с дорогой, но заснеженные сосны заслоняли вид.

Сперва он не понял, зачем Хардвик его привел сюда. А затем увидел — и в полном недоумении принялся рассматривать землю. То, что предстало его взору, не укладывалось в голове. След просто взял и прекратился. Четкая последовательность отпечатков ног в снегу, тянувшаяся на протяжении почти километра, внезапно обрывалась. Не было никакого намека на то, что случилось с человеком, оставившим эти следы.

Снег вокруг был нетронут. Шаги прекращались за несколько метров от ближайшего дерева и, судя по звукам машин, в сотне метров от ближайшей дороги.

— Я чего-то не понимаю, — пробормотал Гурни.

— Мы все чего-то не понимаем, — отозвался Хардвик с явным облегчением оттого, что Гурни не предложил какое-то простое объяснение, до которого он не додумался сам.

Гурни внимательно посмотрел на последнюю пару следов еще раз. Под хорошо вдавленными отпечатками виднелись еще несколько, перекрывающих друг друга, очевидно оставленных теми же самыми сапогами. Как будто убийца нарочно дошел до этого места и стоял тут, переминаясь с ноги на ногу несколько минут, возможно ожидая кого-то или чего-то, а затем... взял и испарился.

Гурни посетило безумное предположение, что Хардвик решил его разыграть, но он быстро от него отказался. Устраивать розыгрыш на месте убийства такого масштаба было бы перебором даже для такого одиозного персонажа, как Хардвик.

Перед ними было ровно то, что было.

— Если об этом прознает желтая пресса, они напишут про похищение инопланетянами, — сказал Хардвик, морщась, как будто у слов был неприятный привкус. — Репортеры слетятся как мухи на дерьмо.

— У тебя есть более презентабельная версия?

— Я надеялся на острый ум самого почитаемого детектива в истории полицейского управления Нью-Йорка.

— Прекрати, — сказал Гурни. — Твоя команда что-нибудь накопила?

— Ничего, что могло бы это объяснить. Ну взяли образцы снега с затоптанного места, где он вроде бы стоял. Никаких инородных материалов не обнаружили, но, может быть, в лаборатории что-то скажут. Проверили также деревья и дорогу за теми соснами. Завтра прочешут все в радиусе тридцати метров от этого места, посмотрим.

— То есть на настоящий момент у вас ничего нет?

— Именно.

— Значит, тебе остается допрашивать гостей института и соседей, не видели ли они вертолет, спускающий лестницу в лес?

— Никто не видел.

— Ты уже спрашивал?

— Чувствовал себя полным идиотом, но да. Факты таковы, что сегодня утром кто-то вышел сюда, — почти наверняка это был убийца. Он остановился вот здесь. А дальше — если его не забрал вертолет или огромный кран, то куда он девался?

— Что ж, — произнес Гурни. — Вертолета не было, лестницы в небо не было, тайных туннелей нет...

— Верно, — перебил его Хардвик. — И нет доказательств, что он ускакал на ходулях.

— Что же получается?

— Ничего. Ноль, зеро. Никаких версий. И не надо мне говорить, что он пришел сюда, а потом вернулся по своим следам задом наперед, ступая точно след в след. — Хардвик грозно посмотрел на Гурни, как будто тот собирался ровно это предположить. — Даже если бы такое было возможно, он бы столкнулся с Кадди и Патти, которые были на месте убийства к тому времени.

— Значит, все это невозможно.

— Что невозможно?

— Вообще все, — заключил Гурни.

— Что ты за ересь порешь?

— Джек, успокойся. Нам надо найти какую-то логическую точку отсчета. То, что произошло по видимости, логически не могло произойти. Следовательно, то, что произошло по видимости, на самом деле не произошло.

— По-твоему, это не следы на снегу?

— Я тебе пытаюсь объяснить, что мы не с того ракурса смотрим на них.

— Нет, ты скажи мне, след это или не след? — кипятился Хардвик.

— Мне кажется, что это очень похоже на след, — согласился Гурни.

— И к чему же ты клонишь?

Гурни вздохнул:

— Не знаю, Джек. Просто у меня ощущение, что мы задаемся не теми вопросами.

Видимо, его спокойный тон немного утихомирил Хардвика. Несколько

долгих секунд они стояли молча, не глядя друг на друга. Затем Хардвик поднял взгляд и что-то вспомнил.

— Я чуть не забыл показать тебе главное, — сказал он и вытянул из внутреннего кармана своей куртки пакет для сбора улики.

Сквозь прозрачный пластик был виден белый листок с текстом, написанным аккуратным почерком красными чернилами.

— Не доставай его, — сказал Хардвик, — просто прочти.

Гурни так и сделал. Прочел три раза, чтобы запомнить.

*Через снег наперерез
От глубин и до небес —
Ты ищи, а я исчез.
Ты, гнусный отброс,
Гляди, как я рос,
Растил месть из слез —
За тихих, забитых,
За всех позабытых.*

— Узнаю нашего друга, — вздохнул Гурни, возвращая пакет. — Тема возмездия, восемь строк, изящные образы, безупречная пунктуация, аккуратный почерк. Все как в других записках, за маленьким исключением.

— Что за исключение?

— В этом стихе возникает новая тема — убийца ненавидит кого-то помимо жертвы.

Хардвик посмотрел на записку в пакете, морщась от мысли, что он упустил что-то значимое.

— Кого?

— Тебя, — сказал Гурни и впервые за весь день улыбнулся.

Глава 19

Гнусные отбросы

Было, конечно, большим допущением утверждать, что убийца одинаково ненавидел Марка Меллери и Джека Хардвика. По дороге назад, к месту убийства, Гурни объяснил, что в действительности имел в виду: гнев преступника, по всей видимости, частично был обращен против полицейских, расследующих убийство. Хардвика это не насторожило, а, напротив, воодушевило. Бойцовский блеск в его глазах говорил «Дайте мне этого засранца!».

Тогда Гурни спросил, помнит ли он дело Джейсона Странка.

— А что, должен?

— Прозвище «Сатанинский Санта» тебе ни о чем не говорит? Или, как его обозвали в другой газете, «Дед-людоед»?

— Ах, ну да, конечно помню. Так себе был людоедишка. Только пальцы ног съедал.

— Это не единственное, что он делал.

Хардвик поморщился:

— Что-то припоминаю — он съедал пальцы ног, а потом распиливал тела на части, аккуратно запаковывал в пластик, заворачивал как рождественские подарки и отправлял по почте. Так и избавлялся. Никаких хлопот с похоронами.

— А ты помнишь, кому он отправлял эти посылки?

— Да это было двадцать лет тому назад, я еще даже не работал. Я про это дело в газетах читал.

— Он отправлял их на домашние адреса детективов тех округов, где жили его жертвы.

— На домашние адреса?! — Хардвик, казалось, был возмущен. Как будто убийство, умеренный каннибализм и расчленение тел еще можно было простить, но это было последней каплей.

— Он ненавидел копов, — продолжил Гурни. — Обожал портить им кровь.

— Да уж. Получить по почте чью-то ногу — такое кому угодно способно испортить кровь.

— Особенно если посылку вскроет твоя жена.

Этот комментарий не прошел мимо внимания Хардвика.

— Черт побери! С тобой так и вышло, да? Он отправил тебе какую-то

часть тела, а посылку вскрыла жена?

— Да.

— Вот дерьмо. Она поэтому с тобой развелась?

Гурни с интересом взглянул на него:

— Ты даже помнишь, что мы развелись с первой женой?

— Какие-то вещи западают в память. Обычно не то, что я читаю, а что люди сами рассказывают. Такое я долго помню. Например, я помню, что ты единственный ребенок в семье, что твой отец родился в Ирландии, терпеть не мог родину, ничего тебе о ней не рассказывал и много пил.

Гурни недоуменно уставился на него.

— Ты мне все это рассказал, когда мы работали по делу Пиггерта.

Гурни сам не понимал, что его сильнее огорчает — что он зачем-то поделился с Хардвиком этими семейными деталями, что он сам об этом забыл или что Хардвик теперь о них вспомнил. Они шли назад к дому под мелкой порошей; снег то и дело подхватывали и кружили порывы ветра. Темнело. Гурни постарался стряхнуть озноб и сосредоточиться на настоящем.

— Так я это к чему, — сказал он. — Последняя записка убийцы — вызов полиции, это может быть важной деталью.

Хардвик относился к людям, которые не давали сменить тему.

— Так она поэтому ушла от тебя? Потому что получила по почте чей-то член?

Его это не касалось, но Гурни решил ответить все равно.

— У нас была куча проблем. Я мог бы огласить целый список своих к ней претензий и еще более длинный список ее жалоб на меня. Но последней каплей было то, что она наконец осознала, что значит быть замужем за копом. Некоторые жены узнают это постепенно. Мою настигло откровение.

Они дошли до террасы. Два эксперта копошились в снегу вокруг пятна крови, ставшего теперь коричневатым.

— В общем, — сказал Хардвик, как будто отмахиваясь от лишних сложностей, — Странк был серийным убийцей, у нас не тот случай.

Гурни кивнул. Да, Джейсон Странк был типичным серийным убийцей, а тот, кто убил Марка Меллери, действовал принципиально иначе. Странк не знал своих жертв, можно было с уверенностью сказать, что у него не было с ними никаких отношений до убийства. Он выбирал их по определенным внешним параметрам и по доступности, когда желание убивать охватывало его. Этот выбор был во многом случаен. Убийца Меллери, в отличие от него, знал свою жертву достаточно хорошо, чтобы

донимать его аллюзиями на прошлое и даже предсказывать цифры, которые тот мог загадывать в определенных условиях. Он намекал на какую-то былую связь с жертвой, что не было свойственно серийным убийцам. Кроме того, не было информации о подобных убийствах за последнее время, хотя этот момент оставалось еще прояснить.

— Не похоже на серийного убийцу, — согласился Гурни. — Вряд ли тебе начнут присылать чьи-то пальцы по почте. Но все-таки есть что-то неприятное в том, как он обзывает тебя, старшего детектива по делу, гнусным отбросом.

Оно обошли дом и зашли через главный вход, чтобы не мешать экспертам на террасе. У дверей снаружи стоял офицер из управления шерифа. Здесь дул нешуточный ветер, и офицер притоптывал ногами и хлопал в ладоши, чтобы как-то согреться. Холод исказил улыбку, с которой он приветствовал Хардвика.

— Как думаешь, кто-нибудь догадается принести мне кофе?

— Без понятия. Надеюсь, что да, — ответил Хардвик, громко хлюпая носом, затем повернулся к Гурни. — Я тебя не задержу долго. Ты только покажи мне записки, которые, ты говорил, в кабинете, и давай убедимся, что все они на месте.

В особняке с каштановым паркетом было тихо. Сильнее, чем когда-либо прежде, здесь пахло деньгами.

Глава 20 Друг семьи

В камине изящной кладки живописно горел огонь. В воздухе витали сладкие нотки вишневого дыма. Бледная, но собранная Кадди Меллери сидела на диване рядом с элегантно одетым пожилым мужчиной.

Когда Гурни и Хардвик зашли, мужчина встал со своего места с неожиданной для своего возраста легкостью.

— Добрый вечер, джентльмены, — поздоровался он. Это прозвучало учтиво, с легким южным акцентом. — Я Карл Смейл, старый друг Кадди.

— Я старший следователь Хардвик, а это Дэйв Гурни, приятель покойного супруга миссис Меллери.

— Ах да, друг Марка. Кадди мне рассказывала...

— Простите за вторжение, — сказал Хардвик, оглядываясь и останавливая взгляд на конторке у стены напротив камина. — Нам нужен доступ к кое-каким бумагам, которые, возможно, связаны с преступлением, и у нас есть причины думать, что эти бумаги находятся в той конторке. Миссис Меллери, извините, что беспокою вас вопросами, но вы не возражаете, если я посмотрю?

Она закрыла глаза. Было непонятно, расслышала ли она вопрос. Смейл снова сел рядом с ней и положил руку ей на запястье.

— Я уверен, что Кадди не против.

Хардвик помедлил.

— Вы официально представляете интересы миссис Меллери?

Смейл на это почти не отреагировал, лишь слегка подернул носом, как высоконравственная дама, услышавшая грубое слово за обеденным столом.

Вдова приоткрыла глаза и заговорила с печальной улыбкой:

— Поймите правильно, для меня это трудное время. Я целиком и полностью полагаюсь на Карла. Что бы он ни сказал, это будет мудрее, чем все, что могу сказать я.

Хардвика это не удовлетворило.

— Мистер Смейл ваш адвокат?

Она повернулась к Смейлу с благостным выражением, которое, как отметил про себя Гурни, было подкреплено успокоительным, и сказала:

— Он мой адвокат, мой защитник в болезни и здравии, в горе и в радости уже тридцать с лишним лет. Господи, Карл, разве это не страшная цифра?

Смейл ответил ей сентиментальной улыбкой, затем заговорил с

Хардвиком, и в голосе его появилась резкость.

— Вы можете изучить эту комнату на предмет необходимых для расследования материалов. Разумеется, мы бы хотели получить список вещей, которые вы намереваетесь взять.

Подчеркнутое упоминание «этой комнаты» не прошло мимо внимания Гурни. Смейл не собирался разрешать полиции обыск в обход ордера. Хардвик тоже это заметил, судя по взгляду, которым он наградил щеголеватого мужчину на диване.

— Все улики, которые мы собираем, инвентаризуются. — Тон Хардвика также подразумевал «Вы не получите список того, что мы намереваемся взять. Вы получите список того, что мы уже взяли».

Смейл, который определенно умел слышать невысказанное, улыбнулся. Он повернулся к Гурни и спросил:

— Скажите, а вы тот самый Дэйв Гурни?

— У моих родителей не было другого.

— Подумать только. Легендарный детектив! Рад знакомству.

Гурни, которого подобного рода приветствия всегда смущали, промолчал.

Тишину нарушила Кадди Меллери:

— Должна извиниться, но у меня чудовищно болит голова, и мне надо прилечь.

— Сочувствую, — сказал Хардвик. — Но мне нужна ваша помощь касательно пары деталей.

Смейл озабоченно взглянул на свою подопечную.

— Разве нельзя подождать час-другой? Очевидно, что миссис Меллери нехорошо.

— Мои вопросы займут всего пару минут. Поверьте, я бы и рад вас не тревожить, но задержка может оказаться критичной.

— Кадди?

— Ничего, Карл. Какая разница — сейчас или потом. — Она закрыла глаза. — Я слушаю.

— Простите еще раз, — сказал Хардвик. — Можно я здесь присяду? — Он кивнул на кресло напротив Кадди.

— Пожалуйста, — ответила она, не открывая глаз.

Он присел на край кресла. Допрос потерпевших всегда вызывает у копов неловкость. Хардвик, впрочем, не выглядел смущенным.

— Я хочу вернуться к тому, о чем вы говорили мне сегодня утром, чтобы убедиться, что я все правильно понял. Вы сказали, что телефон зазвонил вскоре после часа ночи, а вы с мужем в это время спали. Так?

— Да.

— Откуда вы знаете, который был час?

— Я посмотрела на часы, удивившись, что кто-то звонит среди ночи.

— И к телефону подошел ваш супруг?

— Да.

— Что он сказал?

— Он несколько раз подряд повторил «алло», а потом повесил трубку.

— Он не рассказывал вам, сказал ему что-нибудь звонивший или нет?

— Нет.

— А спустя несколько минут вы услышали, как в лесу кричит какое-то животное?

— Верещит.

— Верещит?

— Да.

— Какая разница между криком и верещанием?

— Крик... — Она замолчала и впилась зубами в нижнюю губу.

— Миссис Меллери?

— Долго это будет продолжаться? — поинтересовался Смейл.

— Мне просто нужно узнать, что она услышала.

— Крик — это что-то человеческое. Крик — это то, что вырвалось у меня, когда я... — Она сильно моргнула, как будто выдавливая из глаза соринку, затем продолжила: — Это было какое-то животное. Но не в лесу, звук был рядом с домом.

— И как долго продолжался этот звук?

— Минуту-другую, точно не знаю. Он прекратился, когда Марк спустился вниз.

— Он объяснил, что собирается сделать?

— Он сказал, что хочет проверить, что там такое. Он просто... — Она замолчала и сделала несколько глубоких вдохов.

— Простите, миссис Меллери. Осталось совсем немного.

— Он просто хотел проверить, что за звук, вот и все.

— Вы слышали что-нибудь еще?

Она закрыла рот ладонью и сжала пальцами щеки, стараясь держать себя в руках. Красно-белые пятна появились на лице под ее пальцами.

Потом она заговорила, не убирая руки от губ:

— Я сквозь дрему слышала какой-то хлопок, как будто кто-то хлопнул в ладоши. Больше ничего. — Она так и держалась за лицо, как будто это ее успокаивало.

— Благодарю вас, — сказал Хардвик, поднимаясь из кресла. — Мы не

будем вас больше беспокоить. Теперь нам нужно просто пройти по содержимому конторки.

Кадди Меллери подняла голову и открыла глаза. Она опустила руку, но на щеках ее остались следы от ногтей.

— Детектив, — сказала она слабым, но решительным голосом. — Возьмите все, что вам понадобится, но, прошу вас, соблюдайте конфиденциальность. Пресса относится к этому безответственно. Наследие моего мужа — это очень важно.

Глава 21 Приоритеты

— В этой поэзии черт ногу сломит, мы так целый год можем гадать, что к чему, — произнес Хардвик. Слово «поэзия» в его исполнении прозвучало так, будто это было худшее, с чем ему приходилось иметь дело.

Записки убийцы были разложены на большом столе в зале института, который полиция заняла на время расследования.

Сначала шло послание из двух частей за подписью Х. Арибды, в котором предсказывалось, что Меллери загадает число 658, и содержалось требование выслать 289.87 доллара, чтобы покрыть расходы на поиски. Затем лежали три последовательно полученных по почте стихотворения, которые раз от раза становились все более угрожающими (третье Меллери положил в пластиковый пакет для бутербродов, как он объяснил Гурни, чтобы сохранить отпечатки пальцев). В ряд лежали вернувшийся чек с запиской от Грегори Дермотта, что никакого Х. Арибды по этому адресу не значится, стихи, продиктованные убийцей по телефону секретарше, кассета с записью разговора с убийцей тем вечером, когда Меллери загадал число 19, письмо из почтового ящика института, в котором предсказывалось, что он именно его загадает, и, наконец, стихотворение, найденное на трупе. Это был удивительный набор улики.

— Почему одна записка в пакете? — спросил Хардвик. Судя по его голосу, пакет раздражал его не меньше, чем поэзия.

— К тому моменту Меллери был уже всерьез напуган, — объяснил Гурни. — Он сказал, что хочет сохранить отпечатки пальцев.

Хардвик покачал головой:

— Расхожее заблуждение. Пластик кажется надежнее бумаги, а тем временем улики, положенные в пластик, портятся от попавшей туда влаги. Идиотизм.

На пороге появился встревоженный офицер со значком полиции Пиона на фуражке.

— В чем дело? — спросил Хардвик несколько вызывающе, дескать, только посмей сообщить о еще какой-нибудь проблеме.

— Сюда ваши технари просятся, пустить их?

Хардвик кивнул и вернулся к разложенным на столе стихам.

— Опрятненький почерк, — сказал он, поморщившись. — Что ты на это скажешь, Дэйв? Может, мы имеем дело с монашкой?

Спустя полминуты техническая бригада появилась в зале с пакетами улики, ноутбуком и переносным принтером для штрихкодов, чтобы провести инвентаризацию на месте. Хардвик попросил сделать копии всех материалов, перед тем как отправлять их в лабораторию в Олбани, чтобы обследовать их на предмет отпечатков пальцев и изучить почерк, бумагу и чернила, особенно тщательно — в записке на теле жертвы.

Гурни молчал, наблюдая за Хардвиком в роли старшего следователя. То, на сколько затянется расследование дела, зачастую зависело от того, насколько главный по делу качественно сделает свою работу в первые часы расследования. Гурни пришел к выводу, что Хардвик хорошо работает. Он наблюдал, как тот просматривает снимки фотографа, чтобы убедиться, что зафиксированы все значимые места, включая входы и выходы, и все важные улики, включая следы на снегу, садовый стул, окурки и разбитую бутылку, а также тело и кровавое пятно вокруг него. Хардвик попросил фотографа организовать аэрофотосъемку всей территории института — обычно это не требовалось, но сейчас, учитывая ведущий в никуда след, это могло оказаться полезным.

Кроме того, Хардвик поговорил с двумя младшими детективами, чтобы убедиться, что проведенные ими допросы действительно имели место. Он встретился со старшим экспертом-криминалистом, чтобы выслушать его заключение, затем попросил одного из детективов на следующий день привести полицейскую собаку — из этого следовало, что Хардвик крайне озабочен вопросом следов. Наконец, он проверил журнал прибытий, который вел коп на входе, чтобы убедиться, что на территории в момент расследования не было посторонних. Видя, как Хардвик впитывает и анализирует информацию, расставляет приоритеты и отдает приказы, Гурни пришел к выводу, что тот по-прежнему весьма компетентен и умеет работать в сложной ситуации. Хардвик, разумеется, был бестактный сукин сын, но это не отменяло его исключительной профессиональной эффективности.

В четверть пятого Хардвик сказал ему:

— Слушай, мы тут сидим черт-те сколько, а тебе ведь за это не платят. Ехал бы ты домой. — Затем он сощурился, как будто его только что посетила новая мысль, и добавил: — То есть я хотел сказать, что мы тебе не платим. Может, конечно, тебе Меллери платили? Черт, ну конечно. Кто станет транжирить свой талант даром.

— У меня нет лицензии, я бы не смог попросить плату, даже если бы захотел. Кроме того, я не хочу больше работать детективом.

Хардвик с сомнением посмотрел на него.

- Более того, я, пожалуй, воспользуюсь твоим советом и поеду домой.
- Сможешь завтра заехать в управление в районе полудня?
- Что будем делать?

— Два момента. Во-первых, нам нужны показания — расскажешь о своих отношениях с покойным много лет назад и сейчас. Ну, сам знаешь процедуру. Во-вторых, я бы хотел, чтобы ты присутствовал на общей встрече, где мы будем беседовать по итогам собранной информации. Предварительное заключение о причине смерти, показания свидетелей, кровь, отпечатки, орудие убийства, все такое. Рабочие версии, расстановка приоритетов, план дальнейшего расследования. Ты можешь сильно нам помочь, не дать даром потратить деньги налогоплательщиков. С моей стороны было бы преступно не воспользоваться твоим авторитетным мнением, мы-то в сравнении с тобой мелкие сошки. Так что давай завтра в полдень. Принеси с собой свои показания.

Это было хитро придумано. И точно характеризовало Хардвика, определяло его место под солнцем: офицер Хитрая Бестия, отдел по особо важным делам, бюро криминальных расследований, полиция штата Нью-Йорк. Но Гурни чувствовал, что при этом Хардвик действительно хочет от него помощи в этом деле, которое час от часу становилось все более странным.

Большую часть дороги домой Гурни не обращал внимания на окрестности. Только проехав магазин Абеляров в Диллвиде, он заметил, что облака, закрывавшие небо с утра, исчезли и теперь краски заходящего солнца легли на западные склоны холмов. Заснеженные кукурузные поля по обе стороны реки были такого насыщенного цвета, что Гурни широко раскрыл глаза от этого зрелища. Затем, с удивительной скоростью, кораллово-красное солнце опустилось за кромку гор, и волшебное сияние исчезло. Голые деревья снова стали черными, а снег — пресно-белым.

Он медленно приближался к нужному повороту, и его внимание привлекла ворона на обочине дороги. Она сидела на чем-то выступающем над тротуаром. Когда он поравнялся с ней, оказалось, что это мертвый опоссум. К его удивлению, ворона не улетела при его приближении и не подала никаких признаков беспокойства, хотя вороны обычно очень осторожны. Она сидела неподвижно, словно выжидала чего-то, — это было похоже на сон.

Гурни повернул на свою дорогу и стал спускаться по изгибам, думая о черной птице, замершей в сумерках над мертвым животным.

От перекрестка до дома оставалось пять минут. Когда он въехал на

узкую дорогу, ведущую от амбара к дому, воздух стал еще более серым и холодным. Призрачный снежный вихрь кружился по лугу, растворяясь в небытие на пороге леса.

Он подъехал к дому ближе, чем обычно, поднял воротник и поспешил к заднему входу. Войдя в кухню, он тут же по звенящей тишине понял, что Мадлен нет дома. Как будто ее присутствие обычно сопровождалось легким электрическим шумом и особая энергия наполняла воздух, который в ее отсутствие был просто пустотой.

В воздухе было что-то еще. Осадок утреннего разговора, мрачного присутствия коробки из подвала, которая так и стояла на журнальном столике в затененной части комнаты, завязанная лентой с белым бантом.

После краткого визита в туалет он пошел в кабинет и проверил автоответчик. Там было всего одно сообщение. Звонила Соня, на записи был ее атласный голос, похожий на пение виолончели.

— Привет, Дэвид. У меня тут один клиент без ума от твоей работы. Я сказала ему, что ты заканчиваешь еще один портрет, и он хочет знать, когда он будет доступен для продажи. «Без ума» это еще мягко сказано, и деньги для него, похоже, не проблема. Перезвони мне, как только сможешь. Нам надо это обсудить. Спасибо, Дэвид.

Он собирался прослушать сообщение еще раз, когда услышал, как задняя дверь открывается и закрывается. Он остановил запись и крикнул:

— Это ты?

Ответа не последовало, и он начал раздражаться.

— Мадлен! — позвал он громче, чем требовалось.

Он услышал, как она отвечает, но ответ был слишком тихим, чтобы он разобрал слова. Таким голосом она говорила, когда они были в ссоре, он это называл про себя голосом пассивного сопротивления. Сперва он решил, что не будет выходить из кабинета, но тут же сказал себе, что это инфантильно, и все-таки вышел на кухню.

Мадлен повернулась к нему от вешалки, на которой оставила свою оранжевую куртку. На ее плечах поблескивали снежинки — значит, она шла по сосняку.

— Там та-ак красиво, — сказала она, поправляя свои густые волосы, примятые капюшоном. Она зашла в кладовую, через минуту вышла и посмотрела на столешницы.

— Куда ты убрал орехи пекан?

— Что?

— Я разве не попросила тебя их купить?

— Кажется, нет.

— Может, забыла. А может, ты меня не услышал.

— Понятия не имею, — ответил он, с трудом уместив новую информацию в своем занятом уме. — Завтра куплю.

— Где?

— У Абеляров.

— В воскресенье?

— Черт, да, они же закрыты будут. А зачем тебе орехи pekan?

— Я отвечаю за десерт.

— Какой десерт?

— Элизабет делает салат и печет хлеб, Ян готовит чили, а я — десерт. — Ее глаза потемнели. — Ты что, забыл?

— Они все завтра придут?

— Да.

— Во сколько?

— А это важно?

— Мне нужно отнести письменные показания в отдел расследований завтра в полдень.

— В воскресенье?

— Это же расследование убийства, — напомнил он.

Она кивнула:

— Значит, тебя весь день не будет.

— Какую-то часть дня.

— Насколько долго?

— Господи, ты же знаешь, как делаются такие дела.

Обида и злость, заблестевшие в ее глазах, задела Гурни сильнее, чем могла бы задеть пощечина.

— Значит, ты завтра придешь домой непонятно когда и, может быть, успеешь к ужину, а может быть, нет.

— Мне нужно отнести в полицию письменные показания свидетеля по делу об убийстве. Я бы с удовольствием этого не делал. — Он неожиданно повысил голос, бросаясь в нее словами. — Некоторые вещи в этой жизни мы просто *обязаны* делать. Нас к тому обязывает закон, это не вопрос личных предпочтений. А закон придумывал не я!

Она посмотрела на него с усталостью, настолько же неожиданной, как и его гнев.

— Ты так и не понял, да?

— Не понял чего?

— Что твой ум так заиклен на убийствах, хаосе и крови, на чудовищах и психопатах, что ни для чего другого просто не остается места.

Глава 22

Уточнение

Тем вечером он потратил два часа на написание и редактуру показаний. Документ констатировал факты — в нем без прилагательных, эмоций и оценок излагалось обстоятельства знакомства Гурни с Марком Меллери, включая как общение в колледже, так и недавние контакты, начиная с электронного письма Меллерис просьбой о встрече и заканчивая его твердым отказом обращаться в полицию.

Гурни выпил две чашки крепкого кофе, пока писал, и в результате плохо спал. Ему было холодно, он вспотел, все чесалось, непонятная боль блуждала из одной ноги в другую — этот постоянный дискомфорт не способствовал избавлению от дневных тревог. Гурни с беспокойством думал о Мадлен, о боли, промелькнувшей в ее глазах.

Он понимал, что дело в расстановке приоритетов. Она не раз жаловалась, что, когда две его роли сталкивались, Дэйв-детектив всегда побеждал Дэйва-мужа. И отставка в этом смысле ничего не изменила. Очевидно, она ожидала, что это изменится, может быть, искренне в это верила. Но как он мог перестать быть тем, кем был? Как бы он ни любил ее, как бы ни хотел быть с ней, как бы ни желал ей счастья, разве он мог просто взять и стать другим человеком? Его ум работал особым образом, и главное удовлетворение от жизни он получал, используя этот дар. Он безошибочно выстраивал логическую цепочку и был крайне чувствителен к малейшим несостыковкам. Это делало его выдающимся детективом. Эти же качества позволяли ему дистанцироваться от ужасов его профессии. Другие полицейские дистанцировались иначе — пили, становились циниками. Гурни же умел воспринимать любую ситуацию как интеллектуальный вызов и всякое преступление рассматривал как задачу, которую необходимо решить. Таким человеком он был. Он не мог в одночасье измениться, просто уйдя в отставку. По крайней мере, таков был ход его мыслей, когда за час до рассвета его наконец одолел сон.

В ста километрах к востоку от Уолнат-Кроссинг, чуть не доезжая Пиона, на утесе с видом на Гудзон, возвышалось здание регионального полицейского управления, похожее на свежестроенную крепость. Грузные серые стены и узкие окна, казалось, были рассчитаны на выживание в условиях апокалипсиса. Гурни задумался, могла ли такая

архитектура быть вдохновлена одиннадцатым сентября, которое породило массу проектов еще более дурацких, чем неприступные полицейские участки.

Внутри здания лампы дневного света подчеркивали брутальность металлоискателей, камер наблюдения, пуленепробиваемой кабины охраны и полированного цементного пола. Общаться с охранником в кабине, оборудованной рядами мониторов камер наблюдения, нужно было по микрофону. Голубоватый свет делал лицо охранника болезненно-бледным. Даже его светлые волосы в таком освещении казались какими-то нездоровыми. Он выглядел так, как будто его вот-вот стошнит.

Гурни заговорил в микрофон, поборов желание поинтересоваться у охранника, не болен ли он:

— Дэйв Гурни. Я пришел на встречу с Джеком Хардвиком.

Сквозь узкую щель между пуленепробиваемым стеклом и столешницей охранник протянул ему временный пропуск и лист учета посетителей для подписи. Затем он взял телефон, взглянул на приклеенный скотчем к стене список номеров, набрал четыре цифры и что-то сказал в трубку.

Минуту спустя в стене рядом с кабиной открылась стальная серая дверь, и за ней обнаружился тот же полицейский в штатском, который вчера провожал Гурни на территории института. Он жестом пригласил Гурни присоединиться к нему, никак не подав вида, что узнал его, повел его по безликому серому коридору и открыл перед ним еще одну стальную дверь.

Они зашли в огромную переговорную комнату. Она была лишена окон — не иначе чтобы уберечь посетителей от битых стекол в момент нападения террористов. Гурни страдал легкой формой клаустрофобии, не любил помещений без окон и терпеть не мог архитекторов, которым такое приходило в голову.

Его немногословный провожатый направился к кофейнику в дальнем углу. Большинство стульев, стоявших вокруг овального стола, уже были кем-то заняты: на спинках четырех из них висели куртки, еще три были прислонены к столу. Гурни снял свою куртку и надел ее на спинку одного из свободных стульев.

Дверь открылась, и появился Хардвик. С ним были педантичного вида рыжая женщина в брючном костюме, с ноутбуком и толстой папкой, и второй Том Круз, который тут же направился к своему приятелю-близнецу у кофейника. Женщина проследовала к ничейному стулу и положила на стол перед ним свои вещи. Хардвик подошел к Гурни — на лице его было

нечто среднее между улыбкой и гримасой.

— У нас для тебя сюрприз, приятель, — прошептал он. — Наш юный окружной прокурор, самый молодой в истории округа, почтит нас своим присутствием.

Гурни снова почувствовал рефлекторную неприязнь к бывшему коллеге, хотя и понимал, что бессмысленная язвительность Хардвика — недостаточное для этого основание. Невзирая на намерение не реагировать, Гурни поджал губы.

— Разве не логично, что он присутствует на таком собрании?

— Я не сказал, что это нелогично. Я просто сказал, что это сюрприз. — Хардвик посмотрел на три прислоненных стула в центре стола и с кривой усмешкой, которая уже становилась частью его обычного выражения лица, произнес: — Троны для Трех Мудрецов.

Как только он сказал это, открылась дверь и вошли трое мужчин.

Хардвик чуть наклонился к Гурни и полушепотом представил их. Гурни подумал, что призвание Хардвика — чревоущательство, поскольку он умудрялся говорить, не шевеля губами.

— Это капитан Род Родригес, жутко доставучий хрен, — произнес он бесцветным шепотом, когда в комнату вошел коренастый человек с искусственным загаром, натянутой улыбкой и злыми глазами. Он придержал дверь для мужчины повыше, шедшего следом, — худощавого взвинченного типа, быстро окинувшего взгляд комнату и каждого из присутствующих.

— Окружной прокурор Шеридан Клайн, — прошептал Хардвик. — Метит в губернаторы.

Третий мужчина, проскользнувший следом за Клайном, был лысоват, несмотря на относительную молодость, и обладал привлекательностью миски с картофельными очистками.

— Штиммель, ассистент Клайна.

Родригес жестом пригласил их занять три свободных стула; центральный был предложен Клайну. Тот воспринял это как должное. Штиммель сел от него слева, Родригес — справа. Родригес смотрел на присутствовавших сквозь очки с тонкой оправой. У него был низкий лоб, безукоризненная прическа и откровенно крашенные черные волосы. Он несколько раз постучал костяшками пальцев по столу и огляделся, чтобы убедиться, что привлек всеобщее внимание.

— Нам было сообщено, что собрание начнется в полдень, и на часах сейчас именно полдень. Займите, пожалуйста, ваши места.

Хардвик сел рядом с Гурни. Полицейские, стоявшие возле кофейника,

вернулись к столу, и спустя полминуты все уже сидели. Родригес окинул собравшихся недовольным взглядом, как бы имея в виду, что у настоящих профессионалов это не заняло бы столько времени. При виде Гурни он не то усмехнулся, не то поморщился. Выражение его лица стало окончательно кислым при взгляде на пустующий стул. Затем он продолжил:

— Вы и без меня понимаете, что на нас с вами свалилось по-настоящему громкое дело. Мы собрались, чтобы убедиться, что мы вместе. — Он сделал паузу, как бы оценивая эффект от своего философского замечания, и затем для тугодумов перевел его на человеческий язык: — Мы собрались, чтобы убедиться, что у нас одинаковая картина происходящего, начиная с самого первого дня.

— Со второго дня, — пробормотал Хардвик.

— Что вы говорите? — переспросил Родригес.

Томы Крузы непонимающе переглянулись.

— Сегодня *второй* день, сэр. Вчера был первый, и он был *ох* каким непростым.

— Это понятно. Я выразился образно. Идея в том, что у всех нас должно быть единое представление о деле, начиная с самого его начала. Мы должны идти в ногу. Я сейчас понятно излагаю?

Хардвик невинно кивнул. Родригес подчеркнуто отвернулся от него и обратился к более серьезным участникам разговора.

— На настоящий момент у нас мало данных, дело непростое, возможно, даже сенсационное. Мне рассказали, что убитый был успешным автором и оратором. У семьи его супруги огромное состояние. Среди клиентов Меллери были богатые, самоуверенные, проблемные персонажи. Любой из этих факторов может обеспечить медийную заваруху. Все три фактора вместе — настоящий вызов. Четыре ключа к нашему успеху — это организованность, дисциплина, коммуникация и еще раз коммуникация. То, что вы слышите, что вы видите и какие выводы вы делаете, не имеет значения, пока это не задокументировано надлежащим образом. Засим — коммуникация и еще раз коммуникация.

Он огляделся, подчеркнуто задержав взгляд на Хардвике как на главном нарушителе режима отчетности. Хардвик в этот момент изучал крупную веснушку на тыльной стороне своей правой ладони.

— Мне не нравятся люди, которые ищут в правилах лазейки, — продолжил Родригес. — От таких лазейщиков в результате проблем больше, чем от прямых нарушителей. Лазейщики всегда заявляют, что поступили так, а не иначе на благо дела. А правда в том, что они поступают так ради собственного удобства, потому что у них нет дисциплины, а

отсутствие дисциплины нарушает общую организацию. Так что внимательно слушайте меня сейчас. По этому делу мы будем соблюдать правила. Все правила до единого. Мы будем использовать чек-листы. Мы будем писать подробные отчеты. И мы будем сдавать их вовремя. Все будет идти по соответствующим каналам. Каждый юридический вопрос будет обсуждаться в офисе окружного прокурора Клайна, прежде — повторюсь, — прежде чем вы начнете действовать. Коммуникация, коммуникация и еще раз коммуникация.

Он выстрелил последними словами словно артиллерийскими снарядами в стан врага. Решив, что потенциальное сопротивление подавлено, он повернулся с приторно почтительным выражением к окружному прокурору, который явно начал терять терпение, и сказал:

— Шеридан, я знаю, что вы собираетесь принять активное личное участие в этом деле. У вас есть что сказать нашей команде?

Клайн широко улыбнулся, и эта улыбка могла бы на расстоянии показаться добродушной. Вблизи, впрочем, было ясно, что она излучает ослепительный нарциссизм политика.

— Единственное, что я хочу сказать, — это что я здесь, чтобы помочь. Помочь любым доступным мне способом. Вы профессионалы. У вас есть специализация, опыт и талант. Вы свое дело знаете. Это ваша епархия.

Гурни расслышал негромкий смешок. Родригес недовольно моргнул. Неужели он настолько тонко настроен на частоту Хардвика?

— Однако я согласен с Родом. Дело большое и организационно сложное. Оно однозначно попадет на телевидение, и за ним будет следить множество людей. Будьте готовы к кричащим заголовкам — «Кровавое убийство современного гуру». Нравится вам это или нет, джентльмены, но мы попадем и в желтую прессу. И я не хочу, чтобы мы при этом выглядели как придурки из Колорадо, которые провалили дело Джона Бенета, или придурки из Калифорнии, которые провалили дело Симпсона. В этом деле придется выполнять много задач одновременно, а это не проще, чем жонглировать яйцами: если мы начнем их ронять...

Интерес Гурни к заключительной речи остался неудовлетворенным, потому что Клайна перебил телефонный звонок. Все раздраженно повернули головы. Родригес с негодованием наблюдал, как Хардвик достает из кармана телефон и цитирует мантру капитана:

— Коммуникация, коммуникация и еще раз коммуникация! — затем нажимает на кнопку приема звонка и отвечает. — Хардвик слушает... Говори. Где? Совпадают со следами? Есть понимание, как они туда попали? А почему он это сделал? Ладно, пусть их доставят в лабораторию как

можно скорее. Без проблем. — Он отключил звонок и задумчиво уставился на телефон.

— Ну что? — Злобный взгляд Родригеса смягчился от любопытства.

Хардвик адресовал свой ответ рыжеволосой женщине в брючном костюме, застывшей в ожидании перед раскрытым ноутбуком.

— Новости с места убийства. Нашли ботинки убийцы — или, во всяком случае, ботинки, отпечатки которых совпадают со следами, ведущими от тела. Ботинки уже везут вашим людям в лабораторию.

Рыжая кивнула и начала печатать.

— Вы же сказали, что следы уводят далеко от тела и исчезают в никуда, — напомнил Родригес таким тоном, словно уличал Хардвика во лжи.

— Верно, — ответил Хардвик, не глядя на него.

— Так где же нашли ботинки?

— Там же, в нигде. На дереве, рядом с которым обрывается след. Они висели на ветке.

— Вы хотите сказать, что убийца забрался на дерево, снял там ботинки и оставил их?

— Так все и выглядит.

— И куда же он после этого делся?

— Мы даже приблизительно не представляем. Может быть, ботинки нам что-то подскажут.

Родригес разразился коротким резким смешком.

— Надеюсь, что подсказка найдется. Шеридан, вас прервали.

— С яйцами в полете, — прошептал Хардвик.

— Ничего страшного, — отозвался Клайн с улыбкой, говорящей: «Я что угодно оберну в свою пользу». — По правде говоря, я предпочитаю не говорить, а слушать — особенно когда речь о новостях с места событий. Чем лучше я понимаю проблему, тем больше я могу помочь.

— Как скажете, Шеридан. Хардвик, раз уж вы привлекли всеобщее внимание, поделитесь с нами остальными подробностями — вкратце, если можно. Окружной прокурор щедро уделяет нам свое время, но у него есть другие дела, это следует учитывать.

— Ладно, ребята, вы слышали, что он сказал. Вот краткая версия, повторять не буду. Не отвлекайтесь и не задавайте дурацких вопросов. Значит, слушайте...

— Прошу прощения! — Родригес поднял обе руки. — Я не хочу, чтобы у кого-то сложилось впечатление, что нельзя задавать вопросы.

— Это так, фигура речи, сэр. Просто не хочу занимать слишком много

времени у окружного прокурора. — Почтительность, с которой это было сказано, была избыточна ровно настолько, чтобы сарказм не ускользнул от адресата, но придраться было не к чему.

— Ладно, ладно. — Родригес нетерпеливо отмахнулся. — Продолжайте.

Хардвик начал перечислять имеющиеся данные:

— За три-четыре недели, предшествовавшие убийству, жертва получила несколько писем угрожающего характера и два телефонных звонка, один из которых был принят и записан секретарем, а другой принят и записан жертвой. Каждый из вас получит копии. Супруга жертвы, Кассандра, она же Кадди, сообщает, что в ночь убийства их с супругом в районе часа разбудил телефонный звонок от абонента, повесившего трубку.

Родригес открыл было рот, но Хардвик тут же ответил на предполагавшийся вопрос:

— Мы уже связались с телефонной компанией, чтобы отследить источники звонка в ночь убийства и двух предыдущих звонков. Однако, учитывая тщательность, с которой было спланировано преступление, я удивлюсь, если эти звонки удастся проследить.

— Это мы посмотрим, — сказал Родригес.

Гурни про себя решил, что для капитана важнее всего показать: он способен контролировать любую ситуацию или разговор, в котором принимает участие.

— Да, сэр, — произнес Хардвик с той же двусмысленной почтительностью. — В общем, пару минут спустя их потревожили звуки, раздававшиеся неподалеку от дома. Супруга жертвы описывает эти звуки как верещание животных. Когда я допрашивал ее второй раз, она предположила, что это могли быть еноты. Ее муж спустился, чтобы проверить, что происходит.

Через минуту она услышала то, что описывает как приглушенный хлопок, и вскоре после этого сама отправилась на разведку. Она обнаружила супруга лежащим на террасе сразу за задней дверью. Из ран на его шее вытекла большая лужа крови. Она закричала — по крайней мере, ей помнится, что она закричала, — и попыталась остановить кровь, но не смогла, после чего побежала назад в дом и позвонила 911.

— Вы не в курсе, она не изменила положение тела, когда пыталась остановить кровь? — В исполнении Родригеса вопрос прозвучал как ловушка.

— Она говорит, что не помнит.

Родригес смерил его скептическим взглядом.

— Я ей верю, — сказал Хардвик.

Родригес пожал плечами, обозначая недоверие к любому чужому мнению. Хардвик посмотрел на свои записи и продолжил повествование:

— Полиция Пиона прибыла на место первой, затем приехала машина из управления шерифа, затем прибыл полицейский Кальвин Максон из местного управления. В бюро расследований позвонили в 1:56 ночи. Я прибыл на место в 2:20, а медицинский эксперт прибыл в 3:25.

— Кстати, раз вы упомянули Трэшера, — сердито сказал Родригес, — он кому-нибудь звонил сказать, что опоздает?

Гурни рассматривал лица сидящих за столом. По-видимому, все они настолько привыкли к фамилии медицинского эксперта, что она никому уже не казалась странной. На вопрос также никто не отреагировал — что, судя по всему, означало, что эксперт всегда опаздывал. Родригес с негодованием уставился на входную дверь, через которую Трэшер должен был войти десять минут назад.

И тут, словно нарочно дождавшись момента, когда терпение капитана подойдет к концу, в комнату зашел долговязый мужчина с портфелем под мышкой и стаканом кофе на вынос. Он закончил начатое за дверью и никем не услышанное предложение:

— ...стройка, работают люди. Видите ли! Знаки повсюду расставили. — Он поочередно улыбнулся сидящим за столом. — То, что они «работают», выражается в том, что они стоят без дела и ковыряют в носу. Куда уж без этого. А чтобы действительно копали или дорогу мостили — какое там. Я ничего такого не видел. Толпа некомпетентных придурков просто взяла и перегородила дорогу! — Он взглянул на Родригеса сквозь очки, криво сидящие на носу. — Полиция небось тут бессильна, да, капитан?

Родригес отреагировал усталой улыбкой серьезного человека, которому приходится общаться с идиотом.

— Добрый день, доктор Трэшер.

Трэшер поместил свой портфель и кофе на стол перед единственным незанятым стулом. Он огляделся и остановил взгляд на окружном прокуроре.

— Приветствую, Шеридан! — сказал он удивленно. — Решили войти в курс дела с самого начала?

— У вас есть для нас какая-нибудь полезная информация, Уолтер?

— Вообще-то да. Как минимум один небольшой сюрприз.

Родригес не упустил шанс снова показать, что именно он командует парадом, и направить разговор в русло, в котором он и без него начал

двигаться.

— Ну что же, я вижу возможность извлечь пользу из опоздания доктора. Мы сейчас выслушали краткое изложение событий, связанных с обнаружением тела. Рассказ закончился прибытием медицинского эксперта на место преступления. И вот медицинский эксперт прибыл сюда — так что давайте прямо сейчас дадим ему слово.

— Отличная идея, — сказал Клайн, глядя на Трэшера.

Доктор был к этому готов и немедленно начал свое выступление:

— Полный письменный отчет будет через неделю, джентльмены. Пока мы имеем дело только со скелетом.

Если это была шутка, подумал Гурни, то ее явно никто не оценил. Возможно, он так часто ее повторял, что публика перестала реагировать.

— Интересное убийство, — продолжил Трэшер, взяв со стола кофе. Он сделал задумчивый глоток и вновь поставил стакан на стол. Гурни улыбнулся. Этот взъерошенный верзила умел красиво выдерживать паузы. — Все оказалось не совсем так, как виделось нам на первый взгляд.

Он снова сделал паузу, дождавшись предельной концентрации нетерпения в воздухе.

— Первичное обследование тела на месте убийства привело к гипотезе, что смерть наступила в результате разрыва сонной артерии от множественных колото-резаных ран. Они были нанесены битой бутылкой, позже обнаруженной неподалеку. Однако вскрытие показало иное: причиной смерти стал разрыв сонной артерии в результате одного выстрела с близкого расстояния в шею жертвы. Раны же были нанесены позднее, когда тело уже лежало на земле. Мы насчитали по меньшей мере четырнадцать колотых ран. В некоторых остались осколки стекла, а четыре из них насквозь проходят через мышцы и трахею до задней стенки шеи.

За столом воцарилось молчание, все недоуменно переглядывались. Родригес соединил кончики пальцев обеих рук и заговорил первым:

— Значит, его застрелили?

— Застрелили, — ответил Трэшер с удовольствием человека, любящего обнаруживать непредвиденное.

Родригес недовольно посмотрел на Хардвика:

— Как так вышло, что никто из ваших свидетелей не слышал выстрела? Вы сказали, что на территории было как минимум двадцать гостей, и опять же, почему ничего не услышала жена?

— Она слышала.

— Что?! И как давно вам об этом известно? Почему мне не сообщили?

— Она слышала выстрел, но не знала, что это выстрел, — объяснил

Хардвик. — Она сказала, что ей послышался приглушенный хлопок. Ей тогда это не показалось важным, а я не знал, с чем это связать до настоящего момента.

— Приглушенный хлопок? — недоверчиво повторил Родригес. — Вы хотите сказать, что в жертву стреляли с глушителем?

Шеридан Клайн следил за разговором, затаив дыхание.

— Тогда все понятно! — воскликнул Трэшер.

— Что понятно? — хором спросили Родригес и Хардвик.

Глаза Трэшера победоносно блестели.

— Следы гусяного пуха в ране.

— И в образцах крови, взятых из лужи вокруг тела. — Голос рыжей оказался таким же бесполом, как ее костюм.

— Разумеется, там он тоже был, — кивнул Трэшер.

— Все это очень любопытно, — произнес Клайн. — Но не мог бы кто-нибудь из вас, кто понимает, о чем речь, разъяснить мне ситуацию?..

— Гусиный пух! — повторил Трэшер так громко, будто Клайн жаловался на плохой слух.

Выражение вежливого непонимания на лице Клайна сменилось гримасой.

Хардвика осенило. Он сказал:

— Приглушенный звук выстрела и наличие гусяного пуха в ране говорит о том, что пистолет, из которого стреляли, был завернут во что-то вроде пуховика.

— Вы хотите сказать, что выстрел можно заглушить, просто завернув пистолет в пуховик?

— Не совсем. Я говорю, что если бы я завернул пистолет в несколько слоев достаточно толстого материала, особенно дуло, то, возможно, звук выстрела действительно больше напоминал бы хлопок, тем более если слушать из звукоизолированного дома с закрытыми окнами.

Казалось, объяснение удовлетворило всех, кроме Родригеса.

— Я хотел бы посмотреть результаты экспертизы, прежде чем считать это рабочей версией.

— Вы думаете, что выстрел не пытались заглушить? — с досадой переспросил Клайн.

— Возможно и такое, — сказал Трэшер. — Но тогда надо как-то по-другому объяснить частицы гусяного пуха в крови.

— Итак, — произнес Клайн, — убийца стреляет в жертву в упор...

— Не в упор, — поправил его Трэшер. — «В упор» означает, что был контакт между дулом и жертвой, а таких доказательств у нас нет.

— Тогда с какого расстояния?

— Трудно сказать. На шее есть различимая зона опаления, говорящая в пользу расстояния до полутора метров, но ожог слишком мал, чтобы дать точную картину. Возможно, пистолет был еще ближе к телу, просто материал, которым было обмотано дуло, предотвратил ожог.

— Пулю, как я понимаю, вы не нашли. — Родригес адресовал свое недовольство куда-то между Трэшером и Хардвиком.

Гурни сжал зубы. Ему приходилось работать с людьми вроде Родригеса, которые путали свою манию контроля с хваткой лидера, а склонность видеть все в отрицательном свете — с трезвостью ума.

Трэшер ответил первым:

— Пуля миновала позвонки. В тканях шеи больше нечему было ее задержать. Мы зафиксировали входное и выходное отверстия — оба, надо сказать, найти было непросто из-за множественных колотых ран, нанесенных после выстрела.

Если он рассчитывал на комплимент, то неверно выбрал публику, подумал Гурни. Родригес перевел вопросительный взгляд на Хардвика, чей тон снова балансировал на грани неповиновения.

— Мы не искали пулю. У нас не было повода считать, что была пуля.

— Теперь-то он есть!

— Тонко подмечено, сэр! — воскликнул Хардвик, не скрывая сарказма. Он достал мобильный, отошел от стола, набрал номер и заговорил вполголоса, но все равно было слышно, что он разговаривает с кем-то на месте преступления и запрашивает срочный поиск пули. Когда он вернулся к столу, Клайн интересовался, есть ли надежда обнаружить пулю, раз выстрел был совершен вне помещения.

— Обычно надежды мало, — ответил Хардвик. — Но в нашем случае есть такой шанс. С учетом положения тела можно сказать, что в него стреляли, когда он находился к дому спиной. Если траекторию что-нибудь не отклонило слишком сильно, пуля может быть в деревянной обшивке дома.

Клайн медленно кивнул.

— Хорошо, значит, верно ли я понял, что убийца выстрелил в жертву с близкого расстояния, жертва упала на землю с разрывом сонной артерии, из его шеи била кровь? Затем убийца взял разбитую бутылку, сел на корточки рядом с телом и четырнадцать раз ударил его в горло — такая сейчас картина? — неуверенно уточнил он.

— Как минимум четырнадцать раз. Возможно, больше, — отметил Трэшер. — Когда раны наслаиваются одна на другую, их становится

сложно сосчитать.

— Это мне ясно, но я сейчас вот что пытаюсь понять: зачем все это было нужно?

Трэшер поморщился.

— Мотивы убийства не входят в сферу моей экспертизы, — сказал он. — Это надо спрашивать у наших друзей из бюро криминальных расследований.

Клайн повернулся к Хардвику:

— Разбитая бутылка — инструмент спонтанный, замена ножу или пистолету. Зачем человек, у которого уже есть заряженный пистолет, берет с собой разбитую бутылку и зачем использует ее уже после того, как убил жертву из пистолета?

— Чтобы убедиться, что он мертв? — предположил Родригес.

— Почему тогда было не выстрелить еще раз? В голову? Почему он вообще изначально не стал стрелять в голову? Почему именно в шею?

— Возможно, он никудышный стрелок.

— При расстоянии в полтора метра? — Клайн снова повернулся к Трэшеру. — А мы уверены, что именно такова последовательность — сперва выстрел, затем колотые раны?

— Уверены в рамках нашей профессиональной компетенции, как выражаются в суде. Ожог почти не виден, но он есть. Если бы шея уже была в крови к моменту выстрела, мы вряд ли нашли бы следы опаления.

— И мы нашли бы пулю, — сказала рыжая тихим будничным голосом, так что ее почти никто не услышал. Но Клайн был среди услышавших, как и Гурни, который как раз думал, когда же эта мысль придет кому-то на ум. Лицо Хардвика оставалось непроницаемым, но казалось, он ничуть не удивлен.

— Вы о чем? — уточнил Клайн.

Она ответила, не отрывая взгляда от экрана ноутбука:

— Если его при первоначальном нападении четырнадцать раз ударили в шею и при этом четыре из этих ран были сквозными, он вряд ли устоял бы на ногах. И если бы в него стреляли сверху в момент, когда он лежал на земле, мы нашли бы пулю под ним.

Клайн посмотрел на нее с уважением. В отличие от Родригеса, отметил про себя Гурни, у него хватало ума, чтобы уважать чужой ум.

Родригес попытался снова взять разговор в свои руки.

— Доктор, пулю какого калибра мы ищем?

Трэшер уставился на него сквозь очки, спустившиеся на кончик его длинного носа.

— Что мне сделать, чтобы люди наконец поняли простейшие вещи про патологоанатомию?

— Знаю, знаю, — раздраженно отмахнулся Родригес. — Плоть может расширяться и сжиматься, нельзя сказать наверняка и все такое. Но все-таки — речь идет скорее о двадцать втором или о сорок четвертом? Сделайте авторитетное предположение.

— Мне не платят за предположения. Кроме того, никто не будет помнить, что речь шла о предположении. Все запомнят, что медэксперт назвал конкретный калибр и ошибся. — Было видно, что он вспомнил какой-то случай, но промолчал, сказав лишь: — Когда вытащите пулю из обшивки дома, тогда узнаете.

— Доктор, — вмешался Клайн с видом маленького мальчика, ищущего совета у премудрого старца, — а возможно узнать, каков был интервал между выстрелом и нанесением колотых ран?

Его тон смягчил возмущение Трэшера.

— Если бы интервал был значительным, мы обнаружили бы кровь в двух разных стадиях свертывания. В нашем случае я бы сказал, что раны последовали вскорости после выстрела, поскольку сравнивать нам было нечего. Все, что мы можем сказать, — это что интервал был небольшим, но было это десять секунд или десять минут — сказать сложно. Хотя вопрос хороший, — подытожил он, подчеркнуто противопоставляя его вопросу капитана.

Капитан покривился:

— Если у вас все, доктор, мы вас больше не задерживаем. Полагаю, письменный отчет будет готов не позднее чем через неделю?

— Да, я же обещал. — Трэшер взял свой объемный портфель со стола, с поджатыми губами кивнул окружному прокурору и вышел из комнаты.

Глава 23

Бесследно

— Патологический зануда, — подытожил Родригес, пробегая взглядом по лицам присутствующих в поисках поддержки своей шутки, но только непрекращающиеся смешки близнецов Круз могли показаться чем-то вроде отклика. Клайн нарушил тишину, попросив Хардвика продолжить описание сцены убийства, прерванную появлением Трэшера.

— Я собирался сказать то же самое, — подхватил Родригес. — Хардвик, продолжайте ваш отчет и придерживайтесь ключевых моментов. — Просьба подразумевала, что Хардвик обычно поступает иначе.

Гурни заметил для себя, что капитан был предсказуем — всегда враждебен к Хардвику, льстив по отношению к Клайну и высокого мнения о себе.

Хардвик быстро заговорил:

— Самый заметный след убийцы — отпечатки его ботинок, судя по которым он вошел на территорию через главные ворота, проследовал через парковку к задней части сарая и остановился там, где был найден садовый стул...

— Садовый стул на снегу?.. — переспросил Клайн.

— Именно. Перед стулом были обнаружены сигаретные бычки.

— Семь штук, — сказала рыжая, не отрываясь от ноутбука.

— Семь, — повторил Хардвик. — От стула следы ведут...

— Детектив, я прошу прощения, но Меллери всегда держал садовые стулья во дворе зимой?

— Нет, сэр. Все выглядит так, будто убийца принес стул с собой.

— Стул? С собой?

Хардвик пожал плечами.

Клайн покачал головой:

— Простите, что перебил. Продолжайте.

— Не нужно извиняться, Шеридан. Спрашивайте все, что хотите. Мне тоже многое тут кажется нелогичным, — сказал Родригес и посмотрел на Хардвика так, будто отсутствие логики было его виной.

— Далее следы ведут к месту встречи с жертвой.

— Тому месту, где Меллери убили? — уточнил Клайн.

— Да, сэр. Оттуда они направляются к просвету в живой изгороди и

через лужайку в лес. След прерывается в километре от дома.

— В каком смысле *прерывается*?

— Прекращается. Не продолжается. Снег там слегка притоптан, будто убийца некоторое время стоял на месте, но с этого места следы никуда больше не ведут. Как сообщалось несколько раньше, ботинки, оставившие эти следы, были найдены висящими на дереве неподалеку. У нас нет предположений, что потом случилось с тем, кто был в них обут.

Гурни наблюдал за выражением лица Клайна и увидел, что тот одновременно глубоко озадачен этой головоломкой и поражен тем, что не может придумать вообще никакого решения. Хардвик открыл было рот, чтобы продолжить отчет, но в этот момент заговорила рыжая. Ее голос был тихим и безликим, одинаково женским и мужским.

— Сейчас следует отметить, что рисунок подошв найденных ботинок совпадает с отпечатками в снегу. Однако действительно ли именно эта пара обуви оставила эти отпечатки, должны определить специалисты из лаборатории.

— Это можно определить с такой точностью? — спросил Клайн.

— Конечно, — ответила она, и ее голос впервые окрасился гордостью. — Отпечатки на снегу для такой задачи удобнее всего: снег сохраняет мельчайшие детали, которые не разглядеть невооруженным глазом. Никогда никого не убивайте в снегу.

— Спасибо за совет, — сказал Клайн. — Прошу прощения, что снова перебили вас, детектив. Пожалуйста, продолжайте.

— Возможно, это подходящий момент, чтобы перечислить собранные улики. Вы не против, капитан? — Интонация Хардвика снова была аккуратной пародией на уважение.

— С удовольствием послушаю про факты, — ответил Родригес.

— Сейчас, только открою файл, — сказала рыжая, что-то набирая на компьютере. — В каком порядке вам перечислить улики?

— Давайте в порядке важности.

Никак не реагируя на командный тон капитана, она принялась зачитывать список с экрана компьютера:

— Улика первая: один садовый стул из легких алюминиевых трубок и белого пластикового переплета. Первоначальное исследование на предмет чужеродных частиц выявило присутствие нескольких квадратных миллиметров строительной мембраны, застрявшей между сиденьем и креплением ручки.

— Это утеплитель, что ли? — уточнил Клайн.

— Гидроизоляция для деревянных домов, но этот материал по-разному

используют, например, делают из него комбинезоны для малярных работ. Это единственный посторонний материал, найденный на стуле, больше ничто не свидетельствует о том, что его раньше как-то использовали.

— Никаких отпечатков пальцев, волос, пота, слюны, царапин, совсем ничего? — спросил Родригес, как будто не веря в компетентность ее специалистов.

— Ни отпечатков, ни волос, ни пота, ни слюны, ни царапин, однако я бы не сказала, что «совсем ничего», — ответила она, снова проигнорировав тон его вопроса. — Часть переплета на спинке стула была заменена, а именно — все горизонтальные перетяжки.

— Вы же сказали, что стул никогда не использовался.

— Нет следов использования, но переплет однозначно был изменен.

— Предположительно по какой причине?

Гурни хотел было выдвинуть предположение, но Хардвик заговорил первым:

— Такие стулья обычно перетягивают полосками двух цветов — белый и синий, белый и зеленый, что-нибудь такое. Может быть, он не хотел, чтобы стул был цветным.

Родригес поморщился, как будто проглотил что-то горькое.

— Продолжайте, сержант Вигг. Нам еще многое надо успеть до обеда.

— Улика вторая: семь бычков от сигарет «Мальборо», также без каких-либо следов.

Клайн наклонился вперед:

— То есть нет следов слюны? Отпечатков пальцев? Следов жира от пальцев?

— Ничего.

— Разве это не странно?

— Очень странно. Улика третья: фрагмент разбитой бутылки из-под виски марки «Четыре розы».

— Фрагмент?

— Приблизительно полбутылки было найдено целиком. Если считать также все найденные осколки, то всего получается чуть меньше, чем две трети целой бутылки.

— Без отпечатков? — предположил Родригес.

— Отпечатков нет, что нас в общем-то уже не удивляет после их отсутствия на стуле и бычках. Была также найдена одна субстанция помимо крови жертвы — незначительное количество моющего средства в трещине вдоль отбитой части стекла.

— И о чем это говорит? — спросил Родригес.

— Присутствие моющего средства и нехватка осколков позволяет предположить, что бутылку разбили где-то еще и помыли перед тем, как принести на место убийства.

— Значит, нанесение колотых ран было таким же заранее обдуманном действием, как и выстрел?

— Похоже на то. Я продолжу?

— Прошу, — сказал Родригес таким тоном, что это прозвучало как грубость.

— Улика четвертая: одежда жертвы, включая нижнее белье, халат и мокасины, вся запахана его кровью. На халате найдено три посторонних волоса, возможно принадлежащих супруге жертвы, но это еще выясняется. Улика пятая: образцы крови, взятые с земли вокруг тела. Окончательных результатов из лаборатории еще нет, но пока вся найденная кровь принадлежит жертве. Улика шестая: осколки стекла с плиты под шеей жертвы. Это подтверждает вывод, сделанный на основании вскрытия, что четыре колотых раны от бутылочного стекла прошли насквозь через шею и что жертва лежала на земле в момент их нанесения.

Клайн сидел сощурившись, как будто солнце било ему в глаза.

— У меня складывается впечатление, что кто-то совершил крайне жестокое убийство со стрельбой и колотыми ранами — четырнадцать колотых ран, местами нанесенных с жуткой силой! — однако убийца умудрился сделать это, не оставив после себя никаких ненамеренных следов.

Один из близнецов впервые подал голос, и голос этот оказался удивительно высоким для человека с таким мужественным телосложением.

— А как же садовый стул, бутылка, следы и ботинки?

Клайн нетерпеливо повел бровью:

— Я говорю о *ненамеренных уликах*. А все перечисленное как будто оставлено нарочно.

Полицейский пожал на это плечами, как человек, не разбирающийся в таких тонкостях.

— Улика номер семь разделяется на подпункты, — сказал бесполой голос сержанта Вигг (однако бесполость не равна асексуальности, подумал Гурни, рассматривая необычный разрез глаз и красивую форму губ). — Улика номер семь состоит из сообщений, полученных жертвой и, вероятно, имеющих отношение к убийству. Сюда входит записка, найденная на теле жертвы.

— У меня есть копии этих сообщений, — заявил Родригес. — Я их предоставлю, когда будет подходящий момент.

Клайн спросил у Вигг:

— А что вы ищете на этих записках?

— Отпечатки пальцев, оттиски на бумаге...

— Вы имеете в виду оттиск ручки от предыдущих страниц в блокноте?

— Да. Мы также делаем анализ чернил с рукописных записок и идентификацию принтера по письму, напечатанному на компьютере, — последнее было получено перед убийством.

— Наши эксперты также проанализируют почерк, словарный запас и синтаксис, — вмешался Хардвик. — Кроме того, мы проведем исследование фонограммы телефонного разговора, записанного жертвой. У Вигг уже есть предварительное заключение, мы сегодня его рассмотрим.

— Мы также займемся ботинками, найденными сегодня, как только они попадут в лабораторию. И это на данный момент все, — сообщила Вигг, нажимая кнопку на компьютере. — Есть вопросы?

— У меня есть один, — сказал Родригес. — Поскольку мы договорились о перечислении улик в порядке важности, почему вы назвали садовый стул первым?

— Это просто мое ощущение, сэр. Мы не знаем наверняка, какое значение имеют отдельные улики, пока они не сложатся в цельную картину. Невозможно сказать...

— Однако вы назвали стул первым, — перебил ее Родригес. — Вот я и спрашиваю: почему?

— Он как будто иллюстрирует самую поразительную черту этого дела.

— Это вы о чем?

— О продуманности, — спокойно ответила Вигг.

Гурни подумал, что у нее удивительная способность отвечать на допрос капитана так, будто это бесстрастные вопросы на бумаге, лишённые высокомерного выражения лица и оскорбительного тона. Было что-то удивительное в отсутствии эмоциональной вовлеченности, в способности не реагировать на провокации. И это притягивало к ней внимание. Гурни заметил, что все, кто сидел за столом, за исключением Родригеса, непроизвольно подались вперед, слушая ее.

Она продолжила:

— Дело не только в продуманности, но и в том, как странно все это было придумано. Принести на место преступления садовый стул. Выкурить семь сигарет, не касаясь их губами и пальцами. Разбить бутылку, помыть ее и принести с собой, чтобы нанести ранения мертвому телу. Уж не говоря про загадочные следы и исчезновение преступника в лесу. Просто какой-то гений убийства. Он не просто принес садовый стул, но поменял часть

переплета на нем. Зачем?

Потому что хотел, чтобы стул целиком был белым? Чтобы его было не так видно на снегу? Или потому, что его было бы не так видно на фоне белого костюма, в который, возможно, он был одет? Но если ему было так важно не выделяться, зачем он сидел на этом стуле и курил сигареты? Я пока не могу это никак подтвердить, но я бы не удивилась, если бы стул оказался ключом к разгадке всего преступления.

Родригес покачал головой:

— Ключом к разгадке этого преступления может быть только полицейская дисциплина, соблюдение процедуры и своевременная коммуникация.

— Ставлю на садовый стул, — прошептал Хардвик, подмигнув рыжей Вигг.

Это не ускользнуло от капитана, но он не успел ничего сказать, потому что дверь в переговорную открылась и вошел человек с блестящим компакт-диском в руке.

— В чем дело? — рявкнул Родригес.

— Вы сказали принести вам результаты по отпечаткам пальцев, как только они будут готовы.

— И что?

— Они готовы, — сказал человек, поднимая диск. — Наверное, вам стоит взглянуть. Может быть, сержант Вигг его откроет?..

Он протянул диск к ее компьютеру. Она вставила его в дисковод и нажала пару клавиш.

— Любопытно, — сказала она.

— Прековски, прокомментируйте, что там такое?

— Креповски, сэр.

— Что?

— Моя фамилия Креповски.

— Ладно, ладно. А теперь расскажите: нашли отпечатки пальцев?

Креповски прокашлялся.

— И да и нет, — ответил он.

Родригес вздохнул.

— То есть они слишком размазаны, чтобы можно было что-то сказать?

— Они не просто размазаны, — ответил Креповски. — Вообще-то их толком и отпечатками не назовешь.

— Тогда о чем речь?

— Я бы назвал их мазками. Ощущение, что преступник использовал естественный жир на кончиках пальцев как невидимые чернила, чтобы

оставить сообщение.

— Какое сообщение?

— Там три сообщения. По одному на обратной стороне каждого сообщения, полученного жертвой. Когда мы путем химической обработки сделали слова видимыми, мы сфотографировали их и записали изображения на диск. Их можно четко разглядеть на экране.

С легкой усмешкой сержант Вигг медленно развернула свой ноутбук экраном к Родригесу. На фотографии было три листка бумаги, лежащие рядом, — оборотные стороны записок, присланных Меллери, разложенные в порядке получения. На каждом оказалось по слову, написанному размазанными штрихами: ТУПЫЕ ЗЛЫЕ КОПЫ.

Глава 24

Преступление года

— Что за херня? — хором произнесли близнецы.

Родригес поморщился.

— Черт! — воскликнул Клайн. — Это становится все интереснее. Убийца объявляет нам войну!

— Да он просто долбанутый, — произнес первый Круз.

— Долбанутый, но бесстрашный, он хочет схватки с полицией! — Клайн определенно находил новый поворот событий увлекательным.

— Ну и что? — не понял второй Круз.

— Я уже говорил, что это дело обязательно привлечет внимание СМИ. Так вот, оно не просто привлечет внимание. Это тянет на преступление года, а то и десятилетия. Каждый элемент этого дела — новостной повод.

Глаза Клайна загорелись. Он так наклонился вперед, что его ребра упирались в край стола. Затем его энтузиазм угас так же внезапно, как возник, и он откинулся на спинку стула с мрачным выражением лица, как будто что-то напомнило ему, что убийство — это трагедия и относиться к нему надо соответственно.

— Антиполицейское выступление может стать отдельным поводом для спекуляций, — подытожил он.

— Несомненно, — подхватил Родригес. — Я хочу знать, был ли кто-то из гостей института настроен против полицейских. Что скажете, Хардвик?

Старший детектив надсадно хохотнул.

— Что в этом смешного?

— Для большинства гостей, с которыми мы говорили, полицейский — это что-то среднее между налоговым инспектором и садовым слизнем.

Гурни отметил, что Хардвик таким образом сформулировал, что он сам испытывал к капитану.

— Я бы хотел почитать их заявления.

— Они у вас в электронной почте. Но я могу сэкономить ваше время: эти записи бессмысленны. Все спали. Никто ничего не видел. И никто ничего не слышал, за исключением Паскаля Виллады, он же Пирожок, он же Патти Плюшкин. Он сказал, что не мог заснуть. Открыл окно, чтобы проветрить комнату, услышал «приглушенный хлопок» и правильно предположил, что это выстрел.

Хардвик покопался в папке с бумагами и достал один лист. Клайн

снова подался вперед.

— «Было похоже на то, что кого-то шлепнули» — вот его слова. Он произнес их так, будто это в порядке вещей, будто он неоднократно слышал такой звук.

Глаза Клайна снова загорелись.

— То есть вы говорите, что во время убийства там присутствовал бандит?

— Он присутствовал на территории института, а не на месте преступления.

— Откуда вы это знаете?

— Виллади разбудил Джастина Бейла, помощника Меллери, чья комната находится в том же здании. Он сказал, что услышал какой-то звук со стороны дома Меллери, что кто-то, возможно, туда забрался, — и предложил пойти посмотреть. Но пока они одевались и парком шли к дому Меллери, Кадди уже обнаружила тело мужа и стала звонить 911.

— Виллади не сказал этому Бейлу, что слышал выстрел? — Клайн начал говорить тоном человека, ведущего допрос в зале суда.

— Нет. Он сказал нам, на следующий день. Но к тому моменту мы нашли окровавленную бутылку и колотые раны на шее, а пулевых ранений или соответствующего орудия убийства найдено не было, поэтому мы не стали исследовать вероятность выстрела. Мы подумали, что Патти похож на человека, который бредит пушками, поэтому мог предположить такое от балды.

— Но почему он не сказал Бейлу, что принял звук за выстрел?

— Сказал, что не хотел его пугать.

— Какой предусмотрительный, — усмехнулся Клайн и перевел взгляд на бесстрастно молчащего Штиммеля, который зеркально усмехнулся в ответ.

— Но вам-то он это сказал! — воскликнул Родригес. — Плохо, что вы не обратили на это внимания.

Хардвик подавил позыв к зевоте.

— Что вообще бандит делал в институте, продающем «духовное обновление»?

Хардвик пожал плечами:

— Сказал, что просто обожает это место. Приезжает туда раз в год — нервы успокоить. Говорит, что это филиал рая, а Меллери — святой.

— Так и сказал?

— Так и сказал.

— Потрясающее дело. Еще есть какие-нибудь интересные гости?

На лице Хардвика возникла характерная ироничная усмешка, которая всегда внушала Гурни необъяснимое отвращение.

— Если вы о высокомерных, инфантильных, промаринованных в наркоте шизиках, то в этом смысле «интересных гостей» там полно, плюс эта неправдоподобно богатая вдова.

Вероятно, снова задумавшись о последствиях внимания прессы к этому делу, Клайн медленно обвел глазами комнату и остановился на Гурни, который сидел по диагонали от него. Сначала взгляд Клайна был отсутствующим, как будто он смотрел на пустой стул. А затем он с любопытством наклонил голову.

— Пойдите-ка, — сказал он. — Дэйв Гурни, Нью-Йоркское управление. Род говорил мне, кто будет присутствовать на собрании, но я только что осознал. Это не о вас была большая статья в журнале «Нью-Йорк мэгазин», пару лет назад?

Хардвик ответил первым:

— Он самый. Заголовок гласил «Супердетектив».

— Теперь припоминаю, — оживился Клайн. — Вы распутывали громкие дела — рождественский маньяк с частями тела и Поросенок Поггот или как его там.

— Питер Поссум Пиггерт, — отозвался Гурни.

Клайн уставился на него с нескрываемым восхищением.

— Значит, убитый был лучшим другом звездного детектива Нью-Йорка?

Опасения насчет трактовок прессы множились на глазах.

— Я был до какой-то степени вовлечен в оба дела, — ответил Гурни настолько же равнодушно, насколько Клайн был взбудоражен. — Ими занималось много людей. Что касается Меллери, он определенно не был моим лучшим другом, мы не общались больше двадцати лет, и даже в то время...

— Однако, — перебил его Клайн, — когда он оказался в беде, он первым делом обратился к вам.

Гурни посмотрел на лица за столом, выражавшие разные степени зависти и восхищения, и подивился силе упрощенных формулировок. «Кровавое убийство лучшего друга звездного копа» — такой заголовок мгновенно находит отклик в той части мозга, которая любит мультики и ненавидит всякую сложность.

— Я думаю, он обратился ко мне, потому что не был знаком с другими полицейскими.

Клайн явно не был готов отступить от своей теории, но решил

отложить ее в сторону и продолжить разговор.

— Не важно, какого рода отношения у вас были с жертвой, но они однозначно дают вам взгляд на ситуацию, которого ни у кого из нас нет.

— Поэтому я и хотел, чтобы он присутствовал сегодня, — заявил Родригес-я-здесь-главный.

Хардвик издал краткий кашель-смешок, и затем Гурни услышал его шепот:

— Он был против этой идеи, пока она не понравилась Клайну.

Родригес продолжил:

— Как раз его выступление следующее у меня на повестке, и он сможет ответить на любые вопросы, которых, я думаю, возникнет множество. Чтобы потом не отвлекаться, давайте объявим пятиминутный перерыв на туалет.

— Смотри не обоссись, Гурни, — раздался смешливый шепот за его спиной и затерялся среди грохота отодвигаемых стульев.

Глава 25

Допрос Гурни

У Гурни была теория, что люди делятся на тех, кто ведет себя в туалете как в раздевалке, и тех, кто ведет себя там как в лифте. То есть одни держатся вульгарно и панибратски, а другие отчужденно и неловко. Эти ребята относились ко второму типу. Никто не проронил ни слова, пока все не вернулись в переговорную.

— Итак, каким же образом такой скромняга умудрился так прославиться? — спросил Клайн, излучая хорошо отрепетированное обаяние, одновременно вуалирующее и выдающее холодный подтекст.

— Не такой уж я и скромняга. И не так уж прославился, — ответил Гурни.

— Когда все наконец усядутся, — резко заговорил Родригес, — каждый увидит перед собой копии записок, полученных жертвой. Пока наш свидетель будет рассказывать про свое общение с жертвой, вы можете посмотреть, что они обсуждали. — Затем он небрежно кивнул в сторону Гурни: — Начинайте, как будете готовы.

Высокомерие этого человека больше не удивляло Гурни, но все равно корбило. Он огляделся и встретился взглядом поочередно со всеми присутствующими, кроме полицейского, провожавшего его на место преступления, который шумно копался в своих бумагах, и Штиммеля, помощника окружного прокурора, который сидел, уставившись в пространство перед собой, как задумчивая жаба.

— Капитан верно подметил, что нам многое предстоит обсудить. Давайте я для начала перечислю события в той последовательности, в которой они происходили, а в конце вы зададите свои вопросы. — Он увидел, что Родригес собирался возразить, но сдержался, потому что Клайн одобрительно кивнул на его предложение.

Четко и ясно, как всегда (ему неоднократно говорили, что он мог бы преподавать риторику), Гурни за двадцать минут рассказал всю историю, начав с письма Меллери с просьбой о встрече, продолжив изложением их бесед и болезненной реакции Меллери и закончив звонком от убийцы и запиской в почтовом ящике (той, в которой упоминалась цифра 19).

Клайн был самым внимательным слушателем и в конце заговорил первым:

— Это же какой-то эпос о возмездии! Убийца был одержим желанием

отомстить Меллери за какой-то ужасный поступок, совершенный спяну много лет назад.

— Но почему он так долго тянул с этим? — спросила сержант Вигг, которую Гурни находил все более интересной с каждым разом, как она заговаривала.

Глаза Клайна загорелись от обилия возможных версий.

— Возможно, Меллери о чем-то проговорился в одной из своих книг. Может быть, таким образом убийца узнал, что именно по его вине произошла какая-то трагедия, которую он до того с ним не связывал. А может быть, успех Меллери оказался последней каплей в чаше его терпения. Или, может, как говорится в первой записке, убийца просто увидел его однажды на улице и в нем пробудилась старая обида. Он достает пистолет и — бабах!

— Ничего себе бабах, — сказал Хардвик.

— У вас другое предположение, старший следователь Хардвик? — спросил Клайн с холодной улыбкой.

— Тщательно составленные письма, загадки с цифрами, указания к отправке чека на неправильный адрес, несколько стихов с угрозами, замаскированное послание полиции, которое можно обнаружить только с помощью специального химического анализа; стерильные как пальцы хирурга окурки, скрытое пулевое ранение, невероятный след в снегу и гребаный садовый стул, наконец! Жирновато для внезапного «бабаха».

— Моя версия не исключала, что убийство было заранее продумано, — ответил Клайн. — Сейчас меня больше интересует исходный мотив, а не детали. Я хочу понять, какого рода была связь между убийцей и жертвой. Эта связь обычно является разгадкой к преступлению.

Эта краткая нотация создала в комнате неловкую тишину, которую нарушил Родригес.

— Блатт, — гаркнул он, обращаясь к проводнику Гурни, который рассматривал копии двух первых записок, будто они свалились на стол из космоса. — У вас потерянный вид.

— Что-то тут не сходится. Убийца присылает жертве письмо, предлагая загадать число и затем посмотреть в запечатанный конверт. Жертва загадывает число 658, заглядывает в конверт — и там написано 658. Вы что, верите, что такое в принципе возможно?

Никто не успел отреагировать, потому что заговорил его напарник:

— Да, и две недели спустя преступник повторяет этот трюк, на этот раз по телефону. Он предлагает Меллери задумать число и посмотреть в почтовом ящике. Тот загадывает число 19 и находит в ящике письмо от

убийцы, в котором написано число 19. Блин, это крышу сносит.

— У нас есть этот телефонный разговор, записанный жертвой, — сказал Родригес таким тоном, точно это его личная заслуга. — Вигг, включите ту часть, где говорится про цифру.

Сержант молча что-то набрала на клавиатуре, и спустя пару секунд раздался разговор Меллери и его преследователя, к которому Гурни подключался. Все за столом стали вслушиваться в странный акцент убийцы и плохо скрытый страх в голосе Меллери.

— Прошепчи цифру.

— Прошептать?

— Да.

— Девятнадцать.

— Хорошо, очень хорошо.

— Так кто вы?

— А ты все еще не понял? Столько мучений, а ты не узнаешь меня. Такую возможность нельзя было исключать. Поэтому тебе была оставлена записка. Ты уверен, что не получал ее?

— Не знаю, о какой записке речь.

— Да, но ты же знал, что цифра 19.

— Вы же сказали загадать цифру.

— Но это была та самая цифра, разве нет?

— Я ничего не понимаю.

Еще секунда — и сержант Вигг нажала на клавишу и сказала:

— Это все.

Короткая запись вызвала у Гурни приступ бессильной ярости и отворачивания.

Блатт развел руками:

— И кто это был — мужик или женщина?

— Почти наверняка мужчина, — ответила Вигг.

— Как это можно определить?

— Мы сегодня утром анализировали запись, и распечатка показывает напряжение на высоких тонах.

— Ну и что?

— Высота голоса отличается от фразы к фразе, и даже от слова к слову, и в каждом случае голос менее напряжен на низких частотах.

— То есть он старался говорить высоким голосом, но низкие тона для него более естественны? — уточнил Клайн.

— Именно, — ответила Вигг своим бесполым, но привлекательным голосом. — Это не заключение экспертизы, но это более чем вероятно.

— А что с фоновыми шумами? — спросил Клайн. Гурни тоже об этом думал. Он знал, что на записи есть звуки проезжающих автомобилей, а значит, звонок был сделан откуда-то с улицы или из торгового центра.

— Мы будем знать точно, когда прогоним запись через усилитель, но сейчас она раскладывается на три типа звуков: сам разговор, шум машин и гудение какого-то двигателя.

— Как долго будут прогонять через усилитель? — спросил Родригес.

— Это зависит от сложности записанной информации, — ответила Вигг. — Может занять от двенадцати до двадцати четырех часов.

— Пусть займет двенадцать.

Неловкое молчание, которое Родригес умел нагнетать как никто, нарушил Клайн, обративший свой вопрос ко всем присутствующим:

— А что насчет шепота? Кто не должен был услышать цифру девятнадцать? — Он повернулся к Гурни. — У вас есть предположения?

— Нет. Но я не думаю, что это как-то связано с нежеланием быть услышанным.

— Почему вы так думаете? — с вызовом спросил Родригес.

— Потому что шепот — ненадежный способ не быть услышанным, — прошептал Гурни, чтобы подчеркнуть свою мысль. — Это вполне в духе других странностей в этом деле.

— Вроде чего? — не унимался Родригес.

— Вроде неопределенности насчет ноября или декабря. Вроде пистолета и разбитой бутылки. Вроде загадки со следами в снегу. И еще одного момента, на который никто не обратил внимания, — почему не было звериных следов?

— Чего? — обескураженно переспросил Родригес.

— Кадди Меллери сказала, что они с мужем слышали, как под домом дерутся какие-то животные. Поэтому он и вышел на улицу — посмотреть, что происходит. Но никаких следов поблизости не было — а уж в снегу-то они точно были бы видны.

— Мне кажется, мы зашли в тупик. Не понимаю, какое значение имеет присутствие или отсутствие следов енотов или кого там.

— Черт! — воскликнул Хардвик, игнорируя Родригеса и улыбаясь Гурни. — А ты же прав. Там в снегу не было никаких следов, оставленных не убийцей и не жертвой. Как же я раньше не обратил внимания?

Клайн повернулся к своему помощнику.

— Никогда я не сталкивался с делом, в котором было бы так много улик, из которых было бы так мало говорящих. — Он покачал головой. — Как убийце удалось проверить этот трюк с цифрами? И зачем он это

сделал аж дважды? — Он посмотрел на Гурни. — Вы уверены, что эти цифры ничего не значили для Меллери?

— На девяносто процентов уверен. Настолько же, насколько я вообще бываю уверен в чем-либо.

— Давайте вернемся к общей картине, — вмешался Родригес. — Я тут подумал о мотиве, о чем вы говорили раньше, Шеридан...

У Хардвика зазвонил телефон. Он достал его и приложил к уху раньше, чем Родригес успел возмутиться.

— Черт! — воскликнул он, помолчав. — Вы там уверены? — Он оглядел присутствующих. — Пулю не нашли. Обыскали каждый сантиметр обшивки задней стены дома. Ничего.

— Пусть проверят в доме, — сказал Гурни.

— Но стреляли-то снаружи.

— Я знаю, но Меллери, скорее всего, не закрыл за собой дверь, когда вышел. Встревоженный человек в такой ситуации оставил бы дверь открытой. Скажи, чтобы эксперты рассчитали возможные траектории и проверили все внутренние стены, куда могла попасть пуля.

Хардвик быстро передал инструкции и сбросил звонок.

— Хорошая идея, — сказал Клайн.

— Отличная, — сказала Вигг.

— А еще насчет этих цифр, — сказал Блатт, внезапно сменив тему. — Он что, гипнотизер или экстрасенс какой-то?

— Я так не думаю, — сказал Гурни.

— А как по-другому?

Хардвик разделял сомнения Гурни на этот счет и ответил первым:

— Господи, Блатт, когда последний раз полиция штата расследовала дело, замешенное на мистике и телепатии?

— Но он же откуда-то знал, что загадает жертва!

На этот раз первым ответил Гурни, стараясь звучать примирительно:

— Все действительно выглядит так, будто кто-то знал заранее, что загадает Меллери. Но я думаю, что мы здесь что-то не учитываем и ответ гораздо проще, чем чтение мыслей на расстоянии.

— Хочу у вас вот что спросить, детектив Гурни. — Родригес откинулся на своем стуле и сложил руки на груди. — Довольно быстро стало понятно, что кто-то преследует Марка Меллери с целью убийства: он получил несколько откровенно угрожающих писем и телефонных звонков. Почему вы не пришли с этим в полицию, прежде чем он был убит?

Гурни ждал этого вопроса и был к нему готов, но это не смягчило укол.

— Благодарю за обращение «детектив», капитан, но я ушел в отставку и снял с себя и значок и титул два года назад. Что касается обращения в полицию — ничего нельзя было бы предпринять без сотрудничества Марка Меллери, а он однозначно заявил, что сотрудничать не хочет.

— Вы говорите, что не могли обратиться в полицию без его согласия? — спросил Родригес, повышая тон и угрожающе хмурясь.

— Он мне сказал, что не желает, чтобы полиция вмешивалась в это дело, что он находит это потенциальное вмешательство скорее деструктивным, чем полезным, и что он намерен сделать все возможное, чтобы такое вмешательство предотвратить. Если бы я пришел в полицию, это связало бы руки вам и уничтожило доверие ко мне.

— Однако дальнейшее общение с вами не сильно помогло ему, не так ли?

— К сожалению, капитан, тут вы правы.

Мягкость, отсутствие сопротивления в голосе Гурни сбили Родригеса с толку. Шеридан Клайн вмешался:

— Почему он был так настроен против полиции?

— Он считал, что полиция действует слишком грубо, что она недостаточно компетентна, чтобы разобраться в ситуации. Он не верил, что вы сможете обеспечить ему безопасность, боялся, что информация попадет в прессу и это навредит его институту.

— Какие глупости! — возмутился Родригес.

— Он не доверял полицейским. Говорил, что они — как слон в посудной лавке. И упорно настаивал на том, что никакого сотрудничества не будет — никакой полиции на территории, никаких контактов с гостями, никакой информации от него лично. Он, кажется, даже был готов обратиться в суд при малейшем полицейском вмешательстве.

— Хорошо, но вот что интересно... — начал Родригес, но его снова перебил звонок телефона Хардвика.

— Хардвик. Да. Где? Потрясающе. Хорошо, спасибо. — Он убрал телефон в карман и обратился к Гурни, но так, чтобы всем было слышно: — Они нашли пулю. В стене внутри дома. В гостиной, прямо напротив выхода на террасу, — по-видимому, дверь была открыта на момент выстрела.

— Поздравляю, — сказала сержант Вигг, обращаясь к Гурни, а затем повернулась к Хардвику. — Что насчет калибра?

— Они считают, что это триста пятьдесят седьмой, но подождем отчета экспертов.

Клайн сидел в задумчивости и как будто не слышал этого разговора.

Он снова озвучил вопрос, ни к кому конкретно не обращаясь:

— А могли у Меллери быть другие причины не хотеть вмешательства полиции?

Блатт в полном замешательстве, с перекошенным лицом, добавил свой вопрос:

— Я не понял — почему полицейские как слон поссут на лавки?

Глава 26

Пустой чек

Когда Гурни добрался до Уолнат-Кроссинг, усталость окутала его как туман, смешав голод, жажду, тревогу и сомнения. По мере того как ноябрь сдавал позиции зиме, дни становились все короче — в долинах, окруженных горами, все раньше наступали сумерки. Машины Мадлен на обычном месте, возле садового сарая, не было. Под ногами хрустел снег, подтаявший под полуденным солнцем и к вечеру снова замерзший.

В доме стояла мертвая тишина. Он включил лампу над кухонной столешницей. Ему смутно помнилось, будто Мадлен говорила, что сегодняшняя вечеринка отменяется из-за какого-то собрания, которое нельзя было пропустить, но деталей он вспомнить не мог. Значит, эти несчастные орехи все равно не нужны. Он положил чайный пакетик в чашку, набрал воды из крана и поставил ее в микроволновку. По привычке он направился к своему креслу на другом конце кухни. Упав в кресло, Гурни закинул ноги на табуретку, и две минуты спустя сигнал микроволновки утонул в его зыбком сне.

Он проснулся от звука ее шагов.

Возможно, он домысливал, но шаги показались ему сердитыми. Их направление и близость подсказывали ему, что она заметила его в кресле, но решила с ним не говорить.

Он открыл глаза в тот момент, когда она выходила из кухни и направлялась в сторону спальни. Гурни потянулся, вытолкнул себя рывком из недр кресла, подошел к столешнице за салфеткой и высморкался. Он услышал, как закрывается дверца шкафа, как-то слишком подчеркнуто, и через минуту она вернулась на кухню. Она переоделась из шелковой блузки в бесформенную кофту.

— Ты проснулся, — произнесла она, словно осуждая его за то, что он заснул.

Она включила свет над столешницей и открыла холодильник.

— Ты что-нибудь ел? — Это тоже прозвучало как обвинение.

— Нет, у меня был жуткий день, и когда я добрался до дому, я сделал себе чашку... черт, я забыл о ней! — Он подошел к микроволновке, достал оттуда чашку и вылил темный, остывший чай в раковину. Чайный пакетик вывалился следом.

Мадлен подошла к раковине, взяла пакетик и многозначительно

бросила его в мусорное ведро.

— Я тоже порядком устала. — Она покачала головой и помолчала. — Не понимаю, почему эти идиоты из местной администрации считают, что нужно построить жуткую тюрьму, окруженную колючей проволокой, в самой красивой провинции штата.

И тут он вспомнил. Она ему еще утром сказала, что пойдет на собрание, где будет обсуждаться это сомнительное предложение. Оппоненты идеи называли планируемую постройку тюрьмой, а сторонники — реабилитационным центром. Спор о названии возник из-за бюрократической формулировки — в проекте значился «новый тип организации», сокращенно ГИТЦ — Государственный исправительно-терапевтический центр. Его целью должны были стать изоляция и реабилитация преступников-наркоманов. Бюрократический язык, которым был сформулирован проект, был неоднозначным и допускал массу разночтений, провоцируя споры.

Это была болезненная тема — не потому, что Гурни не поддерживал Мадлен в стремлении запретить стройку ГИТЦ в Уолнат-Кроссинг, а потому, что он не участвовал в сопротивлении так активно, как ей того хотелось.

— То есть какие-то шесть человек нагреют на этом руки, а всем остальным, кто живет в долине, и всем, кто будет проезжать мимо, придется до конца жизни созерцать это уродство. И все ради чего? Ради так называемой «реабилитации» кучки наркоманов? Какая чушь!

— Другие города бьются за этот проект. Даст бог — кто-то из них победит.

Она мрачно усмехнулась:

— Конечно, если их администрация еще более коррумпирована, чем наша, то такое возможно.

Принимая ее негодование на свой счет, он решил сменить тему.

— Хочешь, я сделаю омлет? — спросил он, наблюдая, как голод борется в ней со злостью. Голод победил.

— Только, чур, без зеленого перца, — напомнила она. — Я его не люблю.

— Тогда зачем ты его покупаешь?

— Не знаю. Но точно не для омлета.

— А лук положить?

— Лука тоже не надо.

Она накрыла на стол, пока он разбивал яйца и разогревал сковородку.

— Пить что-нибудь будешь? — спросил он.

Она покачала головой. Он знал, что она никогда не запивает еду, но все равно каждый раз спрашивал. Странная причуда, подумал он, всякий раз задавать этот вопрос.

Они едва обменялись парой слов, пока ели, а потом одновременно чуть подвинули свои тарелки к середине стола.

— Ну, что у тебя было сегодня? — спросила она.

— Ты хочешь послушать про встречу с чудо-следователями?

— Похоже, тебя не впечатлило.

— Меня еще как впечатлило. Если бы я хотел написать книгу о неэффективной командной работе под руководством Капитана из Ада, было бы достаточно включить диктофон и просто издать расшифровку.

— Это было хуже, чем до того, как ты уволился?

Он помедлил с ответом. Дело было не в том, что он не знал, как ей ответить, а в упоре, сделанном на слове «уволился». Но он решил ответить на слова, а не на интонацию.

— До увольнения приходилось работать с тяжелыми людьми, но Капитан из Ада кому угодно даст фору в высокомерии и ненадежности. Он страшно лебезит перед окружным прокурором, совершенно не уважает собственных сотрудников и не может сосредоточиться на деле. Каждый его вопрос, каждый комментарий звучал либо по-хамски, либо не относился к предмету разговора, а иногда то и другое сразу.

Она внимательно посмотрела на него:

— Неудивительно.

— Что ты имеешь в виду?

Она слегка пожала плечами. Было видно, что она старается держать себя в руках, не сказать лишнего.

— Просто меня это не удивляет. Если бы ты пришел домой и сказал, что провел день с лучшей в мире командой по расследованию убийств, тогда я бы удивилась. Вот и все.

Он отлично понимал, что это не все. Но ему также хватало ума не вытягивать из нее клещами то, о чем она собиралась молчать.

— Что ж, — сказал он. — Факт остается фактом — все это было утомительно и бестолково. Сейчас я хочу выбросить это из головы и заняться чем-нибудь другим.

Он сделал это заявление, не подумав, и тут же зашел в тупик. Заняться чем-нибудь другим было не так просто. Перипетии прошедшего дня продолжали крутиться в его голове. Мадлен наблюдала за ним с загадочным выражением лица. И тогда мысль, которую он постоянно от себя отгонял, мысль, которую он так старательно не думал, наконец

захватила его. Он решился заговорить о том, чего избегал.

— Коробка... — произнес он. В горле тут же пересохло, и голос стал сиплым; он вытолкнул из себя это слово до того, как страх снова одержал верх, и не успел даже придумать, как закончить фразу.

Она подняла взгляд от пустой тарелки. Этот взгляд был спокойным, любопытным и внимательным. Она ждала, что он скажет дальше.

— Его рисунки... что... то есть зачем?.. — Он тщетно пытался связно сформулировать вопрос.

Ему не пришлось долго мучиться. Мадлен всегда понимала его раньше, чем он успевал выразить свою мысль.

— Пора попрощаться, — сказала она спокойно, почти нежно.

Он вперился взглядом в стол. Голова опустела, слова не шли на ум.

— Прошло достаточно времени. Дэнни больше нет, а мы так с ним и не попрощались.

Он едва заметно кивнул, теряя чувство времени, ощущая только пустоту в голове.

Когда зазвонил телефон, ему показалось, что его разбудили, рывком втащили назад в мир — мир, состоящий из понятных, измеримых вещей. Мадлен все еще сидела с ним за столом — бог знает сколько времени они так провели.

— Хочешь, я подойду? — спросила она.

— Ничего. Я сам. — Он помедлил, как компьютер, который перегрузили, затем встал, чуть неуверенно, и пошел в кабинет.

— Гурни. — Он по-прежнему отвечал на звонки так же, как когда работал в отделе убийств. Эту привычку было нелегко побороть.

Голос на том конце трубки был оживленным, напористым, нарочито вежливым, так что он вспомнил старое правило продавцов: когда говоришь по телефону, улыбайся — от этого ты звучишь дружелюбнее.

— Дэйв! Как хорошо, что вы подошли! Это Шеридан Клайн. Надеюсь, я не помешал?

— Чем обязан?

— Перейду сразу к делу. Мне кажется, вы человек, с которым можно быть откровенным. Такая у вас репутация. Сегодня вечером у меня была возможность в этом убедиться лично. Я впечатлен. Надеюсь, что не смущаю вас.

Гурни не терпелось узнать, в чем дело.

— Вы очень добры.

— Я не добрый. Я реалист. Я звоню, потому что это дело требует участия специалиста вашего масштаба, и мне бы очень хотелось

воспользоваться вашим талантом.

— Вы же знаете, что я в отставке?

— Да, мне говорили. И я понимаю, что возвращаться к надоевшей рутине вам совершенно не хочется. Я ничего такого не предлагаю. Но у меня есть ощущение, что дело будет разрастаться, и хотелось бы иметь ваш гений в распоряжении.

— Я не очень понимаю, о чем вы меня просите.

— В идеале, — сказал Клайн, — я бы хотел, чтобы вы вычислили убийцу Марка Меллери.

— Разве не этим занимается бюро криминальных расследований?

— Разумеется. Может быть, у них в итоге даже что-нибудь получится.

— Но?

— Но я хочу повысить шансы на успех. Это слишком крупное дело, чтобы его расследовали по стандартной процедуре. Я хочу, чтобы у меня был козырь в рукаве.

— Не понимаю, как я могу помочь.

— Вы не хотите сотрудничать с бюро? Не волнуйтесь. Я понимаю, что Родригес не тот, с кем вы стали бы работать. Я предлагаю вам работать со мной лично. Мы могли бы назначить вас помощником или консультантом, на ваш вкус.

— Сколько времени мне пришлось бы этому посвящать?

— На ваше усмотрение.

Гурни промолчал, так что Клайн продолжил:

— По всей видимости, Марк Меллери восхищался вами и доверял вам. Он просил вас помочь ему разобраться с преступником. Я прошу вас помочь мне разобраться с тем же самым преступником. И я буду благодарен за любую вашу помощь.

Гурни подумал, что Клайн однозначно умеет уговаривать. Была в нем какая-то подкупающая искренность. Он сказал:

— Мне надо поговорить с женой. Перезвоню вам утром. Скажите, по какому номеру с вами связаться.

Радость в голосе была безмерной.

— Я оставляю вам свой домашний номер. Подозреваю, вы встаете рано, как и я. Звоните в любое время после шести утра.

Когда он вернулся в кухню, Мадлен еще сидела за столом, но ее настроение изменилось. Она читала «Таймс». Он сел напротив нее, уставился невидящим взглядом в камин за ее спиной и принялся растирать виски, как будто решение, которое предстояло принять, сводило лицевые мышцы.

— Ну это же не сложно, правда? — произнесла Мадлен, не отрывая взгляда от газеты.

— Что?

— Сказать, о чем ты думаешь.

— Окружной прокурор хочет, чтобы я участвовал в расследовании.

— Еще бы.

— Обычно посторонних людей в такие дела не вовлекают.

— Ты, однако, не совсем посторонний.

— Видимо, мое знакомство с Меллери оказалось решающим.

Она наклонила голову и посмотрела на него пронизывающим взглядом.

— Он очень меня хвалил, — сказал Гурни, стараясь не выдавать, что польщен.

— Наверняка просто перечислил твои таланты.

— В сравнении с капитаном Родригесом кто угодно покажется талантливым.

Она улыбнулась его неуклюжей скромности:

— Что он предложил?

— Карт-бланш. Работать с ним лично. Придется осторожничать, чтобы никому не наступать на пятки. В общем, я сказал ему, что приму решение до завтрашнего утра.

— Какое решение?

— Собираюсь я сотрудничать или нет.

— Ты что, шутишь?

— Думаешь, это дурная затея?

— Я имею в виду — ты шутишь насчет того, что еще не принял решение?

— Тут многое на кону.

— Больше, чем ты думаешь, но ведь ясно, что ты уже решил.

Она снова погрузилась в чтение газеты.

— Что значит «больше, чем ты думаешь»? — спросил он, помолчав.

— Иногда мы делаем выбор, последствий которого не ожидаем.

— Например?

Ее грустный взгляд ответил ему, что это глупый вопрос.

После паузы он сказал:

— У меня такое чувство, будто я остался Марку что-то должен.

В ее взгляде появилась ирония.

— Что ты так смотришь?

— Ты первый раз назвал его по имени.

Глава 27

Знакомство с окружным прокурором

Здание, где с 1935 года располагалась окружная прокуратура, раньше принадлежало сумасшедшему дому Бамблби. Он был основан в 1899-м на средства, перечисленные одноименным британским переселенцем, сэром Джорджем Бамблби в момент помешательства, как пытались потом доказать его непризнанные потомки. Мрачное здание из красного кирпича, покрытое вековой копотью, зловеще нависало над городской площадью. Оно находилось примерно в полутора километрах от полицейского управления, и дорога туда от Уолнат-Кроссинг занимала тот же час с четвертью.

Изнутри здание прокуратуры было еще менее привлекательным, чем снаружи. В шестидесятые его подвергли реконструкции и модернизации. Грязные люстры и дубовые панели заменили флюоресцентными лампами и белой штукатуркой. Гурни даже подумал, что этот резкий свет в помещениях должен отпугивать безумные призраки прошлых обитателей. Странная мысль для человека, идущего обсуждать условия контракта о найме на работу. Гурни решил сосредоточиться на том, что сказала ему на прощанье Мадлен: «Ты нужен ему больше, чем он тебе». Он размышлял над этим, пока ждал приглашения пройти через сложную систему охраны в приемном зале. После металлоискателя он проследовал по стрелкам на стенах и вскоре оказался у двери с матовым стеклом и аккуратной табличкой «Окружной прокурор».

В приемной он столкнулся взглядом с секретаршей. Гурни всегда считал, что мужчина выбирает себе помощницу по критерию компетентности, сексуальности или престижности. Было похоже, что женщина за конторкой соответствовала всем трем. Невзирая на пятый десяток, ее волосы, кожа, макияж, одежда и фигура были настолько ухоженными, что она почти светилась. Ее взгляд был одновременно оценивающим и чувственным. Небольшая табличка на ее столе сообщала, что зовут ее Эллен Ракофф.

Они не успели даже поздороваться, как дверь справа от ее стойки открылась, и в приемную вышел Шеридан Клайн. Он гостеприимно улыбнулся:

— Девять утра — и он тут как тут! Хотя чему я удивляюсь. Вы всегда держите слово и делаете ровно то, что обещали!

— Это проще, чем поступать наоборот.

— Что? Ах да, да, конечно. — Он улыбнулся еще шире, но уже не так радушно. — Чай или кофе?

— Кофе.

— И мне. Никогда не понимал, в чем смысл чая. А вы собак или кошек больше любите?

— Наверное, собак.

— Когда-нибудь обращали внимание, что собачники предпочитают кофе, а кошатники — чай?

Гурни не считал это темой, достойной размышлений. Клайн жестом пригласил его в свой кабинет, жестом же указал на современный кожаный диван, а сам уселся в кожаное кресло в том же стиле, стоявшее напротив. Их разделял низкий стеклянный столик. Улыбка сошла с его лица, и теперь он смотрел, пожалуй, даже слишком серьезно.

— Дэйв, я хочу сказать, что мы очень счастливы, что вы согласились нам помочь.

— При условии, что для меня найдется подходящая роль.

Клайн непонимающе моргнул.

— Распределение полномочий — непростая задача, — пояснил Гурни.

— Согласен как никогда. Давайте я буду до конца откровенен. Как говорится, раскрою вам карты.

Гурни подавил гримасу и вежливо улыбнулся.

— Я знаком с людьми из Нью-Йоркского управления, и они о вас крайне лестно отзывались. Вы были ведущим следователем в нескольких крупных делах, расследования держались на вас одном, но когда наступало время пожинать лавры — вы их всегда уступали кому-то другому. Поговаривают, что у вас был самый большой талант и самое маленькое эго во всем управлении.

Гурни улыбнулся не столько комплименту, который, как он понимал, был хорошо продуман, а выражению лица Клайна, который не смог скрыть удивления: как можно не желать славы?

— Мне нравится работа, но не нравится быть в центре внимания.

Клайн сощурился, словно пытаясь распробовать какое-то незнакомое блюдо.

После длительной паузы он подался вперед:

— Скажите мне сами, как вы видите свое участие в расследовании?

Это был главный вопрос. Гурни взвешивал возможные ответы всю дорогу от Уолнат-Кроссинг.

— В качестве консультанта-аналитика.

— Что это подразумевает?

— Команда бюро расследований занимается сбором, обработкой и хранением улик, допросом свидетелей, составлением рабочих версий и построением предположений касательно личности, мотивов и дальнейших возможных действий убийцы. Мне кажется, я могу помочь с последним.

— Каким образом?

— Мне всегда лучше всего удавалось собрать разрозненные факты в сложном деле и сложить их в разумной последовательности.

— Сомневаюсь, что это единственное, в чем вы отличались.

— Другим лучше удастся допрос свидетелей, сбор улик...

— Например, обнаружение пули, которую никто другой не знал, где искать?

— Это была просто догадка. Обычно в каждой отдельной сфере расследования есть кто-нибудь талантливее меня. Но когда речь заходит о том, чтобы увидеть общую картину, отличить важное от неважного, — это моя работа. На деле я не всегда оказывался прав, но я был прав достаточно часто, чтобы это имело значение.

— Значит, у вас все-таки есть это.

— Можно и так сказать. Я знаю, где мои возможности ограничены, но достоинства свои тоже знаю.

Он также знал после долгих лет допросов, как определенные типы людей реагировали на определенный подход к разговору, и сейчас не ошибся насчет Клайна. Судя по его взгляду, ему стало спокойнее, как только Гурни налепил ярлык на свое качество, которое тот столь мучительно пытался уловить и сформулировать.

— Давайте обсудим вознаграждение, — сказал Клайн. — Я думаю о почасовой ставке, которую мы обычно предлагаем консультантам. Могу предложить вам семьдесят пять долларов в час плюс компенсация расходов в пределах разумного, начиная с этого момента.

— Меня это устраивает.

Клайн с важным видом протянул ему руку:

— Рад возможности посотрудничать. Эллен уже собрала пакет документов — анкеты, affidavits, подписка о неразглашении. Если захотите почитать их, прежде чем подписывать, это может занять какое-то время. Она проводит вас в свободный кабинет. Какие-то детали нам надо будет обсудить уже по ходу работы. Я буду лично сообщать вам о любых сведениях, поступающих из бюро расследований или от моих людей, и я буду приглашать вас на встречи, подобные вчерашней. Если вам понадобится поговорить с кем-то из команды расследования, организуйте

это через мой офис. Общение со свидетелями, подозреваемыми, любыми другими людьми — точно так же, через мой офис. Согласны?

— Да.

— Вы словами не разбрасываетесь. Я тоже. Теперь, раз уж мы работаем вместе, позвольте у вас кое-что спросить. — Клайн откинулся в кресле и сложил пальцы башенкой, выдерживая многозначительную паузу. — Зачем человеку сперва стрелять в жертву, а потом наносить четырнадцать колотых ран?

— Такое количество ударов обычно говорит либо о припадке гнева, либо о попытке имитировать припадок гнева. Само число ударов, вероятно, ничего не значит.

— Но его сперва застрелили...

— Это говорит о том, что целью нанесения последующих ран было не убийство.

— Не понимаю. — Клайн наклонил голову набок.

— В Меллери выстрелили с близкого расстояния. Пуля попала в сонную артерию. На снегу не было следов, говорящих о том, что пистолет затем отбросили в сторону. Следовательно, убийца, по всей видимости, сперва снял с дула то, чем оно было обмотано, чтобы приглушить выстрел, и убрал пистолет в карман или кобуру, прежде чем взяться за разбитую бутылку и нанести удары жертве, которая лежала в снегу. Из раны в шее к тому моменту уже хлестала кровь. В чем был смысл этих ударов? Явно не в том, чтобы убить жертву, которая к тому моменту и так была мертва. Нет. Мотивом убийцы было либо сокрытие следа пулевого ранения...

— Зачем? — спросил Клайн, наклоняясь вперед.

— Я не знаю зачем. Это просто вероятность. Но более вероятно, исходя из содержания записок, которые получал Меллери, что действие с битой бутылкой имело какое-то ритуальное значение.

— Думаете, он сатанист? — Выражение ужаса на лице Клайна плохо маскировало предвкушение потенциального медийного ажиотажа.

— Сомневаюсь. Записки кажутся сочинениями безумца, но мне не кажется, что автор был не в себе. Я употребил слово «ритуальный», потому что думаю, что для убийцы было важно совершить убийство особым образом.

— Воплощение фантазии о мести?

— Например, — кивнул Гурни. — Он был бы не первым убийцей, потратившим много месяцев или даже лет на планирование мести.

Клайн засомневался:

— Но если ключевой момент убийства состоял в нападении с битой

бутылкой, то зачем он стрелял?

— Мгновенное обездвижение. Он хотел, чтобы у него получилось наверняка, а выстрел надежнее битой бутылки, если ты хочешь обездвижить жертву. Он потратил столько времени на планирование преступления, что не хотел, чтобы что-то пошло не так.

Клайн кивнул и сменил тему:

— Родригес уверен, что убийца — кто-то из гостей.

Гурни улыбнулся:

— И кто же?

— Он еще не готов это огласить, но именно на это делает ставку. А вы не согласны?

— Не сказать, чтобы это было совсем невероятно. Гости живут на территории института, и, следовательно, все они находились если не на месте убийства, то в достаточной близости. Это, безусловно, странные люди — не чуждые наркотиков, эмоционально нестабильные, как минимум один из них имеет связи в криминальном мире.

— Но?

— Эта теория входит в противоречие с практикой.

— Например?

— Для начала возьмем следы в снегу и алиби. Все в один голос сказали, что снег начался на закате и продолжался до полуночи. Убийца зашел на территорию института с дороги уже после того, как снег прекратился.

— Почему вы так уверены?

— Следы отпечатались в снегу, но в них не падало свежего снега. Если бы эти следы оставил кто-то из гостей, ему понадобилось бы выйти с территории до того, как снег выпал, но следов, ведущих от дома, не обнаружили.

— То есть иными словами...

— Иными словами, кто-то должен был отсутствовать с заката до полуночи. Но все были на месте.

— Откуда вы знаете?

— Официально я этого не знаю. Скажем так, об этом поговаривают люди Джека Хардвика. По результатам допросов, за этот промежуток времени каждого из гостей видело минимум шестеро других гостей. Значит, если только все разом не врут, все были на месте.

Было похоже, что Клайн не готов сразу отместить теорию, что все разом врут.

— Может быть, кому-то из гостей помогли.

— Думаете, кто-то из гостей нанял убийцу?

— Что-то в этом роде, да.

— Зачем тогда самому там присутствовать?

— В каком смысле?

— Все гости находятся под подозрением только потому, что находились вблизи от места убийства. Если бы вы наняли убийцу, зачем самого себя ставить под подозрение?

— Из куража?

— Наверное, и такое возможно, — ответил Гурни безо всякого энтузиазма.

— Ладно, давайте на минуту забудем о гостях, — сказал Клайн. — Может быть, убийцу нанял кто-то не из гостей, но из преступной группировки?

— Это что, запасная версия Родригеса?

— Он думает, что есть такая вероятность. Судя по выражению вашего лица, вы не согласны.

— Не вижу логики. Думаю, такая версия вообще не возникла бы, не будь среди гостей Патти Плюшкина. Прежде всего, мы не знаем про Марка Меллери ничего, что могло бы привлечь к нему внимание криминалитета.

— Постойте. А вот допустим, наш гуру убедил кого-то из гостей — кого-то вроде Патти Плюшкина — признаться в чем-нибудь эдаком, типа ради внутренней гармонии, духовного возрождения или что там Меллери им всем впаривал.

— Допустим.

— Вот вернулся он домой и задумался, что, наверное, погорячился с признаниями и откровениями. Гармония во вселенной — хорошая штука, конечно, но не стоит риска, а если кто-то лишний знает информацию, которая может тебе причинить вред, то это риск. Может быть, там, куда чары Меллери не распространялись, бандит стал мыслить приземленно. И нанял кого-нибудь убрать потенциальную проблему.

— Любопытная гипотеза.

— Но?

— Но во всем мире не сыскать наемника, который будет устраивать такое шоу, каким выглядит это конкретное убийство. Люди, убивающие за деньги, не вешают ботинки на деревья и не пишут стихов.

Клайн, казалось, был готов с этим поспорить, но дверь в кабинет приоткрылась после предупредительного стука. Лощеное создание из приемной появилось с расписным подносом, на котором стояло две фарфоровые чашечки на блюдцах, кофейник с изящно изогнутым носиком,

хрупкая сахарница и молочник, а рядом — тарелочка с печеньем. Она поставила поднос на столик между ними.

— Родригес звонил, — сказала она, глядя на Клайна, а затем, словно отвечая на незаданный вопрос, добавила: — Он уже едет, сказал, что будет через несколько минут.

Клайн посмотрел на Гурни, как будто ожидая его реакции.

— Род мне звонил с утра, — объяснил он. — Он хотел поделиться какими-то версиями касательно этого дела. Я предложил ему заехать, пока вы здесь. Я люблю, чтобы все было одинаково в курсе расследования. Чем больше мы все знаем, тем лучше. Секреты ни к чему.

— Отличная идея, — сказал Гурни, подозревая, что синхронизация информации была здесь ни при чем. Дело было в принципе управления, к которому тяготел Клайн: ему нравилось сталкивать людей лбами.

Секретарь Клайна вышла из комнаты, но Гурни успел разглядеть на ее лице улыбку Моны Лизы, подтвердившую его опасения.

Клайн разлил кофе по чашкам. Фарфор выглядел дорогим и старинным, но он обходился с ним без особого пиетета, и Гурни утвердился во мнении, что окружной прокурор привык к роскоши с пеленок и эта должность была лишь шагом на пути к чему-то более подходящему для прирожденного аристократа. Что там Хардвик вчера нашептывал? Что Клайн метит в губернаторы? Может быть, старый циник опять был прав. А может быть, Гурни слишком большое значение придавал тому, как человек держит чашку.

— Кстати, — произнес Клайн, откидываясь в кресле, — та пуля, которую нашли в стене, оказалась не триста пятьдесят седьмого калибра. Это была просто догадка, основанная на диаметре отверстия в стене. Эксперты говорят, что это особый тридцать восьмой.

— Как странно.

— Вообще-то обычное дело. Копы до восьмидесятых сплошь и рядом ходили с такими.

— Обычный калибр, но странный выбор оружия.

— Почему?

— Убийца сделал все возможное, чтобы заглушить звук выстрела. Но если это было его главной заботой, то тридцать восьмой особый — не самый подходящий для этого револьвер. Было бы гораздо логичнее взять двадцать второй.

— Может быть, у него не было другого оружия.

— Возможно.

— У вас другая версия?

— Он же перфекционист. Он бы сделал все, чтобы у него было идеальное оружие.

Клайн посмотрел на Гурни, прищурившись.

— Вы сами себе противоречите. Сперва вы говорите, что он пытался приглушить выстрел. Затем вы говорите, что он для этого выбрал неправильное оружие. А затем — что он не мог выбрать неправильное оружие.

— Ему было важно, чтобы не было слышно выстрела. Но возможно, что-то другое было еще важнее.

— Например?

— Если это было в своем роде ритуальное убийство, то выбор оружия мог быть продиктован сценарием ритуала. Одержимость желанием совершить убийство определенным образом могла быть важнее, чем проблема со звуком выстрела. Думаю, он сделал все в соответствии со сценарием, настолько тихо, насколько это было возможно.

— Когда мне говорят про ритуальные убийства, я сразу думаю про сумасшедших. Насколько наш убийца сумасшедший, как вы думаете?

— Мне слово «сумасшедший» кажется бессмысленным, — сказал Гурни. — Джефффри Дамер был официально признан вменяемым, а он съедал своих жертв. Дэвид Беркович был также официально признан вменяемым, а он убивал людей по велению демонического пса.

— Думаете, мы имеем дело с чем-то такого масштаба?

— Не вполне. Наш убийца одержим мстью и вообще одержим — то есть эмоционально нестабилен, но вряд ли до такой степени, чтобы есть части тела или слушать приказы собаки. Очевидно, что он не здоров, но в его записках ничто не указывает именно на психоз.

В дверь постучали.

Клайн нахмурился, поджал губы и как будто погрузился в мысли о том, что ему говорил Гурни — а может быть, он просто хотел показать, что его не так-то просто отвлечь стуком в дверь.

— Войдите, — сказал он наконец громким голосом.

Дверь открылась, и вошел Родригес. Ему не до конца удалось скрыть недовольство присутствием Гурни.

— Род! — воскликнул Клайн. — Хорошо, что заехал. Присаживайся.

Подчеркнуто избегая дивана, на котором сидел Гурни, Родригес сел в кресло лицом к Клайну.

Окружной прокурор улыбнулся. Гурни увидел в этом предвкушение стычки.

— Род заехал поделиться своими соображениями по нашему делу. —

Клайн это сказал как судья, представляющий противников друг другу.

— С удовольствием послушаю, — спокойно сказал Гурни. Но недостаточно спокойно, чтобы Родригес не трактовал это как скрытую провокацию. Он не стал ждать отмашки и принялся излагать свои соображения.

— Все рассматривают деревья. — Начал он таким тоном, что его было бы слышно в помещении куда просторнее кабинета Клайна. — А леса за ними не видят!

— А что же такое лес? — поинтересовался Клайн.

— Лес — это благоприятная возможность для убийства. Все закопались в домыслах о мотивах и безумных подробностях способа убийства. Мы отвлекаемся от главного: у нас полный дом наркоманов и прочих преступных типов, у которых был легкий доступ к жертве.

Гурни задумался, что было причиной такой реакции капитана: он просто боялся утратить контроль над делом или тут было что-то еще?

— И как вы предлагаете поступить? — спросил Клайн.

— Я собираюсь по новой опросить всех гостей и составить на каждого досье. Уж мы покопаемся в грязном белье этих нарколыг. Помяните мое слово — убийца один из них, и мы узнаем, кто именно, это всего лишь вопрос времени.

— А вы что думаете, Дэйв? — нарочито обыденно поинтересовался Клайн, как будто пряча удовольствие от провокации.

— Дополнительные допросы и наведение справок могут быть полезны, — равнодушно ответил Гурни.

— Могут быть полезны, но не являются необходимыми?

— Этого мы не узнаем, пока не попробуем. Возможно, также полезно было бы исследовать вопрос, у кого еще был доступ к жертве, — проверить, например, окрестные гостиницы и пансионаты.

— Я ставлю на то, что убийца — гость института, — сказал Родригес. — Если пловец исчезает в море с акулами, то дело не в серфере, который оказался рядом! — Он с яростью уставился на Гурни и явно принял его улыбку за вызов. — Пора спуститься на землю!

— Так что, будем проверять пансионаты, Род? — спросил Клайн.

— Мы будем проверять всех!

— Отлично. Дэйв, а вы что включили бы в список приоритетов?

— Все уже и так в работе. Исследуются образцы крови, посторонние материалы, найденные вокруг тела, обнаруженная пуля. Устанавливается производитель ботинок и их доступность в магазинах. Изучается фонограмма разговора убийцы с Меллери с усилением посторонних

шумов. Затребованы списки звонков с телефонов института и мобильных гостей. Анализируются почерк, чернила и бумага, на которой оставлены послания. Составляется психологический портрет убийцы на основании звонка, записок и характера убийства. Ведется сверка с базой письменных угроз ФБР. Пожалуй, это все. Капитан, я ничего не упустил?

Родригес не успел ответить — да он и не особо спешил, — как открылась дверь и в кабинет вошла секретарша.

— Прошу прощения, сэр, — произнесла она с демонстративной почтительностью. — К капитану пришла сержант Вигг.

Родригес поморщился.

— Пригласите ее, — сказал Клайн, чья тяга к конфронтациям казалась неуголимой.

Зашла сержант из бюро криминальных расследований. На ней был все тот же бесполой синий костюм, в руках — все тот же ноутбук.

— В чем дело, Вигг? — Родригес звучал скорее раздраженно, чем заинтересованно.

— Мы узнали кое-что, сэр, и я решила, что это достаточно важно, чтобы вас отвлечь.

— Ну и?..

— Это насчет ботинок.

— Каких ботинок?

— Которые нашли на дереве, сэр.

— И что с ними?

— Позвольте поставить компьютер на столик? — спросила Вигг.

Родригес посмотрел на Клайна. Тот кивнул.

Спустя тридцать секунд и несколько щелчков по клавишам все увидели две фотографии одинаковых следов в снегу.

— На снимке слева — следы с места убийства. На снимке справа — следы, сделанные ботинками, снятыми с дерева.

— Значит, следы в снегу оставили ботинки, найденные на дереве. И ради этого вы пришли сюда?

Гурни не выдержал и вмешался:

— Подозреваю, что сержант пришла сообщить нам как раз обратное.

— Вы хотите сказать, что пара на дереве — не та, которая оставила следы?

— Это странно, — сказал Родригес.

— В этом деле все странно, — отозвался Клайн. — Итак, сержант?

— Ботинки той же марки, той же модели и того же размера. Обе пары совершенно новые. Однако это абсолютно точно две разные пары. Снег,

особенно при такой температуре, как в ту ночь, отлично сохраняет малейшие детали отпечатков. Деталь, которая нас интересует, — вот этот крохотный дефект в этой части следа. — Она указала отточенным карандашом на практически невидимый выступ на подошве одного из ботинок на правом снимке. — Этот дефект, скорее всего возникший при производстве, виден на каждом отпечатке, сделанном этой парой, но его нет на следах вокруг сцены убийства. Единственное объяснение — что отпечатки сделаны двумя разными парами ботинок.

— Наверняка возможны и другие объяснения, — заметил Родригес.

— Например, какие, сэр?

— Я просто отмечаю, что существует вероятность, что мы что-то упускаем из виду.

Клайн прокашлялся, чтобы прочистить горло.

— Давайте предположим, что сержант Вигг права и мы имеем дело с двумя разными парами ботинок. Одна была на ногах преступника, а вторая висела на дереве в конце следа. Но что это может значить? О чем это нам говорит?

Родригес возмущенно уставился на экран ноутбука:

— Ничего такого, что было бы полезно для поимки преступника.

— А у вас есть идеи, Дэйв?

— По-моему, это говорит о том же, что и записка, оставленная на теле. Это тоже своего рода послание. «Поймайте меня, если сможете, только вы не сможете, потому что я умнее вас».

— И каким же это образом пара ботинок вам об этом говорит? — В голосе Родригеса слышалась злость.

Гурни ответил спокойно, почти сонно — сонливость была его естественной реакцией на агрессию всю жизнь, сколько он себя помнил.

— Сами по себе ботинки не говорят мне ни о чем. Но если добавить эту ситуацию к прочим деталям преступления, то вся картина в целом выглядит как тщательно продуманный ребус.

— Если это ребус, значит, его цель — отвлечь нас от главного, и этой цели он добился, — прошипел Родригес.

Гурни не собирался на это реагировать, но Клайн не дал ему промолчать:

— Похоже, вы не вполне согласны с этим.

— Я думаю, что преступник играет с нами в игру и что это и есть его цель.

Родригес поднялся из своего кресла с выражением отвращения на лице.

— Если я вам больше не нужен, Шеридан, то мне надо вернуться к работе.

Они обменялись рукопожатием, и Родригес ушел. Клайн никак не выдал своей реакции на его резкий уход.

— Итак, расскажите мне, — сказал он, помолчав, — должны ли мы предпринять что-то, чего до сих пор не предприняли? У вас определенно иной взгляд на вещи, чем у Рода.

Гурни пожал плечами:

— В том, чтобы навести справки о гостях, не будет вреда. В любом случае пришлось бы это сделать. Но капитан возлагает на это большие надежды и думает, что за этим последует арест.

— А вы считаете это пустой тратой времени?

— Это нужно, чтобы действовать методом исключения. Но я не считаю, что убийца — один из гостей. Капитан упирает на то, что у каждого из гостей была удобная возможность для убийства из-за непосредственной близости к жертве. Но мне эта возможность не кажется удобной — слишком велик был шанс оказаться замеченным в момент ухода или возвращения в свой номер, слишком много вещей нужно было где-то прятать. Где бы убийца хранил садовый стул, ботинки, бутылку, пистолет? Этот персонаж не допустил бы столько дополнительных рисков и сложностей.

Клайн с интересом поднял бровь. Гурни продолжил:

— Если представить себе шкалу человеческой организованности, наш преступник будет находиться на максимуме. Его внимание к деталям невероятно.

— Вы имеете в виду такие вещи, как замена переплета на садовом стуле, чтобы он был весь белым и меньше выделялся на снегу?

— Да. Он также очень хладнокровен. Он не убежал с места убийства, а ушел. Шаги, ведущие от террасы к лесу, оставлены человеком, который не просто не спешил, а, можно сказать, прогуливался.

— Исступленное нанесение колотых ран разбитой бутылкой не кажется мне хладнокровным действием.

— Вы были бы правы, если бы дело происходило в баре. Но не будем забывать, что бутылку предварительно подготовили, даже помыли и вытерли отпечатки пальцев. Я бы предположил, что испуганность здесь так же тщательно спланирована, как все остальное.

— Ну ладно, — нехотя согласился Клайн. — Он хладнокровен, расчетлив и организован. Что еще можно о нем сказать?

— Он перфекционист. Он начитан, хорошо владеет языком и

стихотворным размером. Между нами в качестве допущения отмечу, что стихи настолько выдержаны по форме, что это говорит о претенциозности, свойственной аристократам в первом поколении.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Он, похоже, образованный сын необразованных родителей и старается всячески подчеркнуть свое от них отличие. Но, как я и говорил, это допущение, которое мы пока ничем не можем подтвердить.

— А что еще?

— Учтивый и сдержанный по манере, внутри он полон ненависти.

— И вы полагаете, что он не один из гостей?

— Нет. Он рассчитал, что преимущество близости к жертве обесценивается сопутствующими рисками.

— Вы рассуждаете очень логично, детектив Гурни. Вы уверены, что убийца столь же логичен?

— О да. Настолько же логичен, насколько патологичен. И зашкаливает по обоим параметрам.

Глава 28

И снова на месте убийства

Дорога домой от Клайна пролежала через Пион, так что Гурни решил еще раз заехать в институт.

Временный пропуск, выданный секретарем Клайна, обеспечил ему проход без всяких вопросов. Гурни вдохнул морозный воздух и подумал, что погода удивительно напоминает утро после убийства. Слой снега, подтаявший за предыдущие дни, снова стал внушительным. Ночной ветер, характерный для Катскильских гор, освежил и подбелил ландшафт.

Гурни решил вновь пройти по маршруту убийцы, надеясь заметить в окрестностях что-нибудь, что раньше пропустил. Он прошел по подъездной дорожке, через парковку и обогнул сарай сзади, где был найден садовый стул. Он огляделся, стараясь понять, почему убийца выбрал именно это место, чтобы посидеть. Его размышления прервал звук открывающейся и захлопывающейся двери и знакомый грубый голос:

— Черт побери! Надо вызвать воздушное подкрепление и на фиг сровнять это место с землей!

Решив, что лучше обнаружить свое присутствие, Гурни пробрался сквозь кусты, отделявшие сарай от террасы дома. Сержант Хардвик и следователь Том Круз Блатт недружелюбно уставились на него.

— Какого хрена ты тут делаешь? — спросил Хардвик.

— Временно договорился с окружным прокурором. Хотел еще раз взглянуть на место убийства. Прошу прощения, если помешал.

— И зачем ты рыскаешь в кустах?

— Я был за сараем. Стоял на месте, где сидел убийца.

— Чтобы что?

— Вопрос надо ставить по-другому. Почему он там сидел?

Хардвик пожал плечами:

— Торчал в засаде. Или просто решил устроить перекур на своем долбаном стуле. Не знаю, может, ждал удачного момента.

— Какой момент он мог считать удачным?

— Да какая разница!

— Мне кажется, есть разница. Зачем он ждал именно здесь? Зачем он явился настолько раньше нужного момента, что пришлось тащить с собою стул?

— Может, он дожидался, пока супруги Меллери заснут. Может, сидел

тут и смотрел, когда в доме погасят свет.

— Кадди Меллери нам говорила, что они легли спать и выключили свет задолго до этого. А телефонный звонок, который их разбудил, определенно был от преступника, так что ему не надо было, чтобы они спали. Если бы он хотел проследить, чтобы в доме погасили свет, зачем бы он выбрал такое место, откуда не видно окон верхнего этажа? Если по уму, с этой точки дом вообще как следует не разглядишь.

— Короче, к чему ты клонишь? — рявкнул Хардвик, но во взгляде его был настороженный интерес.

— К тому, что либо мы имеем дело с очень умным и осторожным преступником, который приложил большие усилия, чтобы сделать нечто бессмысленное, либо мы неправильно трактуем то, что здесь произошло.

Блатт, который наблюдал за разговором, как за теннисной игрой, уставился на Хардвика.

Хардвик поморщился, словно проглотил что-то горькое:

— Слушай, сообрази нам кофе, а?

Блатт недовольно поджал губы, но пошел в дом, по всей видимости, выполнять просьбу сержанта.

Хардвик неспешно прикурил сигарету.

— Тут еще вот какое странное дело. Я читал отчет по отпечаткам в снегу. Расстояние между следами, ведущими от дороги до стула, — на семь сантиметров больше, чем между следами, ведущими от тела к лесу.

— Значит, к месту убийства он шел быстрее, чем когда уходил?

— Это самое и значит.

— То есть он как будто сильнее торопился прийти к сараю и сесть, чем скрыться с места преступления?

— Это версия Вигг, и мне нечего ей противопоставить.

Гурни покачал головой:

— Джек, я точно тебе говорю, мы что-то упускаем. И вот еще какой момент меня беспокоит: где нашли бутылку?

— В тридцати метрах от тела, рядом с уходящим следом.

— Но почему именно там?

— Потому что там он ее бросил! Чего здесь неясного?

— Зачем он понес ее туда? Почему не бросил рядом с телом?

— Случайно. Не сразу сообразил, что она все еще у него в руке. А как заметил — так и выбросил. Не вижу здесь ничего странного.

— Возможно, ничего странного здесь и нет. Просто шаги очень уж размеренные, неспешные, как будто все шло по плану.

— И к чему ты опять клонишь? — Хардвик был раздражен, как

человек, пытающийся удержать покупки в рваном пакете.

— Все в этом деле кажется очень взвешенным, спланированным, просчитанным. Я нутром чую, что местоположение каждого предмета что-то означает.

— Хочешь сказать, он отнес оружие убийства на тридцать метров и бросил его именно там специально?

— Мне так кажется.

— Но за каким хреном?

— Смотри, как мы на это реагируем.

— В смысле?

— Преступник уделил полиции столько же внимания, сколько Марку Меллери. Ты не задумывался, что неувязки в картине убийства — это часть игры, в которую он с нами играет?

— Не задумывался. По-моему, это притянута за уши.

Гурни подавил желание поспорить с ним и вместо того сказал:

— Как я понимаю, капитан Род все еще считает, что убийца — кто-то из гостей?

— Да. Кто-то из психов в этой психушке, как он выражается.

— Ты с ним солидарен?

— В плане того, что тут все психи? Абсолютно. А насчет того, что кто-то из них убийца... ну, может быть.

— А может быть, и нет?

— Не знаю. Только не говори Родригесу, что я сомневаюсь.

— Кого он подозревает первым делом?

— Он подозревает всех наркоманов. Вчера он кричал, что этот институт духовного обновления — просто дурка для обдолбанных богачей, где никто за ними не присматривает.

— Не вижу связи.

— Между чем и чем?

— Какое отношение имеют наркотики к убийству Марка Меллери?

Хардвик сделал последнюю задумчивую затяжку, затем бросил бычок в кусты. Гурни подумал, что так поступать на месте убийства не следовало бы, даже после того как его прочесали вдоль и поперек, но за годы совместной работы он привык к такому поведению Хардвика. Поэтому его также не удивило, когда Хардвик подошел к кустам и растоптал тлеющий бычок ботинком. Это был ритуал, помогавший ему сообразить, что нужно сказать или чего не говорить. Когда бычок погас и погрузился на несколько сантиметров в землю, Хардвик наконец заговорил:

— С убийством это вряд ли как-то связано, зато имеет прямое

отношение к Родригесу.

— Можешь рассказать больше?

— У него дочка в Грейстоуне.

— Это психбольница в Нью-Джерси?

— Ну да. Девка натурально сторчалась. Клубные наркотики, метамфетамин, крэк. Мозги замкнуло, и она попыталась убить свою мать. Родригес теперь считает, что каждый нарк виноват в том, что с ней такое приключилось. Он не способен мыслить рационально, когда слышит о наркотиках.

— То есть он считает, что Меллери тоже убил нарк.

— Он хочет, чтобы так оказалось, а значит, считает, что так и есть.

Одиноким порыв влажного ветра пронесся по террасе со стороны заснеженного газона. Гурни поежился и засунул руки в карманы куртки.

— Я-то думал, он просто выделялся перед Клайном.

— Не без этого. Он, конечно, придурок, но для придурка он очень непрост. У него диктаторские замашки, мания контроля и куча амбиций. Он страшно неуверен в себе. Одержим идеей, что всех нарков надо наказывать. Ты ему, кстати, тоже не нравишься.

— По какой-то определенной причине?

— Он не любит отступлений от стандартной процедуры расследования. И умных людей вообще не любит. А заодно всех, кто общается с Клайном чаще, чем он. И черт знает, что еще у него на уме.

— Не лучший выбор главы расследования.

— Обычное дело в нашей работе. Но тут надо сказать, что человек может быть долбанутым на всю голову, но это не значит, что он всегда не прав как профессионал.

Гурни задумался над этим замечанием, помолчал, а затем сменил тему:

— Если в центре внимания гости института, значит ли это, что в других направлениях работа не идет?

— Вроде чего?

— Я предлагал поговорить с людьми в окрестностях. Проверить мотели, гостиницы, пансионаты...

— Мы все проверяем! — обиженно воскликнул Хардвик. — Людей здесь живет немного, домов двенадцать по пути от деревни до института. Их опросили еще в первые сутки, это ничего не дало. Никто ничего не слышал, ничего не видел и ничего не мог вспомнить. Никаких посторонних людей, звуков, машин в неурочное время, все было как обычно. Пару человек показалось, что где-то воет койот. Еще паре почудилось, что кричит сова.

— Во сколько это было?

— Что?

— Крик совы.

— Я без понятия, потому что люди сами без понятия. «Посреди ночи»

— ничего конкретнее.

— А что насчет приезжих?

— Каких приезжих?

— В гостиницах и домах вокруг были какие-нибудь приезжие?

— За деревней есть всего один мотель, жуткая дырища, там охотники останавливаются. Он в тот вечер был пуст. В радиусе пяти километров еще два пансиона. В одном из них зимой не принимают постояльцев, а в другом, если я правильно помню, в ночь убийства была зарезервирована одна комната, там остановились какой-то орнитолог с матерью.

— Что здесь делать орнитологу в ноябре?

— Мне тоже это показалось странным, так что я исследовал вопрос в интернете. Оказывается, завзятые орнитологи как раз любят зиму — листва не мешает наблюдению, видимость лучше, куча фазанов, сов, куропаток, все такое.

— Вы говорили с этими людьми?

— Блатт поговорил с хозяевами дома по телефону. Парочка пидоров с дурацкими фамилиями, ничего полезного не рассказали.

— Дурацкие фамилии, говоришь?

— Ну да, один был Плюх или что-то в этом роде.

— Плюх?

— Нет, подожди, все-таки Плюк. Поль Плюк. Повезло ему, а?

— А с орнитологами кто-нибудь поговорил?

— По-моему, они уехали еще до того, как Блатт позвонил.

— И никто не пытался их найти?

— О господи! Ну толку-то от них? Хочешь съездить поговорить с этими Плюхами — ради бога. Их хозяйство называется «Рододендрон», это в двух с половиной километрах под гору от института. У меня, знаешь ли, человеческий ресурс ограничен, и я не могу гоняться за каждым теплокровным существом в Пионе.

— Ну да, конечно.

Ответ Гурни был довольно зыбким по смыслу, но Хардвик почему-то успокоился и ответил почти официальным тоном:

— К слову о человеческих ресурсах, мне надо вернуться к работе. Напомни мне, зачем ты здесь?

— Хотел еще раз пройти по территории, посмотреть, не наведет ли

меня что-нибудь на полезные мысли.

— Это что, в Нью-Йоркском управлении вас такому учат? Детский сад!

— Я все понимаю, Джек. Но сейчас ничего другого мне не приходит на ум.

Хардвик вернулся в дом, возмущенно качая головой.

Гурни вдохнул влажный запах снега, и этот запах, как обычно, на мгновение освободил его ум от логических выкладок и размышлений и наполнил голову детскими воспоминаниями — как отец читал ему книжки, когда ему было пять или шесть лет, и эти книжки казались ему более настоящими, чем реальная жизнь, — истории про первопроходцев, хижины в диких местах, тропинки в лесу, добрые индейцы, треск веток, отпечатки мокасин на траве, поломанный стебель папоротника как главное свидетельство, что враг был рядом, крики лесных птиц — и настоящие, и те, что индейцы используют как тайные знаки. Такие живые, подробные образы. Гурни улыбнулся мысли, что прочитанные отцом истории вытеснили из памяти образ самого отца. Впрочем, чтением книжек его участие в жизни сына и ограничивалось. Остальное время он работал. Много работал и был нелюдим.

Много работал и был нелюдим... Это определение, вдруг возникшее в голове, потрясло Гурни, потому что идеально описывало его собственное поведение. Он старался не выстраивать таких параллелей, но защита последнее время то и дело давала брешь. Он подозревал, что не просто стал превращаться в собственного отца, но давно и бесповоротно превратился в него. *Много работал и был нелюдим.* Этими словами можно было описать его жизнь, и от такой картины веяло холодом. Как это унижительно — увидеть, как годы твоей жизни на земле легко укладываются в такое короткое предложение. Как он может быть хорошим мужем, если все его силы уходят только на работу? Каким он может быть отцом? Отцом, который так поглощен своей профессией, что... нет, хватит.

Гурни прошелся дорогой, которой, как ему помнилось, вели следы, теперь скрытые под новым снегом. На подходе к лесу, где следы загадочно обрывались, он вдохнул запах сосен, прислушался к тишине и замер в надежде, что его осенит. Ничего не произошло. Он с досадой огляделся вокруг и начал в сотый раз перебирать все, что ему было известно о ночи убийства. Что он знал? Что убийца пришел на территорию института с дороги пешком? Что у него были с собой специальный полицейский кольт 38-го калибра, разбитая бутылка от «Четырех роз», садовый стул, запасная пара ботинок и маленький проигрыватель с записью криков животных, при

помощи которого он выманил Меллери из дома? Что на нем были комбинезон из нетканого материала, перчатки и пуховик, который он использовал, чтобы заглушить выстрел? Что он сидел за сараем и курил? Что он дождался, пока тот выйдет на террасу, застрелил его и потом четырнадцать раз ударил разбитой бутылкой? Что затем он спокойно ушел по газону в сторону леса, повесил запасную пару ботинок на дерево и бесследно исчез?

Гурни почувствовал, что его лицо сложилось в напряженную гримасу — отчасти от влажного, ледящего воздуха, отчасти от внезапного осознания: все, что ему якобы известно об убийстве, — сплошная беспросветная бессмыслица.

Глава 29

Задом наперед

Ноябрь был его нелюбимым месяцем — время тусклого света, неясный промежуток между осенью и зимой.

Погода обостряла ощущение, что он заплутал в тумане дела Меллери и в упор не видел чего-то, что находилось прямо перед ним.

Когда он вернулся домой из Пиона, он решил, что было ему несвойственно, поделиться сомнениями с Мадлен, которая сидела за сосновым столиком над остатками чая и клюквенного пирога.

— Хочу, чтобы ты сформулировала свою точку зрения по одному вопросу, — сказал он, тут же пожалев о выборе лексики. Мадлен не любила официальный тон.

Она склонила голову набок, и он воспринял это как приглашение продолжить.

— Институт Меллери расположен на сорока гектарах между Филчерз-Брук-роуд и Торнбуш-лейн, в горах над поселком. Там примерно тридцать гектаров леса, а еще на четырех гектарах — газоны, парк, стоянка и три здания: главное, в котором находится лекторий, кабинеты и комнаты гостей, дом, в котором жили Меллери, и сарай для всякого садового оборудования.

Мадлен посмотрела на кухонные часы, и он поспешил продолжить:

— Полицейские обнаружили следы, ведущие от входа со стороны Филчерз-Брук-роуд к стулу, стоявшему за сараем. От стула следы вели к месту, где Меллери был убит, а оттуда — к точке в лесу, на расстоянии примерно километра, где следы прекратились. То есть дальше их просто нет. Нет ни малейшего намека на то, каким образом человеку, дошедшему до этого места, удалось скрыться, не оставив следов.

— Ты серьезно?

— Я описываю результаты расследования.

— А что с другой дорогой, которая туда ведет?

— Торнбуш-лейн находится в тридцати метрах от последнего следа.

— Медведь вернулся, — сказала Мадлен, помолчав.

— Что? — не понял Гурни.

— Медведь. — Она кивнула в сторону бокового окна.

Между окном и спящей, покрытой инеем клумбой стояла согнутая до земли стойка для птичьей кормушки, а сама кормушка валялась рядом,

расколота пополам.

— Я попозже с этим разберусь, — сказал Гурни, раздражаясь на не относящееся к делу замечание. — Есть у тебя какие-то идеи по поводу истории со следами?

Мадлен зевнула.

— По-моему, все это глупость, а тот, кто это сделал, сумасшедший.

— Но как он это сделал?

— Это как фокус с цифрами.

— Не понимаю тебя.

— Я хочу сказать — какая разница, как он это сделал?

— Продолжай, — попросил Гурни, в котором любопытство побеждало раздражение.

— «Как» не имеет значения. Вопрос в том, «зачем», а ответ очевиден.

— И что это за очевидный ответ?

— Он хочет показать вам, что вы идиоты.

От ее ответа у него возникло двойственное ощущение: с одной стороны, он был доволен, что она подтвердила его версию, что путаница была намеренно адресована полиции, но с другой — ему не понравился акцент, который она сделала на слове «идиоты».

— Может быть, он шел задом наперед, — предположила она, пожав плечами. — Может быть, на самом деле следы не ведут оттуда, откуда вы думаете, а наоборот — уводят туда.

Гурни уже думал об этом, но отринул эту версию.

— Тут два момента, почему это невозможно. Во-первых, каким образом следы могут начинаться из ниоткуда? Во-вторых, между ними очень ровные промежутки. Трудно представить, как кто-то может так аккуратно идти задом наперед целых полмили, ни разу не споткнувшись.

Тут он спохватился, что любой интерес со стороны Мадлен для него ценен, поэтому он добавил, смягчившись:

— Но вообще-то интересный ход мысли. Прошу тебя, продолжай.

В два часа ночи, глядя на прямоугольник окна в спальне, едва освещенный четвертушкой луны, скрытой за облаком, Гурни все еще лежал и размышлял о предположении Мадлен, что направление следов и то, куда они вели на самом деле, — разные вещи. Но даже если это правда, разве это что-то проясняет в общей картине? Если кто-то и мог так далеко пройти по пересеченной местности задом наперед, ни разу не споткнувшись, что само по себе было невероятным, то загадка с неожиданным концом следа просто превращалась в загадку с неожиданным началом.

Или нет?

Допустим...

Нет, все же маловероятно. И все же просто допустим...

Шерлок Холмс говорил: «Отбросьте все невозможное, то, что останется, и будет ответом, каким бы невероятным он ни казался».

— Мадлен?

— М-мм?

— Прости, что разбудил. Но это важно.

Она глубоко вздохнула.

— Не спишь?

— Уже не сплю.

— Послушай. Предположим, убийца заходит на территорию института не с главной дороги, а с задней. Допустим, он прибыл за несколько часов до совершения убийства — а именно до выпадения снега. Допустим, он зашел в сосновую рощу с задней дороги со своим садовым стулом и прочим реквизитом, надел свой костюм и перчатки и стал ждать.

— В лесу?

— В сосновой рощице, где мы решили, что след прекратился. Представим, что он сидит там и ждет, когда прекратится снег, — это было вскоре после полуночи. Затем он встает, берет стул, бутылку, пистолет и проигрыватель с криками животных и проходит километр до дома. По дороге звонит Меллери на его мобильный, чтобы убедиться, что тот не будет спать и услышит записанные крики.

— Подожди. Ты же сказал, что по лесу было бы невозможно идти задом наперед.

— А он не шел. Ты была права, что направление следов не говорит о направлении хода. Предположим, подошвы ботинок отделили от верхней части.

— Каким образом?

— Убийце понадобилось бы отрезать подошвы с одной пары ботинок и приклеить к другой — задом наперед. Затем он мог спокойно идти и оставлять след, якобы ведущий в обратном направлении.

— А как же садовый стул?

— Он отнес его на террасу. Может быть, положил на него все, что нес с собой, пока заворачивал пистолет в пуховик. Затем он включил проигрыватель, чтобы заставить Меллери спуститься к террасе. Может быть, все было не в точности так, но главное — что он выманил Меллери на террасу и застрелил его. Как только Меллери упал, убийца взял бутылку и нанес несколько ударов. Затем отбросил бутылку в сторону шагов, оставленных по дороге к террасе — но указывающих в обратном от

террасы направления.

— Почему он не оставил бутылку рядом с телом или не забрал с собой?

— Не забрал, потому что хотел, чтобы мы ее нашли. Бутылка — часть игры, часть его задумки. И я бы предположил, что он бросил бутылку в сторону якобы уходящих следов, чтобы этой деталью укрепить нас в мысли, что следы именно уходят.

— Какая-то неочевидная деталь.

— Как и повешенные на дереве ботинки в предполагаемом конце следа — но он конечно же оставил их там, когда только пришел.

— Значит, это были не те ботинки, которые оставили отпечатки?

— Нет, но как раз это нам уже было известно. Один из экспертов бюро криминалистики нашел крохотное различие между следом в снегу и отпечатком этой пары ботинок. Поначалу это казалось бессмыслицей. Но в свете новой версии все очень... логично.

Мадлен несколько мгновений молчала, но он почти чувствовал, как она обдумывает, взвешивает, проверяет возникшую версию на слабые места.

— Ладно, вот он выбросил бутылку, что дальше?

— Дальше он идет прочь от террасы к сараю, ставит там садовый стул и бросает на землю пригоршню бычков, чтобы это выглядело так, будто он сидел там перед убийством. Затем снимает свой костюм и перчатки, надевает пуховик, обходит сарай, оставляя эти чертовы обратные следы, и выходит на Филчерз-Брук-роуд, которую городские власти чистят, поэтому там не остается следов, а оттуда направляется к своей машине на Торнбуш-лейн или в поселок, или куда угодно еще.

— А полицейские из Пиона видели кого-нибудь, когда ехали по дороге?

— Вроде бы нет, но он ведь легко мог уйти в лес или...

Он замолчал, задумавшись.

— Или?

— Это не самый правдоподобный вариант, но мне говорили, что там есть пансион, и люди из бюро должны были его проверить. Звучит невероятно, однако наш убийца мог практически отрезать голову своей жертве, а потом преспокойно вернуться в уютную съемную комнатку.

Несколько долгих минут они молча лежали рядом, и Гурни снова и снова проигрывал в голове новую версию событий, словно выискивая течь в самодельной лодке, прежде чем пустить ее в плавание. Решив, что целостность картины нигде не нарушена, он спросил у Мадлен, что она об

этом думает.

— Он идеальный противник, — сказала она.

— Что-что?

— Идеальный противник.

— В каком смысле?

— Ты обожаешь загадки. Он тоже. Это союз, заключенный на небесах.

— Или в аду.

— Какая разница. Кстати, с записками что-то не так.

— Что не так?

Мадлен иногда вдруг выдавала результат цепочки непроговоренных мыслей и ассоциаций, повергая его в растерянность.

— Ты же мне показывал записки от убийцы — первые две и стишки. Я пыталась вспомнить, о чем они были.

— И что?

— Мне это не удалось, хотя на память я не жалуюсь. И я поняла, в чем дело. Эти записки ни о чем.

— Что ты имеешь в виду?

— В них нет ничего конкретного. Никаких упоминаний реальных поступков Меллери или того, кто от них пострадал. Зачем бы такая таинственность? Никаких имен, дат, мест, никаких ссылок на что-нибудь осязаемое. Странно, разве нет?

— Цифры 658 и 19 оказались вполне осязаемыми.

— Но Меллери они ни о чем не говорили, он просто взял их с потолка. Это, наверное, какой-то фокус.

— Если фокус, то я не смог его вычислить.

— Еще вычислишь. Ты отлично умеешь связывать факты между собой. — Она зевнула. — Лучше всех.

В ее голосе не было иронии.

Лежа рядом с ней в темноте, он на секунду дал себе передышку и порадовался этой похвале. А затем снова — в который раз — принялся перебирать в уме записки убийцы, теперь с учетом ее замечания.

— Записки были достаточно конкретны, чтобы до чертиков напугать Меллери.

Она сонно вздохнула:

— Или недостаточно конкретны.

— В каком смысле?

— Не знаю. Может быть, за ними не было никакого конкретного прецедента.

— Но если Меллери ничего не сделал, за что его убили?

Она повела плечом:

— Этого я не знаю. Но я знаю точно, что с этими записками что-то не так. Давай спать.

Глава 30

Изумрудный домик

Проснувшись на рассвете, он впервые за много недель, а то и месяцев, почувствовал себя хорошо. Он решил немедленно отправиться в пансион на Филчерз-Брук-роуд. Может быть, разгадка истории со следами и не была ключом к разгадке всего преступления, но Гурни испытывал огромное облегчение.

Он догадывался, что разговаривать с «пидорами», не обсудив это предварительно с офисом Клайна или с бюро расследований, было несколько опрометчиво. Но какая разница, в конце концов, — если его шлепнут по рукам, он переживет. И потом, он чувствовал, что мяч наконец был на его стороне. «В делах людских прилив есть и отлив...^[2]»

Когда до пересечения с Филчерз-Брук оставалось не больше полутора километров, его мобильник зазвонил. Это была Эллен Ракофф.

— Окружной прокурор Клайн получил новости, которыми хотел бы с вами поделиться. Он просил передать вам, что сержант Вигг из лаборатории бюро расследований разобрала фоновые шумы на записи телефонного разговора с убийцей. Вы в курсе содержания звонка?

— Да, — ответил Гурни, вспоминая искаженный голос и как Меллери загадал число 19, а затем нашел этот номер записанным в письме, которое убийца оставил в его ящике.

— Сержант Вигг утверждает, что отдаленный шум автомобилей также был записью.

— Не понял, еще раз?

— Вигг говорит, что на фонограмме есть два источника звуков. Голос абонента и фоновый звук двигателя, который она однозначно определяет как двигатель автомобиля, были оригинальными. То есть это были звуки, возникающие в реальном времени на момент записи фонограммы. Однако другие фоновые звуки, в основном проезжающих мимо автомобилей, были вторичными в том смысле, что их проигрывали на магнитофоне в момент записи фонограммы. Детектив, вы слушаете?

— Да, да, я просто пытался... все это уложить в голове.

— Я могу повторить, если нужно.

— Нет, я все понял. Это очень... любопытно.

— Окружной прокурор Клайн так и предполагал, что вы это скажете.

Он просил вас перезвонить ему, как только у вас будет версия на этот счет.

— Я так и сделаю.

Он повернул на Филчерз-Брук-роуд и вскоре остановился у знака, гласившего, что ухоженный участок справа называется «Рододендрон». Знак представлял из себя аккуратный овал с каллиграфической надписью. Чуть дальше была арка в зарослях рододендронов. Они уже много месяцев были не в цвету, но Гурни, проезжая под аркой, ясно представил себе цветочный запах и вспомнил слова короля Дункана о замке Макбета накануне своей гибели: «В хорошем месте замок...»

За оградой оказалась небольшая парковка, посыпанная гравием безупречно ровно, как сад камней. Такая же опрятная гравийная дорожка вела от парковки к чистенькому крыльцу. Вместо звонка на двери был старинный дверной молоток. Гурни потянулся к нему, и тут дверь открылась. На пороге стоял невысокий человек с внимательным, оценивающим взглядом. Все в его облике отдавало стерильностью — от рубашки поло цвета лайма и нежно-розового цвета кожи до слишком светлого оттенка волос, обрамляющих не очень молодое лицо.

— Наконец-то! — сказал он с недовольством человека, которому задержали доставку пиццы.

— Вы мистер Плюк?

— Нет, я не мистер Плюк, — ответил он. — Меня зовут Брюс Плюм. То, что наши имена гармонируют, — это чудесное совпадение.

— Понимаю, — отозвался Гурни, слегка растерявшись.

— А вы, значит, полицейский?

— Следователь по особо важным делам из офиса окружного прокурора. Моя фамилия Гурни. Кто вам сказал, что я приду?

— Ну этот, коп, по телефону. Никогда не запоминаю имен. Однако что же мы тут стоим? Проходите!

Гурни проследовал за ним через маленькую прихожую в гостиную, обставленную в сумбурном викторианском стиле. Он задумался, кто мог звонить по телефону, и от этого лицо его приняло озадаченное выражение.

— О, вы извините, — произнес Плюм, явно по-своему истолковав это выражение. — Я не знаю, какая у вас там стандартная процедура. Хотите сразу пройти в Изумрудный домик?

— Простите, куда?

— В Изумрудный домик.

— Что за изумрудный домик?

— Место преступления.

— Какого преступления?

— Вас что, не предупредили?

— Насчет чего?

— Насчет того, зачем вы здесь.

— Мистер Плюм, не хочу показаться невежливым, но, быть может, вы начнете сначала и объясните, о чем идет речь?

— Это невыносимо! Я все рассказал сержанту по телефону. Причем дважды, потому что с одного раза он не понял.

— Сочувствую, сэр, но не повторите ли теперь и мне, что вы сказали ему?

— Мои серебряные башмачки украли. Вы не представляете, сколько они стоят!

— Серебряные башмачки?..

— Боже, да они там что, вообще ничего вам не передали? — Плюм начал тяжело дышать, словно в преддверии какого-нибудь припадка. Затем закрыл глаза. Открыв их вновь, он будто бы внутренне смирился с некомпетентностью полиции и заговорил с Гурни тоном школьного учителя:

— Мои серебряные башмачки, которые стоят кучу денег, похитили из Изумрудного домика. У меня нет доказательств, однако я уверен, что украл их последний постоялец, который там останавливался.

— А этот изумрудный домик находится на вашей территории?

— Разумеется. Все владение целиком называется «Рододендрон», ну это понятно почему. Здесь три здания — главный дом, в котором мы сейчас находимся, и два гостевых: Изумрудный домик и Медовый домик. Интерьер Изумрудного домика вдохновлен «Волшебником Изумрудного города» — лучшим фильмом всех времен и народов. — Он сверкнул глазами, как будто говоря: «Только попробуйте возразить!» — Ключевым элементом декора была копия знаменитых волшебных башмачков Элли. Сегодня утром я обнаружил, что они пропали.

— И кому вы об этом сообщили?

— Ну ясно же, что вашим людям, раз вы здесь.

— Вы позвонили в полицию Пиона?

— Разумеется, не в полицию же Чикаго.

— У нас с вами две проблемы, мистер Плюм. Полиция Пиона, несомненно, свяжется с вами по поводу кражи. Но я здесь не поэтому. Я расследую другое дело, и мне нужно задать вам несколько вопросов. Полицейскому детективу, который приходил вчера, было сказано — мистером Плюмом, насколько я понимаю, — что три ночи тому назад у вас

останавливалась пара орнитологов. Мужчина и его мать.

— Это он!

— Кто?

— Тот, который украл мои башмачки!

— Орнитолог украл ваши башмачки?

— Орнитолог, ворюга, чертов похититель, да, это он!

— А почему об этом не сообщили детективу, который приходил?

— Не сообщили, потому что мы тогда еще не знали. Я же сказал, я обнаружил пропажу только сегодня утром.

— Значит, вы не заходили в дом с тех пор, как этот человек и его мать попрощались с вами?

— Попрощались — это громко сказано. Они просто взяли и уехали среди бела дня. Они расплатились заранее, так что формально прощание было необязательно. Мы вообще здесь не поклонники всяких формальностей, и от этого вдвойне ужасно, что они вот так обманули наше доверие! — Казалось, он вот-вот подавится возмущением.

— Вы всегда так долго ждете, чтобы...

— Убраться после гостей? В это время года такое нормально. В ноябре меньше всего постояльцев. Следующая бронь на Изумрудный домик аж на рождественскую неделю.

— Человек из бюро не осматривал Изумрудный домик?

— Из какого бюро?

— Детектив, который приходил к вам два дня назад из бюро криминальных расследований.

— Ах этот. Так он же не со мной разговаривал, а с мистером Плюком.

— Простите, а кто такой мистер Плюк?

— Отличный вопрос. Я сам себе регулярно его задаю, — с горечью ответил он и покачал головой. — Простите, полицейских, конечно, не касаются сторонние эмоциональные проблемы. В общем, Поль Плюк — мой партнер по бизнесу. Мы совместно владеем «Рододендроном». По крайней мере, на данный момент это так.

— Понятно, — ответил Гурни. — Давайте вернемся к моему вопросу. Человек из бюро заходил в дом?

— А зачем? Он же приходил насчет этих ужасных событий там, в институте, и спрашивал, не видели ли мы каких-нибудь подозрительных персонажей. Поль — то есть мистер Плюк — ответил, что не видели, и он ушел.

— И он не расспрашивал вас про ваших постояльцев?

— Про орнитологов? Разумеется, нет.

— Разумеется?

— Ну, мать была, считайте, инвалидом, а сын, хоть и оказался вором, все-таки не выглядел как маньяк-убийца.

— А как он выглядел?

— Я бы сказал, что в нем не было телесной мощи. Нет, никакой телесной мощи, одна немощь. Стеснительный.

— Как полагаете, он гей?

Плюм глубоко задумался:

— Это интересный вопрос. Я почти всегда угадываю наверняка, но в этом случае не уверен. У меня возникло ощущение, что он старался показаться мне геем. Странно, правда? Зачем бы это ему?

Вероятно, затем, подумал Гурни, что вся его личность — это игра.

— А помимо того, что он стеснительный и тщедушный, что еще вы можете про него сказать?

— Что он ворюга.

— Я имею в виду внешность.

Плюм наморщил лоб.

— Усы. Тонированные очки.

— Тонированные?

— Вроде солнечных, достаточно темные, чтоб глаз не было видно (я прямо ненавижу это, когда говоришь с человеком и в глаза нельзя посмотреть; а вы?), но можно их носить и в помещении.

— Еще что-нибудь?

— Шапка у него была, знаете, такая перуанская, вязаная, всю голову закрывала. Шарф, куртка мешковатая.

— С чего же вы взяли, что он тщедушный?

Плюм наморщил лоб еще сильнее.

— Может быть, по голосу? По манере? Представьте, я даже не могу сказать. В сущности, все, что я видел, это огромная куртка, шапка, очки и усы. — Его глаза расширились от внезапного озарения. — Вы полагаете, он маскировался?!

Солнечные очки и усы? С точки зрения Гурни это была какая-то пародия на маскировку. Но такой ход вполне вписывался в общий извращенный замысел. Или все было гораздо проще... В любом случае маскировка сработала — составить описание внешности было невозможно.

— Что-нибудь еще можете о нем вспомнить? Хотя бы что-нибудь?

— Он был просто одержим нашими маленькими пернатыми друзьями. У него был огромный бинокль — вроде инфракрасных штук, которыми пользуются крутые парни в кино. Оставил мать в домике, а сам пошел в

лес, искать дубоноса. Розовогрудого дубоноса.

— Это он вам сказал?

— Да.

— Удивительно.

— Чем же?

— Зимой в Катскильских горах не бывает розовогрудых дубоносов.

— Но он же рассказывал... ах, он еще и лжец!

— Что он рассказывал?

— Утром, перед тем как уехать, он пришел в главный дом на завтрак и только и говорил что про чертовых дубоносов. Он снова и снова повторял, что видел четырех розовогрудых дубоносов. Да, четырех розовогрудых дубоносов, повторял и повторял, как будто я ему не верил.

— Возможно, он таким образом пытался убедиться, что вы запомнили, — задумчиво произнес Гурни.

— Но вы же говорите, что он не мог их видеть, потому что зимой их не бывает. Зачем ему могло понадобиться, чтобы я запомнил то, чего не бывает?

— Хороший вопрос, сэр. Не возражаете, если я сейчас взгляну на Изумрудный домик?

Плюм проводил его через викторианскую столовую с узорными дубовыми стульями и зеркалами и вывел в боковую дверь на дорожку, мощенную кремовой плиткой, — не вполне желтый кирпич, но ассоциацию с «Волшебником Изумрудного города» она вызывала однозначную. Тропинка заканчивалась у порога сказочного вида домика, укутанного ярко-зеленым, вопреки погоде, плющом.

Плюм открыл дверь ключом, распахнул ее и отошел в сторону. Гурни заглянул внутрь. Комната, видневшаяся за порогом, была наполовину гостиной, а наполовину храмом, посвященным фильму, — там была коллекция плакатов, остроконечная шляпа волшебницы, волшебная палочка, статуэтки Трусливого Льва и Железного Дровосека, а также плюшевый Тотошка.

— Хотите зайти и посмотреть на витрину, откуда похитили башмачки?

— Нет, — ответил Гурни, делая шаг назад на тропинку. — Если вы единственный, кто был в этом доме с тех пор, как гости его покинули, я бы предпочел оставить все как есть, пока сюда не приедет бригада для сбора улик.

— Но вы же здесь, чтобы... постойте, вы сказали, что вы здесь по какому-то другому делу?

— Да, сэр, так и есть.

— О каком сборе улики идет речь? То есть какие... о нет, вы же не думаете, что мой вороватый орнитолог — это ваш Джек-потрошитель?

— По правде говоря, сэр, у меня нет причин так думать. Но необходимо учесть каждую вероятность, и мы обязаны внимательно осмотреть этот дом.

— Господи. Не знаю, что и сказать. Не одно преступление, так другое. Что ж, я не буду мешать полиции, хотя все это так странно. Нет худа без добра — даже если окажется, что все это не имеет отношения к ужасам в институте, может, вы что-нибудь узнаете про мои башмачки.

— Всякое вероятно, — вежливо ответил Гурни. — Думаю, бригада появится завтра в течение дня. Тем временем прошу вас держать дверь сюда запертой. Только давайте я уточню, потому что это очень важно: вы уверены, что никто, кроме вас, не заходил в этот дом за прошедшие два дня? Включая вашего партнера?

— Изумрудный домик — мое творение и полностью моя ответственность. Мистер Плюк занимается Медовым домиком с его неудачным интерьером.

— О чем вы, простите?

— Тема интерьера Медового домика — скучнейшая панорама, повествующая о пчеловодстве. Этим все сказано.

— У меня к вам последний вопрос, сэр. У вас есть имя и адрес орнитолога в журнале учета постояльцев?

— У меня есть имя и адрес, которые он записал. Учитывая, что он вор, сомневаюсь, что они настоящие.

— Мне нужно посмотреть в журнал и переписать их в любом случае.

— Необязательно смотреть в журнал. У меня прямо перед глазами стоят эти буквы. Мистер и миссис — надо сказать, странный способ записать себя с матерью, не правда ли? — мистер и миссис Сцилла. В поле адреса вписан абонентский ящик в Вичерли, штат Коннектикут. Я даже номер ящика запомнил.

Глава 31

Звонок из Бронкса

Гурни сидел в машине посреди идиллической парковки. Он только что закончил разговаривать с бюро расследований, чтобы вызвать срочную бригаду в «Рододендрон», и как раз убирал мобильный в карман, когда он зазвонил. В трубке снова зазвучал голос Эллен Ракофф. Первым делом он рассказал ей новости про чету Сцилла и странную кражу, чтобы она передала все Клайну. Затем спросил, почему она звонит. Она продиктовала ему телефонный номер.

— Это детектив отдела убийств из Бронкса, который хочет поговорить с вами о деле, над которым он работает.

— И он хочет поговорить именно со мной?

— Он хочет поговорить с кем-нибудь из следственной группы по делу Меллери, про которое он прочитал в газете. Он позвонил в полицию Пиона, те отправили его в бюро расследований, те — к капитану Родригесу, а он в офис окружного прокурора, который решил направить его к вам. Его зовут детектив Клэм. Рэнди Клэм.

— Это что, шутка такая?

— Насчет этого ничего не могу сказать.

— Что он рассказал о своем деле?

— Ничего. Вы же знаете полицейских. В основном расспрашивал про нашу работу.

Гурни набрал номер. Ответ последовал после первого же гудка:

— Клэм.

— Это Дэйв Гурни, перезваниваю по вашей просьбе. Я из офиса окружного про...

— Да, сэр, я понял. Спасибо, что так быстро откликнулись.

Хотя материала для домыслов у него не было, Гурни ясно представил копа на том конце трубки — быстро соображающего и быстро говорящего работягу-многостаночника, который, будь у него связи, мог бы попасть в военную академию, а не в полицейскую.

— Как я понимаю, вы работаете над делом Меллери, — протараторил молодой голос.

— Верно.

— Множественные колотые раны в шею, да?

— Верно.

— Я звоню по поводу схожего случая у нас, мы хотели проработать возможную связь.

— Что вы подразумеваете под схожим случаем?

— Множественные раны в шею.

— Насколько я помню статистику по Бронксу насчет колотых ранений, их случается больше тысячи в год. Почему вы не ищете связь поближе к себе?

— Мы-то ищем. Но ваш случай — единственный, где ран больше десяти, и все на одной части тела.

— Чем же я могу помочь?

— Смотря чем вы хотите помочь. Я думал, что нам обоим будет полезно, если вы приедете сюда на денек, посмотрите на место убийства, посидите на допросе вдовы, позадаете вопросы и посмотрите, нет ли каких-то параллелей.

Шансов было мало. Меньше, чем в случаях, когда он напрасно тратил время на зыбкие гипотезы во время работы в Нью-Йорке. Но Дэйв Гурни был органически не способен проигнорировать вероятность, даже очень туманную.

Он согласился встретиться с детективом Клэмом в Бронксе следующим утром.

Часть третья

НАЗАД, К НАЧАЛУ

Глава 32

Всесожжение

Молодой человек сидел, откинувшись в кровати на удобные подушки, улыбаясь чему-то на экране своего ноутбука.

— Баю-баюшки-баю, — произнесла старуха, лежавшая в постели рядом с ним. — Баю деточку мою.

— Пусть сегодня мне приснится, как чудовищ я убью.

— Ты сочиняешь стишок?

— Да, мама.

— Прочитай мне вслух.

— Я еще не дописал его.

— Прочитай мне вслух, — повторила она, как будто забыла, что говорила только что.

— Он пока неудачный. Ему чего-то не хватает. — Он поправил экран ноутбука.

— Какой красивый у тебя голос, — произнесла она с отсутствующим взглядом, касаясь пальцами светлых кудрей своего парика.

Он на секунду закрыл глаза. Затем, словно готовясь сыграть на флейте, он слегка облизнул губы и начал читать стих размеренным полупрошепотом:

Вот что любимое есть у меня:
Пуля летит, перемены маня,
Хлещут горячей крови фонтаны,
Покуда не вытечет вся из раны,
За око — два глаза, все зубы — за зуб,
Ясности миг, остывающий труп.
Пьяницы ствол обратил я к добру
И всесожжением закончу игру.

Он вздохнул и посмотрел на экран, морща нос:

— С размером что-то не так.

Старуха машинально кивнула и голосом кроткого ребенка спросила:

— Деточка, что ты будешь делать?

Ему захотелось описать ей «всесожжение» во всех подробностях.

Смерть всех чудовищ. Он видел ее так ясно, и она была такой яркой, такой упоительной! Но он считал себя реалистом и понимал, что возможности матери ограничены. Он знал, что ее вопросы не требовали настоящих ответов, что она все равно их забудет, как только произнесет; что его слова были для нее просто звуками, которые она любила, которые ее успокаивали. Он мог говорить что угодно — считать до десяти, читать считалочки. Главное — ритмично и с выражением. Поэтому он всегда старался богато интонировать. Ему нравилось ее радовать.

Глава 33

Та еще ночка

Время от времени Гурни снились невозможно печальные сны, как будто он спускался в самое сердце печали. В этих снах он видел с ясностью, неподвластной словам, что источник печали — это утраты, величайшая из которых — потеря любви.

В последнем сне, который едва ли длился минуту, он видел отца, одетого так, как он всегда ходил на работу сорок лет назад, да и во всем остальном точно такого же, как тогда: безликий бежевый пиджак и серые штаны, бледные веснушки на кистях тяжелых рук, круглые залысины, насмешливый взгляд, как будто направленный в другую жизнь, выдающий желание постоянно быть в пути, быть где угодно — только не там, где он на самом деле, способность почти все время молчать, но вместе с тем выражать своим молчанием бесконечное недовольство... Дэвид, маленький мальчик, умоляюще смотрел на его фигуру вдалеке, упрасивал не уходить, и по его щекам во сне текли горячие слезы. Наяву это никогда не случалось в присутствии отца — у них не было заведено выражать сильные чувства открыто... Когда Гурни внезапно проснулся, его лицо все еще было влажным от слез, а сердце болело.

Ему хотелось разбудить Мадлен, рассказать ей про сон; хотелось, чтобы она увидела эти слезы. Но это было совсем не про нее. Она едва знала его отца. А сны, в конце концов, всего лишь сны. По большому счету они ничего не значат. Он попытался отвлечься и вспомнить, какой наступил день. Понял, что четверг. И в этот момент произошло привычное, мгновенное преобразование мысленного пейзажа, на которое он привык полагаться, чтобы стряхнуть осадок беспокойной ночи и переключиться на дела предстоящего дня. Значит, четверг. Четверг уйдет на посещение Бронкса — района неподалеку от места, где он вырос.

Глава 34

Темный день

Это был трехчасовой путь во мрак и уродство. Неприятные ощущения усугублялись холодной моросью, которую «дворники» остервенело смахивали с лобового стекла. Гурни был подавлен и раздражен — отчасти из-за погоды, а отчасти, как ему казалось, из-за сна, который оголил его нервы.

Он ненавидел Бронкс. Он ненавидел в Бронксе все — от щербатых тротуаров до выжженных скелетов краденых машин. Он ненавидел пестрые растяжки, зовущие провести четыре дня и три ночи в Лас-Вегасе. Он ненавидел запах — помесь выхлопных газов, дегтя, плесени и тухлой рыбы, с навязчивой ноткой ржавчины. Но даже больше, чем все это, он ненавидел то, что помнил из детства и что преследовало его здесь каждый раз, как он приезжал, — жуткие, доисторические твари в устрашающей броне: мечехвосты, рыщущие в прибрежной слизи залива Истчестер.

Проведя полчаса в пробках на «скоростном» шоссе, он наконец добрался до нужного съезда и одолел несколько кварталов до оговоренного места встречи — парковки у церкви Всех Святых. Стоянка была окружена оградой с табличкой, разрешающей въезд только автомобилям служителей. Там было пусто, за исключением невзрачного «шевроле», возле которого стоял молодой парень с короткой стрижкой, уложенной гелем, и разговаривал по телефону. Гурни припарковался рядом с «шевроле». Парень тут же закончил разговор и прицепил телефон на пояс.

Морось, докучавшая ему всю дорогу, превратилась в прозрачную взвесь, незаметную глазу, но Гурни тут же ощутил ее уколы на лице, едва выйдя из машины. Возможно, молодой человек тоже ее чувствовал, и от этого лицо его было таким недовольным.

— Детектив Гурни?

— Дэйв, — сказал Гурни, протягивая руку.

— Рэнди Клэм. Спасибо, что приехали. Надеюсь, это будет не напрасно. Я просто хочу проверить все версии по этому делу, которое смахивает на то, что вы там у себя расследуете. Может, связи и нет, потому что странно предполагать, что один и тот же человек убил какого-то крутого гуру в одной части штата и ночного сторожа здесь, в Бронксе, но эти множественные ранения в горло не дают мне покоя. В таких случаях чувство такое, знаете — блин, забьешь на это сейчас, и тогда это точно

окажется тот же парень. Понимаете, о чем я?

Любопытно, подумал Гурни, отчего у Клэма такая быстрая речь — от кофеина, кокаина, тяжелой работы или привычного внутреннего напряжения?

— То есть я хочу сказать, что дюжина колотых ран — не такое частое явление. Может быть, мы найдем и другие сходства между этими делами. Наверное, можно было просто обменяться документацией, но я подумал — вдруг, побывав здесь, вы сможете заметить или понять что-то новое на месте убийства или в разговоре с вдовой. Я на это очень надеюсь. Что будет какая-то польза. Хочется верить, что это не будет пустой тратой вашего времени.

— Тише, тише, молодой человек. Послушайте меня внимательно. Я приехал сюда сегодня, потому что мне это показалось разумным. Вы хотите проверить все возможные версии — и я хочу того же. В худшем случае мы просто исключим всякое сходство между делами, но исключение версий — это часть работы, а не трата времени. Так что насчет моего времени не беспокойтесь.

— Спасибо, сэр. Я просто... ну, вам так далеко пришлось ехать и все такое. И я очень благодарен.

Речь Клэма стала чуть размереннее. Он был по-прежнему на взводе, но его уже не лихорадило.

— Кстати, о трате времени, — сказал Гурни, — может, посмотрим на место убийства?

— Давайте. Оставьте машину прямо здесь, поедem на моей. Дом жертвы в тесном райончике, там на машине едва проедешь, ничего не задев.

— Флаундер-Бич, что ли?

— Вы знаете Флаундер-Бич?

Гурни кивнул. Он был там однажды, в юности, на дне рождения подруги своей тогдашней девушки.

— Откуда же вы знаете? — удивился Клэм, поворачивая с парковки в противоположную от главной улицы сторону.

— Я вырос там недалеко, рядом с Сити-Айлендом.

— Охренеть. А я думал, вы с севера.

— Сейчас я живу на севере, — кивнул Гурни и сам удивился тому, как это прозвучало. Как будто это временное явление. При Мадлен он выразился бы иначе.

— В общем, там ничего не изменилось, это все те же трущобы с халупами. Когда прилив и небо чистое, можно даже подуматъ, что это

настоящий пляж. А потом начинается отлив, появляется грязь, и сразу вспоминаешь, что ты в Бронксе.

— Так и есть, — согласился Гурни.

Спустя пять минут они остановились в пыльном переулке на участке, огороженном цепью, как и парковка у церкви. Раскрашенная вывеска гласила, что это пляжный клуб Флаундер-Бич и заезжать сюда можно только по пропускам. В нескольких местах вывеска была изуродована дробью.

Гурни подумал о вечеринке тридцатилетней давности. Он попытался вспомнить, не этой ли дорогой он тогда добирался. Перед глазами стояло лицо девочки, у которой был день рождения. Это была толстушка с хвостиками и брекетами на зубах.

— Припаркуемся здесь, — сказал Клэм, снова ссылаясь на забитые машинами улицы. — Ничего, если мы пройдемся?

— Господи, я что, по-вашему, совсем старик?

Клэм неловко рассмеялся. Они вышли из машины, и он поинтересовался:

— Сколько лет вы в полиции?

Не желая вдаваться в подробности об увольнении и неожиданном сотрудничестве по договоренности, он просто сказал:

— Двадцать пять.

— Это непростое дело, — сказал Клэм, как будто это замечание логически следовало из ответа Гурни. — Там еще много всего помимо ножевых ранений.

— А вы уверены, что это именно ножевые ранения?

— Почему вы спросили?

— В нашем случае раны были нанесены разбитой бутылкой из-под виски. Вы нашли оружие?

— Нет. Эксперт сказал, что это «вероятнее всего» ножевые ранения — правда, нож должен был быть обоюдоострым. Наверное, такие раны можно было оставить и осколком. У нас еще нет результатов вскрытия. Но я говорю — дело не только в этих ранах. Там еще жена... странная.

— В каком смысле странная?

— В разных смыслах. Во-первых, она религиозная фанатичка. У нее и алиби соответствующее — она была на каком-то богоугодном сборище.

Гурни пожал плечами.

— А еще что не так?

— Она сидит на каких-то недетских колесах. Тратит на них жуткие деньги, чтобы не забыть напроць, на какой планете она живет.

— Будем надеяться, что она с них не слезет. Вас еще что-то беспокоит?

— Беспокоит, — сказал Клэм, остановившись посреди узкой улицы, больше похожей на переулок. — Я чувствую, что она врет. — Он сощурился, как будто у него заболели глаза. — Или умалчивает что-то. Может, то и другое. Нам вот в этот дом. — Клэм указал на обшарпанную постройку, вдавленную в глубь обочины.

Чешуйки шелушащейся краски были ядовито-зеленого цвета. Красновато-коричневый оттенок двери напоминал запекшуюся кровь. Участок вокруг дома был оцеплен переносными столбиками, соединенными желтой лентой. Гурни подумал, что не хватало только банта, чтобы все это вместе выглядело как подарок из ада.

Клэм постучал в дверь.

— Да, забыл предупредить, — сказал он. — Это большая женщина.

— Большая?

— Сейчас увидите.

Это предупреждение не вполне подготовило Гурни к виду существа, открывшего дверь. Это была женщина весом за сто килограммов, с руками, похожими на ляжки. Казалось, она едва помещается в маленьком домике. Столь же неуместно смотрелось на этом обширном теле удивленное детское личико. Ее короткие темные волосы были расчесаны на прямой пробор, по-мальчишески.

— В чем дело? — спросила она, впрочем не выражая этим вопросом никакого интереса.

— Добрый день, миссис Шмитт, я — детектив Клэм. Помните меня?

— Здрав-ству-йте, — произнесла она по слогам, как будто зачитывая слово из иностранного разговорника.

— Я был у вас вчера.

— Да, я помню.

— У нас к вам еще несколько вопросов.

— Хотите что-то еще узнать про Альберта?

— И это тоже. Разрешите нам войти?

Она молча отошла от входа, направилась в тесную гостиную, находившуюся сразу за дверью, и приземлилась на диван, который как будто осел под ее тяжестью.

— Садитесь, — сказала она.

Они огляделись. Стульев в гостиной не было. Помимо дивана в ней помещались еще журнальный столик с дешевой вазой, из которой торчали розовые пластмассовые цветы, книжный шкаф и огромный телевизор. На голом полу не было ни пылинки, если не считать несколько ворсинок, —

Гурни предположил, что здесь был ковер, на котором нашли тело, и его забрали на экспертизу.

— Мы постоим, — сказал Клэм. — Мы вас не задержим.

— Альберт очень любил спорт, — сказала миссис Шмитт, с улыбкой глядя на исполинский телеэкран.

В левой стене гостиной была арка, за которой находилось три двери. Из-за одной доносились звуки компьютерной игры.

— Это Иона. Мой сын. Там его спальня.

Гурни спросил, сколько Ионе лет.

— Двенадцать. В чем-то он старше своих лет, а в чем-то младше, — сказала она с таким видом, будто эта мысль посетила ее впервые.

— Он был с вами? — спросил Гурни.

— В каком это смысле «со мной»? — переспросила она многозначительным тоном, от которого Гурни сделалось не по себе.

— Я имею в виду, — начал Гурни, стараясь не выдавать никаких эмоций, — был ли он с вами на службе тем вечером, когда убили вашего мужа?

— Он принял Иисуса Христа как своего Господа и Спасителя.

— То есть он был с вами?

— Да. Я уже говорила этому полицейскому.

Гурни сочувственно улыбнулся.

— Иногда для пользы дела надо задавать вопросы по несколько раз, — пояснил он.

Она кивнула с непонятым энтузиазмом и повторила:

— Он принял Иисуса Христа.

— А ваш муж принимал Иисуса Христа?

— Я думаю, да.

— Но вы сомневаетесь?

Она зажмурилась, как будто ища ответ на изнанке своих век. Затем сказала:

— Дьявол коварен.

— Еще как коварен, миссис Шмитт, — согласился Гурни. Он слегка отодвинул журнальный столик с вазой от дивана, обошел его и сел на краешек, лицом к ней. Он знал, что лучший способ вести беседу с таким человеком — держаться в той же манере, даже если кажется, что разговор ведет в тупик.

— Он коварный злоумышленник и искушитель, — сказал он, внимательно наблюдая за ней.

— Господь мой пастырь, — сказала она. — И я не буду знать нужды.

— Аминь.

Клэм кашлянул и переступил с ноги на ногу.

— Скажите, — продолжил Гурни, — как дьявол искушал вашего Альберта?

— Дьявол преследует праведных! — вдруг прокричала она. — Ибо грешники и без того во власти его.

— Альберт был праведником?

— Иона! — закричала она еще громче, поднимаясь с дивана и с неожиданной прыткостью направляясь к одной из дверей за аркой. Она принялась стучать в эту дверь раскрытой ладонью и продолжила кричать: — Открой дверь! Сейчас же! Открой мне дверь!

— Что за... — пробормотал Клэм.

— Иона, сейчас же!

Щелкнул замок, и дверь наполовину открылась. На пороге стоял мальчик, размерами приближавшийся к матери и похожий на нее отсутствующим взглядом. Гурни задумался, что может быть причиной этой отстраненности — генетика или лекарства, или и то и другое? Короткий «ежик» волос на голове Ионы был ослепительно-белого цвета.

— Я говорила тебе не запирайтесь в комнате, если я дома! Сделай потише. Такой грохот, будто кого-то убивают! — Если это заявление и было для кого-то из них болезненным, они этого никак не проявили. Мальчик посмотрел на Гурни и Клэма безо всякого интереса. Гурни подумал, что эта семья, по-видимому, настолько привыкла к посещениям социальных служб, что деловые чужаки в гостиной не вызывали вопросов. Мальчик перевел взгляд на мать:

— Можно мне мороженое?

— Сам знаешь, что для мороженого еще рано. Сделай звук потише, иначе вообще его не получишь.

— Получу, — упрямо сказал он и захлопнул перед ней дверь.

Она вернулась в гостиную и снова села на диван.

— Он сам не свой после смерти Альберта.

— Миссис Шмитт, — начал Клэм в своей торопливой манере, — детектив Гурни хочет задать вам несколько вопросов.

— Смешное совпадение, у меня есть тетушка Берни. Как раз вспоминала ее сегодня утром.

— Гурни, а не Берни, — поправил Клэм.

— Но похоже звучит, правда? — Ее глаза аж засветились от этой находки.

— Миссис Шмитт, — заговорил Гурни, — за последний месяц ваш

муж делился с вами какими-нибудь тревогами?

— Альберту были незнакомы тревоги.

— Может быть, он вел себя не как обычно?

— Альберт всегда вел себя одинаково.

Гурни подумал, что это скорее могло быть результатом искаженного восприятия действительности, чем особенностью поведения Альберта.

— Он когда-нибудь получал письма, где адрес или само письмо были написаны красными чернилами?

— В почте бывают только счета и рекламные листовки. Я никогда ее не просматриваю.

— Почту разбирал Альберт?

— Сплошные счета и листовки.

— Вы не знаете, Альберт платил по каким-нибудь необычным счетам или, может быть, выписывал странные чеки?

Она грустно покачала головой, и он снова отметил, что лицо у нее поразительно детское.

— Последний вопрос. После того как вы обнаружили тело своего супруга, вы что-нибудь меняли или сдвигали с места в комнате до прихода полиции?

Она снова покачала головой. Возможно, ему показалось, но она как будто перед этим помедлила и в ее равнодушном взгляде промелькнула какая-то тревога. Он решил рискнуть.

— Господь разговаривает с вами? — спросил он.

В ее лице вместо тревоги появилось что-то новое.

— Разговаривает, — ответила она гордо.

Она как будто оправдывается, заметил Гурни.

— Господь что-нибудь говорил вам, когда вы обнаружили тело мужа?

— Господь мой пастырь, — сказала она и начала цитировать Двадцать третий псалом. Гурни даже боковым зрением видел нетерпеливые подергивания лица Клэма.

— Господь сказал вам, что нужно делать?

— Мне не мерещатся голоса, — сказала она. В ее взгляде вновь мелькнула тревога.

— Я так и не думал. Но быть может, Господь заговорил с вами в тяжелую минуту, чтобы помочь?

— Мы живем на Земле, чтобы исполнять волю Его.

Гурни наклонился к ней:

— И вы сделали, как Господь повелел вам?

— Я сделала, как Он повелел.

— Когда вы нашли Альберта, что-то было не так, что-то надо было изменить и Господь повелел вам это сделать, да?

Глаза великанши наполнились слезами, и капли потекли по ее детским щекам.

— Надо было его спрятать.

— Что надо было спрятать?

— Полицейские его забрали бы.

— Что бы они забрали?

— Они все забрали — его одежду, его часы, его бумажник, газету, которую он читал, стул, на котором он сидел, ковер, его очки, стакан, из которого он пил... все, все забрали.

— Но все же что-то осталось, да, миссис Шмитт? Осталось то, что вы сумели спрятать.

— Я не могла им позволить забрать его. Это был подарок. Последний подарок Альберта.

— Можно мне взглянуть на него?

— Вы его видели. Вон — сзади вас.

Гурни повернулся, проследив за ее взглядом, и увидел вазу с розовыми цветами на столике. При ближайшем рассмотрении оказалось, что в вазе всего один пластмассовый цветок с таким крупным бутоном, что издали он казался букетом.

— Альберт подарил вам этот цветок?

— Он собирался, — сказала она, помедлив.

— Значит, он вам его не подарил?

— Он не успел.

— Потому что его убили раньше?

— Я знаю, он хотел его отдать мне.

— Это очень важно для нас, миссис Шмитт, — мягко сказал Гурни. — Пожалуйста, расскажите мне подробно, что вы увидели и что сделали.

— Когда мы с Ионой вернулись домой из Центра Откровения, я услышала, что работает телевизор, и решила не мешать Альберту. Альберт обожал смотреть телевизор и не любил, когда кто-то ходил перед экраном. Так что мы с Ионой зашли через заднюю дверь, которая ведет на кухню, чтобы не мешать ему. Мы сели на кухне, и Иона съел на ночь мороженое.

— Долго вы сидели на кухне?

— Не знаю. Мы разговаривали. Иона очень интересный собеседник.

— О чем вы говорили?

— На любимую тему Ионы — страдания последних времен. В Писании сказано, что в последние времена будет много страданий. Иона

всегда спрашивает, верю ли я в это и сколько будет страданий и каких именно. Мы много об этом говорим.

— Значит, вы говорили о страданиях и Иона ел мороженое?

— Все как обычно.

— А что было потом?

— Потом настала пора ложиться спать.

— И что же?

— И он вышел из кухни в гостиную, чтобы уйти к себе, но почти сразу вернулся. Он прямо пятился и показывал туда пальцем. Я попыталась спросить его, в чем дело, но он только пальцем показывал. Так что я туда пошла. То есть сюда, — сказала она, оглядевшись.

— Что вы увидели?

— Альберта.

Гурни подождал, пока она продолжит. Но она молчала, так что он уточнил:

— Альберт был уже мертв?

— Было так много крови.

— А цветок?

— Цветок лежал на полу рядом с ним. Он, должно быть, держал его в руке. Хотел мне дать, когда я вернусь домой.

— И как вы поступили?

— Я пошла к соседям. У нас нет телефона. Кажется, они и вызвали полицию. До того, как они приехали, я взяла цветок. Он же был для меня, — сказала она с внезапным детским упрямством. — Это подарок. Я его поставила в лучшую вазу.

Глава 35

Цветок

Когда они ушли из дома Шмиттов, настала пора обеда, но Гурни был не в настроении. Он был голоден, а Клэм предлагал заехать в какое-то место перекусить. Но Гурни был слишком раздражен, в основном на себя, чтобы с чем-либо соглашаться. Клэм повез его назад к церкви, где стояла его машина, и они предприняли последнюю попытку сверить обстоятельства двух дел, чтобы не упустить никакую возможную связь. Попытка ни к чему не привела.

— Ну что ж, — произнес Клэм, стараясь мыслить позитивно. — По крайней мере, на данный момент нет доказательств, что эти дела не связаны. Муж мог получить письма, которых жена не видела, и вообще непохоже, чтобы это был брак, в котором люди друг друга хорошо знают. Может, он ей ничего не говорил. А она так глушит себя таблетками, что вряд ли могла заметить какие-то перемены его настроения. Может быть, стоит еще раз поговорить с мальчишкой. Он, конечно, тоже отморозок, но вдруг он что-то сумеет вспомнить.

— Конечно, — отозвался Гурни без всякого энтузиазма. — А вы можете проверить, не было ли у Альберта счета в банке, с которого был перевод на имя Арибда или Сцилла. Вероятность невелика, но почему бы не уточнить.

Пока он ехал домой, погода становилась все хуже, под стать его настроению. Утренняя морось превратилась в плотный дождь, усугубив тягостное ощущение от поездки. Если и была какая-то связь между убийствами Марка Меллери и Альберта Шмитта, помимо количества и места расположения колотых ран, то эта связь оставалась неочевидной. Никакие характерные черты убийства в Пионе не повторялись в Флаундер-Бич — ни запутанных следов, ни садового стула, ни битых бутылок, ни стихов — никаких шарад. Да и у убитых не было абсолютно ничего общего. Какой мог быть смысл убийце преследовать одновременно Марка Меллери и Альберта Шмитта? Это не поддавалось логике.

Измученный ездой под ливнем и своими раздумьями, Гурни вошел в кухню, стряхивая с одежды воду.

— Что с тобой случилось? — спросила Мадлен, поднимая на него глаза. Она шинковала луковицу.

— С чего ты взяла, что со мной что-то случилось?

Она пожала плечами и продолжила резать лук.

Резкость его ответа повисла в воздухе. Помолчав, он извиняющимся тоном пробормотал:

— Тяжелый день и шесть часов за рулем.

— Ну и что?

— «Ну и что»? И вся эта поездка была ни к чему.

— И?..

— По-твоему, этого мало?

Она загадочно улыбнулась ему.

— Ко всему прочему, дело было в Бронксе, — мрачно добавил он. — Бронкс способен вызвать отвращение к любому делу.

Она принялась крошить нарезанный лук на мелкие кусочки и заговорила, будто обращаясь к доске, на которой резала:

— У тебя на телефоне два сообщения — от твоей знакомой из Итаки и от твоего сына.

— Содержательные или просто с просьбой перезвонить?

— Я не вслушивалась.

— «Знакомая из Итаки» — это Соня Рейнольдс?

— А что, есть другие?

— Кто?

— Друзья в Итаке, о которых ты меня не оповестил.

— У меня нет друзей в Итаке. Соня Рейнольдс — деловой партнер, и даже меньше того. Что ей было нужно?

— Сам послушай, запись на автоответчике. — Нож Мадлен, мелькавший над горкой нарезанного лука, выразительно застучал по доске.

— Осторожно, побереги пальцы! — В слова просочилось больше раздражения, чем заботы.

Прижав острие ножа к доске, она подняла на него взгляд.

— Так что там на самом деле приключилось? — спросила она, возвращая разговор к точке, откуда он ушел в тупик.

— Я просто расстроен, мне кажется. Не знаю.

— Он подошел к холодильнику, достал бутылку пива, открыл ее и поставил на стол в уголке возле французских дверей. Затем снял куртку, накинул ее на спинку стула и сел.

— Хочешь знать, что приключилось? Ладно, я расскажу. По просьбе детектива из Нью-Йоркского управления по имени Рэнди Клэм я три часа ехал в унылое местечко в Бронксе, где безработного мужчину убили, перерезав ему глотку.

— При чем же здесь ты?

— Отличный вопрос. Детектив Клэм слышал об убийстве в Пионе. То, что его дело также включало в себя колотые раны, вдохновило его позвонить в Пион, откуда его отправили в окружную полицию, а оттуда — к мерзкому придурку по имени Родригес, у которого мозг незрел, чтобы сразу отсекал пустые версии.

— И он перевел стрелки на тебя?

— На окружного прокурора, который автоматом перевел их на меня.

Мадлен промолчала, но вопрос и так висел в воздухе.

— Да, я знаю, это была гнилая затея. В той части Нью-Йорка перерезанные глотки — обычное дело, но почему-то я решил, что могу найти связь между этими делами.

— Не нашел?

— Нет. Но в какой-то момент была надежда, надо сказать. Вдова что-то скрывала. В конце концов она призналась, что на месте убийства, рядом с телом, лежал цветок, который ее муж, видимо, принес ей. Она боялась, что эксперты уволочут его как улику, что понятно, и решила его спасти, что тоже понятно. Так что она взяла этот цветок и поставила в вазу. На этом история заканчивается.

— А ты думал, она скрывает отпечатки в снегу или белый садовый стул?

— Ну хоть что-то в этом роде. Но все уперлось в пластмассовый цветок.

— Пластмассовый?

— Да. — Он сделал медленный глоток из бутылки. — Довольно безвкусный подарок, надо сказать.

— Да это вообще не подарок, — сказала она уверенно.

— Что ты имеешь в виду?

— Обычно дарят живые цветы, разве нет? Искусственные цветы — это совсем другое.

— Какое другое?

— Деталь домашнего декора, например. Чтобы мужчина подарил женщине пластмассовый цветок — да это так же маловероятно, как подарить рулон обоев.

— К чему ты клонишь?

— Пока не знаю. Но если эта женщина нашла пластмассовый цветок на месте убийства и решила, что это подарок для нее, я думаю, что она ошибается.

— Откуда же тогда мог взяться цветок?

— Понятия не имею.

— Она была уверена, что муж принес его для нее.

— Ей же приятно было так считать.

— Наверное. Но если не он принес его в дом, а сын весь вечер провел с ней, как она утверждает, значит, это мог быть убийца.

— Вероятно, — сказала Мадлен, теряя интерес. Гурни знал, что для нее есть большая разница между рассуждениями о действиях реального человека и построением гипотез о том, откуда в комнате взялся тот или иной объект. Второго она не любила, но он все равно продолжил:

— Зачем убийце было оставлять рядом с жертвой цветок?

— А какой это был цветок?

Она всегда умела задавать наводящие вопросы.

— Не знаю точно. Могу сказать, что это не роза, не гвоздика, не георгин. Хотя похоже на то, другое и третье.

— Как это?

— Ну, первым делом я подумал про розу, но цветок был крупнее, лепестков было больше, и они были кучнее. Бутон был размером с крупную гвоздику или георгин, но лепестки были шире, чем у того и другого, как будто слегка смятые лепестки розы. Очень пышный, нарядный такой цветок.

Впервые с момента его возвращения домой ее взгляд засветился любопытством.

— У тебя есть какие-то соображения? — спросил он.

— Возможно. Забавно...

— Что забавно? Ты знаешь, какой это был цветок?

— Кажется, да. Интересное совпадение.

— Господи, да скажи мне, наконец.

— Если я не ошибаюсь, цветок, который ты описал, очень похож на пион.

Пивная бутылка выскользнула из его руки.

— Господи!

Задав Мадлен пару уточняющих вопросов про пионы, он отправился в кабинет, чтобы сделать несколько звонков.

Глава 36

Одно за другим

Когда Гурни повесил трубку, детектив Клэм был окончательно убежден, что совпадение названий цветка и места первого убийства — неслучайно.

Он также предложил безотлагательно принять несколько мер — обыскать дом Шмиттов на предмет каких-нибудь странных писем или записок, любых посланий в стихах, любых бумаг, написанных от руки, особенно красными чернилами; сообщить местному судмедэксперту о комбинации пулевого ранения и колотых ран, чтобы он решил, не стоит ли еще раз обследовать тело Шмитта; обыскать территорию вокруг дома и прилегающие участки на предмет разбитых бутылок, особенно из-под виски; составить биографическое описание Альберта Шмитта, чтобы проверить на наличие параллелей с Марком Меллери — выявить конфликты, врагов, проблемы с законом и с алкоголем.

Поймав себя на безапелляционном тоне, он остановился и попросил прощения.

— Извините меня, Рэнди. Я увлекся. Дело Шмитта конечно же полностью в вашем ведении. Вы за него в ответе, так что вам решать, каким должен быть следующий шаг. Я вам не указ, простите мое поведение.

— Нет проблем. Кстати, у меня тут некто лейтенант Эверли, который говорит, что учился в академии с Дэйвом Гурни. Это же вы?

Гурни засмеялся. Он и забыл, что Бобби Эверли угодил в этот участок.

— Да, это я.

— В таком случае, сэр, я буду благодарен за любую помощь с вашей стороны, в любое время. Если вы захотите еще раз допросить миссис Шмитт, я это устрою. Мне показалось, у вас с ней неплохо получилось.

Если в этой фразе и был сарказм, то он был умело скрыт. Гурни решил считать ее комплиментом.

— Спасибо. Мне не нужно разговаривать с ней лично, но у меня есть небольшое предложение. Если бы я с ней снова увиделся, я бы как бы невзначай спросил, что Господь сказал ей сделать с бутылкой из-под виски.

— Какой бутылкой?

— С той, которую она, возможно, убрала с места убийства. Я бы спросил про нее с таким видом, будто я наверняка знаю, что бутылка была и она ее убрала по Божьему велению, и что мне просто интересно, куда она

ее дела. Разумеется, остается шанс, что никакой бутылки не было, и если вам покажется, что она действительно впервые о ней слышит, просто смените тему.

— Вы уверены, что это дело повторяет последовательность событий в Пионе и у нас тоже должна быть бутылка?

— Мне так кажется. Если вам не нравится идея обратиться к ней с таким вопросом, ничего страшного. Вам решать.

— Может, и стоит попробовать. Терять-то нечего. Я отзвонюсь.

— Удачи.

Следующим делом Гурни было поговорить с Шериданом Клайном. Трюизм, что начальник не должен узнавать от других то, что может узнать от вас, вдвойне правдив в контексте правоохранительных органов. Он дозвонился до Клайна, когда тот был в пути на региональную конференцию окружных прокуроров в Лейк-Плесид, и связь на горной дороге постоянно рвалась, так что объяснять ребус с пионами пришлось дольше, чем хотелось бы. Когда с объяснениями было покончено, Клайн в ответ задумался так надолго, что Гурни начал было опасаться, что связь вновь прервалась.

Наконец он сказал:

— И эта версия с цветком... она вам кажется состоятельной?

— Если это всего лишь совпадение, то очень уж удивительное, — ответил Гурни.

— Что-то мне сомнительно. Сыграю в адвоката дьявола: ваша жена не видела цветок, который вы ей описали. Может, это и не пион был вовсе. И в какой тогда ситуации мы окажемся? А если там все-таки пион, то это само по себе ничего не доказывает. Это нельзя назвать прорывом в расследовании, с этим на конференции не выступишь. И почему чертов цветок был пластмассовый, почему не настоящий?

— Меня это тоже смутило, — сказал Гурни, стараясь скрыть недовольство реакцией Клайна. — Я только что говорил об этом с женой, и она сказала, что в цветочных салонах пионы не продают. У них слишком тяжелая головка, она плохо держится на стебле. Поэтому их можно купить только в оранжереях, но не в это время года. Значит, пластмассовый цветок был единственным способом подать нам сигнал. Я даже подозреваю, что это было спонтанным решением: убийца увидел пион в магазине, его осенило — и он пришел в восторг от игривости такой задумки.

— Игривости?

— Он же дразнит нас, испытывает, играет с нами в игру. Помните записку, оставленную на теле Меллери? Она говорит «поймайте меня, если

сможете». О том же говорят и следы, оставленные задом наперед. Этот сумасшедший постоянно машет красной тряпкой перед нашим носом и кричит: ну что, слабо меня поймать, слабо?

— Ладно, я понял вашу мысль. Возможно, вы правы. Но я не могу прилюдно связать эти два дела через одну частную догадку, основанную на пластмассовом цветке. Мне нужно что-нибудь вещественное, и поскорее.

Повесив трубку, Гурни сел у окна кабинета и уставился в вечерний мрак. Возможно, Клайн был прав и цветок был вовсе не пионом. Его поражало, насколько зыбкой оказалась его новая версия и насколько он тем не менее был в ней уверен. Когда игнорируешь откровенную дыру в построении — это значит, что ты слишком вовлечен эмоционально. Сколько раз он твердил это на лекциях по криминалистике в университете — и вот сам попался в ту же ловушку. Это его расстраивало.

Следующие полчаса он перебирал неудачи дня в голове, пока они не переплелись и не превратились в замкнутый круг.

— Почему ты сидишь в темноте?

Он вздрогнул и увидел силуэт Мадлен в дверном проеме.

— Клайн хочет улику повесомее, чем сомнительный пион, — ответил он. — Я дал парню в Бронксе несколько наводок. Может, он что-нибудь найдет.

— Кажется, ты сомневаешься.

— Ну, с одной стороны, у нас на руках пион. Или то, что мы считаем пионом. С другой стороны, трудно вообразить хоть какую-то связь между Шмиттами и Меллери. Это люди из абсолютно разных миров.

— Может быть, мы имеем дело с серийным убийцей и связи не должно быть?

— Серийные убийцы тоже не убивают случайно. У их жертв обязательно есть что-то общее — все блондинки, все азиаты, все педерасты, — что-то, с чем у убийцы связаны какие-то переживания. Так что даже если Меллери и Шмитт никогда в жизни не пересекались, все равно должно быть между ними какое-то сходство.

— А что, если... — начала Мадлен, но ее перебил звонок телефона. Звонил Рэнди Клэм.

— Простите, что беспокою, сэр. Но я звоню сказать, что вы оказались правы. Я съездил к вдове и задал ей вопрос, прямо как вы сказали — как бы между делом. А именно я сказал: «Можете дать мне бутылку из-под виски, которую вы нашли?» Даже Бога не понадобилось приплетать. А она, так же буднично, отвечает мне: «Она в мусорке». Так что мы пошли на кухню — и действительно, она лежала в мусорке, разбитая бутылка из-под «Четырех

роз». Я прямо онемел. Не то чтобы я сомневался в вашей правоте, поймите меня правильно, но — черт возьми, я не ожидал, что все окажется настолько просто. Насколько очевидно. В общем, как только я пришел в себя, я попросил ее показать мне, где именно она нашла бутылку. Но тут до нее, видать, стало доходить, что происходит, — наверное, потому что я перестал говорить с ней тем спокойным голосом, — в общем, она очень расстроилась. Я сказал ей расслабиться, ни о чем не беспокоиться, а просто рассказать, где была бутылка, потому что это бы нам очень помогло, а заодно не могла бы она объяснить, какого хрена она эту бутылку трогала. То есть я не такими словами говорил, конечно, но я так подумал. Она посмотрела на меня, и знаете, что сказала? Что Альберт был в завязке и не пил почти что год. Ходил к «Анонимным алкоголикам», справлялся на «отлично», и вот, когда она увидела бутылку на полу рядом с ним и пластиковым цветком, она первым делом подумала, что он вновь начал пить и упал на бутылку, распорол себе горло и от этого умер. Она не сразу поняла, что его убили. Она об этом даже не догадывалась, пока не пришли полицейские и не начали об этом говорить. Но перед их приходом она выбросила бутылку, потому что не хотела, чтобы кто-нибудь узнал, что он снова сорвался.

— И даже когда она поняла, что его убили, она все равно не хотела, чтобы кто-то узнал про бутылку?

— Нет. Она до сих пор думает, что это была его бутылка, и не хочет, чтобы кто-нибудь узнал, что он пил, особенно его новые друзья, анонимные алкоголики.

— О господи.

— Так что у нас на руках чудовищный бардак. С другой стороны, у вас теперь есть доказательство, что убийства связаны.

Клэма переполняли противоречивые чувства, так хорошо знакомые Гурни, — чувства, из-за которых было так тяжело, так изнурительно оставаться хорошим полицейским.

— Отличная работа, Рэнди.

— Я просто сделал то, что вы мне сказали, — ответил Клэм в своей нервной, поспешной манере. — После того как я нашел бутылку, я вызвал бригаду, чтобы дом перерыли на предмет писем, записок, чего угодно. Попросил миссис Шмитт показать мне их чековую книжку. Вы сегодня утром мне об этом говорили. Она мне ее дала, но ничего не могла о ней сказать — держала ее так, как будто она отравленная. Сказала, что счетами занимался Альберт, а ей самой чеки не нравятся, потому что на них цифры, а с цифрами надо быть осторожным, в цифрах, бывает,

содержится зло, — и дальше понесла какую-то религиозную ахинею про сатану и все такое. В общем, я полистал чековую книжку — понадобится какое-то время, чтобы разобраться получше. Альберт, может, и платил по счетам, но учета вести не умел. Никаких корешков с именами Арибда или Сцилла не нашлось — я первым делом это проверил, — но это ни о чем не говорит, потому что на большинстве корешков не было вообще никаких имен, только суммы, а на некоторых и суммы не были записаны. Что касается ежемесячных выписок — она даже не знала, хранятся ли они где-то в доме, но мы поищем и попросим ее разрешения получить копии в банке. Тем временем, раз уж мы имеем дело с углами одного треугольника, может, вы что-нибудь еще мне расскажете про убийство Меллери?

Гурни уже подумал об этом.

— Угрозы, которые получал Меллери перед убийством, отсылали к каким-то поступкам, совершенным жертвой в состоянии алкогольного опьянения. А теперь выясняется, что Шмитт тоже пил.

— То есть мы ищем маньяка, который вырезает алкашей?

— Не совсем. Если бы это была его цель, ее можно было бы достичь гораздо проще.

— Типа подбросить взрывчатку на собрание «Анонимных алкоголиков»?

— Да, что-нибудь простое. Что-нибудь легкодоступное, с минимумом риска. Но у нашего маньяка подход сложный и неудобный. Он не ищет легких путей. Любой его шаг вызывает вопросы.

— Например?

— Для начала, зачем выбирать жертв, которые так далеки друг от друга, географически и во всех других смыслах тоже?

— Чтобы мы не провели параллель?

— Но ведь он хочет, чтобы мы провели эту параллель. Поэтому он и оставил пион. Он хочет быть замеченным. Хочет, чтобы с ним считались. Это не обычный убийца в бегах. Он бросает вызов — не только своим жертвам, но и полиции.

— Кстати о полиции, мне надо отчитаться перед лейтенантом. Он не обрадуется, если узнает, что я сначала позвонил вам.

— А где вы сейчас?

— Возвращаюсь в участок.

— Вы на Тремонт-авеню?

— Откуда вы знаете?

— Этот рев машин, бронкская пробка. Ни с чем ее не спутаешь.

— Хорошо, наверное, быть не здесь. Хотите через меня что-нибудь

передать лейтенанту Эверли?

— Как-нибудь потом. Ему сейчас важнее узнать то, что вы ему расскажете.

Глава 37

Не только бог любит троицу

Гурни хотел позвонить Шеридану Клайну и сообщить о новой улике, подтверждающей связь между убийствами, но решил сперва сделать еще один звонок. Если эти два дела действительно были настолько параллельными, то, вероятно, Шмитта также просили выслать деньги на адрес в Вичерли, штат Коннектикут.

Он достал папку из ящика стола и нашел записку, отправленную Грегори Дермоттом вместе с чеком обратно Меллери. Название «Системы безопасности Джи-Ди» в шапке бланка выглядело консервативно, даже несколько старомодно. Под ним был напечатан номер телефона.

Трубку сняли после второго гудка. Голос на том конце звучал деловито и удивительным образом сочетался со стилистикой бланка.

— Добрый вечер, «Системы безопасности», чем могу помочь?

— Можно поговорить с мистером Дермоттом? Это детектив Гурни из офиса окружного прокурора.

— Наконец-то! — Внезапная горячность в голосе застала его врасплох.

— Простите, что?

— Вы звоните насчет чека с неправильным адресом?

— Вообще-то да, но как...

— Я оставил заявку целых шесть дней назад!

— Какую заявку?

— Вы же сказали, что звоните насчет чека!

— Мистер Дермотт, давайте по порядку. Насколько я понимаю, Марк Меллери разговаривал с вами приблизительно десять дней тому назад о чеке, который вы нашли в своем ящике и вернули ему, он был выписан на имя «Арибда». Верно?

— Еще бы не верно, что вы, в самом деле! — Дермотт, похоже, был не на шутку зол.

— Когда вы говорите, что оставили заявку шесть дней назад, я не вполне понимаю...

— Насчет второго!

— Вы получили второй чек?

— Вы разве не поэтому звоните?

— На самом деле, сэр, я звоню задать вам ровно этот вопрос.

— Какой еще вопрос?

— Не приходил ли вам чек от некоего Альберта Шмитта.

— Да, на втором чеке была фамилия Шмитт. Об этом я и оставил заявку. Шесть дней назад.

— Кому вы сообщили?

Гурни услышал пару глубоких вдохов, как будто человек на том конце старался не взорваться.

— Детектив, послушайте, тут какое-то недоразумение, которое меня совсем не радует. Я позвонил в полицию шесть дней назад, чтобы доложить о неприятной ситуации. На мой адрес пришло три чека, все три предназначались людям, которых я знать не знаю. А теперь вы перезваниваете по поводу этих самых чеков, но как будто впервые о них слышите! Скажите, я что-то упускаю? Что вообще происходит?

— В какую полицию вы звонили?

— В свою, разумеется, — в участок в Вичерли. Как вы можете этого не знать, если перезваниваете?

— Дело в том, сэр, что я не перезваниваю. Я звоню из Нью-Йорка по поводу первого чека, который вы вернули Марку Меллери. Мы ничего не знали о других чеках. Вы говорите, что после первого было еще два?

— Говорю.

— Один от Альберта Шмитта и один от кого-то еще?

— Да, детектив. Теперь все понятно?

— Все понятно. Но не могу не поинтересоваться: почему три ошибочных чека вас настолько расстроили, что вы позвонили в полицию?

— Потому что почтовая инспекция, куда я сначала обратился, меня преступно проигнорировала. А если вы собираетесь спросить, зачем я обратился в почтовую инспекцию, то я скажу вам, что у вас весьма смутные представления о безопасности.

— Почему вы так говорите, сэр?

— Я занимаюсь безопасностью, детектив, или кто вы там такой. Безопасностью электронных данных. Вы представляете, насколько сейчас распространена кража персональных данных и как часто это связано с неправильно указанными адресами?

— А что сделала полиция Вичерли?

— Еще меньше, чем почтовая инспекция, если такое можно вообразить.

Гурни понимал, почему в инстанциях без энтузиазма отнеслись к звонкам Дермотта. Три чека от трех незнакомых людей, попавших в твой почтовый ящик, — это не похоже на дело, требующее принятия срочных мер.

— Вы же вернули второй и третий чек отправителям, как и первый?

— Конечно, и вложил письма с вопросом, откуда у них мой адрес, но ни один из этих людей не потрудился мне ответить.

— У вас сохранились имя и адрес с третьего чека?

— Безусловно.

— Мне нужно их знать. Прямо сейчас.

— Зачем? Я чего-то не понимаю?

— Марк Меллери и Альберт Шмитт мертвы. Вероятно, предумышленное убийство в обоих случаях.

— Предумышленное убийство? Как это — убийство?.. — Голос Дермотта задрожал.

— Обоих нет в живых.

— О господи. Думаете, это как-то связано с этими чеками?

— Тот, кто дал им ваш адрес, — человек, которого мы ищем.

— Господи, господи. Но почему мой адрес? При чем здесь я?

— Это хороший вопрос, мистер Дермотт.

— Но я никогда не знал ни Марка Меллери, ни Альберта Шмитта.

— От кого был третий чек?

— Третий чек? Господи. Я так растерялся.

— Вы сказали, что записали имя.

— Да-да, конечно. Минутку. Ричард Карч. Да, такое имя. Ричард Карч. К-А-Р-Ч. Сейчас скажу адрес. Да, вот он. 349 Кверри-роуд, Созертон, Массачусетс.

— Я записал.

— Детектив, послушайте, коль скоро эта история меня касается, мне бы хотелось знать все, чем вы только можете поделиться. Должно быть какое-то объяснение, почему выбрали именно мой абонентский ящик.

— Вы уверены, что к ящику есть доступ только у вас?

— Увереннее быть нельзя. Хотя за работников почты не поручусь. Может быть, у кого-то есть дубликат ключа, о котором я ничего не знаю.

— Имя Ричард Карч вам ни о чем не говорит?

— Нет. В этом я уверен. Я бы такое имя запомнил.

— Что ж, сэр. Я оставлю вам пару номеров, чтобы вы могли мне дозвониться. Если у вас появится какая-то догадка насчет связи между этими тремя именами или о том, кто еще мог заглянуть в ваш почтовый ящик, звоните. Кстати, вы не помните, на какие суммы были выписаны второй и третий чеки?

— О, это просто. Второй и третий были на такую же сумму, как и первый. Двести восемьдесят девять долларов и восемьдесят семь центов.

Глава 38

Сложный человек

Мадлен повернула выключатель у двери и зажгла одну из ламп в кабинете. Пока Гурни разговаривал с Дермоттом, сумерки сгустились и комната почти целиком погрузилась в темноту.

— Есть успехи?

— Да еще какие. Благодаря тебе.

— У тети Мими росли пионы, — отозвалась она.

— Мими — это кто?

— Моя двоюродная бабушка, сестра папиной мамы, — ответила она, не скрывая досады, что человек, так ловко жонглирующий мельчайшими деталями уголовных расследований, не мог запомнить полдюжины родственников жены. — Я приготовила тебе ужин.

— Вообще-то...

— Он на плите. Не забудь съесть.

— Ты куда-то собралась?

— Да.

— Куда?

— Я тебе на той неделе дважды говорила.

— Помню какие-то разговоры насчет четверга. Но подробности...

— ...выскользнули из памяти? Это не ново. Ладно, счастливо.

— Ты мне даже не скажешь?..

Но в ответ из кухни донесся звук удаляющихся шагов и затем — хлопок задней двери.

В телефонном каталоге не значился Ричард Карч, проживающий в 349-м доме по Кверри-роуд в Созертоне, но сайт, ищущий телефоны по адресу, нашел телефоны домов 329 и 369.

Низкий мужской голос, который ответил из дома 329, сообщил, что никакого Карча не знает, не знает, на какой стороне улицы дом 349, и не помнит, сколько времени сам там живет. Говорил он так, словно находился под воздействием алкоголя или опиатов, а может быть, просто врал — в любом случае толку от него не было.

Женщина из дома 369 по Кверри-роуд оказалась разговорчивее.

— Вы ищете этого отшельника? — Последнее слово прозвучало как неприличный диагноз.

— Мистер Карч живет один?

— Если не считать крыс в его помойке. Его жене повезло, что она успела сбежать. Вообще не удивительно, что вы про него спрашиваете, — вы же полицейский, верно?

— Следователь по особо важным делам из офиса окружного прокурора. — Он знал, что следовало назвать также штат и округ, но решил, что подробности можно будет сообщить позже.

— Ну и что он опять натворил?

— Мне об этом ничего не известно, но, возможно, он сумеет помочь нам в одном расследовании, поэтому мы хотим с ним связаться. Вы не знаете, где он работает и во сколько возвращается с работы?

— С работы? Не смешите меня!

— Мистер Карч безработный?

— Он к работе не способен, — ответила она, и в ее голосе был яд.

— Похоже, вы его недолюбливаете.

— Да он настоящая свинья! Тупой, грязный, опасный сумасшедший, от него воняет, он вооружен до зубов и, как правило, в стельку пьян!

— То еще соседство.

— Врагу не пожелаешь! Вы не представляете, каково это — показываешь свой дом потенциальному покупателю, а тут этот орангутанг — ходит без майки, трясет своим пивным брюхом и стреляет для забавы по мусорным бакам!

Уже догадываясь, каким будет ответ, он все же решил спросить:

— Вы не согласитесь передать мистеру Карчу сообщение?

— Вы издеваетесь? Лучше попросите меня передать ему пулю в лоб!

— Когда его проще всего застать дома?

— Да когда угодно. Я еще не видела, чтобы этот псих куда-то выходил со своего участка.

— На его доме есть номерная табличка?

— Ха! Вам не нужна табличка, чтобы узнать его дом. Он недостроенный — с тех пор, как жена ушла, так и стоит. Без обшивки, без газонов, без ступенек перед дверью. Идеальный дом для полного отморозка. Без ружья туда лучше не соваться.

Гурни поблагодарил ее и закончил разговор.

Что же дальше?

Стоило сообщить о новостях нескольким людям. Во-первых, Шеридану Клайну. И разумеется, Рэнди Клэму. Уж не говоря про капитана Родригеса и Джека Хардвика. Оставалось решить, кому позвонить в первую очередь. Он рассудил, что они все могут подождать еще пару минут, и отыскал телефон полицейского управления Созертон, штат Массачусетс.

Ему ответил дежурный сержант, мрачный человек с фамилией Калкан. Гурни представился и сообщил, что жителем округа по имени Ричард Карч интересуется полиция Нью-Йорка в связи с делом об убийстве и что этот человек, возможно, находится в опасности, а поскольку у него нет телефона для связи, было бы разумно обеспечить его телефоном или доставить его самого к телефону, чтобы Гурни мог задать ему несколько вопросов и предупредить о возможной угрозе.

— Мы хорошо знаем Ричи Карча, — отозвался Калкан.

— Судя по вашему голосу, вы знаете его не с лучшей стороны.

Калкан промолчал.

— У вас на него дело заведено?

— Кто вы, говорите, такой?

Гурни повторно представился, на этот раз подробно.

— И что вы там расследуете?

— Два убийства: одно в Нью-Йорке, другое в Бронксе. Одна и та же модель. Убийца отправлял жертвам определенного рода сообщения незадолго до убийства. У нас есть доказательство, что Карч получил от него по крайней мере одно аналогичное сообщение, и это делает его возможной третьей мишенью.

— Значит, хотите поговорить с безумным Ричи?

— Чем скорее — тем лучше, желательно в присутствии одного из ваших офицеров. После телефонного разговора, скорее всего, мы захотим поговорить с ним лично в Созертоне — при поддержке вашего управления, конечно.

— Мы отправим к нему машину, как только сможем. Оставьте номер, куда вам позвонить.

Гурни назвал ему свой мобильный, чтобы городской оставался свободным для звонков Клайну, криминалистам и Клэму.

Клайн уже ушел домой, равно как Эллен Ракофф, и звонок автоматически был переведен на другой номер, где подошли через шесть гудков, когда Гурни уже собирался вешать трубку.

— Штиммель.

Гурни вспомнил человека, который сопровождал Клайна на встречу, — он был похож на немого военного преступника.

— Это Дэйв Гурни. У меня сообщение для вашего начальства.

Молчание.

— Вы слушаете?

— Слушаю.

Гурни решил, что более подробного приглашения ждать не придется, и

рассказал Штиммелю о доказательстве, подтверждающем связь между убийствами, и о третьей потенциальной жертве, а также о попытке связаться с последним через полицию Созертон.

— Записали?

— Записал.

— Когда вы сообщите об этом окружному прокурору, вы затем передадите все криминалистам, или мне самому поговорить с Родригесом?

Последовало недолгое молчание, которое Гурни трактовал как попытку Штиммеля вычислить последствия одного и другого варианта. Зная о мании контроля, присущей большинству полицейских, он был практически уверен, что получит тот ответ, который в итоге и получил:

— Мы справимся, — сказал Штиммель.

Таким образом избавившись от необходимости звонить криминалистам, Гурни собрался звонить Клэму.

Тот, как обычно, подошел после первого гудка.

— Клэм.

И, как всегда, казалось, будто Клэм ужасно торопится и делает три дела одновременно, держа трубку в руке.

— Рад звонку. Как раз составляю список вопросов к чековой книжке Шмитта — там корешки с цифрами без имен, корешки с именами без цифр, чеки, которые выписаны, но не обналичены, пропущенные чеки — начиная с последних...

— Там где-нибудь фигурирует сумма 289.87?

— Что? Откуда вы знаете? Это один из чеков, которые не обналичили. Откуда...

— Он всегда просит выслать эту сумму.

— Всегда? То есть чаще чем дважды?

— На тот же адрес пришел третий чек. Мы сейчас пытаемся связаться с отправителем. Собственно, поэтому я и звоню — сообщить, что у нас повторяющаяся модель. Если все действительно совпадает, то пуля, которую вы ищете в доме Шмитта, скорее всего, тридцать восьмого калибра.

— А кто третий?

— Некто Ричард Карч из Созертон в Массачусетсе. Судя по всему, сложный тип.

— Массачусетс? Ничего себе размах у нашего маньяка! А этот третий еще жив?

— Через несколько минут узнаем. Местная полиция отправила машину к его дому.

— Понятно. Спасибо, что держите в курсе. Я постараюсь поторопить бригаду, чтобы обыскать дом Шмиттов. Будем на связи. Спасибо за звонок, сэр.

— Удачи. До связи.

Уважение Гурни к молодому детективу росло. Чем больше он его слушал, тем больше ему нравилось то, что слышал: энергичность, ум, увлеченность. И было что-то еще. Что-то честное, неиспорченное. Что-то, задевающее за живое.

Он помотал головой из стороны в сторону, как пес, стряхивающий воду, и сделал несколько глубоких вдохов. Гурни подумал, что этот день отнял у него больше сил, чем он ожидал. А может быть, дело было в том, что сон об отце все не шел из головы. Откинувшись в кресле, он закрыл глаза.

Его разбудил телефонный звонок, который он сначала принял за будильник. Затекшая шея ныла. Посмотрев на время, он понял, что последние два часа проспал. Он схватил трубку и прокашлялся.

— Гурни.

В трубку ворвался голос окружного прокурора.

— Дэйв, мне только что сообщили. Черт, это дело все разрастается. Третья вероятная жертва в Массачусетсе? Все идет к тому, что это будет самое громкое дело со времен Каина и Авеля, я уж не говорю про твоего Джейсона Странка. Итак, хочу это услышать от тебя лично, пока я не выступил перед журналистами, — у нас есть однозначные доказательства, что первых двух жертв кокнул один и тот же маньяк?

— Вероятность этого весьма велика, сэр.

— Вероятность?

— Очень большая вероятность.

— Нельзя ли поконкретнее?

— У нас нет отпечатков пальцев. Нет анализа ДНК. Я бы сказал, что эти два убийства однозначно связаны, но мы не можем пока утверждать, что один и тот же человек перерезал глотки обеим жертвам.

— Но вероятность, опять же, велика?

— Очень велика.

— Мне достаточно вашего мнения на этот счет.

Гурни улыбнулся на это фальшивое проявление доверия. Он отлично знал, что Шеридан Клайн полагается исключительно на собственное мнение, но всегда на всякий случай оставляет пути к отступлению и виноватых для наказания.

— Мне кажется, настал момент пообщаться с людьми с канала «Фокс

ньюс» — значит, я сегодня вечером должен буду поговорить с криминалистами и составить официальное заявление. Держите меня в курсе, Дэйв, особенно если будут какие-то новости из Массачусетса. Я хочу знать все. — Клайн повесил трубку, не попрощавшись.

Значит, он собирался выступить с публичным заявлением и сделать из себя героя раньше, чем до этого додумается окружной прокурор из Бронкса или другой юрисдикции, где убийца также мог оставить след. Гурни поджал губы от брезгливости, представив себе предстоящую шумиху.

— Что с тобой?

Голос прозвучал совсем близко. Он повернулся и увидел Мадлен в дверях кабинета.

— Господи, откуда ты взялась?

— Ты был так поглощен разговором, что не слышал, как я вошла.

— Наверное. — Он поморгал и еще раз посмотрел на часы. — Так что, где ты была?

— Ты помнишь, что я тебе сказала, когда уходила?

— Что ничего мне не скажешь.

— Я напостила тебе, что говорила уже дважды.

— Ладно, ладно. Мне надо работать.

Телефон как будто пришел на выручку и зазвонил.

Звонок был из Созертон, но на том конце был не Ричард Карч. Это был детектив с фамилией Говацки.

— У нас тут сложности, — сказал он. — Как скоро вы сможете подъехать?

Глава 39

Шесть-пять-восемь, в гости просим

Когда Гурни закончил разговор с хриплоголосым Майком Говацки, на часах было четверть десятого. Мадлен уже сидела в кровати с книжкой, облокотившись о подушки. «Война и мир». Она читала ее уже три года, перемежая почему-то с «Уолденом» Торо.

— Мне нужно ехать на место преступления.

Она оторвала взгляд от книжки. Взгляд был любопытный, тревожный и одинокий.

Его хватило ответить только на любопытство.

— Еще одна жертва. Заколот в горло, следы на снегу.

— Далеко?

— Что далеко?

— Далеко тебе ехать?

— Созертон, в Массачусетсе. Три-четыре часа пути.

— Значит, ты вернешься только завтра.

— Надеюсь, что к завтраку.

Она посмотрела на него с сомнением, но улыбнулась.

Он собрался было уходить, но помедлил и сел на край кровати.

— Это странное дело, — сказал он, не скрывая от нее своей неуверенности. — С каждым днем все более странное.

Она кивнула, как будто это ее успокоило.

— Это не обычный серийный убийца, да?

— Совсем не обычный.

— Слишком много общения с жертвами?

— Да. Кроме того, слишком большая разница между жертвами — и социальная, и географическая. Типичный серийник не поедет из Катскильских гор в восточный Бронкс, а потом аж в Массачусетс, чтобы убить известного писателя, ночного сторожа в отставке и сумасшедшего отшельника.

— Наверняка у них есть что-то общее.

— У всех так или иначе были проблемы с алкоголем, и мы считаем, что убийца обращает на это внимание. Но должно быть что-то еще — иначе зачем выбирать жертв на расстоянии трехсот километров друг от друга?

Они помолчали. Гурни задумчиво разгладил складки одеяла между ними. Мадлен наблюдала за ним, сложив руки на книжке.

— Ладно, — сказал Гурни, — я поехал.

— Береги себя.

— Хорошо. — Он поднялся медленно, словно это причиняло ему боль. — Увидимся утром.

Она вновь посмотрела на него с выражением лица, которое он никак не смог бы описать словами, назвать добрым или злым, — но это был очень знакомый взгляд. Он почувствовал его где-то в груди.

Было глубоко за полночь, когда он съехал со скоростной дороги в Массачусетсе. В час тридцать он мчался по опустевшей главной улице Созертон. Десять минут спустя он свернул на покрытую выбоинами Кверри-роуд и остановился у стихийного скопления полицейских автомобилей, на одном из которых крутились мигалки. Он припарковался рядом. Когда он вышел, из машины с мигалками вылез недовольный полицейский.

— Стойте. Куда вы? — Он звучал не только раздраженно, но и очень устало.

— Моя фамилия Гурни, я к детективу Говацки.

— Зачем?

— Он меня ждет.

— Насчет чего?

Гурни задумался, откуда такой тон — из-за сложного дня или из-за дурного характера. К дурным характерам у него было мало терпимости.

— Насчет того, зачем он меня сюда вызвал. Вам документы показать?

Полицейский включил фонарик и направил его в лицо Гурни.

— А вы, значит, кто?

— Гурни, следователь по особо важным делам, офис окружного прокурора.

— А какого ж сразу не сказали?

Гурни улыбнулся без капли дружелюбия:

— Можете сообщить Говацки, что я здесь?

После небольшой враждебной паузы полицейский развернулся и пошел по длинной подъездной дорожке к недостроенному дому, освещенному прожекторами. Не дожидаясь приглашения, Гурни пошел следом.

Почти у самого дома дорожка сворачивала налево и упиралась в холм, в котором находился гараж на две машины. Сейчас там стояла только одна. Гурни сперва подумал, что двери гаража открыты, а потом понял, что дверей вовсе нет: внутрь намело снега. Полицейский остановился у входа, огороженного желтой лентой, и закричал:

— Майк!

Тишина. Полицейский пожал плечами, дескать, сделал все, что смог, не получилось, конец разговора. Затем откуда-то из-за дома донесся усталый голос:

— Я здесь.

Гурни тут же отправился вдоль ленты за дом, откуда шел голос.

— Только смотрите за ленту не заходите, — буркнул напоследок полицейский.

Повернув за угол дома, Гурни увидел площадку, ярко освещенную фонарями и мало напоминающую обычный двор. Тут все тоже было наполовину недостроено, наполовину развалено. На ступенях у заднего входа, небрежно сколоченных из досок, стоял тяжелый, лысеющий человек. Он рассматривал простершуюся перед ним площадку, отделявшую дом от зарослей сумаха.

Земля была бугристой, как будто ее никогда не разравнивали. Куски досок и щепки, валявшиеся тут и там, посерели от времени. Дом был обшит лишь частично, и гидроизоляция поверх фанерной обшивки заветрилась. От здания было ощущение не столько незавершенной, сколько брошенной стройки.

Когда толстяк заметил Гурни, он несколько секунд смотрел на него молча, а потом спросил:

— Это вы с Катскильских гор к нам спустились?

— Да.

— Пройдите еще чуть дальше вдоль ленты, там пролезете снизу и подойдете ко мне. Только держитесь подальше от следов, которые ведут от дома к дорожке.

По всей видимости, это и был Говацки, но у Гурни было предубеждение против домыслов, поэтому он уточнил и получил в ответ утвердительный хрип.

Пробираясь через пустырь, которому не суждено было превратиться в двор, он подошел достаточно близко к следу на снегу, чтобы разглядеть его и понять, что он идентичен тому, что был в институте.

— Знакомый след? — спросил Говацки, с любопытством наблюдая за Гурни.

Гурни подумал, что толстяку не откажешь в проницательности, и кивнул. Теперь была его очередь проявить проницательность.

— Вас он чем-то смущает, да?

— Немного, — ответил Говацки. — Дело не в самом следе, а в положении тела относительно следа. Вам что-то известно?

— Если бы шаги вели в обратную сторону, положение тела было бы объяснимо?

— Если бы... постойте-ка... да! Черт побери, да, идеально! — Он уставился на Гурни. — Что это за умник орудует?

— Начнем с того, что он убил троих человек — по крайней мере, нам известно о троих — за последние восемь дней. Он все тщательно планирует. Он перфекционист. Оставляет за собой кучу улик, но только таких, которые сам хочет, чтобы мы обнаружили. Очень умен, скорее всего, неплохо образован и, вероятно, ненавидит полицейских даже сильнее, чем своих жертв. Кстати, а тело еще здесь?

Говацки выглядел так, точно пытался запомнить все, что Гурни ему говорил. Наконец он сказал:

— Да, тело здесь. Хотел, чтобы вы на него взглянули. Подумал, может, что прояснится, исходя из всего, что вы знаете о предыдущих двух жертвах. Готовы посмотреть?

Задний вход вел в маленькое помещение, в котором, вероятно, должна была быть прачечная, судя по трубам, но ни стиральной машины, ни сушилки здесь не было. Не было даже обшивки поверх изоляции. Источником света была голая лампочка в дешевом белом патроне, подвешенном к потолочным перекрытиям.

В жестком, недружелюбном освещении лежало тело — наполовину в недостроенной прачечной, наполовину на кухне, перегородив разделявший их дверной проем.

— Я взгляну поближе? — спросил Гурни, поморщившись.

— Вы за этим и приехали.

При ближайшем рассмотрении обнаружилась лужа свернувшейся крови, вытекшей из множественных ран на горле. Лужа расплзлась по кухонному полу и заканчивалась под дешевым столиком. Черты крупного, неприятного лица жертвы были искажены гневом и отвращением, но, похоже, эта горькая гримаса отражала отношение убитого к жизни в целом, а не только к последним ее минутам.

— Невеселый персонаж, — заметил Гурни.

— Это был тот еще сукин сын.

— Похоже, вы не раз сталкивались с мистером Карчем.

— От него были сплошные неприятности. Все как одна совершенно бессмысленные. — Говацки бросил злобный взгляд на тело, как будто его кровавая кончина была недостаточным наказанием. — В каждом городишке есть свои бедокуры — алкоголики, психи, которые превращают свои жилища в свинарник и докучают соседям, маньяки, от которых жены

бегут в полицию, придурки, чьи собаки лают всю ночь и не дают никому спать, извращенцы, от которых матери держат своих детей подальше... У нас в Созертоне все эти подвиды воплотились в одного человека — Ричи Карча.

— Значит, тот еще тип.

— Чисто из любопытства, а другие две жертвы — они тоже такого плана люди?

— Первый — полная ему противоположность. Про второго я пока мало знаю, но вряд ли он был похож на этого бедолагу. — Гурни еще раз взглянул на лицо на полу, настолько же безобразное после смерти, насколько, по-видимому, было и при жизни.

— Я просто подумал, вдруг у нас серийный убийца, который решил избавить мир от ублюдков. Ладно, насчет ваших соображений касательно следов в снегу — откуда вы знали, что они ведут задом наперед?

— Так было на месте первого убийства.

Говацки заинтересованно кивнул:

— Положение тела указывает на то, что убийца зашел через заднюю дверь. А следы как будто ведут через переднюю и выходят через заднюю. Мы и запутались.

— Можно я посмотрю кухню?

— Без проблем. Фотограф и эксперты уже были. Только ничего не трогайте. Мы пока не закончили обыск.

— Эксперты не упоминали зону опаления на шее?

— Зону опаления? Его же зарезали.

— Я думаю, где-то в этой кровянице вы найдете пулю.

— Я что-то пропустил?

— Мне кажется, в потолке над холодильником есть маленькое отверстие. Ваши специалисты его как-нибудь отметили?

Говацки проследил за взглядом Гурни и уставился на точку на потолке:

— То есть что мы имеем?

— Возможно, Карча сначала застрелили, а затем зарезали.

— А следы, значит, ведут в обратную сторону.

— Да.

— Дайте-ка я уточню. Вы утверждаете, что убийца зашел через заднюю дверь, вlepил Ричи пулю в горло, Ричи упал, и тогда убийца десять раз проткнул его шею, как будто мясо отбивал?

— В Пионе все так и произошло.

— Но следы...

— Следы могли быть сделаны при помощи второй подошвы,

приклеенной к ботинкам наоборот, чтобы казалось, будто он идет назад, когда идет вперед.

— Хрень какая! Да он что, прикалывается над нами?

— Подходящее слово.

— Какое?

— Прикалывается. Он именно это и делает, ему уже трижды это удалось. Вы ничего не знаете, у вас все шиворот-навыворот и задом наперед. Я оставляю вам улику за уликой, а вы все равно меня не можете поймать. Вот какие копы бессмысленные и тупые. Примерно это он хочет сказать вот уже третий раз.

Говацки оценивающе посмотрел на Гурни:

— Впечатляющий получается портрет.

Гурни улыбнулся и обошел тело, чтобы взглянуть на кипу бумаг на кухонной столешнице.

— Думаете, я сгущаю краски?

— Не мне судить. У нас в Созертоне редко кого-то убивают. Может, раз в пять лет, и всегда сами во всем признаются. Обычно кого-нибудь бейсбольной битой пришибут или монтировкой на парковке бара. Все непредумышленное. И уж точно никаких приколов не бывает.

Гурни понимающе хмыкнул. Он на своем веку повидал немало непредумышленных трагедий.

— Там в основном мусор, — сказал Говацки, кивая на кучу почты, которую Гурни осторожно перебирал.

Он собирался было согласиться, когда в самом низу неаккуратной кипы купонов, рекламных листовок, журналов об оружии и претензий из налоговой он нашел маленький пустой конверт, неосторожно порванный на сгибе, адресованный Ричарду Карчу. Почерк был безупречный. Адрес был выведен красными чернилами.

— Что-то нашлось? — спросил Говацки.

— Это надо записать как улику, — сказал Гурни, беря конверт за уголок и откладывая его на пустую часть столешницы. — Наш убийца любит общаться со своими жертвами.

— Там наверху есть еще.

Гурни и Говацки одновременно обернулись на звук нового голоса. В дверях кухни стоял крупный молодой человек.

— Под кипой журналов с порнухой, на столике у кровати, там еще три конверта с красными чернилами.

— Видимо, надо посмотреть, — сказал Говацки с сожалением — как всякий грузный человек, он не любил лишний раз подниматься по

лестнице. — Бобби, это детектив Гурни из округа Делавер в Нью-Йорке.

— Я Боб Маффит, — представился молодой человек, нервно протягивая Гурни руку и стараясь не смотреть на тело на полу.

Второй этаж был таким же недоделанным и заброшенным, как и остальной дом. Лестница вела к площадке с четырьмя дверями. Маффит открыл ту, что была справа. Здесь царила настоящая разруха. На участках ковра, свободных от грязной одежды и смятых пивных банок, Гурни разглядел засохшие следы блевоты. В воздухе пахло кислым. Шторы были опущены. Свет шел от одинокой лампочки, ввинченной в люстру посередине потолка.

Говацки стал пробираться к столику у неубранной кровати. Рядом с кучей порножурналов лежало три конверта с красными буквами, а рядом с ними — чек. Говацки, старательно ничего не касаясь, сдвинул все четыре предмета на журнал «Булки», который использовал как поднос.

— Давайте спустимся и посмотрим, что у нас здесь, — сказал он.

Трое мужчин вернулись на кухню, где Говацки положил конверты и чек на столик. При помощи ручки и щипцов, извлеченных из нагрудного кармана, он приоткрыл конверты вдоль надрывов и извлек содержимое. В каждом оказалось по стишку, которые вплоть до кропотливо выведенных буковок были совершенно идентичными тем, что получил Меллери.

Взгляд его упал на строчки:

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.
Шесть-пять-восемь,
В гости просим.*

Дольше всего, впрочем, он задержал внимание на чеке. Он был выписан на имя Х. Арибда и был подписан «Р. Карч». Это явно был чек, возвращенный Дермоттом. Он был выписан на ту же сумму, что и чеки Меллери и Шмитта, — \$289.87. В правом верхнем углу значились имя и адрес: Р. Карч, 349 Кверри-роуд, Созертон, Массачусетс 01055.

Р. Карч. Что-то в этом имени смущало Гурни.

Может быть, дело было в странном ощущении, которое охватывало его всякий раз, когда он смотрел на имя покойного человека. Как будто имя тоже омертвело, стало меньше, оторвалось от того, что придавало ему вес. Удивительно, думал он, как человек привыкает считать, что смирился со смертью, что она больше не задевает, потому что это всего лишь часть

работы. А потом она смотрит на тебя именем мертвого человека — и чувствуешь дрожь. Сколько ни пытайся игнорировать ее, смерть всегда найдет способ заявить о себе. Просачивается внутрь, как вода в подвал, минуя перекрытия.

Может быть, поэтому имя Р. Карч показалось ему странным. Или была другая причина?

Глава 40

Выстрел в темноте

Марк Меллери. Альберт Шмитт. Ричард Карч. Три человека. Их преследовали, пугали, затем застрелили, а потом едва не отрезали им головы. Что они сделали — все вместе или по отдельности, — чтобы навлечь на себя такую жуткую месть?

Хотя месть ли это? Возможно, мотив возмездия, который считывался из записок, был, как предполагал Родригес, всего лишь ширмой, за которой прятался мотив более приземленный?

Ответ мог быть каким угодно.

Уже светало, когда Гурни отправился назад в Уолнат-Кроссинг. В сыром воздухе стоял запах снега. Гурни чудовищно устал, но в этом пограничном состоянии между сном и бодрствованием тревога не отпускала его. В голове беспорядочно проносились мысли и образы.

Среди прочего он вспоминал чек с именем Р. Карч. Что-то просилось наружу из темницы, из ловушки памяти. Что-то не давало ему покоя. Оно было подобно бледной звезде, которую трудно разглядеть, но можно заметить боковым зрением, когда перестаешь ее искать.

Гурни попытался сосредоточиться на других аспектах дела, но мысли все возвращались к одному и тому же. Перед глазами стояла полувывсохшая лужа крови на кухне Карча, слившаяся с тенью под столом. Он всматривался в дорогу перед собой, стараясь прогнать этот образ, но вместо него возникало пятно крови на террасе Марка Меллери, и тут же живой Меллери сидел в садовом кресле, подавшись вперед, и просил его о помощи, об избавлении.

Подавшись вперед, просил...

Гурни почувствовал, как подступают слезы.

Он остановился на площадке для стоянки. Там была припаркована еще одна машина, но она казалась заброшенной. Лицо его горело, а руки были ледяными. Он не мог собраться с мыслями, и это пугало его, лишало опоры, выбивало почву из-под ног.

Усталость была призмой, через которую он обычно видел всю свою жизнь как череду неудач, и тем тяжелее были эти неудачи, чем громче были похвалы за профессиональные заслуги. Он знал, что это просто состояние ума, которое пройдет, но чувство провала не отпускало его. Налицо были мрачные доказательства: как детективу ему не удалось спасти Меллери. Он

не справился с ролью мужа Карен и теперь не справлялся с ролью мужа Мадлен. Как отец, он потерял Дэнни и теперь терял Кайла.

Спустя еще четверть часа терзаний мозг его наконец сдался, и он забылся недолгим, но освежающим сном.

Он точно не знал, сколько прошло времени, но определенно меньше часа. Когда он проснулся, пессимизм отступил и ему на смену пришла ясность видения. У него страшно затекла шея, но это казалось не такой уж большой ценой за возвращение к жизни.

Теперь, когда в голове освободилось место, он вспомнил про абонентский ящик в Вичерли. Обе рабочие версии на этот счет казались несостоятельными: и первая, по которой жертвам по ошибке сообщался неправильный адрес (это было маловероятным, учитывая скрупулезность убийцы), и вторая, которая предполагала, что адрес был правильным, но что-то пошло не по плану, и Дермотт возвращал чеки раньше, чем убийца мог до них добраться.

У Гурни появилась третья версия. Допустим, ящик был правильным и все шло по плану. Возможно, убийца выпрашивал чеки не ради денег. Может быть, он умудрился получить доступ к ящику, вскрыть конверты, посмотреть на чеки или даже сделать копии, а затем по новой их запечатать и оставить в ящике, пока их не найдет Дермотт.

Если эта новая версия была ближе к правде — если убийца использовал ящик Дермотта для своих целей, — это открывало новую перспективу. Возможно, Гурни смог бы тогда связаться с убийцей напрямую. Это было всего лишь безумным допущением, но, невзирая на смятение и уныние, еще недавно владевшие им, эта мысль так захватила его, что он, не помня себя, сорвался с места и помчался в сторону дома со скоростью 120 километров в час.

Мадлен не оказалось дома. Он выложил на стол ключи и бумажник и взял записку, которая там лежала. Аккуратный почерк сообщал: «Пошла на утреннюю йогу. Вернусь до бури. У тебя 5 сообщений. А рыба — камбала?»

Какая буря?

Какая рыба?

Он собирался пойти в кабинет и прослушать пять сообщений, предполагая, что Мадлен имела в виду автоответчик, но сперва решил сделать более важное дело. Он был целиком поглощен идеей, что можно напрямую связаться с убийцей, отправив ему записку на ящик Дермотта.

Гурни понимал, что сценарий получался шаткий и состоял из

допущений, но очень уж он был привлекателен. Он давал возможность сделать хоть что-то, создать противовес беспомощности следствия, ощущению, что любой прогресс по делу мог быть всего лишь частью коварного плана убийцы. Это был шанс бросить гранату через стену, за которой скрывается враг, — как можно им не воспользоваться? Оставалось только изготовить гранату.

Однако следовало все же прослушать сообщения. Может быть, там было что-то важное и срочное. Но тут на ум пришла строчка — а он ни за что не хотел ее забыть, это было идеальным началом для письма убийце. Он взял блокнот и ручку, оставленные Мадден на столе, и принялся писать. Пятнадцать минут спустя он отложил ручку и прочитал получившиеся восемь строк, написанных размашистым курсивом.

*Передо мной твои дела лежат, как на столе.
Ботинки задом наперед, глушитель на стволе.
Таит опасность солнце, таит опасность снег,
Опасен день, опасна ночь, закончится твой бег.*

*Игру, что ты затеял, сыграем до конца,
Ножка дождешься в горло от друга мертвеца.
Как только его тело в могилу опушу,
Его убийцы душу до ада дотащу.*

Довольный собой, он вытер со страницы отпечатки пальцев. Это был непривычный жест — вороватый, виноватый, — но он отмел чувство неловкости, взял конверт и адресовал его Х. Арибде на ящик Дермотта в Вичерли, штат Коннектикут.

Глава 41

Возвращение в реальность

Гурни успел к почтовому ящику, как раз когда мимо проезжала Ронда, которая два раза в неделю заменяла Бакстера, обычного почтальона. Пока он возвращался домой через луг, экстаз растаял и ему на смену пришли сомнения, которые всегда терзали его после редких импульсивных поступков.

Пять сообщений.

Первое было из галереи в Итаке.

«Дэвид, это Соня. Есть разговор насчет твоего проекта. Там ничего страшного, все хорошо, но нам нужно поскорее поговорить. Я буду в галерее до шести часов, заезжай или позвони мне после шести домой».

Второе было от Рэнди Клэма, который был страшно возбужден.

«Звонил вам на мобильный, но он, видимо, отключен. Мы нашли у Шмитта в доме кое-какие письма и хотим, чтобы вы на них взглянули, вдруг вы их узнаете. Похоже, Альберт получал по почте странные стишки и не показывал их жене. Он спрятал их на дне ящика с инструментами. Дайте знать, куда их отправить по факсу. Спасибо, до связи!»

Третий звонок был от Джека Хардвика: он звонил из отдела криминалистики. Голос был озверевший.

«Слышь, Шерлок, тут поговаривают, что наш убийца грохнул еще двоих. А ты, значит, весь такой занятой, что не смог меня по-приятельски предупредить. Я даже было подумал, что мистер Шерлок Гурни считает ниже своего достоинства звякнуть такой мелкой сошке, как я. Но это же не про тебя история, верно? И как мне такое в голову пришло. Короче, я не в претензии, я звоню сказать, что на завтра назначена встреча — криминалистика будет отчитываться по делу Меллери, и там будет разговор о том, как дальше вести расследование ввиду событий в Бронксе и Созертоне. Шабаш возглавит капитан Род. Окружного прокурора тоже позвали, и он, наверное, тебя еще пригласит, я просто подумал — хорошо бы тебе знать заранее. Мы же друзья, верно?»

Четвертым был ожидаемый звонок от Клайна. Сообщение с большой натяжкой можно было назвать приглашением. Напор окружного прокурора граничил с истерикой.

«Гурни, что у вас за херня с телефоном? Мы звонили вам, потом в полицию в Созертоне, они сказали, что вы уехали два с половиной часа

назад. Они же сказали, что у нас теперь третье убийство того же авторства. Вообще-то важная информация! Не находите, что мне следовало сообщить? Есть срочный разговор. Нужно принять несколько решений, поможет любая информация. Завтра в полдень в бюро криминалистики встреча. Это важно. перезвоните срочно».

Последнее сообщение было от Майка Говацки.

«Просто хотел сказать, что мы нашли пулю в кухонной стене. Действительно 38-й калибр, как вы и предсказывали. И у нас случилась еще одна находка после того, как вы уехали. Мы заглянули в почтовый ящик на предмет записок от убийцы и нашли там дохлую рыбу. Вы ничего не говорили про дохлую рыбу, но мало ли. Сообщите, если вам это о чем-то говорит. Я в психологии не силен, но, по-моему, мы имеем дело с конченным психом. Ладно, это все, поеду домой спать».

Рыба?

Он вернулся на кухню, чтобы еще раз взглянуть на записку от Мадлен.

«Пошла на утреннюю йогу. Вернусь до бури. У тебя 5 сообщений. А рыба — камбала?»

Почему она такое предположила? Он посмотрел на часы с маятником на стене. Полдесятого. По ощущениям еле-еле светало: свет, сочившийся через французские двери, был бледно-серым. Вернется до бури... Погода действительно была какой-то странной, возможно, собирался снег. Лишь бы не ледяной дождь. Значит, она будет дома к половине одиннадцатого, может, к одиннадцати, если захочет застать чистую дорогу. Мадлен редко беспокоилась о подобных вещах заранее, но она ужасно боялась скользких дорог.

Гурни собирался вернуться в кабинет, чтобы всем перезвонить, когда его вдруг осенило. Первое убийство произошло в городке Пион, и убийца оставил пион возле тела второй жертвы. Второе убийство произошло в маленьком райончике Бронкса под названием Флаундер-Бич. *Flounder* — это камбала, а значит, догадка Мадлен насчет рыбы на месте третьего убийства почти наверняка точна.

Первым делом он перезвонил в Созертон. Дежурный сержант соединил его с автоответчиком Говацки. Он оставил две просьбы: подтвердить, что найденная рыба — камбала, и прислать фотографии пули, чтобы можно было подтвердить, что она выпущена из того же оружия, что и найденная в стене Меллери. Гурни не сомневался ни в первом, ни во втором, но точность превыше всего.

Затем он позвонил Клайну.

Клайн тем утром был в суде. Эллен Ракофф повторила претензии

окружного прокурора насчет того, что с Гурни не могли связаться, а сам он не торопился сообщить новости. Она также сказала, что хорошо бы ему не пропустить встречу завтра в полдень. Как ни странно, даже в этой нотации был какой-то эротический подтекст. Гурни подумал, что слегка помешался с недосыпа.

Он позвонил Рэнди Клэму, поблагодарил его за новости и дал ему номер факса окружного прокурора, а также телефон отдела криминалистики, чтобы Клэм отправил Клайну и Родригесу копии записок, найденных у Шмитта. Затем он рассказал о ситуации с Ричардом Карчем, вплоть до камбалы и алкоголизма как объединяющего элемента всех трех убийств.

Соня могла подождать. Хардвику он также не торопился перезванивать. Его мысли занимала предстоящая встреча у криминалистов. Не то чтобы он стремился приблизить этот момент, скорее наоборот. Он вообще не любил такие встречи. Ему лучше всего работалось в одиночку. Во время коллективных мозговых штурмов ему хотелось выйти из помещения. А опрометчивый поступок с отправкой стихотворной гранаты заставлял его особенно нервничать в преддверии собрания. Он не любил секреты.

Гурни сел в кожаное кресло в углу кабинета, чтобы еще раз сверить ключевые моменты трех убийств, вычислить, какая гипотеза лучше всего описывала происходящее и как эту гипотезу проверить. Но измотанный недосыпом ум отказывался работать. Он закрыл глаза, и связности мыслей как не бывало. Неизвестно, сколько он так просидел, но когда он открыл глаза, шел тяжелый снегопад, спешно перекрашивая вид из окна в белый, и в тишине был различим звук приближавшейся машины. Гурни встал из кресла и пошел на кухню — как раз вовремя, чтобы увидеть из окна, как Мадлен сворачивает за амбар в конце дороги, по-видимому, чтобы проверить почтовый ящик. Спустя минуту зазвонил телефон. Он снял трубку с аппарата на кухонной столешнице.

— Отлично, ты дома. Ты не знаешь, почтальон уже был?

— Мадлен, это ты?

— Я у почтового ящика. Хочу кое-что отправить, но если он уже приезжал, отправлю из города.

— Приезжала Ронда, и уже довольно давно.

— Черт. Ну ладно, не важно, потом разберусь.

Ее машина медленно повернула из-за амбара и поехала по дороге к дому.

Она зашла через боковую кухонную дверь. Вид у нее был измученный,

как всякий раз, когда ей приходилось водить в снежную погоду. И тут она заметила выражение его лица.

— Есть новости?

Гурни был захвачен мыслью, осенившей его во время разговора с Мадлен по телефону, и ответил далеко не сразу — она успела снять куртку и ботинки.

— Кажется, я кое-что понял.

— Отлично! — Она улыбнулась и стала ждать продолжения, стряхивая с волос снежинки.

— Загадка с цифрами. Вторая загадка. Я знаю, как он ее провернул или как мог провернуть.

— Вторая — это которая?

— Про цифру 19, из разговора, который Меллери записал. Помнишь?

— Помню.

— Убийца попросил Меллери загадать число, а затем прошептать его.

— Зачем надо было шептать? Кстати, часы идут неправильно, — сказала она, посмотрев на часы с маятником.

Он растерянно уставился на нее.

— Прости, — спохватилась она. — Продолжай.

— Мне кажется, он попросил прошептать цифру, а не просто сообщить ее, потому что это сбивает с толку и отвлекает от догадок насчет этого фокуса.

— Не улавливаю твою мысль.

— Убийца понятия не имел, какую цифру Меллери назовет. Он мог только спросить его напрямую. Просто он решил развести вокруг этого таинственность.

— Но ведь цифра была напечатана в письме, которое убийца к тому моменту уже оставил в ящике Меллери.

— И да и нет. Цифра действительно была в письме, которое Меллери несколько минут спустя нашел в ящике, но в тот момент письмо еще там не лежало. А цифра еще не была напечатана.

— Я перестала понимать.

— Предположим, у убийцы был с собой ноутбук, мини-принтер и готовое письмо для Меллери, в котором не хватало только цифры. И предположим, что он сидел в машине рядом с почтовым ящиком Меллери на проселочной дороге, которая идет мимо института. И вот звонит он Меллери на мобильный — как ты мне позвонила от нашего ящика, — просит его загадать число и затем прошептать его, и в момент, когда Меллери шепчет цифру, он забивает ее в письмо и тут же его печатает. А

полминуты спустя убирает его в конверт, конверт засовывает в ящик — и уезжает, оставляя о себе впечатление зловещего ясновидца.

— Очень находчиво, — произнесла Мадлен.

— Ты про него или про меня?

— Про вас обоих.

— Кажется, звучит логично. И тогда понятно, зачем он фоном проигрывал шум дороги: чтобы скрыть тот факт, что он находился в тихом месте.

— Какой шум дороги?

— На записи. Криминалист сделал анализ фонограммы, которую записал Меллери, и обнаружил, что на фоне два разных источника звука — двигатель машины и шум дороги. И двигатель был настоящий, то есть шумел в тот же момент, когда убийца говорил по телефону, а шум дороги был вторичный, то есть на фоне живого голоса проигрывалась запись. Поначалу это казалось бессмыслицей.

— Теперь понятно, — отозвалась Мадлен. — Ты его раскусил. Очень хорошо.

Он внимательно посмотрел на нее, пытаясь различить сарказм, который так часто скрывался за ее комментариями по поводу его работы, но сарказма не было. Она глядела на него с искренним восхищением.

— Я серьезно, — сказала она, как будто прочитав его мысли. — Впечатляет.

Он вдруг вспомнил с неожиданной ясностью, как часто видел этот взгляд в первые годы их брака, каким счастьем было ощущать поддержку и одобрение такой исключительно умной женщины, и как остро в эти минуты он чувствовал, что их союз бесценен. И вот он видел это снова — чудесное напоминание, ожившее в ее глазах. Затем она отвернулась к окну, и серый свет затуманил ее взгляд. Она прокашлялась.

— Не помню, мы купили грабли для чистки крыши? Обещают до тридцати сантиметров снега к полуночи, и я боюсь, что потолок в кладовке наверху опять протечет.

— Тридцать сантиметров?..

Он вспомнил, что в сарае вроде бы стояли старые поломанные грабли, которые можно было попробовать закрепить скотчем.

Она негромко вздохнула и пошла к лестнице.

— Ладно, просто уберу все из кладовки.

Он не нашелся что ответить. Зазвонивший телефон спас его от произнесения какой-нибудь глупости. Он поднял трубку после третьего звонка:

— Гурни.

— Детектив Гурни, это Грегори Дермотт. — Голос звучал вежливо, но несколько нервно.

— Слушаю, мистер Дермотт.

— Тут кое-что случилось. Хотел убедиться, что ставлю в известность всех, кого надо.

— Что случилось?

— Я получил странное сообщение. Может быть, оно как-то связано с письмами, которые получали жертвы убийцы, как вы рассказывали. Можно я зачитаю его вам?

— Сперва расскажите, как вы его получили.

— То, как я его получил, еще ужаснее, чем то, что в нем написано. У меня, честно говоря, мурашки по коже. Его приклеили к моему окну скотчем — кухонному окну напротив столика, где я завтракаю каждый день. Понимаете?

— Понимаю ли я что?

— Это значит, что он был здесь, касался моего дома, находился буквально в нескольких метрах от места, где я сплю. И он знал, к какому окну приклеить записку. Это меня пугает.

— Почему вы считаете, что он угадал с окном?

— Потому что я сижу напротив него каждое утро. Это не может быть совпадением — он, по-видимому, в курсе, что я завтракаю за этим столом. То есть он за мной наблюдал.

— Вы сообщили в полицию?

— Поэтому я вам и звоню.

— Я имею в виду вашу местную полицию.

— Да я понимаю, что вы имеете в виду. Конечно, я им звонил, но они не воспринимают это всерьез. И я решил, что попрошу вас с ними поговорить. Очень меня обяжете.

— Расскажите теперь, что было в записке.

— Секундочку. Вот она. Тут всего две строчки, написаны красными чернилами:

*Кто последний — вышел вон,
Глупым — к смерти на поклон.*

— Вы сказали об этом полиции?

— Да. Я объяснил, что может быть связь с двумя убийствами, и они

сказали, что завтра утром меня навестит детектив, из чего следует, что они не находят это дело срочным.

Гурни задумался, следует ли ему сообщить, что убийств теперь три, но решил, что это только усугубит страх, а Дермотт, судя по всему, уже натерпелся.

— Для вас эта записка что-нибудь значит?

— Значит? — Голос Дермотта задрожал. — То и значит, что там написано. Что кто-то умрет. И записку почему-то прислали мне. Вот и получается, черт побери... Я не понимаю, почему все так равнодушны? Сколько еще должны убить, чтобы вы что-то начали делать?

— Постарайтесь сохранять спокойствие, сэр. У вас записано имя офицера, с которым вы разговаривали?..

Глава 42 Вверх ногами

К моменту, когда Гурни закончил непростой разговор с лейтенантом Джоном Нардо из полиции Вичерли, он получил заверение, что Грегори Дермотта немедленно обеспечат охраной, хотя бы временной, до того как шеф примет решение.

Снегопад тем временем превратился в снежный буран. Гурни не спал уже тридцать часов и знал, что нужно отдохнуть, но решил выиграть еще немного времени при помощи кофе. Он позвонил наверх Мадлен, спрашивая, не хочет ли она присоединиться, и не смог различить ее односложный ответ, хотя мог бы догадаться, каким он будет. Он переспросил. «Нет» прозвучало громче и отчетливее, чем того требовала ситуация.

Снег не произвел на него привычного умиротворяющего действия. Факты по делу наслаивались один на другой, и отправление письма убийце теперь казалось ошибкой. Ему, конечно, дали карт-бланш, но вряд ли это подразумевало подобного рода творческую импровизацию. Он дождался, пока сварится кофе, думая об убийстве в Созертоне и представляя себе камбалу в почтовом ящике так ясно, будто видел ее собственными глазами, а затем вспомнил о записке, приклеенной к окну Дермотта. *Кто последний — вышел вон, глупым — к смерти на поклон.*

Пытаясь как-то выбраться из душевного раздрая, овладевшего им, он подумал, что можно починить грабли в сарае, а можно еще раз проанализировать историю с цифрой 19, вдруг она наведет его на какие-нибудь новые мысли. Он выбрал последнее.

Если предположить, что маневр убийцы был именно таким, как он думал, что из этого следовало? Что убийца умный, с богатым воображением, расчетливый садист? Что у него мания контроля и он любит вызывать у жертв чувство бессилия? Но это были очевидные вещи. Неочевидным оставался ответ на вопрос, почему он выбрал именно такую последовательность действий. Гурни догадался, что фокус с цифрой 19 был именно фокусом — с целью создать у жертвы впечатление, что убийца многое о нем знает, при этом не требуя никакой особенной информации.

Черт!

Как там было во втором стихе, полученном Меллери?

Гурни почти побежал из кухни в кабинет, схватил папку с бумагами по делу и нашел записку. Второй раз за день он почувствовал, что прикоснулся

к разгадке.

*Что забрал — отдавай,
Что творил — получай.
Знаю, что ты слышишь,
Знаю, как ты дышишь,
Где бывал,
Что видал.
Шесть-пять-восемь,
В гости просим.*

И что там сказала Мадлен вчера ночью, когда они лежали в постели? Или это была ночь до того? Что-то о том, что в записках не было ничего конкретного — никаких фактов, имен, названий местности, ничего реального.

Гурни почти физически чувствовал, как фрагменты пазла складываются в единое целое. И главный фрагмент, судя по всему, он всю дорогу держал вверх ногами. Близкое знакомство убийцы с жертвами и их прошлым было, как теперь стало понятно, не более чем притворством. Гурни снова перебрал записки и телефонные разговоры убийцы на предмет хоть какой-то конкретики — и не нашел ее. Ничего, кроме имен и адресов. Правда, складывалось впечатление, что он действительно знал, что все трое пили, но и тут не было ничего определенного — ни событий, ни людей, ни мест, ни дат. Все выглядело так, будто убийца старался создать у жертв ощущение, что он их хорошо знает, в то время как на самом деле не знал ничего.

И тогда возникал новый вопрос. Зачем убивать случайных незнакомцев? Если дело было в патологической ненависти ко всем, кто пил, тогда почему бы — как он и предполагал в разговоре с Клэмом в Бронксе — не подсунуть взрывчатку на собрание «Анонимных алкоголиков»?

Мысли снова пошли по кругу. Ум и тело пронизывала усталость, а вместе с ней пришли сомнения.

Подъем, который он испытал, когда разгадал фокус с цифрой и сделал вывод об отсутствии связи между убийцей и жертвами, сменился мрачными мыслями, что следовало догадаться об этом раньше, а затем страхом, что даже этот новый ход мысли упирается в тупик.

— В чем дело?

Мадлен стояла в дверях кабинета с черным мусорным мешком,

набитым до отказа. Волосы ее растрепались после уборки в кладовке.

— Ни в чем.

Она с сомнением посмотрела на него и поставила мешок рядом с дверью.

— Это твое добро из кладовки.

Он уставился на мешок.

Она снова пошла наверх.

Ветер свистел сквозь щель в раме, окно давно пора было заклеить на зиму. Черт, он опять про это забыл. Каждый раз, как ветер дул под этим углом...

Зазвонил телефон.

Это оказался Говацки из Созертон.

— Да, это действительно камбала, — сказал он, даже не поздоровавшись. — Откуда вы знали?

Это подтверждение снова вытащило Гурни из недр сомнений и самобичевания. Ему даже хватило сил перезвонить Джеку Хардвiku по поводу того, что все это время не давало ему покоя. Это была первая строчка третьего стиха, который он достал из папки, набирая номер Хардвика.

*Я делаю, что сделал
За совесть и за страх,
Чтоб месть не охладела,
Не обратилась в прах,
Чтоб кровь, как роза красная,
Цвела в саду моем.
Явился не напрасно я —
Предстанешь пред судом.*

Как обычно, ему сперва пришлось выслушать порцию разнообразной ругани, и только потом детектив оказался способен вникнуть в его вопрос и обдумать его. Ответ был очень в духе Хардвика.

— Думаешь, прошедшее время говорит о том, что этот хрен уже укокошил кого-то к моменту, когда грохнул твоего приятеля?

— Такая версия напрашивается, — сказал Гурни. — Все три жертвы на тот момент были еще живы.

— Ну и что мне с этим делать?

— Например, отправить запрос по базе данных на аналогичные

убийства.

— И по скольким критериям ты хочешь, чтобы производилась сверка?

— Тебе решать. Мне кажется, что ножевые ранения в шею — ключевой момент.

— Хм-мм. Значит, отправить запрос по базе в Пенсильванию, Нью-Йорк, Коннектикут, Род-Айленд, Массачусетс и, может быть, еще в Нью-Хемпшир и Вермонт?

— Я не знаю, Джек. Решай сам.

— Хотя бы за какое время?

— Последние пять лет, к примеру.

— Ну да, почему бы не последние пять лет. — Это прозвучало так, будто он не считал это хорошей идеей. — Так ты что, морально готов к завтрашней тусовке?

— Завтрашней? Конечно я приду.

Хардвик помолчал.

— В общем, ты думаешь, что этот псих уже давненько орудует?

— Есть такая вероятность.

Он снова помолчал.

— Как оно там у тебя движется?

Гурни изложил Хардвику факты и свою новую трактовку и закончил советом:

— Я знаю, что Меллери пятнадцать лет назад лечился от алкоголизма. Проверь, не заводились ли на него какие-нибудь дела — гражданские или уголовные — в связи с алкоголем. Альберта Шмитта и Ричарда Карча тоже надо проверить на эту тему. Я спрошу, может быть, про Шмитта и Карча уже что-нибудь известно. И кстати, не мешало бы помимо прочего ковырнуть Грегори Дермотта. Он каким-то образом замешан во всей этой истории. Убийца выбрал его ящик в Вичер-ли неслучайно, а теперь еще угрожает самому Дермотту.

— Что?..

Гурни рассказал Хардвику про записку на окне и про разговор с лейтенантом Нардо.

— А что именно ты хочешь нарыть на этих бедолаг?

— Что-нибудь, что поможет связать три факта. Первый — что убийца заиклен на алкоголиках. Второй — что нет доказательств, что он их лично знал. И третий — что он выбирает жертв, которые географически далеки друг от друга, а значит, их объединяет какой-то признак, отличный от проблем с алкоголем, — что-то этих троих связывает с убийцей и, возможно, с Дермоттом. Понятия не имею, что это может быть, но если

что-то попадется, я пойму, что это оно.

— Ты так уверен?

— До завтра, Джек.

Глава 43 Мадлен

Новый день начался внезапно. Поговорив с Хардвиком, Гурни снял ботинки и растянулся на диване в кабинете. Сон его был глубоким, и он проспал остаток вечера и ночь. Когда он открыл глаза, было уже утро.

Он встал, потянулся и выглянул в окно. Солнце пробиралось через горы на востоке, и он предположил, что должно быть около семи часов. На встречу надо было выходить не раньше половины одиннадцатого. Небо было совершенно синим, а снег так блестел, точно его смешали с толченым стеклом. Благодать, излучаемая пейзажем, смешалась с запахом свежего кофе, и жизнь в этот момент казалась простой и славной. Он наконец-то выспался и почувствовал, что готов сделать звонки, которые откладывал, — Соне и Кайлу, но его остановила догадка, что те еще спят. Несколько секунд его мысли были заняты образом Сони, лежащей в постели, а затем он вышел на кухню, обещая себе всем позвонить после девяти.

В доме ощущалась характерная пустота, потому что Мадлен не было. На столешнице он нашел записку: «Рассвет. Сейчас солнце взойдет. Потрясающая красота. Пойду пройду до уступа. Кофе в кофейнике. М.» Он пошел в ванную, принял душ, почистил зубы. Когда он причесывался, он вдруг подумал, что мог бы догнать ее. Судя по упомянутому началу рассвета, она вышла буквально минут десять назад. Если надеть лыжи, он нагонит ее минут за двадцать.

Гурни натянул лыжные штаны поверх джинсов, надел ботинки и толстый шерстяной свитер, нацепил лыжи и вышел сквозь заднюю дверь в мягкий снег. До горной гряды, перед которой расстилалась Северная долина и ряд холмов, было километра полтора, и туда можно было добраться по старой тропке лесорубов, которая начиналась у их владения и под легким уклоном вела вверх. Летом там было не пройти из-за зарослей дикой малины, но поздней осенью и зимой буйные заросли отступали.

Стая осторожных ворон, кричавших в морозной тишине, взлетела с голый верхушки столетнего дерева в нескольких метрах от него, и затем настала крошечная тишина.

Когда Гурни выехал из леса на уступ над небольшой фермой, он увидел Мадлен. Она сидела на камне в каких-то пятнадцати метрах от него и смотрела на раскинувшийся до горизонта пейзаж, где только извивающаяся дорога и пара едва заметных силуэтов на ней говорили о человеческом присутствии. Он остановился, пораженный ее

неподвижностью. В ее позе было что-то настолько одинокое, но в то же время настолько гармоничное... Она была словно маяком, зовущим его в мир, до которого ему было никак не дотянуться.

Гурни не успел понять, что с ним происходит, как это зрелище вонзилось ему в сердце.

Может, у него нервный срыв? Третий раз за неделю он чувствовал, что вот-вот заплачет. Он перевел дыхание и вытер лицо. Голова немного кружилась. Он расставил лыжи пошире, чтобы устоять на ногах.

То ли это движение, пойманное боковым зрением, то ли скрип лыж по сухому снегу — что-то заставило ее обернуться. Она смотрела, как он приближается, и улыбалась, но молчала. У него было ощущение, что она видит его душу так же ясно, как и его тело, — и это было странно, потому что он не верил в существование души и никогда не употреблял это слово. Он сел рядом с ней на плоском камне и окинул рассеянным взглядом холмы и долины перед собой. Мадлен взяла в руки его ладонь и прижала к себе.

Он всмотрелся в ее лицо и не смог найти слов, чтобы описать то, что увидел. В ее глазах как будто отражалась вся красота мира, укутанного снегом, а ее прекрасное лицо как будто было частью этого пейзажа.

Спустя некоторое время — он не знал, как долго они так сидели, — они возвращались коротким путем домой.

На полпути он спросил:

— О чем ты думаешь?

— Я вообще не думаю. Это только мешает.

— Чему?

— Видеть небо, снег.

Он молчал остаток дороги, пока они не зашли на кухню.

— Я так и не выпил кофе, который ты сварила, — признался он.

— Я сварю свежий.

Он наблюдал, как она достает пакет с кофейными зернами из холодильника и отсыпает часть в электрическую кофемолку.

— Что ты? — Она с любопытством взглянула на него, держа палец на кнопке.

— Ничего, — отозвался он. — Просто смотрю.

Мадлен нажала на кнопку. Маленькая машинка издала резкий звук, который смягчался по мере того, как зерна перемалывались. Она вновь на него посмотрела.

— Пойду гляну, что в кладовке творится, — сказал он, чувствуя необходимость чем-то себя занять.

Он пошел наверх, но, не дойдя до кладовки, остановился на пролете у

окна, за которым стелилось поле, переходящее в лес. Там была тропинка к уступу. Он вспомнил, как она сидела на камне, погруженная в свой одинокий мир, и его вновь захлестнуло острое чувство, которое он теперь силился распознать.

Потеря. Разлука. Отчужденность.

Все три слова встали на свои места, все три грани одного ощущения.

В ранней юности у Гурни был приступ паники, и он ходил к психотерапевту. Тот объяснил ему, что паника растет из затаенной враждебности к отцу и что отсутствие какого-то осознанного отношения к отцу усиливает тяжесть этого чувства. А еще психотерапевт однажды рассказал ему, в чем видел смысл жизни.

— Смысл жизни заключается в том, чтобы быть как можно ближе к другим людям. — Он сказал это с такой уверенностью, как будто объяснял, что грузовики перевозят грузы.

В другой раз, но тем же уверенным тоном, он сделал вывод из предшествовавшего утверждения:

— Замкнутая жизнь — жизнь, потраченная зря.

Тогда, в свои семнадцать, Гурни не понял, что тот имел в виду. Чувствовалось, что мысль глубокая, но ее глубина была темной, он не мог в нее заглянуть. И даже сейчас, в свои сорок семь, он не до конца ее понимал. Во всяком случае, зачем грузовики перевозят грузы, было гораздо понятнее.

Забыв про кладовку, он вернулся на кухню. Он зашел из темного коридора, поэтому свет показался ему необычайно ярким. Солнце, теперь поднявшееся над деревьями в безоблачное небо, светило ровно через французские двери. Луг, засыпанный свежим снегом, превратился в огромный отражатель, посылающий свет даже в те уголки помещения, где всегда царил полумрак.

— Кофе готов, — сказала Мадлен. В руках у нее была скомканная газета и горстка щепок для камина. — Там такой свет волшебный. Даже как будто музыка слышится.

Он улыбнулся и кивнул. Иногда он завидовал ее способности быть замороженной природой. Почему, размышлял он, эта женщина, такая живая, так тонко и естественно чувствующая прекрасное, настолько вовлеченная в эту жизнь, почему она вышла за отъявленного материалиста, да еще детектива? Надеялась ли она, что однажды он выберется из серого кокона своей профессии? Поддержал ли он эту иллюзию, тоже поверив на какой-то миг, что, уволившись, сможет стать другим человеком?

Он подумал, что они странная пара, но ничуть не более странная, чем

были его родители. Мать с ее художественными наклонностями, фантазиями и увлечениями — фигурки из папье-маше, акварель, оригами — вышла за его отца, человека мрачного, с редкими вспышками сарказма, чье внимание всегда было направлено куда-то вовне семьи; о его пристрастиях никто не знал, а уходить на работу по утрам, казалось, нравилось ему больше, чем возвращаться домой по вечерам. Это был человек, который постоянно искал покоя и постоянно чего-то избегал.

— Во сколько у тебя встреча? — спросила Мадлен.

Глава 44

Последние аргументы

Дежавю.

Процедура регистрации с предыдущего раза не изменилась. Приемная была определенно создана, чтобы отталкивать посетителей, а не принимать, как следовало из названия. Помещение своей стерильностью напоминало морг, но покоя здесь было меньше. В будке охраны сидел новый дежурный, но мертвенное освещение делало его похожим на ракового больного, как и его предшественника. И, как и в прошлый раз, в переговорную Гурни провожал все тот же прилизанный, необаятельный следователь Блатт.

Он обогнал Гурни и вошел первым. Комната не изменилась с прошлой встречи, но все здесь казалось теперь каким-то более изношенным. На бесцветном ковролине виднелись какие-то пятна, которых он раньше не замечал. На часах, висевших не вполне ровно и выглядевших на огромной стене слишком маленькими, значился полдень. Гурни, как обычно, появился минута в минуту. Это было невротической привычкой: ему было одинаково неуютно, когда он приходил раньше или позже назначенного времени.

Блатт сел за стол. Вигг и Хардвик уже сидели на тех же местах, что и в прошлый раз. Возле кофейника стояла женщина с недовольным лицом — казалось, она была расстроена, что вместе с Гурни зашел не тот, кого она ждала. Она была так похожа на актрису Сигурни Уивер, что Гурни задумался, нарочно ли она поддерживает это сходство.

Три стула были прислонены к столу, как и перед предыдущей встречей. Гурни направился к кофейнику. Хардвик улыбнулся с видом голодной акулы:

— Детектив первого класса Гурни, у меня для вас есть вопрос.

— И тебе привет, Джек.

— Вообще-то у меня скорее есть ответ. А ты попробуй угадать, на какой вопрос. Ответ такой: бывший священник из Бостона. Отгадаешь вопрос — считай, ты выиграл главный приз.

Вместо ответа Гурни взял в руки чашку. Она оказалась немойтой. Он поставил ее на место, взял другую, затем третью и вернулся к первой.

Сигурни нетерпеливо топала ногой и проверяла время на своем «Ролексе». Она выражала совершенно карикатурное нетерпение.

— Добрый день, — сказал он, наливая себе кофе, надеясь, что он достаточно горячий, чтобы продезинфицировать грязную чашку. — Я Дэйв Гурни.

— Я доктор Холденфилд, — сказала она таким тоном, точно выложила флеш-рояль в ответ на его двойку. — Шеридан уже едет?

В ее интонациях было что-то сложное, что заинтересовало Гурни. Кроме того, фамилия Холденфилд казалась смутно знакомой.

— Не знаю, — ответил он, гадая, что может связывать окружного прокурора и доктора. — Простите мое любопытство, но вы доктор чего?

— Я психолог-криминалист, — ответила она без выражения, глядя при этом на дверь.

— Детектив, ну так что, — гаркнул Хардвик на всю комнату, — если ответ — «бывший священник в Бостоне», то каков будет вопрос?

Гурни закрыл глаза:

— Черт побери, Джек, скажи мне сам.

Хардвик разочарованно поморщился:

— Тогда мне придется объяснять все дважды — сейчас тебе и потом всей комиссии.

Доктор снова посмотрела на часы. Сержант Вигг наблюдала за тем, что возникало на экране ее ноутбука в ответ на нажатия клавиш. Блатт откровенно скучал. Дверь наконец открылась, и зашел Клайн. У него был озабоченный вид. Следом зашел Родригес с толстой папкой. Он был разъярен больше обычного. Следом за ними вошел Штиммель, напоминающий мрачную жабу. Когда все расселись, Родригес вопросительно посмотрел на Клайна.

— Начинайте, — сказал Клайн.

Родригес уставился на Гурни и поджал губы.

— События приняли трагической оборот. Офицер полиции из Коннектикута, отправленный по вашему настоянию домой к Грегори Дермотту, убит.

Все как один посмотрели на Гурни с недобрым любопытством.

— Как это произошло? — спокойно спросил он, подавив кольнувшее его беспокойство.

— Так же, как с вашим приятелем. — В его тоне было что-то многозначительное и язвительное, но Гурни решил не реагировать.

— Шеридан, в конце-то концов, что происходит? — Доктор, которая стояла у дальнего края стола, говорила с интонацией, так поразительно напоминающей Сигурни из «Чужого», что Гурни решил, что сходство все же нарочитое.

— Бекка! Прости, не сразу тебя заметил. Мы были несколько заняты. Возникли кое-какие осложнения. У нас еще один труп. — Он повернулся к Родригесу. — Род, сообщи всем о деталях убийства в Коннектикуте. — Он потряс головой, как будто пытаюсь избавиться от воды в ушах. — Час от часу не легче.

— Не то слово, — подхватил Родригес, открывая папку. — Звонок поступил сегодня утром в 11:25 от лейтенанта Джона Нардо из полицейского управления Вичерли, штат Коннектикут. Сообщалось об убийстве на территории частного владения Грегори Дермотта, известного по делу Марка Меллери как хозяин абонентского ящика. Дермотта обеспечили временной полицейской охраной по настоянию специального детектива Дэвида Гурни. В восемь утра сегодня...

Клайн поднял руку:

— Подождите минутку. Бекка, ты уже знакома с Дэйвом?

— Да.

Этот холодный, резкий слог, казалось, отменял необходимость в дополнительном представлении, но Клайн продолжил:

— Вам есть что обсудить. Психолог, известный самыми точными характеристиками преступников в профессии, и детектив, известный самым большим количеством арестов по обвинению в убийстве в истории Нью-Йоркского управления.

Похвала, казалось, всех смутила, но она же заставила Холденфилд впервые посмотреть на Гурни с интересом. Он в свою очередь понял, почему ее имя показалось ему знакомым, хотя он никогда не был поклонником психологического профилирования.

Клайн продолжил, как будто ему было важно подчеркнуть все достоинства двух приглашенных звезд:

— Бекка читает их мысли, а Гурни находит их след — Каннибал Клаус, Джейсон Странк, Питер Поссум как-бишь-его...

Доктор повернулась к Гурни с широко раскрытыми глазами:

— Пиггерт? Вы занимались его делом?

Гурни кивнул.

— Это был блестящий арест, — сказала она с едва заметным одобрением.

Он заставил себя вежливо улыбнуться. Ему не давала покоя ситуация в Вичерли и подозрение, что его импульсивный жест с отправкой стиха мог иметь какое-то отношение к смерти полицейского.

— Продолжайте, Род, — резко потребовал Клайн, как будто капитан был виноват в отступлении от темы.

— Сегодня утром, в восемь утра, Грегори Дермотт появился на почте Вичерли в сопровождении офицера Гэри Сассека. Дермотт сообщает, что они вернулись в восемь тридцать, после чего он сделал кофе с тостами и стал перебирать почту, а офицер Сассек в это время оставался снаружи и обходил окрестности дома. В девять утра Дермотт вышел из дома в поисках офицера Сассека и обнаружил его тело на террасе. Он позвонил в службу 911. Прибывшие на место полицейские оцепили участок и нашли записку, приклеенную к задней двери, там, где лежало тело.

— Пулевое ранение и колотые раны, как и у других? — спросила Холденфилд.

— Колотые раны подтверждаются, насчет пули пока информации нет.

— А что в записке?

Родригес прочитал содержимое факса в папке:

— *Куда я исчез и откуда я взялся? Сколько умрут, чтобы ты разобрался?*

— Такая же чертовщина, — сказал Клайн. — У тебя есть соображения, Бекка?

— Похоже, процесс ускоряется.

— Ускоряется?

— До настоящего момента все было тщательно рассчитано — выбор жертв, записки, каждая деталь. Но это убийство иного характера, оно скорее вынужденное, чем запланированное.

Родригес посмотрел на нее с сомнением:

— Ритуал такой же, как и всегда, — колотые раны, записка...

— Однако это неожиданная жертва. Похоже, что убийца подбирался к мистеру Дермотту, но вместо него убил полицейского.

— Но как же записка?

— Записку он мог принести с собой, чтобы оставить ее на теле Дермотта, если бы все пошло по плану. А может быть, он сочинил ее на месте. Возможно, это значимый момент, что в стихотворении всего четыре строчки. В остальных, если я не ошибаюсь, было по восемь? — Она посмотрела на Гурни.

Он еле кивнул, поглощенный своими угрызениями, но затем усилием воли заставил себя вернуться в настоящее.

— Я согласен с доктором Холденфилд. Мне не пришло в голову, что количество строк может быть значимым, но это очень разумное предположение. Я бы хотел добавить: невзирая на то что это убийство было не столь тщательно спланировано, как остальные, элемент ненависти к полиции сохраняется и в этом случае, так что новая жертва вписывается в

модель, о которой говорил капитан.

— Бекка упомянула, что процесс ускоряется, — напомнил Клайн. — У нас уже четыре тела. Значит ли это, что нам следует ждать новых жертв?

— Их уже пять вообще-то.

Все посмотрели на Хардвика.

Капитан поднял кулак и стал по очереди выбрасывать пальцы, чеканя имена:

— Меллери. Шмитт. Карч. Офицер Сассек. Четверо.

— Преподобный Майкл Маграт — пятый, — сказал Хардвик.

— Кто? — в унисон спросили Клайн (сгорая от нетерпения), капитан (с досадой) и Блатт (потрясенно).

— Пять лет назад одного священника в Бостонском епископате лишили сана, обвинив в связях с мальчиками-служками. Он как-то умудрился договориться с епископом, свалил свое поведение на алкоголь, прошел курс реабилитации и скрылся из виду.

— Что за херня с этим Бостонским епископатом? — прошипел Блатт. — Они там как будто специально педофилов разводят.

Хардвик не обратил на него внимания и продолжил:

— История на этом закончилась бы, но год назад Маграта нашли убитым в его собственной квартире. Множественные колотые раны в шею, записка на теле. Восемь строк, красные чернила.

Лицо Родригеса сделалось пунцовым.

— И давно вам это известно?

Хардвик посмотрел на часы:

— Уже с полчаса.

— То есть как?

— Вчера детектив Гурни заказал запрос на случаи, аналогичные делу Меллери. Сегодня утром всплыло дело отца Маграта.

— Кого-то арестовали или разыскивали за убийство? — спросил Клайн.

— Не-а. Бостонский эксперт, с которым я общался, ничего такого не сказал напрямую, но я так понял, что они вообще не сочли это дело важным.

— Как такое может быть? — раздраженно спросил капитан.

Хардвик пожал плечами:

— Старого пидора кто-то убивает, убийца оставляет на теле стишок с намеком на прошлые грехи. Все выглядит так, будто ему отомстили. Может, в управлении решили, что фиг с ним в конце концов, и так есть кого ловить, а тут все-таки благородный мотив — возмездие педофилу. И видимо, они

решили не слишком углубляться.

У Родригеса был такой вид, как будто он страдал несварением желудка.

— Но он же ничего такого не сказал?

— Ну разумеется нет.

— Итого, — произнес Клайн, — что бы там по этому поводу ни думала бостонская полиция, факт остается фактом: отец Майкл Маграт — жертва номер пять.

— Си, нумеро синко, — подтвердил Хардвик, кривляясь, на ломаном испанском. — Но на самом деле он нумеро уно, поскольку священника грохнули за год до всех остальных.

— Значит, Меллери, которого мы считали первой жертвой, на самом деле был вторым.

— Очень сомневаюсь, — сказала Холденфилд. Все повернулись в ее сторону. Она продолжила: — У нас нет доказательств, что священник был первым. Он с тем же успехом мог быть десятым. Но даже если считать его первым, у нас возникает проблема: убийство год назад, а затем четыре убийства менее чем за две недели. Это необычный паттерн. Что-то должно было быть в промежутке.

Гурни мягко перебил ее:

— Возможно, процессом движет что-то иное, нежели психопатология убийцы.

— Что вы имеете в виду?

— Мне кажется, убитых связывает что-то помимо алкоголизма. Что-то, о чем мы пока не догадываемся.

Холденфилд задумчиво покачала головой и скривилась, как бы показывая, что не вполне согласна с Гурни, но не находит аргументов, чтобы с ним поспорить.

— Значит, могли быть жертвы еще раньше, а могло и не быть, — задумчиво произнес Клайн, явно не зная, как к этому относиться.

— Не говоря уж о том, что могут быть и новые, — заметила Холденфилд.

— В каком это смысле? — не понял Родригес.

Холденфилд проигнорировала его язвительный тон.

— Как я уже упоминала, паттерн выглядит так, будто процесс движется к завершению.

— К завершению? — протянул Клайн, как будто ему очень нравилось само слово.

Холденфилд продолжила:

— В последнем случае он был вынужден действовать не по плану. Возможно, он теряет контроль над процессом. Я предполагаю, что он теперь долго не продержится.

— Что значит не продержится? — выпалил Блатт с обычной враждебностью в голосе.

Холденфилд секунду посмотрела на него, затем перевела взгляд на Клайна:

— От меня здесь что, требуется просветительская работа?

— Возможно, не мешало бы уточнить несколько ключевых моментов. Если я не ошибаюсь, — произнес он тоном, не подразумевающим, что он может ошибаться, — за исключением Дэйва, мы тут все мало имели дело с серийными убийцами.

Родригес, казалось, был готов с этим поспорить, но промолчал.

Холденфилд обреченно улыбнулась:

— Ну хотя бы все в курсе типологии серийных убийц Холмса?

Кивки и мычание за столом в целом означали положительный ответ. Вопрос возник только у Блатта.

— Шерлока Холмса?

Гурни задумался, являлось ли это глупой шуткой или глупостью в чистом виде.

— Другой Холмс. Человек более современный и невымышленный, — сообщила Холденфилд преувеличенно терпеливым тоном, который, как показалось Гурни, она тоже откуда-то позаимствовала. Может быть, у мистера Роджерса, ведущего детской телепередачи? — Холмс классифицировал серийных убийц по типу мотивации: тип, движимый воображаемыми голосами; тип, желающий избавить мир от какой-либо ненавистной группы людей — от негров, от геев и так далее; тип, жаждущий абсолютной власти; искатель острых ощущений, который получает наивысший кайф от убийства, — и, наконец, сексуальные маньяки. У всех этих типов есть нечто общее...

— Они психи на всю голову, — с энтузиазмом подхватил Блатт.

— Точно подмечено, сержант, — слащаво произнесла Холденфилд. — Однако общее у этих типов — это чудовищное внутреннее напряжение. Убийство на некоторое время избавляет их от этого напряжения.

— Типа как секс?

— Следователь Блатт, — разозлился Клайн, — попридержите свои вопросы, пока Ребекка не закончит говорить.

— На самом деле его вопрос вполне уместен. Оргазм дает сексуальную разрядку. Однако в здоровом человеке это не вызывает

потребность во все более частых оргазмах ценой все больших и больших усилий.

В этом смысле серийные убийцы скорее похожи на наркозависимых.

— Зависимость от убийства, — медленно и задумчиво произнес Клайн, как будто пробовал на вкус новый газетный заголовок.

— Звучная фраза, — сказала Холденфилд, — отчасти она правдива. Серийный убийца, в отличие от обычных людей, живет в мире собственных фантазий. На первый взгляд он может никак не выделяться из толпы. Однако его «нормальная» жизнь не удовлетворяет его, реальность его не интересует. Он живет ради своих фантазий — фантазий о власти, о возмездии. Эти фантазии складываются в сверхреальность — мир, в котором он чувствует себя важным, всевластным, живым. По этой части есть вопросы?

— У меня есть, — сказал Клайн. — Мы знаем, к какому типу относится наш убийца?

— У меня есть предположение, но я бы хотела услышать, что по этому поводу может сказать детектив Гурни.

Гурни подозревал, что ее добродушное выражение лица было таким же наигранным, как ее улыбка.

— Я думаю, это человек, выполняющий миссию.

— По избавлению мира от алкоголиков? — спросил Клайн отчасти из любопытства, отчасти скептически.

— Я думаю, что понятие «алкоголик» частично описывает его жертвы, но в его выборе могут играть роль и другие факторы.

Клайн неуверенно хмыкнул:

— Если говорить о более узкой характеристике, помимо того, что он человек с миссией, как бы вы описали нашего преступника?

Гурни решил повторить выпад доктора:

— У меня есть несколько соображений на этот счет, но я бы хотел послушать, что скажет доктор Холденфилд.

Она пожала плечами и заговорила быстро, обыденным тоном:

— Тридцатилетний белый мужчина, высокий коэффициент интеллекта, друзей нет, нормальных сексуальных отношений тоже нет. Вежливый, но держит дистанцию. Детство наверняка было тяжелым, отмеченным какой-то травмой, которая влияет на его выбор жертв. Поскольку он выбирает мужчин среднего возраста, травма, вероятно, связана с отцом и с эдиповым комплексом.

Вмешался Блатт:

— Вы что, говорите, что этот мужик в прямом смысле... то есть

буквально... того... со своей матерью?

— Необязательно. Мы же говорим про фантазии. Он живет в воображаемом мире и ради этих фантазий.

Родригес нетерпеливо перебил:

— Мне что-то не нравится это слово, доктор. Пять трупов — это вам не фантазии!

— Вы правы, капитан. Для нас с вами все это реальность. Это были настоящие люди, со своими уникальными жизнями, достойные уважения и правосудия, но для серийного убийцы они воплощали что-то совсем другое. Для него они всего лишь актеры в его спектакле, а не люди в нашем с вами понимании этого слова. Они просто часть бутафории, вроде тех ритуальных элементов, которые мы находим на местах убийств.

Родригес покачал головой:

— Возможно, то, что вы сейчас говорите, и осмысленно в контексте серийного убийцы, но что нам с того? Мне весь этот подход целиком не нравится. Кто вообще решил, что мы имеем дело с серийным убийцей? Вы куда-то торопитесь, не имея ни малейшего... — Он осекся, внезапно осознав, что почти кричит и что с его стороны неразумно нападать на одного из любимых консультантов Клайна. Он заговорил спокойнее: — Я просто хочу сказать, что последовательные убийства не всегда совершают серийники. Можно взглянуть на это дело и с другой точки зрения.

Холденфилд выглядела искренне потрясенной.

— То есть у вас есть другие версии?

Родригес вздохнул:

— Вот Гурни все время говорит про какой-то фактор помимо алкоголизма, который определяет выбор жертв. Возможно, все эти люди были связаны в прошлом, случайно или осознанно, и каким-то образом причинили убийце зло, а сейчас мы видим акт возмездия за это зло. Может быть, вот и вся история.

— Не скажу, что такой сценарий невозможен, однако планирование, стихи, детали, ритуал — все это складывается в слишком патологическую картинку, чтобы это была просто месть.

— Кстати о патологиях, — прохрипел Джек Хардвик голосом человека, с упоением умирающего от рака горла, — может быть, пора всем рассказать о последней найденной улике.

Родригес с ненавистью уставился на него:

— Что, опять сюрприз?

Хардвик не обратил на него внимания и продолжил:

— По просьбе Гурни команда экспертов обследовала частную

гостиницу, где преступник, по всей вероятности, останавливался накануне убийства Меллери.

— Кто это разрешил?

— Я, сэр, — ответил Хардвик, откровенно гордясь совершенным нарушением.

— Почему я не видел никаких документов на этот счет?

— Гурни считал, что на это нет времени, — соврал Хардвик. Затем приложил руку к груди с видом человека, которого вот-вот хватит сердечный приступ, и оглушительно рыгнул. Блатт, который был погружен в свои размышления, от неожиданности отшатнулся на стуле и чуть не опрокинулся назад.

Пока Родригес, обескураженный этим выступлением, не успел вернуться к теме неподписанных бумаг, Гурни решил принять пас Хардвика и начал объяснять, зачем он счел необходимым обследовать «Рододендрон».

— В первом письме, отправленном Меллери, убийца использовал подпись «Х. Арибда». Харибда — название страшного водоворота в греческой мифологии, и оно связано с названием другой стихии, по имени Сцилла. Накануне утра, когда обнаружили тело Меллери, в «Рододендроне» останавливались мужчина и пожилая женщина под фамилией Сцилла. Я бы очень удивился, если бы это оказалось совпадением.

— Мужчина и пожилая женщина? — с интересом переспросила Холденфилд.

— Это могли быть убийца и его мать, хотя в журнале посетителей, как ни странно, значилось «мистер и миссис». Возможно, это объясняется вашей версией об эдиповом комплексе.

Холденфилд улыбнулась:

— Это идеальное совпадение.

Капитан, казалось, снова был готов взорваться от негодования, но Хардвик заговорил первым, переняв инициативу Гурни:

— Словом, мы отправили туда команду экспертов, и они обследовали чертов домик, похожий на храм волшебника Изумрудного города. Они обошли все — внутри, снаружи, — и что же они нашли? Ничего. Совсем ничего. Ни волоска, ни отпечатка, никакого вообще свидетельства, что в этом помещении был кто-то живой. Главный эксперт не могла в это поверить. Она звонила мне и говорила, что следов нет даже там, где они есть всегда, — на столах, ручках дверей и ящиков, подоконниках, телефонной трубке, кранах в душе и на раковине, на пульте от телевизора, выключателях ламп и в куче других мест, где всегда находят какие-то

отпечатки. И — ничего. Чисто. Никаких зацепок. Я тогда сказал посыпать все порошком — полы, стены, даже потолок. Пришлось включить всю свою убедительность, потому что они долго не соглашались. В общем, она стала мне после этого звонить каждые полчаса и кричать, сколько ее бесценного времени я потратил зря. Но на третий раз, смотрю, она уже поспокойнее. И говорит, что кое-что нашли.

Родригес старался не выдать своего разочарования, но Гурни его все равно распознал. Хардвик выдержал театральную паузу и продолжил:

— На внешней стороне двери в ванную нашли слово. Всего одно слово. «REDRUM».

— Что?! — закричал Родригес, которому на этот раз не удалось скрыть недоверие.

— «REDRUM», — повторил Хардвик по слогам, с таким видом, точно это был важный ключ к отгадке всего.

— Это как в фильме, что ли? — переспросил Блатт, который молчал все время с тех пор, как чуть не упал со стула.

— Пойдите, пойдите, — произнес Родригес, усиленно моргая от раздражения. — Вы хотите сказать, что вашим экспертам понадобилось — сколько там, три, четыре часа? — чтобы найти слово, написанное на видном месте, посреди двери?

— Оно не было написано на виду, — отозвался Хардвик. — Он написал его так же, как невидимые послания полиции на записках Марка Меллери. Помните? ТУПЫЕ ЗЛЫЕ КОПЫ.

Капитан молча уставился на него и не ответил.

— Я читала про это в деле, — сказала Холденфилд. — Что он написал эти слова на оборотных сторонах записок, используя жир собственных пальцев как чернила. Это вообще возможно?

— Никаких проблем, — ответил Хардвик. — Вообще-то отпечатки пальцев именно из этого жира и состоят. Он просто использовал это знание. Может, для начала потер пальцами лоб, чтобы они стали пожирнее. В общем, в тот раз это сработало, и в «Рододендроне» он снова это провернул.

— Но «REDRUM» же было в фильме, — не унимался Блатт.

— В фильме? В каком фильме? Почему мы вообще говорим о фильмах? — Родригес снова нервно заморгал.

— «Сияние», — кивнула Холденфилд, у которой эта ситуация вызвала заметный восторг. — Это известная сцена. Мальчик пишет слово «REDRUM» на двери в спальню матери.

— «REDRUM» — это «murder»^[3] наоборот, — с гордостью сообщил

Блатт.

— Господи, какая красота! — воскликнула Холденфилд.

— Я могу рассчитывать, что весь этот энтузиазм означает, что убийцу арестуют в течение двадцати четырех часов? — ядовито поинтересовался Родригес.

Гурни проигнорировал его и обратился к Холденфилд:

— Любопытная отсылка к «Сиянию».

Ее глаза блестели от возбуждения.

— Идеальное слово из идеального фильма.

Клайн, который долгое время наблюдал за разговором, как болельщик за игрой любимой команды, наконец заговорил:

— Так, друзья, пора ввести меня в курс дела. О чем вы тут секретничаете? Что у вас там идеальное?

Холденфилд посмотрела на Гурни:

— Расскажите ему про слово, а я расскажу про фильм.

— Слово написано задом наперед. Вот и весь секрет. Эту игру он ведет с самого начала дела. Сперва он оставил следы задом наперед, а затем написал слово «убийство» задом наперед. Он тем самым сообщает нам, что мы думаем в неправильном направлении. ТУПЫЕ. ЗЛЫЕ. КОПЫ.

Клайн посмотрел на Холденфилд:

— Вы с этим согласны?

— В целом да.

— А что с фильмом?

— Ах да, фильм. Я постараюсь быть лаконичной, как детектив Гурни. — Она подумала несколько секунд, затем заговорила, будто тщательно выбирая слова: — Это фильм про семью, в которой мать и сына терроризирует безумный отец. Отец — алкоголик, который в запоях агрессивен.

Родригес потряс головой:

— Вы что, хотите сказать, что наш убийца — какой-то безумный агрессивный папаша-алкоголик?

— Нет, нет. Не папаша. Сын.

— Сын?! — Лицо Родригеса буквально свело от скептицизма.

Она продолжила голосом мистера Роджерса:

— Мне кажется, убийца сообщает нам, что у него был такой же отец, как в «Сиянии». Возможно, он таким образом себя оправдывает.

— Рассказывает о себе?! — Родригес, казалось, готов был сплунуть от возмущения.

— Каждый человек стремится рассказать о себе в собственных

терминах, капитан. Наверняка вы постоянно сталкиваетесь с этим в работе. Я — точно сталкиваюсь. Все находят какие-то объяснения своему поведению, даже совершенно нелогичному. Каждый человек хочет быть оправданным — возможно, безумцы даже пуще остальных.

После этого наблюдения в комнате воцарилась тишина, которую в итоге нарушил Блатт:

— У меня вопрос. Вы психиатр, да?

— Я психолог-криминалист. — Ведущий детской передачи снова превратился в Сигурни Уивер.

— Ладно, не важно. Короче, вы знаете, как работает мозг. И вот мой вопрос. Этот мужик знал, какое число загадывает другой человек. Откуда?

— Он не знал.

— Еще как знал.

— Он сделал вид, что знал. Вы, видимо, имеете в виду два случая с цифрами 658 и 19, описанные в деле. Но он ничего не угадывал. Это попросту невозможно — заранее знать, какое число загадает другой человек в произвольной ситуации. Следовательно, он не знал.

— Но он же как-то это провернул, — настаивал Блатт.

— Есть как минимум одно объяснение, — заговорил Гурни. Он описал сценарий, который пришел ему на ум, когда Мадлен позвонила ему по мобильному от почтового ящика — как убийца мог воспользоваться портативным принтером в машине, чтобы напечатать письмо с цифрой 19, которую Марк Меллери перед этим сообщил ему по телефону.

Холденфилд была под впечатлением.

Блатт сдулся. Гурни подумал, что это верный знак, что где-то в этом неповоротливом уме и перекачанном теле живет романтик, влюбленный во все странное и необъяснимое. Впрочем, он сдулся лишь на мгновение.

— А как же цифра 658? — спросил Блатт, переводя взгляд с Гурни на Холденфилд и обратно. — Он не звонил перед этим, просто прислал письмо. Так откуда же он знал, что Меллери загадает это число?

— У меня пока что нет версий на этот счет, — отозвался Гурни. — Но я могу рассказать одну странную историю, которая, возможно, кого-то наведет на ответ.

Родригес нетерпеливо заерзал на стуле, но Клайн подался вперед, и это выражение интереса удержало капитана на месте.

— Недавно мне приснился сон про моего отца, — начал Гурни. Он помедлил, потому что собственный голос показался ему чужим. Он слышал его как эхо глубокой печали, которую в нем пробудил сон. Холденфилд смотрела на него с любопытством, но без неприязни. Он заставил себя

продолжить. — Когда я проснулся, я вспомнил один карточный трюк, который отец показывал людям, когда у нас бывали гости на Новый год и он слегка выпивал для настроения. Он держал колоду веером и обходил комнату, предлагая четверем гостям вытянуть по карте. Затем он останавливался перед кем-нибудь из них, просил как следует рассмотреть выбранную карту и положить ее обратно в колоду. Потом протягивал гостю эту колоду и предлагал перемешать. После этого он что-то бормотал, якобы «читая мысли», это был целый спектакль, который иногда затягивался минут на десять, но в итоге он называл эту карту — которую, разумеется, знал с момента, когда ее вытянули.

— Как это? — заинтриговано спросил Блатт.

— Когда он подготавливал колоду в самом начале, перед тем как разложить ее веером, он запоминал хотя бы одну карту и ее место в веере.

— А если бы ее никто не вытянул? — спросила Холденфилд.

— Если так получалось, он придумывал какую-нибудь причину прервать фокус: вспоминал, что забыл выключить чайник или что-нибудь такое, чтобы никто не понял, что что-то пошло не так. Но ему почти никогда не приходилось к этому прибегать. То, как он подставлял людям колоду, гарантировало, что первый, второй или третий человек вытягивал ту самую карту, которая была ему нужна. А если нет, он шел на кухню за чайником, а затем начинал фокус сначала. И он всегда находил какие-то правдоподобные причины исключить из игры тех, кто выбирал неправильные карты, так что никто не догадывался, в чем на самом деле фокус.

Родригес зевнул:

— И как это связано с историей про 658?

— Я точно не знаю, — сказал Гурни, — но идея, что кто-то думает, будто вытягивает случайную карту, в то время, как эта случайность подстроена...

Сержант Вигг, которая все это время слушала с возрастающим интересом, вдруг вмешалась:

— Ваш фокус с картами напомнил мне знаменитую почтовую разводку конца девяностых.

Может быть, дело было в ее странном голосе, который мог принадлежать и женщине и мужчине, или в том, что она вообще заговорила, поскольку это было редкостью, но она мгновенно приковала к себе всеобщее внимание.

— Адресат получал письмо якобы от частного детективного агентства, в котором они извинялись за вмешательство в его личную жизнь. Компания

«признавалась», что в ходе выполнения некоего заказа они по ошибке подвергли адресата наблюдению и в течение нескольких недель фотографировали его в различных ситуациях. Они также заявляли, что по закону обязаны все фотографии отдать ему. И тут возникает ключевой момент: поскольку некоторые из фотографий могут показаться компрометирующими, не предпочтет ли дорогой адресат получить их не на домашний почтовый адрес, а на абонентский ящик? В таком случае потребуется лишь прислать им пятьдесят долларов в счет оплаты расходов.

— Придурки, которые на это ведутся, заслуживают того, чтобы потерять пятьдесят баксов, — мрачно пробормотал Родригес.

— Многие потеряли гораздо больше, — произнесла Вигг. — Дело было не в конкретной сумме. Это был всего лишь тест. Мошенник отправил больше миллиона таких писем, и требование прислать пятьдесят долларов было нужно, только чтобы составить список людей, которым есть что скрывать от своих домашних. Затем с них требовали уже заоблачные суммы за избавление от компромата. Некоторые заплатили до пятнадцати тысяч.

— За фотографии, которых в природе не было! — воскликнул Клайн со смесью возмущения и восхищения находчивостью обманщика.

— Глупость некоторых людей не перестает меня... — начал было Родригес, но Гурни его перебил:

— Господи! Вот же оно! Вот зачем он просил прислать двести восемьдесят девять долларов. Это то же самое! Это просто тест!

Родригес непонимающе уставился на него:

— Какой еще тест?

Гурни закрыл глаза, чтобы представить себе письмо с просьбой о деньгах, которое получил Меллери.

Клайн нахмурился и повернулся к Вигг:

— Этот мошенник, говорите, миллион писем отослал?

— Так писали в газетах.

— Тогда это совсем непохожая ситуация. Там было налицо мошенничество — в огромную сеть одинаковых писем поймалось несколько рыбешек с нечистой совестью. Но у нас совсем другое. Записки, написанные от руки небольшой группе людей, для которых цифра 658, по всей видимости, что-то значила.

Гурни медленно открыл глаза и посмотрел на Клайна:

— Не значила. Сперва я тоже решил, что цифра имеет значение, потому что иначе отчего бы именно она пришла на ум первой? Я несколько раз спрашивал Марка Меллери, о чем ему говорит число 658, с чем

ассоциируется, видел ли он его где-то написанным, могло ли оно быть частью адреса, комбинацией замка сейфа... Но он отвечал одно и то же — что эта цифра никогда прежде не приходила ему на ум, она была абсолютно случайной. Следовательно, нужно было другое объяснение.

— Вот вы и вернулись к тому, с чего начали. — Родригес закатил глаза, демонстрируя усталость.

— Возможно, нет. Возможно, история про почтового мошенника ближе к правде, чем нам кажется.

— Хотите сказать, что наш убийца отправил миллион писем? Миллион рукописных писем? Это немыслимо — я уж не говорю о том, что это технически невозможно.

— Миллион — разумеется, невозможно, если только ему не помогли, что в нашем случае маловероятно. Но какое количество он мог бы организовать?

— К чему вы клоните?

— Представим, что у нашего убийцы такой сценарий: отправить письма множеству людей, написав их от руки, чтобы каждый подумал, что послание адресовано ему лично. Сколько таких писем можно написать, допустим, за год?

Капитан вскинул руки, демонстрируя, что этот вопрос не только не имеет ответа, но и не относится к делу. Клайн и Хардвик между тем задумались, как будто пытаясь подсчитать количество. Штиммель, как обычно, был невозмутим как амфибия. Ребекка Холденфилд смотрела на Гурни с нескрываемым восхищением. Блатт сидел с таким видом, словно пытался определить источник неприятного запаха.

Вигг заговорила первой.

— Пять тысяч, — сказала она. — Десять, если очень постараться. Может, даже пятнадцать, но это уже тяжело.

Клайн сощурился:

— Сержант, чем вы руководствуетесь, называя эти цифры?

— Несколькими предположениями.

Родригес покачал головой, как будто не было в мире ничего ненадежнее предположений. Если Вигг и заметила этот жест, она не собиралась на него отвлекаться.

— Во-первых, предположим, что сценарий почтового мошенничества здесь применим. Если так, то логично предположить, что первое послание, в котором запрашивались деньги, было отправлено максимальному количеству адресатов, а последующие письма — только тем, кто ответил. В нашем случае мы видим, что первое послание содержало две записки по

восемь строк, то есть всего шестнадцать довольно коротких строк текста плюс три строчки адреса на конверте. За исключением адресов все записки могли быть одинаковыми, значит, писать их было легко. Рискну предположить, что на каждое послание с конвертом уходило порядка четырех минут. То есть четырнадцать посланий в час. Если он посвящал этому занятию хотя бы час в день, то за год он мог отправить больше пяти тысяч. Два часа в день дали бы ему порядка одиннадцати тысяч. В теории он мог написать их гораздо больше, но усердие даже самых одержимых людей имеет границы.

— Вообще-то, — заметил Гурни, который чувствовал себя как ученый, который наконец-то распознал закономерность в хаотичном наборе данных, — одиннадцати тысяч было бы вполне достаточно.

— Достаточно для чего? — уточнил Клайн.

— Для начала этого достаточно, чтобы провернуть фокус с цифрой 658, — пояснил Гурни. — И если он этот фокус провернул так, как я предполагаю, то он объясняет и запрос на двести восемьдесят девять долларов в первом письме к каждой из жертв.

— Стоп, стоп, — сказал Клайн, поднимая руку. — Еще раз и помедленнее.

Глава 45

Куй железо, пока горячо

Гурни еще раз все продумал. Сценарий казался слишком простым, поэтому он хотел убедиться, что не пропустил какого-нибудь важного момента, который бы нарушил стройность его новой гипотезы. Он заметил, насколько разные у всех лица за столом: одни выражали восхищение, другие — нетерпение, третьи — любопытство. Все ждали, когда он заговорит. Он глубоко вздохнул:

— Не стану утверждать, что все произошло ровно так, как мне кажется. Однако это единственный правдоподобный сценарий, который пришел мне на ум за все время, что я бился над этими цифрами, — то есть с того дня, когда Марк Меллери приехал ко мне домой и показал первое письмо. Он был так растерян и страшно боялся, что автор письма действительно хорошо его знает, раз угадал, какое число он назовет первым из тысячи. Я видел, что он паникует, что он в отчаянии. Наверняка то же самое испытывали и другие жертвы. Паника была целью этой игры. Откуда он может знать, какое я загадаю число? Откуда он может знать мои тайные помыслы? Что еще он может знать? Я видел, как его мучают эти вопросы, как они сводят его с ума.

— Честно говоря, Дэйв, — заговорил Клайн с плохо скрываемым нетерпением, — меня они тоже сводят с ума, так что чем скорее вы на них ответите, тем лучше.

— Это точно, — согласился Родригес. — Ближе к делу.

— Я не соглашусь, — внезапно сказала Холденфилд. — Я бы предпочла, чтобы детектив все рассказывал в своем темпе, как ему будет удобно.

— Все до смешного просто, — сказал Гурни. — Мне это кажется смешным сейчас, потому что чем дольше я всматривался в эту проблему, тем непроницаемее она мне казалась. И когда мы поняли, как он провернул трюк с цифрой 19, это не пролило света на историю с первой цифрой. Очевидный ответ ускользал от меня, пока сержант Вигг не вспомнила про почтовое мошенничество.

Было непонятно, являлось ли напряжение на лице Блатта результатом размышлений над очевидным ответом или же его просто пучило.

Гурни с благодарностью кивнул Вигг, прежде чем продолжить.

— Допустим, как и предположила сержант, наш одержимый убийца

посвящал два часа в день написанию писем, так что к концу года у него их было порядка одиннадцати тысяч. И допустим, он их отправил одиннадцати тысячам адресатов.

— Каким образом он выбирал адресатов? — скрипнул, как ржавые петли калитки, голос Джека Хардвика.

— Это хороший вопрос. Возможно, самый важный из всех. Я к этому еще вернусь. А пока давайте просто предположим, что одно и то же письмо было отправлено одиннадцати тысячам человек с просьбой загадать число от одного до тысячи. По теории вероятности, приблизительно одиннадцать человек выберет именно это число из тысячи возможных. Иными словами, статистическая вероятность такова, что одиннадцать из этих одиннадцати тысяч, загадывая случайное число, загадают именно 658.

Гримаса Блатта стала комичной. Родригес с недоверием качал головой:

— Мне кажется, мы перегибаем палку и ударяемся в фантазии.

— О каких фантазиях идет речь? — Гурни был скорее удивлен, чем оскорблен.

— Ну, вы тут разбрасываетесь цифрами без всякой доказательной базы, они все с потолка взяты.

Гурни терпеливо улыбнулся, хотя терпение его иссякло. На мгновение он задумался о том, как хорошо научился прятать свои истинные эмоции. Это была привычка, выработанная годами, — скрывать раздражение, обиду, злобу, страх, сомнения. Она помогла ему провести тысячи допросов, и он стал считать ее своим профессиональным методом, особой техникой. Но правда была в другом — эта привычка стала частью его самого, его отношения к жизни вообще.

— *Значит, папа не уделял тебе внимания, Дэвид. Тебе было плохо?*

— *Плохо? Да нет, не плохо. Я вообще ничего не чувствовал.*

Однако во сне печаль накрывала его с головой, он захлебывался ею...

Господи, нашел время для рефлексии.

Гурни вовремя вернулся к реальности, чтобы услышать, как Ребекка Холденфилд говорит не терпящим возражений голосом Сигурни Уивер:

— Лично мне кажется, что теория детектива Гурни далека от фантазий. Я нахожу ее вполне состоятельной и еще раз прошу, чтобы ему дали закончить.

Она обращалась к Клайну, который в ответ развел руками в знак того, что все хотят того же самого.

Гурни продолжил:

— Я не хочу сказать, что именно одиннадцать из одиннадцати тысяч выбрали число 658. Но одиннадцать — самое вероятное количество. Я

недостаточно хорошо разбираюсь в статистике, чтобы приводить формулы вероятности, может быть, кто-нибудь поможет мне?

Вигг прокашлялась.

— Чем шире диапазон, тем больше вероятность попасть в него случайно выбранному числу. Вероятность, соответствующая интервалу чисел, намного превышает вероятность, соответствующую любому числу из этого интервала. Например, я бы не поставила на то, что ровно одиннадцать человек из одиннадцати тысяч выберет одно и то же число от одного до тысячи, но если считать число плюс-минус семь в ту и другую сторону, то я бы уже предположила, что в нашем случае число 658 выберет как минимум четыре человека и не более восемнадцати.

Блатт прищурился:

— То есть вы говорите, что этот мужик отправил одиннадцать тысяч писем одиннадцати тысячам людей и в каждом было спрятано одно и то же число?

— Да, общая идея такова.

Холденфилд потрясенно кивнула и произнесла, не обращаясь ни к кому конкретно:

— И каждый, кто выбрал число 658, сколько бы их ни было, затем открыл маленький конвертик и нашел там записку, в которой говорилось, что автор знает его достаточно хорошо, чтобы угадать, какое число он выберет... Боже, да это же бомба!

— А все потому, — добавила Вигг, — что никто не догадывался, что письмо прислали не только ему. Что он всего лишь один из тысячи, случайно выбравший это число. То, что письма были написаны от руки, сделало свое дело. Это создало эффект личного обращения.

— Долбануться, — крикнул Хардвик. — То есть у нас серийный убийца занимается почтовым мошенничеством, чтобы находить себе жертв.

— Можно и так сказать, — произнес Гурни.

— Мне кажется, это самое невероятное, что мне приходилось слышать, — сказал Клайн, скорее потрясенно, чем с сомнением.

— Никто не станет писать от руки одиннадцать тысяч писем, — заявил Родригес.

— Никто не станет, — повторил Гурни. — Он рассчитывал ровно на такую реакцию. Если бы не история сержанта Вигг, я бы и сам такого не предположил.

— Если бы вы не вспомнили фокус вашего отца, — отозвалась Вигг, — я бы не вспомнила про ту историю.

— Ладно, поздравить друг друга еще успеете, — вмешался Клайн. —

У меня все равно остались вопросы. Например, зачем убийца потребовал ровно двести восемьдесят девять долларов восемьдесят семь центов и зачем попросил отправить эту сумму на чей-то чужой абонентский ящик?

— Деньги он просил по той же причине, по какой и мошенник из истории сержанта, — чтобы потенциальные жертвы себя обнаружили. Мошенник хотел знать, кто в списке его адресатов сделал что-то, чем его можно было бы шантажировать. Наш убийца хотел знать, кто из его списка выбрал цифру 658 и был настолько встревожен, что готов был заплатить, только бы узнать, кто так хорошо его знает. Я думаю, что сумма была такой, чтобы отделить искренне напуганных, как Меллери, от просто любопытных.

Клайн так сильно подался вперед, что оказался на самом краю стула.

— Но почему все же именно такая сумма с центами?

— Мне это не дает покоя с самого начала, и у меня нет окончательного ответа, но одна из вероятных причин — чтобы жертва прислала чек, а не наличные.

— В первом письме говорилось другое, — напомнил Родригес. — Там говорилось, что деньги можно было выслать чеком или наличными.

— Я понимаю, что это допущение, — сказал Гурни, — но я думаю, что выбор предлагался, просто чтобы отвлечь внимание от того факта, что ему нужен был именно чек. А сложная сумма должна была убедить использовать чек.

Родригес снова закатил глаза:

— Послушайте, я уже понял, что слово «фантазия» здесь никому не нравится, но по-другому это не назовешь.

— Почему было так важно, чтобы деньги были отправлены чеком? — спросил Клайн.

— Деньги убийце не были нужны. Как вы помните, ни один из чеков не был обналичен. Просто у него был доступ к ящику Дермотта, и он мог получить все, что хотел.

— Что он хотел?

— Что значится на чеке, помимо суммы и номера счета?

Клайн задумался:

— Имя и адрес держателя счета?

— Верно, — кивнул Гурни. — Имя и адрес.

— Но зачем?..

— Ему было нужно, чтобы жертва себя обнаружила. Он же отправил тысячи одинаковых писем. И каждая потенциальная жертва была убеждена, что письмо предназначается ему одному и отправлено кем-то, кто его

действительно хорошо знает. Что, если бы он отправил назад конверт с наличными? Ему бы не пришлось указывать свое имя и адрес, и убийца не мог напрямую попросить его включить их, потому что это разрушило бы впечатление личного знакомства. Получение чеков было способом узнать имена и адреса. А дальше, если предположить, что он подсматривал эту информацию в почтовом отделении, то простейший способ избавиться от чеков был дать им попасть в исходных конвертах в ящик Дермотта.

— Но для этого убийце пришлось бы открывать под паром и заново заклеивать конверты, — заметил Клайн.

Гурни пожал плечами:

— Другая вероятность — что у него был доступ к чекам после того, как Дермотт вскрыл конверты, и до того, как вернул чеки отправителям. Тогда не надо было бы мучиться с паром и перезаклеиванием, но тут возникают другие вопросы — нам надо исследовать дом Дермотта, узнать, у кого есть к нему доступ и так далее.

— А это, — громко проскрипел Хардвик, — возвращает нас к моему вопросу, который Шерлок наш Гурни недавно охарактеризовал как самый важный: кто входит в список одиннадцати тысяч потенциальных жертв?

Гурни поднял руку:

— Пока мы не начали искать на это ответ, давайте я напомним всем, что одиннадцать тысяч — всего лишь предположение. Это правдоподобное количество писем, которое поддерживает нашу гипотезу о цифре 658. Иными словами, это просто удобное нам число. Но, как сержант Вигг упоминала ранее, число может быть от пяти до пятнадцати тысяч. Любое количество в пределах этого интервала будет либо слишком малым, чтобы о нем говорить, либо достаточно большим, чтобы у нас было несколько человек, которые случайным образом выберут число 658.

— Есть, конечно, еще вероятность, что вы вообще не о том думаете, — заметил Родригес, — и все эти ваши спекуляции — просто колоссальная трата времени.

Клайн повернулся к Холденфилд:

— Что скажешь, Бекка? Мы что-то нащупали? Или зря тратим время?

— Некоторые аспекты этой теории меня искренне восхищают, однако я бы хотела повременить с выводами, пока не услышу ответа на вопрос сержанта Хардвика.

Гурни улыбнулся — на этот раз искренне:

— Он редко задает вопросы, если у него уже нет ответа. Поделись с нами, Джек.

Хардвик несколько секунд тер лицо руками — это был еще один тик,

который страшно раздражал Гурни, когда они работали над расследованием дела матере- и отцеубийцы Пиггерта.

— Если посмотреть на самую главную черту, присущую всем жертвам хотя бы в прошлом, — черту, о которой говорится в стихах с угрозой, — то можно предположить, что их имена были в списке алкоголиков. — Он помолчал. — Вопрос в том, что это мог быть за список.

— Список членов «Анонимных алкоголиков»? — предположил Блатт.

Хардвик покачал головой:

— Такого не существует. Они всерьез относятся к анонимности, по крайней мере официально.

— Может быть, список, составленный из каких-то официальных данных? — предположил Клайн. — Аресты, связанные с алкоголем, судебные разбирательства?..

— Такой список можно было бы составить, но как минимум две наших жертвы в нем не значились бы. Меллери никогда не арестовывали. Священника-педофила арестовывали, но арест касался совращения малолетнего — алкоголь там не фигурировал. Однако бостонский детектив рассказывал мне, что святой отец позже сумел снять с себя это обвинение, решив покаяться в меньшем грехе: он свалил свое поведение на пьянство и согласился пройти курс реабилитации.

— Это мог быть список пациентов реабилитационных центров?

— Возможно, — сказал Хардвик, растирая лицо с такой яростью, что было понятно, что это невозможно.

— Давайте рассмотрим этот вариант.

— Да легко, — отозвался Хардвик, и его хамский тон создал неловкое молчание, которое нарушил Гурни:

— Я пытался понять, есть ли какой-то общий территориальный признак у жертв, и рассматривал вариант с реабилитацией. К сожалению, это завело меня в тупик. Альберт Шмитт провел двадцать восемь дней в реабилитационном центре в Бронксе пять лет назад, а Меллери провел двадцать восемь дней в центре в Квинсе пятнадцать лет назад. Ни один из этих центров не проводит долгосрочной терапии, а значит, священник был в каком-то третьем центре. Так что даже если наш убийца работал в одном из этих центров и имел доступ к спискам пациентов, в этих списках значилось бы имя только одной из жертв.

Родригес развернулся на стуле и обратился к Гурни:

— Ваша теория полагается на существование гигантского списка — пять тысяч имен, может быть, десять тысяч, Вигг, кажется, даже говорила про пятнадцать, — цифра все время меняется! Такого списка просто не

могло быть. И к чему мы пришли?

— Терпение, капитан, — мягко произнес Гурни. — Я бы не сказал, что такого списка не могло быть, просто мы еще не поняли, что это за список. Похоже, я больше верю в ваши возможности, чем вы сами.

Родригес покраснел:

— Верите в мои возможности? Это вы о чем?

— Правильно ли я понимаю, что в тот или иной момент все жертвы были на реабилитации? — спросила Вигг, не обращая внимания на выпад капитана.

— Я не знаю насчет Карча, — сказал Гурни, который был только рад вернуться к теме. — Но я бы не удивился.

Хардвик подхватил:

— Детектив из Созертоне присылал нам его дело. Это был портрет настоящего придурка. Хулиганство, домогательства, шатался пьяный в публичных местах, буянил, сыпал угрозами, угрожал кому-то оружием, приставал к женщинам, водил машину в нетрезвом состоянии, несколько раз сидел в окружной тюрьме. Пьянство, особенно вождение в нетрезвом виде, почти гарантированно обеспечило ему срок в реабилитационном центре, хотя бы однажды. Могу попросить, чтобы в Созертоне уточнили.

Родригес отъехал на стуле от стола.

— Если жертвы не встречались в одном и том же центре и вообще не были в одном и том же центре даже в разное время, какая нам разница, проходили они реабилитацию или нет? Половина безработных лентяев и так называемых творческих личностей в мире в наши дни проходят реабилитацию. Это классическая обдираловка налогоплательщиков. О чем это нам говорит, если даже они все и проходили чертову реабилитацию? Что кому-то их за это хотелось убить? Вряд ли. Что они были алкоголиками? Мы это и так знали!

Гурни заметил, что ярость стала его обычной реакцией, она перебрасывалась с темы на тему, как пожар.

Вигг, которой адресовалась эта тирада, никак на нее не отреагировала.

— Детектив Гурни говорил, что все жертвы, по-видимому, связаны каким-то еще образом, помимо алкоголизма. Я полагаю, что реабилитационный центр мог бы быть связующим звеном или частью такого звена.

Родригес брезгливо рассмеялся:

— Мог быть то, мог быть се. Сегодня постоянно звучат слова «возможно», «предположим», но никаких реальных зацепок я не вижу.

Кайл выглядел расстроенным.

— Давай, Бекка, скажи нам, что ты думаешь. Мы на верном пути?
— Это сложный вопрос. Не знаю, с чего и начать.
— Я упрощу тебе задачу. Ты согласна с теорией Гурни? Да или нет?
— Да, согласна. То, как он описал терзания Меллери из-за записок, — я верю, что это может быть запланированной частью ритуала убийства.
— Но ты, мне кажется, все же в чем-то сомневаешься.
— Дело не в этом. Просто... это уникальный подход. Мучить жертву — достаточно частая составляющая поведения серийного убийцы, но я никогда не сталкивалась с тем, чтобы это происходило на расстоянии, так методично и хладнокровно. Обычно мучение жертвы подразумевает физическое воздействие, благодаря которому убийца чувствует свою власть. Однако в нашем случае мучитель воздействовал на сознание жертвы.

Родригес наклонился к ней:

— Вы хотите сказать, что это не совпадает с паттерном серийного убийцы? — Его тон напоминал адвоката, нападающего на враждебно настроенного свидетеля.

— Нет. Паттерн понятный. Я просто говорю, что у него свой уникальный способ этот паттерн реализовывать. Большинство серийных убийц отличаются высоким интеллектом. Некоторых — очень высоким. Наш убийца, возможно, и вовсе не знает себе подобных.

— Хотите сказать, что он умнее нас?

— Я этого не говорила, — невинно произнесла Холденфилд, — но вы, скорее всего, правы.

— В самом деле? Давайте-ка я это запишу для протокола, — сказал Родригес ледяным тоном. — Итак, ваша профессиональная позиция такова, что бюро криминальных расследований не способно постичь логику этого маньяка?

— Еще раз: я этого не говорила, — улыбнулась Холденфилд. — Но, скорее всего, вы снова правы.

Желтоватое лицо Родригеса снова сделалось пунцовым от ярости, но тут вмешался Клайн:

— Бекка, но ты ведь не хочешь сказать, что мы тут бессильны.

Она вздохнула как учительница, которой достался класс тугодумов.

— Факты по этому делу пока что подталкивают нас к трем выводам. Во-первых, тот, кого мы преследуем, играет с нами в игры и ему это прекрасно удастся. Во-вторых, он сильно замотивирован, хорошо подготовлен, внимателен и дотошен. В-третьих, он знает, кто следующий в списке жертв, а мы нет.

Клайн выглядел как человек, которому дали пощечину.

— Однако, возвращаясь к моему вопросу...

— Если ты ищешь свет в конце тоннеля, то есть один фактор в вашу пользу. Дело в том, что преступник — крайне организованный тип, однако есть шанс, что вскоре он потеряет контроль.

— Каким образом? Почему? Что значит «потеряет контроль»?

Пока Клайн задавал свои вопросы, Гурни почувствовал тяжесть в груди. Тревога настигла его вместе с кинематографически ясной картинкой: рука убийцы берет лист бумаги с восемью строками, которые он так опрометчиво отправил по почте накануне:

*Передо мной твои дела лежат, как на столе.
Ботинки задом наперед, глушитель на стволе.
Таит опасность солнце, таит опасность снег,
Опасен день, опасна ночь, закончится твой бег.
Игру, что ты затеял, сыграем до конца,
Ножка дождешься в горло от друга мертвеца.
Как только его тело в могилу опушу,
Его убийцы душу до ада дотащу.*

Медленно, словно бы с презрением, рука скомкала лист в крохотный комочек, и когда комочек стал не больше сжеванного куска жвачки, рука разжалась и дала ему упасть на пол. Гурни попытался прогнать тревожный образ из головы, но сюжет еще не исчерпал себя. Теперь в руке убийцы оказался конверт, в котором пришел стих, — стороной, на которой был написан адрес, с ясно различимой маркой, со штампом Уолнат-Кроссинг.

Уолнат-Кроссинг... Господи! В груди у Гурни похолодело, руки и ноги онемели. Как же он не предусмотрел очевидной проблемы? Так, надо успокоиться. И подумать. Что мог убийца сделать с этой информацией? Могла ли она привести его к их дому, к Мадлен?.. Он почувствовал, как глаза его расширяются, а кровь отливает от лица. Как он мог так отдаться маниакальному желанию написать письмо? Отчего он не задумался о штампе? Какой опасности он подверг Мадлен? Его мысли крутились вокруг последнего вопроса как лошадки на горячей карусели. Насколько серьезной была угроза? Насколько близкой? Нужно ли позвонить ей, предупредить? Но предупредить о чем? Разве что испугать до полусмерти... Боже, что еще он забыл предусмотреть из-за своей слепоты ко всему, кроме врага, войны с ним, поиска разгадки? Чью еще

безопасность — чью жизнь он мог поставить под угрозу из-за упрямого желания выиграть схватку? От вопросов у него закружилась голова.

В его страх вторгся голос. Он попытался схватиться за него, удержаться, чтобы вернуть себе равновесие.

Говорила Холденфилд:

— ...он одержим планированием, и для него отчаянно важно, чтобы реальность соответствовала его планам. Он одержим жадой управлять окружающими.

— Всеми? — уточнил Клайн.

— На самом деле у него довольно узкое поле зрения. Он хочет целиком и полностью, путем запугивания и убийств, контролировать своих жертв, которые, по всей видимости, символизируют некое подмножество мужчин-алкоголиков среднего возраста. Другие люди его не интересуют.

— Так с какого же момента он «потеряет контроль»?

— Дело в том, что совершение убийства для создания и поддержания чувства всемогущества — изначально проигрышная задача. Пытаться удовлетворить потребность в контроле путем убийств — это все равно что искать счастья в героине.

— Потому что со временем нужна все большая доза?

— Нужно больше и больше, а получаешь все меньше и меньше. Цикл эмоций становится все более коротким и трудноуправляемым. Начинают происходить вещи, которые преступник не предусмотрел. Я подозреваю, что нечто в этом духе произошло сегодня утром, из-за чего вместо мистера Дермотта оказался убит офицер полиции. Такие непредвиденные ситуации нарушают эмоциональную стабильность убийцы, одержимого абсолютным контролем, и эта раздерганность приводит к новым ошибкам. Это как машина с расшатанным валом. Когда она достигает определенной скорости, вибрация становится слишком сильной и разносит механизм на части.

— Как это применимо к нашему конкретному случаю?

— Убийца становится все более оголтелым и непредсказуемым.

Оголтелый. Непредсказуемый. Холодный ужас вновь зазмеился в груди у Гурни и пополз выше, к горлу.

— Значит, ситуация ухудшится? — уточнил Клайн.

— В каком-то смысле улучшится, в каком-то ухудшится. Если убийца, который раньше рыскал по темным аллеям и иногда убивал кого-то перочинным ножиком, вдруг выскочит на Таймс-сквер среди бела дня, размахивая топором, его, скорее всего, быстро поймают. Но прежде он успеет положить много народу.

— Значит, по-вашему, наш малыш входит в стадию размахивания топором? — Клайна эта история не столько насторожила, сколько заворожила.

Гурни сделалось нехорошо. Интонация непрошибаемых мачо, которой полицейские защищаются от страха, не всегда могла успокоить. Уж точно не сейчас.

— Да, — произнесла Холденфилд. Простота этого ответа отозвалась молчанием в переговорной. Немного погодя заговорил капитан, и тон его был предсказуемо возмущенным.

— Ну и что нам теперь прикажете делать? Объявить ориентировку на вежливого, образованного тридцатилетнего гения с расшатанным валом и топором наготове?

Хардвик мрачно усмехнулся, а Блатт заржал в голос.

Штиммель сказал:

— Иногда помпезный финал — это часть задуманного плана. — Это заявление привлекло внимание всех, кроме Блатта, который продолжал смеяться. Когда он наконец утих, Штиммель продолжил: — Кто-нибудь помнит дело Дуэйна Меркли?

Никто не помнил.

— Вьетнамский ветеран, — пояснил Штиммель. — У него вечно были проблемы с Советом ветеранов и вообще с законом. У него была злобная псина породы акита-ину, которая однажды сожрала соседских уток. Сосед вызвал копов. А Дуэйн, надо сказать, ненавидел копов. Через месяц акита сожрала соседского бигля. Сосед акиту пристрелил. В общем, конфликт ухудшается, происходит куча всякого дерьма. Доходит до того, что наш ветеран берет соседа в заложники и требует у него выкуп за акиту — пять тыщ долларов или смерть. Приезжает полиция, спецподразделение. Окружают дом. Но проблема была в том, что никто не догадался посмотреть в дело Дуэйна. И никто не знал, что во Вьетнаме он был подрывником. Он закладывал мины с дистанционной детонацией. — Штиммель замолчал, оставляя присутствующим домыслить продолжение.

— То есть этот ублюдок всех взорвал к чертовой матери? — потрясенно спросил Блатт.

— Не всех. Но шестерых положил, а еще шестерых сделал инвалидами.

Родригес недовольно поморщился:

— Это все к чему?

— К тому, что компоненты для мин он закупил на пару лет раньше. И такой финал был просто частью его плана.

Родригес покачал головой:

— Не улавливаю связь.

Гурни улавливал, и эта связь ему не нравилась.

Клайн посмотрел на Холденфилд:

— Бекка, а ты что думаешь?

— Думаю ли я, что наш преступник затеял масштабную развязку? Я уверена только в одном...

Ее перебил небрежный стук в дверь. Дверь затем открылась, в переговорную вошел сержант в форме и обратился к Родригесу:

— Сэр? Прошу прощения. Вам звонит лейтенант Нардо из Коннектикута. Я сказал, что вы на встрече, но он говорит, что дело срочное и нужно переговорить с вами прямо сейчас.

Родригес тяжело вздохнул, как будто на него возложили неподъемную ношу.

— Переведите звонок сюда, — сказал он, кивнув на телефон, стоявший на тумбочке у стены за его спиной.

Сержант вышел. Пару минут спустя телефон зазвонил.

— Капитан Родригес. — Еще пару минут он держал трубку и напряженно слушал. — Странная история, — сказал он наконец. — Настолько странная, что я, пожалуй, попрошу вас повторить ее для всех, лейтенант. Сейчас включу громкую связь. Вот, пожалуйста, расскажите, что вы только что сообщили мне.

Голос, раздавшийся из телефона мгновение спустя, был напряжен.

— Говорит Джон Нардо, полицейское управление Вичерли. Меня хорошо слышно? — Родригес подтвердил, и Нардо продолжил: — Как вам известно, одного из наших офицеров сегодня утром убили при исполнении возле дома Грегори Дермотта. Мы сейчас с командой экспертов обследуем место убийства. Двадцать минут назад мистеру Дермотту позвонили и сказали буквально следующее: «Ты следующий, а потом очередь Гурни».

Что? Гурни подумал, что ему послышалось.

Клайн попросил повторить цитату. Тот повторил.

— Телефонная компания что-нибудь сообщила про источник звонка? — спросил Хардвик.

— Звонок поступил из того же района. Никаких спутниковых координат, известна только вышка передачи. Номер звонившего не определен.

— Кто принял звонок? — спросил Гурни. Как ни странно, прямая угроза подействовала на него успокаивающе. Возможно, справиться с чем-то конкретным, формулируемым, ему было проще, чем с полем

бесконечных вероятностей. А может быть, дело было в том, что убийца не упомянул Мадлен.

— В каком смысле кто его принял? — переспросил Нардо.

— Вы сказали, что мистеру Дермотту позвонили, но не сказали, что именно он подошел к телефону.

— Теперь понял. Дермотт лежал с мигренью, когда зазвонил телефон. Он вообще сам не свой с того момента, как обнаружил тело. Один из экспертов подошел к телефону на кухне. Звонивший попросил позвать Дермотта, сказал, что он его близкий друг.

— Он представился?

— Да каким-то странным именем. Кривда... Корябда... нет, минутку, эксперт записал на листке. Вот. Харибда.

— Голос не показался странным?

— Любопытно, что вы об этом спрашиваете, мы как раз это обсуждали. Когда Дермотт поговорил с ним по телефону, он сказал, что было ощущение иностранного акцента, но искусственного, как будто кто-то нарочно пытается замаскировать свой голос. Слушайте, мне нужно возвращаться к работе. Просто хотел сообщить вам новости. Мы позвоним, когда узнаем что-нибудь еще.

После того как звонок прекратился, в переговорной наступило тягостное молчание. Затем Хардвик так громко прокашлялся, что Холденфилд поморщилась.

— Ну что, Дэйв, — прогремел он. — Ты снова на сцене. Твоя, значит, очередь. Ты прямо как магнит действуешь на серийных убийц, я смотрю. Нам осталось только подвесить тебя на удочку и подождать, пока он приплывет к нам.

Была ли Мадлен подвешена к той же удочке? Возможно, еще нет. Хотелось верить. В конце концов, первыми шли Дермотт и он. Если, конечно, убийца говорил правду. И если так, то у него оставалось время — и шанс на успех. Шанс исправить свою неосторожность. Как можно было быть таким неосмотрительным? Как можно было не задуматься о ее безопасности? Идиот!

Клайн выглядел озадаченным.

— Как вы угодили в его список?

— Понятия не имею, — произнес Гурни с напускным равнодушием. Его мучило чувство вины, и оттого любопытные взгляды Клайна и Родригеса казались ему откровенно враждебными. У него ведь было нехорошее предчувствие, когда он писал и отправлял этот чертов стишок, но он его проигнорировал, даже не задумавшись о его происхождении.

Теперь он был потрясен своей способностью пренебрегать прямой угрозой, не принимать ее в расчет — даже если это была угроза не только для него, но и для других. Что он чувствовал тогда? Приходило ли ему на ум, что Мадлен может оказаться в опасности? И если приходило — неужели он просто отмел эту мысль в сторону? Неужели он был настолько черствым? *Господи, только не это.*

Охваченный страхом, он все же был уверен в одной вещи. Оставаться в этой переговорной и обсуждать ситуацию дальше было неприемлемым. Если Дермотт был следующей мишенью, значит, это было ответом, где искать убийцу и где можно остановить угрозу раньше, чем она будет исполнена. А если он следующий после Дермотта, то лучше принять этот вызов как можно дальше от Уолнат-Кроссинг. Он отодвинулся от стола и встал:

— Простите, мне нужно отъехать.

Поначалу все непонимающе уставились на него. Затем Клайна осенило.

— Господи! — воскликнул он. — Вы что, решили поехать в Коннектикут?

— Я получил приглашение, и я его принимаю.

— Это безумие. Вы понятия не имеете, во что ввязываетесь.

— Вообще-то, — заметил Родригес, бросив брезгливый взгляд на Гурни, — место, где толпа полицейских ведет расследование, во всех смыслах довольно безопасно.

— В обычной ситуации это было бы правдой, — произнесла Холденфилд. — Но остается шанс... — Она помолчала, как будто обдумывая не до конца сформулированную мысль.

— Какой еще шанс? — рявкнул Родригес.

— Что убийца полицейский.

Глава 46

Все гениальное просто

Даже слишком просто.

Уничтожение двадцати профессиональных полицейских, казалось бы, требует более хитроумного плана. Дела такого масштаба должны быть сложными. В конце концов, это будет самое громкое убийство как минимум в истории современной Америки.

Мысль о том, что никто раньше такого не совершал, невзирая на видимую простоту реализации, одновременно возбуждала и тревожила его. Он наконец нашел утешение в следующем соображении: для человека с более низким интеллектом и меньшей способностью к концентрации внимания такой проект действительно мог быть не под силу, но он, с его ясностью ума и умением фокусироваться, просто не мог не справиться. Все относительно. Гений может с легкостью передвигаться по минному полю, на котором обычный человек непременно взорвался бы.

Химикаты было до смешного легко достать, они стоили недорого и были полностью легальными. Даже закупка больших объемов не вызывала подозрений, потому что их ежедневно продавали оптом для промышленных нужд. И все равно он покупал каждую партию (а их всего нужно было две) от имени разных поставщиков, чтобы исключить возможность, что кто-то свяжет между собой эти закупки, а два 200-литровых напорных бака он приобрел у третьего поставщика.

Теперь, когда он сидел с паяльником и доделывал конструкцию из трубок, которая должна была доставить смертельную смесь ее адресатам, его посетило восхитительное видение. Он представил себе один из возможных сценариев развития событий, и на лице его заиграла невольная улыбка, так этот сценарий щекотал его воображение. Он знал, что такое вряд ли случится, потому что химикаты могли повести себя непредсказуемо, но все же оставалась маленькая вероятность. По крайней мере, о ней можно было пофантазировать.

На сайте про химическую безопасность было одно предупреждение, которое он хорошо запомнил. Оно было обведено в красную рамочку и окружено восклицательными знаками. «Данная смесь хлора и аммиака не только производит смертельно токсичный газ, но также в указанных пропорциях является крайне нестабильной смесью и в случае возникновения искры может взорваться». Картинка, которая приводила

его в неописуемый восторг, была такой: все полицейское управление Вичерли попадает в его ловушку, невольно вдыхает ядовитый газ, в этот самый момент он запускает искру, и всех разрывает на куски. Когда он это себе представил, с ним случилось почти невероятное. Он засмеялся вслух.

Жаль, что его мать не могла оценить все великолепие и изощренность этого плана. Пожалуй, он слишком многого хотел. Опять же, если бы полицейских разнесло на крохотные куски, он не смог бы перерезать им глотки. А ему очень хотелось перерезать им глотки.

Мир был несовершенен. Во всем были плюсы и минусы. Оставалось только довольствоваться выпавшими тебе картами. Считать, что стакан наполовину полон.

Такова жизнь.

Глава 47

Добро пожаловать в Вичерли

Разобравшись с предсказуемыми возражениями по поводу поездки, Гурни отправился к своей машине и позвонил в управление Вичерли, чтобы уточнить адрес Грегори Дермотта, поскольку у него по-прежнему был только номер его абонентского ящика. Ему пришлось долго объяснять дежурной, кто он такой, и после этого еще ждать, пока она свяжется с Нардо и получит разрешение сообщить адрес. Оказалось, что она — единственный человек в управлении, не выехавший на место преступления. Гурни забил адрес в навигатор и отправился на восток, к мосту Кингстон-Райнклифф.

Вичерли находился к северу от центрального Коннектикута. На дорогу ушло около двух часов, которые Гурни провел в горьких размышлениях о своей неспособности позаботиться о безопасности жены. Этот промах настолько беспокоил и расстраивал его, что он заставил себя сосредоточиться на чем-нибудь еще и стал обдумывать основную теорию, возникшую утром на собрании.

Идея, что убийца каким-то образом добыл или сам составил список из нескольких тысяч человек, у которых в прошлом были проблемы с алкоголем, мучимых тайными страхами и чувством вины, а потом сумел поймать нескольких из них в сети загадки с числами, чтобы изводить их угрожающими стишками и затем ритуально убивать... вся эта цепочка, выглядевшая поначалу невероятной, теперь казалась более чем правдоподобной. Он вспомнил, как читал, что серийные убийцы в детстве часто с удовольствием мучили насекомых и мелких животных, например нанося им ожоги через увеличительное стекло. Один из его самых известных арестантов, Каннибал Клаус, в возрасте пяти лет таким образом ослепил кошку. Выжег ей глаза, направляя в них луч солнца через увеличительное стекло. Это было до ужаса похоже на то, как нынешний убийца заставлял своих жертв смотреть в свое прошлое и усиливал их страх, пока они не начинали извиваться от боли.

Обнаруживать закономерности, собирать кусочки пазла в единую картину — этот процесс обычно воодушевлял его, но в тот вечер радовал меньше обычного. Может быть, дело было в послевкусии от собственной неосторожности, от совершенной ошибки. Она комом стояла у него в горле.

Гурни небрежно следил за дорогой, за своими руками, лежащими на

руле. Странно. Руки казались ему чужими. Неузнаваемо старыми — как руки его отца. Крохотные пятна разрослись в размерах, и их стало больше. Если бы ему показали фотографии десятка разных рук, он не смог бы опознать среди них свои.

Он задумался, почему так получается. Быть может, если изменения происходят постепенно, мозг их не регистрирует, пока они не достигают критического размера. А возможно, причина лежит глубже.

Означает ли это, что мы всегда видим знакомые вещи в значительной мере такими, какими они были когда-то? Что мы застряли в прошлом не из-за ностальгии и не оттого что выдаем желаемое за действительное, а из-за какого-то замыкания в нейронных сетях, обрабатывающих информацию? Если то, что человек якобы «видит», состоит отчасти из оптических сигналов, а отчасти из памяти, а то, что он «воспринимает» в любой отдельный момент, — смесь свежих и старых впечатлений, то у выражения «застрять в прошлом» появляется новый смысл. Настоящее, таким образом, постоянно подвергается тирании прошлого, которое подсовывает устаревшую информацию под видом новых сенсорных впечатлений. Разве это не относится к серийному убийце, ведомому старой детской травмой? Насколько искажено его восприятие действительности?

Эта теория моментально захватила Гурни. Возникновение новой идеи, проверка ее на состоятельность всегда давали ему ощущение, что он контролирует ситуацию, ощущение, что жизнь продолжается, — но сегодня эти ощущения тяжело было удержать. Навигатор сообщил ему, что до поворота на Вичерли осталось триста метров.

После поворота дорога петляла среди полей, типовых домов, торговых центров, призраков ушедшей моды на летний отдых: полуразрушенный кинотеатр для машин, указатель на озеро с ирокезским названием.

Он вспомнил другое озеро, с другим индейским именем. Вокруг него вилась тропинка, по которой они с Мадлен гуляли однажды в выходные, в поисках хорошего места в Катскильских горах. Он помнил ее веселое лицо, когда они стояли на небольшом склоне, держась за руки, улыбаясь и глядя на подернутую рябью воду. С воспоминанием пришел укол вины.

Он до сих пор не позвонил ей и не сказал, что собрался делать и куда едет, а также насколько это отложит возвращение домой. Он не мог решить, о чем ей стоит рассказать. Например, нужно ли упомянуть о марке? Наконец он решил позвонить и разбираться по ситуации. Господи, помоги мне сказать то, что действительно нужно.

Учитывая, что он и без того был на взводе, Гурни решил перед звонком припарковаться. Первым пригодным для этого местом оказалась гравийная

обочина для парковки перед закрытой на зиму фермой. Он сказал системе распознавания голоса в телефоне: «Домой».

Мадлен ответила после второго гудка, ее голос был приветливым, даже воодушевленным — как всегда по телефону.

— Это я, — сказал он, подхватывая лишь малую толику ее оптимизма.

Она секунду помолчала.

— Ты где?

— Как раз звоню рассказать. Я в Коннектикуте, рядом с городком Вичерли.

Напрашивался вопрос «Почему?», но Мадлен не задавала очевидных вопросов. Она ждала.

— У дела очередное продолжение, — сказал он. — Может быть, все движется к развязке.

— Ясно.

Он слышал медленный, сдержанный вздох.

— Что-нибудь еще расскажешь? — спросила она.

Он выглянул в окно на пустующий прилавок для овощей. Хозяйство выглядело не столько закрытым на зиму, сколько заброшенным.

— Человек, которого мы ищем, стал неосторожным, — сказал он. — Может быть, у нас появилась возможность его остановить.

— «Человек, которого вы ищете»? — переспросила она, и от ее голоса повеяло холодом.

Он промолчал, не зная, как реагировать на ее тон.

Она продолжила, теперь не скрывая ярости:

— Ты хочешь сказать, кровавый маньяк, серийный убийца, который никогда не промахивается, который стреляет людям в шею, а потом перерезает им глотки? Ты его имеешь в виду?

— Да. Это и есть человек, которого мы ищем.

— И что, во всем Коннектикуте не хватает копов, чтобы с ним разобраться?

— Похоже, он обратил внимание на меня.

— Что?..

— Видимо, он узнал, что я работаю над его делом, и может попытаться сделать какую-нибудь глупость, что предоставит нам нужный шанс. Теперь у нас появилась возможность выйти на него напрямую, а не тащиться по его следам.

— Что?! — Это был даже не вопрос, а болезненное восклицание.

— Все будет хорошо, — произнес он не слишком убедительно. — Он начал терять контроль. Начался процесс саморазрушения. Нам просто надо

быть на месте, когда это произойдет.

— Когда это было твоей работой, тебе надо было быть на месте. Теперь это не твое дело.

— Мадлен, черт побери, я коп! — Слова вырвались из него, как застрявшая кость вырывается из горла. — Почему ты никак этого не поймешь?

— Нет, Дэвид, — спокойно ответила она. — Ты был копом. А теперь ты не коп. И ты не обязан там быть.

— Я уже приехал. — В наставшей тишине его вспышка ярости отступила, как уходящая волна. — Все в порядке. Я знаю, что делаю. Ничего плохого не случится.

— Дэвид, ты в своем уме? Почему тебе надо подставляться под пули? Ждешь, когда одна из них тебе угодит прямо в голову? Да? Хочешь, чтобы наша совместная жизнь вот так и закончилась? Чтобы я просто ждала, ждала, ждала, когда тебя наконец убьют? — Ее голос так отчаянно надломился на слове «убьют», что он не нашелся что ответить.

Мадлен заговорила сама — настолько тихо, что он едва различал слова:

— Зачем ты это делаешь?

— Зачем?.. — Вопрос застиг его врасплох. Он почувствовал, что теряет равновесие. — Я не понимаю вопроса.

Ее внимательное молчание окутало его через километры, давило на него.

— О чем ты говоришь? — переспросил он, чувствуя, как сердце начинает учащенно биться.

Он слышал в трубке ее дыхание. Понимал, что она сейчас на что-то решается. И когда она вновь заговорила, это снова был вопрос, такой тихий, что он его едва расслышал:

— Это из-за Дэнни?

Он чувствовал, как сердце бьется в шее, в висках, в руках.

— Почему? При чем здесь Дэнни?.. — Он не хотел слышать ответ, только не сейчас, когда столько всего предстояло сделать.

— Господи, Дэвид, — произнесла она. Он представил, как она грустно качает головой, готовясь продолжить эту труднейшую из тем. Если Мадлен открывала дверь, она не отступала, а шла вперед.

Она судорожно вздохнула и продолжила:

— До того, как Дэнни погиб, твоя работа занимала основную часть твоей жизни. А после она стала ее смыслом. Единственным смыслом. Ты только работой и занимался последние пятнадцать лет. Иногда мне кажется,

что ты таким образом пытаешься что-то искупить, что-то забыть... с чем-то покончить. — Это прозвучало как диагноз.

Чтобы не потерять почву под ногами, Гурни уцепился за факты.

— Я еду в Вичерли, чтобы помочь поймать человека, который убил Марка Меллери. — Он слышал свой голос со стороны, будто он был чужой, принадлежал кому-то старому, испуганному, неповоротливому... человеку, который изо всех сил пытался звучать убедительно.

Она не обратила внимания на его слова и продолжила свою мысль:

— Я надеялась, что если мы откроем ту коробку, посмотрим на его рисунки... то сможем вместе попрощаться с ним. Но ты не можешь прощаться, правда? Ты ни с чем не можешь расстаться.

— Я не понимаю, о чем ты сейчас, — возразил он. Но это было неправдой. Когда они собрались переезжать из города в Уолнат-Кроссинг, Мадлен провела несколько часов, прощаясь — с соседями, с домом, с вещами, которые они оставляли, с домашними растениями. Его это раздражало. Он ворчал, что она слишком сентиментальна, что разговаривать с неодушевленными предметами ненормально, что все это только осложняет переезд. Но дело было не только в этом. Ее поведение задевало какую-то часть него, о которой он не хотел знать и которую Мадлен снова задела, — ту часть, которая ненавидела прощаться, не умела справляться с расставанием.

— Ты убираешь некоторые вещи с глаз долой, — сказала она. — Но они от этого не пропадают, ты же не отпускаешь их по-настоящему. Надо посмотреть на жизнь Дэнни, чтобы отпустить ее. Но ты не хочешь этого делать. Ты просто хочешь... чего ты хочешь, Дэвид? Чего? *Умереть?*.. — Последовала долгая тишина.

— Ты хочешь умереть, — повторила она. — Вот этом все и дело, да?

Он ощутил пустоту, которая, как он думал, бывает только в центре урагана. Чувство, похожее на абсолютный вакуум.

— Я делаю свою работу, — сказал он. Это была ненужная банальность. Можно было и промолчать.

Тишина затянулась.

— Слушай, — произнесла она негромко. — Ты же не обязан продолжать этим заниматься... — Затем, едва различимо, отчаявшись, она добавила: — Хотя, может быть, я ошибаюсь. Может, это моя напрасная надежда.

Он не знал, что сказать. И не знал, что думать.

Он просто сидел — глядя в одну точку, почти не дыша. В какой-то момент — он не знал, в какой именно, — связь прервалась. Он ждал в

охватившей его пустоте и хаосе, что возникнет какая-нибудь спасительная мысль, подсказка, руководство к действию.

Вместо этого пришло ощущение абсурда — даже в момент, когда они с Мадлен были по-настоящему открыты друг с другом, их разделяло больше сотни километров, они были в разных штатах и были вынуждены слушать тишину в своих мобильниках вместо друг друга.

Он также понял, о чем не смог заговорить, о чем не нашелся как рассказать ей. Он не сказал ни слова о своей оплошности с маркой, о том, что это могло привести убийцу к их дому, — и о том, что это напрямую следовало из его одержимости расследованием. Эта мысль пришла болезненным эхом: похожая одержимость работой предшествовала смерти Дэнни пятнадцать лет назад, а может быть, и явилась ее причиной. Удивительно, как Мадлен сумела связать ту смерть с его нынешней страстью к работе. Удивительно и, приходилось признать, до ужаса точно.

Он понял, что надо перезвонить ей, признаться в своей ошибке, предупредить ее об опасности, которой он ее подверг. Он набрал номер, стал ждать ее теплого голоса. Телефон звонил, звонил, звонил. Голос наконец раздался, но это была запись его собственного голоса — немного неловкого, несколько строгого и едва ли дружелюбного. Затем прозвучал сигнал.

— Мадлен? Мадлен, ты слышишь? Пожалуйста, возьми трубку, если слышишь. — Он почувствовал тяжесть отчаяния в солнечном сплетении. Он не мог сказать ей ничего осмысленного за выделенную для сообщения минуту, ничего, что не навредило бы сильнее, чем могло бы помочь, ничего, что не создало бы паники. В итоге он просто сказал: — Я люблю тебя. Береги себя. Люблю. — Раздался гудок, и связь снова прервалась.

Он сидел, охваченный болью и смятением, глядя на полуразвалившийся овощной прилавок. Казалось, он мог бы сейчас заснуть и проспать целый месяц. Или целую вечность. Вечность была бы предпочтительнее. Это было очень опасное состояние — именно такие мысли вынуждали уставших путешественников в Арктике ложиться в снег и замерзать до смерти. Нужно было сосредоточиться. Двигаться дальше. Заставить себя шевелиться. Мало-помалу его мысли вновь собрались вокруг дела, которое ждало его в Вичерли. Убийца, которого следовало вычислить. Жизни, которые следовало спасти. Жизнь Грегори Дермотта, его собственная и, может быть, Мадлен. Он завел машину и поехал вперед.

По адресу, куда его в итоге привел навигатор, оказалось невзрачное здание в колониальном стиле, стоявшее на обьездной дороге, где было мало машин и не было тротуаров. Слева, сзади и справа участок вокруг дома был

окружен зарослями туи. Перед домом росли кусты самшита. Повсюду стояли полицейские машины — Гурни посчитал, что их было больше дюжины, они стояли под разными углами у кустов и местами перегораживали дорогу. На большинстве были наклейки полицейского управления Вичерли. На трех не было никаких особых знаков, кроме мигалок на крышах. Машин из главного управления Коннектикута не было — возможно, этого следовало ожидать. Возможно, это было не самым разумным или эффективным подходом, но он мог понять желание местного управления разобраться с преступлением самостоятельно, когда речь шла об убийстве кого-то из своих. Гурни начал парковаться на клочке земли, переходящем в асфальт, когда огромный молодой коп в форме вышел и жестами стал показывать ему, чтобы он уезжал. Гурни достал документы. Великан подошел к нему напряженной походкой, с поджатыми губами. Вздутые мускулы на его шее едва уместались в воротник и, казалось, упирались в самые щеки.

Он внимательно посмотрел на документы Гурни и наконец сказал:

— Здесь сказано, что вы из Нью-Йоркского управления.

— Я приехал к лейтенанту Нардо, — сказал Гурни.

Коп смерил его подозрительным взглядом. Из-под рубашки угрожающе выпирали накачанные грудные мышцы. Наконец он пожал плечами:

— Он внутри.

В начале длинного въезда, на столбе высотой с почтовый ящик, висела серая железная вывеска с черными буквами: «СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДЖИ-ДИ». Гурни прошел под желтой лентой, которой была обтянута вся территория. Как ни странно, именно ощущение холодной ленты, коснувшейся его шеи, заставило его впервые за день отвлечься от беспокойных мыслей и задуматься о погоде. День был сырой, серый, безветренный. Ключья снега, растаявшие и вновь замерзшие, лежали под кустами. На въезде виднелись черные участки льда на местах выбоин в покрытии дороги.

На входной двери висела более скромная табличка с названием компании. Рядом была наклейка, гласившая, что дом защищен бесшумной сигнализацией «Аксон». Гурни поднялся по ступенькам окруженного колоннами крыльца, когда дверь перед ним открылась. Это не было приглашением. Человек, который вышел из дома, закрыл ее за собой. Он бросил короткий взгляд на Гурни, раздраженно разговаривая по телефону. Это был крепко сбитый, спортивный мужчина на пятом десятке, с обветренным лицом и злыми глазами. На нем была черная ветровка с ярко-

желтой надписью «полиция» на спине.

— Теперь слышно? — Он сошел с крыльца на побитый морозом газон. — А теперь слышно? Отлично. Мне, говорю, нужен еще один специалист, и побыстрее... Нет, не годится, он нужен прямо сейчас, пока не стемнело. Я говорю: прямо сейчас. Черт, какая часть этой фразы вам непонятна? Отлично. Спасибо. Очень обяжете.

Он сбросил звонок и потряс головой:

— Идиот хренов.

Затем он посмотрел на Гурни:

— Вы кто?

Гурни не отреагировал на агрессию в его голосе. Он понимал, откуда она взялась. Эмоции всегда бурлили на месте убийства полицейского — это была плохо контролируемая клановая ярость. Кроме того, он узнал по голосу человека, который отправил погибшего офицера к дому Дермотта, — это был Джон Нардо.

— Я Дэйв Гурни, лейтенант.

Очевидно, в голове лейтенанта пронеслось сразу несколько мыслей и все они были неприятными. Наконец он просто спросил:

— Зачем вы здесь?

Такой простой вопрос, а он даже приблизительно не знал, что на него ответить. Он решил суммировать вкратце:

— Убийца сообщил, что хочет убрать Дермотта и меня. Дермотт уже здесь, теперь я тоже. Все, что этому ублюдку надо. Идеальная приманка. Может быть, он теперь сделает следующий шаг и мы его повяжем.

— Вот так просто? — Голос Нардо был до предела полон безадресной враждебностью.

— Если хотите, — предложил Гурни, — я могу рассказать вам о наших соображениях по делу, а вы поделитесь своими новостями.

— Своими новостями? Я обнаружил, что коп, которого я отправил к этому дому по вашей просьбе, погиб. Его звали Гэри Сассек. Через два месяца он собирался увольняться. Я обнаружил, что ему практически отрезали голову разбитой бутылкой из-под виски. Обнаружил пару окровавленных башмаков рядом с гребаным садовым стулом возле кустов. — Он махнул в сторону задней части дома. — Дермотт никогда этого стула раньше не видел. И его сосед тоже. Откуда, спрашивается, эта дрянь взялась? Или этот псих притащил его с собой?

Гурни кивнул:

— Скорее всего, так и было. Это все составляющие уникального ритуала убийства. Как и разбитая бутылка. Марка виски была, часом, не

«Четыре розы»?

Нардо уставился на него невидящим взглядом, как будто воспринимал его голос с запаздыванием.

— Нда, — произнес он. — Пройдемте внутрь.

За входной дверью оказался просторный, пустой холл. Ни мебели, ни ковров, ни картин на стенах, только огнетушитель и пара сенсоров пожарной сигнализации на потолке. В конце холла была еще одна дверь, за которой, как предположил Гурни, находилась терраса, на которой Грегори Дермотт тем утром обнаружил тело полицейского. Неразличимые голоса с той стороны подсказывали, что эксперты все еще работают на месте убийства.

— А где Дермотт? — спросил Гурни.

Нардо указал большим пальцем на потолок:

— В спальне. У него от стресса мигрени, а от мигреней его тошнит. Он вообще не сказать чтоб в хорошем расположении духа. И до того был не в себе, а уж после телефонного звонка, когда ему сказали, что он следующий... мрак.

У Гурни было много вопросов, но он чувствовал, что лучше уступить Нардо ведущую роль в разговоре. Он огляделся. Справа был вход в большую комнату с белыми стенами и голым дощатым полом. В середине комнаты на длинном столе в ряд стояло около дюжины компьютеров. Телефоны, факсы, принтеры, сканеры, запасные накопители стояли на другом длинном столе вдоль дальней стены. На той же стене висел еще один огнетушитель. Вместо пожарной сигнализации там были встроенные противопожарные брызгалки.

Окон было всего два, и оба слишком маленькие для такого помещения — невзирая на белые стены, комната напоминала тоннель.

— У него здесь вроде офиса, а сам он живет наверху. Пойдемте в другую комнату, — сказал Нардо, кивая на дверь с другой стороны. За ней оказалась такая же неуютная комната размером с половину предыдущей и всего с одним маленьким окном, отчего она была похожа даже не на тоннель, а на пещеру. Нардо щелкнул выключателем, когда они вошли, и четыре встроенных потолочных светильника превратили комнату в белый ящик. Одна стена была заставлена шкафами с папками, у другой стоял стол с двумя компьютерами, у третьей был столик с кофейным аппаратом и микроволновкой, а посередине стояли пустой стол и четыре стула. В этой комнате была и сигнализация и брызгалки. Гурни это напомнило вылизанную версию комнаты отдыха в последнем участке, где он работал. Нардо сел на один из стульев и жестом предложил Гурни присоединиться к

нему. Затем он принялся яростно тереть виски, как будто пытаюсь выжать усталость из головы. Судя по выражению его лица, это не помогало.

— Мне не нравится эта история с приманкой, — сказал он наконец, сморщив нос на слове «приманка», как будто оно плохо пахло.

Гурни улыбнулся:

— Это только часть объяснения.

— А какая другая часть?

— Я пока не знаю.

— Приперлись сюда, чтобы строить из себя героя?

— Вряд ли. Просто у меня чувство, что я могу быть здесь полезен.

— Вот как? А если у меня нет такого чувства?

— Ваше слово здесь закон, лейтенант. Скажете мне ехать назад — я поеду.

Нардо смерил его еще одним долгим, циничным взглядом. В итоге, казалось, он передумал, хотя это нелегко ему далось.

— Значит, «Четыре розы» — часть ритуала, говорите?

Гурни кивнул.

Нардо глубоко вздохнул. Казалось, у него болело все тело. Или весь мир вокруг.

— Ладно, детектив. Пожалуй, вам пора рассказать мне, что я там еще не знаю.

Глава 48

Дом с биографией

Гурни рассказал про следы, оставленные задом наперед, про стихи, про замаскированный голос по телефону, про два странных фокуса с цифрами, про связь предыдущих жертв с алкоголем, про вызовы, адресованные полиции, про надпись «REDRUM» на стене и подпись «мистер и миссис Сцилла» в «Рододендроне», про заносчивость и ум убийцы. Он пересказывал детали трех известных ему убийств, пока ему не стало ясно, что Нардо не сможет переварить больше информации. Тогда он подытожил то, что ему казалось самым главным:

— Он хочет подчеркнуть две вещи. Во-первых — что у него есть власть наказывать алкашей. Во-вторых — что полиция беспомощна. Его преступления специально продуманы как своеобразные игры, загадки. Он умен, одержим и дотошен. До настоящего момента он не оставил нам ни одного волоска, ни отпечатка пальца, ни капли слюны, ни ворсинки от одежды, ни случайного следа от ботинка. Он не совершил ни одной ошибки. Правда в том, что мы очень мало знаем о его методах или о его мотивах помимо того, что он сам захотел нам сообщить. С одним возможным исключением.

Нардо устало, но с интересом поднял бровь.

— Некто доктор Холденфилд, которая написала великолепное исследование по серийным убийцам, считает, что он дошел до критической стадии в процессе и вот-вот совершит некий резкий поступок.

Нардо поиграл желваками, затем заговорил со сдавленной яростью:

— То есть мой мертвый друг там на террасе — это только разминка?

На такой вопрос было невозможно, да и не нужно отвечать. Они посидели в тишине, пока негромкий звук, похожий на прерывистое дыхание, не обратил их внимание на дверь. Неожиданно для такого незаметного появления там оказался огромный коп, который охранял стоянку. У него был такой вид, точно у него болели все зубы сразу.

Нардо почуял неладное.

— Что случилось, Томми?

— Нашли жену Гэри.

— О господи. И где она?

— Едет домой с городской стоянки. Она водит школьный автобус.

— А, точно. Черт. Мне надо бы самому съездить, но я не могу тут все

бросить. Где носит шефа, кто-нибудь знает?

— Он в Канкуне.

— Да я знаю, что он в гребаном Канкуне. Какого хрена он не проверяет автоответчик? — Нардо глубоко вздохнул и закрыл глаза. — Хакер и Пикардо, пожалуй, были ближе всего к их семье. Пикардо, кажется, даже какой-то родственник жены, нет? Короче, отправь Хакера и Пикардо. Н-да... Но пусть Хакер сначала ко мне зайдет.

Огромный коп исчез так же тихо, как появился.

Нардо снова вздохнул. Он заговорил так, будто его ударили по голове и он с усилием пытался прийти в себя:

— Короче, вы говорите, они все были алкоголики. Но Гэри Сассек не был алкоголиком, так что же получается?

— Он был копом. Возможно, этого было достаточно. А может быть, он встал у него на пути, когда тот собирался убить Дермотта. Может быть, есть и еще какое-то объяснение.

— Какое?

— Понятия не имею.

Задняя дверь хлопнула, раздались громкие шаги, и юркий человек в штатском появился в дверях:

— Вы меня звали?

— Прости, дружище, что взваливаю это на тебя, но мне надо, чтобы вы с Пикардо...

— Я в курсе.

— Ясно. Ну что ж. Вы там будьте кратки. Не усложняйте. «Убит, защищая предполагаемую жертву. Погиб героически». Что-нибудь в этом духе. Черт! Я имею в виду — никаких этих жутких подробностей про лужу крови. Понимаешь, к чему я клоню? Подробности ей потом сообщат, если будет нужно. Но пока...

— Я все понял, сэр.

— Хорошо. Слушай, прости, что я не могу сделать это сам. Но я не могу тут все бросить. Скажи, что я вечером к ней заеду.

— Да, сэр. — Мужчина помедлил на пороге, пока не стало ясно, что Нардо больше нечего сказать. Тогда он ушел обратно и снова хлопнул дверью, но на этот раз гораздо тише.

Нардо снова вспомнил о разговоре с Гурни.

— Я что-то пропустил или у вас сплошные теории насчет этого дела? В смысле, я ничего не услышал про список подозреваемых и вообще никакой конкретики, которую можно было бы расследовать. Я прав?

— Более-менее.

— И вся эта хренова куча улик — конверты, бумага с записками, красные чернила, ботинки, записанные разговоры, возвращенные чеки, даже послания, оставленные этим психом на оборотах записок, — все это никуда не ведет?

— Можно и так сказать.

Нардо покачал головой:

— Короче говоря, вы понятия не имеете, кого и где надо искать.

Гурни улыбнулся:

— Может быть, за этим я здесь.

— Это как же?

— Я понятия не имею, куда еще мне идти.

Это было простое признание простого факта. Интеллектуальное удовлетворение от вычисления тактических деталей ритуала убийцы, конечно, было ничем в сравнении с отсутствием какого-либо заметного прогресса по основному вопросу, так легко сформулированному Нардо. Гурни приходилось признать, что, невзирая на находки, касающиеся периферии дела, он был так же далек от того, чтобы вычислить и обнаружить убийцу, как тем утром, когда Марк Меллери принес ему загадочные записки и попросил о помощи.

У Нардо в лице что-то изменилось, как будто его черты смягчились.

— У нас в Вичерли никогда не было убийств, — сказал он. — Настоящих. Пара непредумышленных, пара погибших в ДТП и один спорный случай на охоте. Никогда не было такого убийства, чтобы хотя бы одна сторона не была при этом в дрезину пьяна и не соображала, что делает. По крайней мере, за последние двадцать четыре года.

— Вы столько лет на службе?

— Да. Единственный, кто дольше меня в этом управлении... был... Гэри. Собирался отмечать двадцатипятилетие. Жена хотела, чтобы он на двадцатый год уволился, но он решил, что если прослужит еще пять, то... черт! — Нардо вытер глаза. — У нас на службе не часто ребята погибают, — сказал он, как будто надо было как-то объяснять свои слезы.

Гурни хотел сказать ему, что знает, каково терять коллегу. Он потерял сразу двоих в неудачном захвате. Но он вместо того просто понимающе кивнул.

Помолчав минуту или около того, Нардо прокашлялся:

— Хотите пообщаться с Дермоттом?

— Вообще-то да. Просто не хочу вам мешать.

— Не помешаете, — грубовато сказал Нардо, и Гурни подумал, что он пытается теперь отыгаться за проявленную слабость. Затем он добавил,

уже нормальным тоном: — Вы же с ним по телефону разговаривали раньше?

— Да.

— То есть он знает, кто вы такой.

— Да.

— Значит, я вам не нужен. Просто расскажите, как прошло, когда поговорите.

— Как скажете, лейтенант.

— Дверь справа от лестницы. Удачи.

Поднимаясь по дубовой лестнице, Гурни размышлял, сможет ли второй этаж больше рассказать о личности владельца, чем первый, где напрочь отсутствовало домашнее тепло, разве что в перегретых компьютерах. Во всяком случае, пролет в конце лестницы продолжал тему безопасности: такой же огнетушитель и сигнализация с брызгалками на потолке. Гурни подумал, что Дермотт определенно ужасный перестраховщик. Он постучал в дверь, про которую говорил Нардо.

— Да? — отозвался усталый, раздраженный и хриплый голос.

— Это следователь Гурни, мистер Дермотт. Можно с вами поговорить минутку?

Пауза.

— Гурни?..

— Дэйв Гурни. Мы говорили по телефону.

— Заходите.

Гурни открыл дверь и оказался в комнате, погруженной в полумрак из-за частично задернутых штор. Здесь была кровать с тумбочкой, бюро, кресло и письменный стол у стены, перед которым стоял складной стул. Вся мебель была из темного дерева, современная и на первый взгляд довольно дорогая. Покрывало на кровати и ковер были серые, невыразительные. Хозяин комнаты сидел в кресле лицом к двери, слегка клонясь на сторону, как человек, нашедший позу, в которой испытывает наименьший дискомфорт. Гурни поразился, насколько это был характерный типаж для среды айтишников. В тусклом свете трудно было различить его возраст. Вероятно, тридцать с небольшим.

Дермотт несколько секунд рассматривал Гурни, как будто надеясь различить в его чертах ответ на какой-то вопрос, затем наконец негромко заговорил:

— Они вам сказали?

— Про что?

— Про звонок от психа-убийцы.

— Да, я в курсе. Кто подошел к телефону?

— Кто подошел? Видимо, кто-то из полицейских. Один пришел, чтобы меня позвать.

— Звонивший попросил вас по имени?

— Наверное. Я не знаю... вероятно. Полицейский сказал, что звонят мне.

— Голос не показался вам знакомым?

— Станный был голос.

— В каком смысле?

— Ненормальный. То визгливый по-женски, то басистый. Акцент какой-то непонятный. Похоже на дурацкую шутку, только все всерьез. — Он сжал виски пальцами. — Он сказал, что я следующий, а затем вы. — Казалось, он скорее раздражен, чем напуган.

— Были какие-нибудь фоновые шумы?

— В каком смысле?

— Кроме голоса звонившего вы слышали что-нибудь еще? Музыку, шум дороги, другие голоса?

— Нет, ничего такого.

Гурни кивнул и огляделся:

— Не возражаете, если я сяду?

— Что? Конечно садитесь. — Дермотт широким жестом указал на всю комнату, как будто она была заставлена стульями.

Гурни присел на край кровати. У него было чувство, что Грегори Дермотт — ключевая фигура в этом деле. Если бы только понять, какой нужно задать вопрос. Какую затронуть тему. С другой стороны, иногда разумнее всего было молчать. Создать пустоту и посмотреть, как собеседник решит ее заполнить. Он долго сидел неподвижно, глядя на ковер. Этот подход требовал терпения. И еще — хорошего чутья, чтобы понять, в какой момент молчание становится напрасной тратой времени. Этот момент как раз приблизился, когда Дермотт вдруг заговорил:

— При чем здесь я? — Голос его был расстроенным, это была скорее жалоба, а не вопрос, и Гурни решил не отвечать.

Через несколько секунд Дермотт продолжил:

— Мне кажется, это как-то связано с этим домом. — Он помедлил. — Позвольте, я кое-что спрошу у вас, детектив. Вы знаете кого-нибудь из полицейского управления Вичерли лично?

— Нет. — Ему немедленно захотелось уточнить, зачем он спросил, но решил, что вскоре и так узнает.

— Никого, ни сейчас, ни в прошлом?

— Никого. — Он видел по глазам Дермотта, что его это не убедило, и продолжил: — До того, как в письме Марку Меллери я увидел инструкцию, куда отправить чек, я даже не знал, что Вичерли существует.

— И никто никогда не рассказывал вам, что происходило в этом доме?

— А что происходило?

— Дело было очень давно.

— Я слушаю, — с интересом сказал Гурни.

Было похоже, что Дермотта беспокоит не только головная боль.

— Так что же здесь было?

— Это все информация из третьих рук, — сказал Дермотт, — но когда я купил этот дом, соседка рассказала мне, что двадцать с чем-то лет назад тут поссорились муж и жена и муж жену пытался зарезать.

— И вы видите какую-то связь?

— Может, это и совпадение, но...

— Да-да?

— Я об этой истории давно забыл. Сегодня вспомнил. Сегодня утром, когда нашел... — Он скривил губы, как будто его тошнило.

— Не спешите, — сказал Гурни.

Дермотт сжал виски руками.

— У вас есть пистолет?

— Есть.

— С собой?

— Нет. Я не ношу с собой оружия с тех пор, как ушел из Нью-Йоркского управления. Если вас волнует безопасность, то в радиусе ста метров от вашего дома больше дюжины вооруженных копов, — сказал Гурни.

Казалось, Дермотта это не убедило.

— Вы говорили, что сегодня утром о чем-то вспомнили.

Дермотт кивнул:

— Я и думать забыл об этой истории, но вспомнил, когда увидел... лужу крови.

— Что вы вспомнили?

— Женщина, которую пытались убить в этом доме, — ей тоже перерезали горло.

Глава 49

К смерти на поклон

Ныне покойная соседка Дермотта сказала, что убийство произошло «двадцать с чем-то» лет назад — а значит, это могло быть меньше двадцати пяти лет назад, а это, в свою очередь, могло означать, что как Джон Нардо, так и Гэри Сассек могли уже служить в полиции в момент преступления. Картина была не очень ясна, но Гурни показалось, что элемент мозаики встает на место. У него еще оставались вопросы к Дермотту, но это могло подождать, сперва следовало поговорить с лейтенантом.

Он оставил Дермотта сидеть в кресле с задернутыми шторами. Вид у него был по-прежнему подавленный. Гурни начал спускаться по лестнице и увидел, что женщина-офицер в комбинезоне эксперта и в резиновых перчатках спрашивала у Нардо, что делать с участками, которые уже обследовали на предмет следов улик.

— Оставьте ограждение и никого туда не пускайте, может, нам придется пройти по ним повторно. Стул, бутылку и что там еще нашли нужно отвезти в участок.

— А что делать с фигней, которая на столе?

— Засуньте в кабинет Кольберта.

— Он не обрадуется.

— Да мне это по... Слушайте, просто решите проблему, ладно?

— Да, сэр.

— И пока вы не ушли, скажите большому Томми, чтобы он оставался у входа в дом, а Пат скажите, чтоб сидела у телефона. Все остальные пусть пойдут по соседям. Я хочу знать, мог ли кто-то здесь увидеть или услышать что-то необычное за пару последних дней, а особенно вчера поздно вечером или сегодня рано утром — незнакомые люди, непонятные припаркованные машины, может быть, кто-то ошивался и рассматривал окрестности, может быть, кто-то очень торопился, любая информация.

— В каком радиусе стоит производить опрос?

Нардо посмотрел на часы:

— Куда успеют дойти за шесть часов. А дальше что-то решим. Если хоть что-то всплывет, немедленно доложить мне.

Офицер отправилась по своим делам, а Нардо повернулся к Гурни, который уже стоял внизу:

— Узнали что-нибудь дельное?

— Не уверен, — негромко произнес Гурни, приглашая Нардо жестом в комнату, где они раньше сидели. — Может быть, вы поможете мне разобраться.

Гурни сел в кресло лицом к двери. Нардо встал за стулом на другом конце стола. Лицо его выражало любопытство и что-то еще, чего Гурни не смог распознать.

— Вы знали, что в этом доме произошло убийство?

— О чем вы?

— Вскоре после того, как Дермотт купил этот дом, соседка ему рассказала, что женщину, которая тут жила, ее собственный муж пытался зарезать.

— Сколько лет назад это было?

Гурни был уверен, что Нардо что-то вспомнил.

— Двадцать, может, двадцать пять лет назад.

Было похоже, что Нардо ожидал именно такого ответа. Он вздохнул и покачал головой:

— Да, я давненько об этом не вспоминал. Действительно, здесь была попытка убийства на почве семейных разборок, примерно двадцать четыре года назад. Я тогда только начинал работать. Почему вы спросили?

— Вы помните какие-нибудь детали?

— Пока мы не поплыли по волне моей памяти, объясните все же, как это относится к текущему делу.

— Женщине, которую здесь чуть не убили, перерезали горло.

— И это должно мне о чем-то говорить? — Нардо раздраженно поморщился.

— В этом доме нападали на двух человек. Из всех возможных способов нападения оба раза был выбран этот. Мне кажется, это совпадение о чем-то говорит.

— Вы об этом говорите так, будто есть какая-то связь, а между тем ее и близко нет. Какое может иметь отношение убийство полицейского офицера на задании с попыткой убийства на бытовой почве, случившейся четверть века назад?

Гурни пожал плечами:

— Если бы у меня были подробности, я бы мог знать наверняка.

— Ладно. Пожалуйста. Расскажу, что смогу, но это не так уж много. — Нардо помолчал, как будто глядя на стол, а на самом деле вглядываясь в прошлое. — В тот вечер было не мое дежурство.

Он оправдывается, подумал Гурни. Почему ему понадобилось оправдаться?

— Так что все это из третьих рук, — продолжил Нардо. — Как оно обычно и бывает в случаях с бытовухой, муж нажрался, поспорил с женой, схватил бутылку и ударил ее. Бутылка разбилась, порезала жене горло. Вот и все.

Гурни отлично понимал, что это не все. Оставалось найти способ вытянуть из лейтенанта остаток истории. Одним из неписаных правил работы в полиции было говорить как можно меньше, и Нардо это правило соблюдал. Однако на долгие расспросы времени не было. Гурни решил не нежничать.

— Лейтенант, это чушь собачья, — сказал он, брезгливо отворачиваясь.

— Чушь собачья? — злым полупшепотом переспросил Нардо.

— Нет, я понимаю, что вы рассказали мне правду. Вопрос в том, о чем вы умолчали.

— Может быть, я умолчал о том, что вас не касается, — ответил тот, но его уверенность заметно пошатнулась.

— Послушайте, я же не просто какой-то любопытный идиот из чужого округа. Грегори Дермотту сегодня утром сообщили, что моя жизнь в опасности. Понимаете, моя жизнь. И если то, что здесь происходит, связано с вашей так называемой «бытовухой» двадцатичетырехлетней давности, то я, черт побери, имею право знать.

Нардо прокашлялся и уставился на потолок, как будто подыскивая там правильные слова или надеясь увидеть запасной выход.

Гурни добавил, смягчившись:

— Можете начать с имен.

Нардо кивнул, отодвинул стул, за которым стоял, и сел на него.

— Джимми и Фелисити Спинкс, — произнес он, как будто признаваясь в чем-то неприличном.

— По тому, как вы это произнесли, складывается впечатление, что вы их хорошо знали.

— Ну да. В общем... короче... — Где-то в доме снова зазвонил телефон. Нардо как будто этого не услышал. — Джимми любил выпить. И это мягко сказано. Как-то раз приперся домой пьяный, поругался с Фелисити. И порезал ее разбитой бутылкой, как я уже рассказывал. Она потеряла уйму крови. Сам я этого не видел, у меня был выходной, но ребята, которые дежурили, всю неделю потом только и говорили, сколько было кровищи. — Нардо снова уставился на стол.

— Она, как я понимаю, выжила?

— Что? А, да, она выжила, но едва-едва. И повредилась головой.

— Что с ней стало?

— Кажется, ее в какую-то дурку определили.

— А что случилось с мужем?

Нардо помолчал. Гурни не мог понять, в том ли дело, что Нардо не помнит, или в том, что не хочет об этом говорить.

— Заявил, что это была самооборона, — сказал он с заметной брезгливостью. — В итоге его уломали признать себя виновным, смягчили приговор... ну, он потерял работу, уехал из города. Социальная служба забрала их ребенка. Конец истории.

Внутренняя антенна Гурни, натасканная тысячей допросов, подсказывала, что и это еще не все. Он молчал, наблюдая за тем, как Нардо откровенно мается. Где-то вдалеке слышался голос — видимо, того, кто подошел к телефону, — но слов не было слышно.

— Вот чего я не понимаю, — сказал Гурни. — Что в этой истории такого, что вы не захотели мне ее рассказать сразу?

Нардо мрачно посмотрел на Гурни:

— Джимми Спинкс был копом.

Нервная дрожь, охватившая Гурни в тот момент, всколыхнула в нем дюжину вопросов, но он не успел их задать, потому что в дверях появилась женщина с квадратным лицом и короткой стрижкой. На ней были джинсы и рубашка поло. Под ее левой рукой была кобура с пистолетом системы «Глок».

— Сэр, сейчас поступил звонок, я думаю, вам это надо знать.

Нардо воспринял ее появление как спасение и повернулся к ней, чтобы слушать. Она неуверенно посмотрела на Гурни.

— Он свой, — неохотно сказал Нардо. — Говорите.

Она снова посмотрела на Гурни, ничуть не дружелюбнее, чем в первый раз, затем подошла к столу и положила на него маленький цифровой прибор для записи телефонных разговоров.

— Там все есть, сэр.

Он помолчал, прищурившись на устройство, затем нажал на кнопку. Началась запись. Качество было отменным.

Гурни понял, что первый голос принадлежал женщине, которая стояла перед ним.

— «Системы безопасности Джи-Ди». — Видимо, ей сказали подходить к телефону так, будто она просто работает в компании.

Второй голос был странным — и Гурни тоже его мгновенно вспомнил по звонку, который слушал по просьбе Марка Меллери. Казалось, что это было ужасно давно. Между тем звонком и этим случилось четыре смерти, и

это нарушило его чувство времени. Марк в Пионе, Альберт Шмитт в Бронксе, Ричард Карч в Созертоне (Ричард Карч — почему это имя каждый раз вызывало какое-то сложное чувство, ощущение несостыковки?) и офицер Гэри Сассек в Вичерли.

Скачущий тон и акцент невозможно было ни с чем спутать.

— *Если бы я мог слышать Бога, что бы Он мне сказал?* — спросил голос с характерной угрожающей интонацией злодея из кино.

— *Простите, что?* — Голос женщины-полицейского звучал так же удивленно, как звучал бы голос любой настоящей девушки на телефоне.

Голос повторил, с растущим напором:

— *Если бы я мог слышать Бога, что бы Он мне сказал?*

— *Извините, вы не могли бы повторить? Мне кажется, у нас проблемы со связью. Вы звоните с мобильного?*

Она быстро прокомментировала Нардо:

— Я просто пыталась удержать его на линии, как вы сказали, чтобы звонок длился как можно дольше.

Нардо кивнул. Запись продолжилась.

— *Если бы я мог слышать Бога, что бы Он мне сказал?*

— *Я вас не понимаю, сэр. Вы не могли бы пояснить, что вы имеете в виду?*

Голос внезапно прогремел:

— *Бог сказал бы мне убить их всех!*

— *Сэр? Я что-то теряюсь. Вы хотите, чтобы я записала это сообщение и кому-то его передала?*

Раздался резкий смешок.

— *Настал Судный день. Беги, Дермотт, спасайся, Гурни. Грядет всесожжение. Время пошло.*

Глава 50

Наведение справок

Нардо заговорил первым:

— Это весь звонок?

— Да, сэр.

Он откинулся на спинку стула и потер виски.

— От начальника полиции так ничего и не слышно?

— Мы оставили несколько сообщений в отеле и на его мобильном, но он не перезванивал.

— Номер звонившего, конечно, не определился?

— Нет, сэр.

— Убить их всех, значит.

— Да, сэр, так он сказал. Хотите прослушать запись еще раз?

Нардо покачал головой.

— О ком он, по-вашему, говорит?

— В каком смысле?

— «Убить их всех». Кого — всех?

Женщина, казалось, растерялась. Нардо посмотрел на Гурни.

— Я бы предположил, лейтенант, что речь либо об оставшихся именах в его списке — если там еще кто-то остался, — либо обо всех, кто сейчас находится в этом доме.

— А почему грядет всесожжение? Что такое всесожжение?

Гурни пожал плечами:

— Понятия не имею. Может быть, ему просто слово нравится — это вполне в духе того, как он себя ведет.

Нардо поморщился от отвращения, затем повернулся к женщине и впервые обратился к ней по имени:

— Пат, выйди и встань там с большим Томми. Встаньте по углам дома друг напротив друга, чтобы у вас под присмотром были все двери и окна. Еще сообщите всем, что они должны быть готовы прибыть к этому дому в течение одной минуты, если они услышат выстрел или еще хоть какой-нибудь шум. Есть вопросы?

— Мы ждем вооруженного нападения? — Казалось, она надеялась на положительный ответ.

— Не то чтобы ждем, но такое вполне возможно.

— Думаете, этот псих где-то здесь неподалеку? — В ее глазах заиграли

искорки.

— Есть шанс. Расскажи большому Томми про звонок. И будьте начеку. Она кивнула и ушла.

Нардо мрачно повернулся к Гурни:

— Что скажете? Вызвать подкрепление, сообщить полиции штата, что у нас сложная ситуация? Или этот звонок ничего не значит?

— Если посчитать убитых, я бы не стал предполагать, что он ничего не значит.

— Черт возьми, я ничего и не предполагаю, — огрызнулся Нардо, поджав губы.

Разговор не клеился.

Тишину нарушил хриплый голос, донесшийся сверху:

— Лейтенант Нардо? Гурни?

Нардо поморщился так, будто у него свело желудок.

— Может, Дермотт вспомнил что-нибудь еще ценное, — предположил он и поудобнее устроился в кресле.

— Я узнаю, — сказал Гурни.

Он вышел в холл. Дермотт стоял у двери в спальню и смотрел вниз. Вид у него был изможденный, раздраженный, нетерпеливый.

— Можно с вами поговорить? Пожалуйста! — Слово «пожалуйста» прозвучало как претензия.

Дермотт неуверенно держался на ногах, поэтому Гурни поднялся к нему. По дороге он подумал, что это не дом в полном смысле слова, это просто рабочее помещение с местом для сна. В районе, где он вырос, такое было сплошь и рядом — владельцы магазинов жили над своими заведениями, как, например, злобный продавец деликатесов, чья ненависть к людям, казалось, росла с каждым новым покупателем, или как тот похоронщик с толстой женой и четырьмя толстыми детьми, у которого были какие-то связи с бандитами. Его тошнило при одном воспоминании.

Он едва отделался от этого чувства у двери в спальню. Дермотт был чем-то озабочен. Он посмотрел на Гурни и окинул взглядом первый этаж:

— А лейтенант Нардо что, ушел?

— Нет, он внизу. Чем могу помочь?

— Я слышал, как машины уезжают, — сказал он обвиняющим тоном.

— Они будут неподалеку.

Дермотт недовольно кивнул. Его явно что-то тяготило, но он не спешил в этом признаться. Гурни решил использовать эту возможность, чтобы задать ему еще пару вопросов.

— Мистер Дермотт, а чем вы занимаетесь?

— Что-что? — переспросил он, одновременно раздраженно и непонимающе.

— В чем заключается ваша работа?

— Моя работа — безопасность. Кажется, мы об этом уже говорили.

— Мы говорили в общих чертах, — напомнил Гурни, улыбнувшись. — Может быть, вы теперь расскажете более детально?

Дермотт картинно вздохнул, давая понять, что считает этот разговор заведомой тратой времени.

— Слушайте, — сказал он. — Мне надо сесть. — Он вернулся к своему креслу и осторожно опустился в него. — Какие детали вас интересуют?

— Ваша компания называется «Системы безопасности Джи-Ди». Какую именно безопасность предоставляют ваши системы и для кого?

После еще одного вздоха Дермотт сказал:

— Я помогаю компаниям защищать конфиденциальную информацию.

— И в чем выражается эта помощь?

— Программы для защиты баз данных, протоколы ограничения доступа, системы идентификации пользователя — вот основное, чем мы занимаемся.

— «Мы»?

— Что, простите?

— Вы сказали «мы занимаемся». Кто «мы»?

— Я не в прямом смысле, — пренебрежительно отмахнулся Дермотт. — Так просто говорят, когда речь идет о компании.

— Это звучит, будто речь о большой организации, в этом дело?

— Нет, не в этом, уверяю вас. Моих клиентов более чем устраивает, что я делаю всю работу сам.

Гурни кивнул, как будто его это впечатлило:

— Да, понимаю, это может быть преимуществом. А кто ваши клиенты?

— Компании, для которых конфиденциальность не пустое слово.

Гурни невинно улыбнулся грубому тону Дермотта.

— Я не прошу вас раскрывать ничьих секретов. Мне просто интересно, чем эти компании занимаются.

— Работой с клиентами, для которых приватность информации очень важна.

— Например?

— Речь о персональных данных.

— Какого рода персональных данных?

Дермотт, казалось, пытался понять, каким рискам подвергает себя, вдаваясь в подробности.

— Данные, которые обычно собирают страховые компании, финансовые службы, здравоохранительные организации.

— Медицинские данные?

— Да, их изрядное количество.

— Информация о лечении?

— В закодированном виде, разумеется. Но к чему это все?

— Представьте себе, что вы — хакер, который хочет получить доступ к большой медицинской базе данных. Как бы вы поступили?

— На этот вопрос невозможно ответить.

— Почему?

Дермотт закрыл глаза, демонстрируя недовольство:

— Слишком много переменных.

— Например?

— «Например?» — повторил Дермотт таким тоном, точно этот вопрос был воплощением идиотизма. Через мгновение он продолжил, так и не открыв глаза: — Цель хакера, уровень его профессионализма, насколько он знаком с форматом данных, со структурой базы, с протоколом доступа и еще с десятков факторов, которые вы вряд ли поймете без специального технического образования.

— В этом, не сомневаюсь, вы правы, — мягко улыбнулся Гурни. — Но допустим, просто допустим, что умелый хакер хочет получить список людей, которых лечили от конкретного заболевания.

Дермотт раздраженно всплеснул руками, но Гурни продолжил:

— Насколько это было бы сложно?

— Повторюсь, на это нельзя ответить. Некоторые базы данных настолько прозрачны, что их можно было бы с тем же успехом выложить в интернет. Другие способны противостоять сложнейшим системам взлома. Все зависит от таланта автора системы.

Гурни уловил нотку гордости в последнем заявлении и решил этим воспользоваться.

— Готов поспорить, что не многие в этом деле разбираются лучше вас.

Дермотт улыбнулся:

— Я построил карьеру на том, что научился обходить вокруг пальца самых умелых хакеров в мире. Ни один из моих протоколов защиты информации никогда не взламывали.

Это бахвальство навело его на догадку. Может быть, способность этого человека предотвратить проникновение убийцы в определенные базы

данных привела последнего к желанию ввязать его в дело, используя его абонентский ящик? Эту возможность следовало учесть, хотя вопросов она вызывала больше, чем ответов.

— Жаль, что местная полиция не может похвастаться такой же компетентностью.

Этот комментарий отвлек Гурни от его размышлений.

— Что вы имеете в виду?

— Спрашиваете, что я имею в виду?.. — Дермотт, казалось, успел хорошенько подумать над ответом на этот вопрос. — Меня преследует маньяк, а у меня нет никакой уверенности в способности полиции меня защитить. Где-то в нашем районе рыскает психопат, который хочет меня убить, затем убить вас, и как вы на это реагируете? Задаете вопросы про гипотетических хакеров, взламывающих гипотетические базы данных! Я понятия не имею, чего вы добиваетесь, но если это попытка меня успокоить, отвлекая меня от главной темы, уверяю вас, она не сработала. Почему бы вам не сосредоточиться на непосредственной угрозе? Проблема не в какой-то сложной компьютерной программе. Проблема существует в виде убийцы, который гонится за нами с ножом. А трагедия, которая тут разыгралась сегодня утром, как нельзя лучше доказывает, что полиция бесполезна! — Взвинченный тон последней фразы привлек внимание Нардо, который поднялся с первого этажа и зашел в спальню. Он посмотрел сначала на Дермотта, потом на Гурни, потом снова на Дермотта.

— Что здесь происходит?

Дермотт отвернулся и уставился в стену.

— Мистеру Дермотту кажется, что его недостаточно охраняют, — сказал Гурни.

— Недостаточно?! — воскликнул Нардо, побагровев, но в следующую минуту спохватился и продолжил более спокойным тоном: — Сэр, вероятность того, что какой-то посторонний проникнет в этот дом — я уж не говорю про «маньяка, который гонится за вами с ножом», если я не ослышался, — эта вероятность меньше нуля.

Дермотт по-прежнему смотрел в стену.

— Давайте я вам объясню, — продолжил Нардо. — Если у этого сукина сына хватит наглости здесь появиться, он труп. Если он сюда сунется, я его самолично разделаю и сожру на обед.

— Я не хочу, чтобы меня оставляли одного в этом доме. Ни на минуту.

— Вы меня не расслышали. — Нардо снова повысил голос. — Вы тут не один. Тут повсюду копы. Всюду вокруг дома и в районе. Никто сюда не проникнет.

Дермотт повернулся к Нардо и с вызовом спросил:

— А если он уже проник?

— Это еще как?

— Ну, вдруг он уже в доме?

— Каким образом это возможно?

— Сегодня утром, когда я вышел искать офицера Сассека и когда я был во дворе, он мог бы зайти через незапертую дверь. Ведь мог же!

Нардо с недоверием посмотрел на него:

— И куда бы он после этого делся?

— А мне откуда знать?

— Вы что, думаете, он у вас тут под кроватью прячется?

— Неплохой вопрос, лейтенант. Суть в том, что вы не знаете на него ответ. Потому что вы не провели обыск как следует, не так ли? Значит, он действительно может быть под кроватью, разве нет?

— Черт возьми! — закричал Нардо. — Да прекратите вы!

Он прошелся по комнате, взял кровать за основание и с яростным стоном рывком поднял ее до уровня плеч.

— Успокоились? — прошипел он. — Есть там кто-нибудь?

Он затем с грохотом опустил кровать обратно на пол.

Дермотт с яростью уставился на него:

— Мне, лейтенант, нужен компетентный подход, а не этот детский сад. Я что, слишком многого прошу? Надо тщательно обыскать дом.

Нардо холодно посмотрел на Дермотта:

— Вот вы и скажите мне, где в этом доме можно спрятаться.

— Где? А я не знаю. В подвале? На чердаке? В шкафах? Как тут угадаешь?

— Хочу вам напомнить, сэр, что первые полицейские, прибывшие на место, первым делом все-таки обыскали дом. Если бы он был здесь, его бы обнаружили. Ясно?

— Они обыскали дом?

— Да, сэр, когда вас допрашивали на кухне.

— Включая подвал и чердак?

— Да.

— Включая подсобку?

— И все шкафы.

— Они не могли проверить подсобку! — закричал Дермотт. — Она на замке, и ключ только у меня, и никто у меня его не спрашивал!

— А это значит, — заметил Нардо, — что, раз она на замке, никто не мог в нее проникнуть. Это значит, проверять ее было бы тратой времени.

— Нет, это значит, что вы врете мне в лицо, утверждая, что весь дом обыскали!

Реакция Нардо удивила Гурни, который готовился к тому, что тот взорвется. Вместо того Нардо спокойно сказал:

— Дайте мне ключ, сэр. Я прямо сейчас пойду и проверю подсобку.

— Итак, — голосом адвоката заключил Дермотт, — вы признаете, что ее пропустили и что дом не обыскали надлежащим образом.

Гурни задумался, что было причиной этой безобразной сцены: мигрень, желчность характера или простое замещение страха агрессией.

Нардо держался противоестественно спокойно.

— Ключ, сэр.

Дермотт, судя по выражению лица, бормотавший что-то оскорбительное, с трудом поднялся из кресла. Он достал из тумбочки связку ключей, снял с нее самый маленький ключ и бросил его на кровать. Нардо взял его безо всякой видимой реакции и вышел из комнаты, не проронив ни слова. Было слышно, как он спускается по лестнице. Дермотт бросил оставшиеся ключи в ящик, начал закрывать его и вдруг остановился.

— Черт! — прошипел он.

Он снова схватил связку и принялся снимать с тугого кольца еще один ключ. Справившись, он направился было к двери, но, едва сделав шаг, споткнулся об прикроватный коврик и налетел на косяк, ударившись головой. Он зарычал сквозь зубы от боли и раздражения.

— Что с вами, сэр? — спросил Гурни, направляясь к нему.

— Со мной все в порядке! — яростно отмахнулся тот.

— Как вам помочь?

Дермотт пытался успокоиться.

— Вот, — сказал он. — Возьмите этот ключ и отдайте ему. Там два замка. Из-за всей этой неразберихи я забыл...

Гурни взял ключ.

— Вам нехорошо?

Дермотт снова брезгливо отмахнулся.

— Если бы они с самого начала пришли ко мне, как положено... — Его голос оборвался.

Гурни смерил измученного Дермотта еще одним взглядом и пошел вниз.

Как и в большинстве загородных домов, лестница в подвал начиналась за лестницей на второй этаж. Туда вела дверь, которую Нардо оставил открытой. Внизу горел свет.

— Лейтенант?

— Да?

Голос звучал откуда-то издалека, так что Гурни пошел с ключом вниз. Запах — смесь бетона, железных труб, деревянных перекрытий и пыли — вызвал в памяти образ подвала в доме его детства. Это было помещение, где жильцы хранили ненужные велосипеды, детские коляски, ящики с хламом. С потолка свисали лампы, покрытые паутиной, а по углам рыскали тени, от которых всякий раз мурашки бежали по спине.

Нардо стоял у серой стальной двери у дальней стены недоделанного помещения с открытой проводкой и сырыми пятнами на бетонных стенах. Здесь был водонагреватель, два масляных бака, печь, две пожарные сигнализации, два огнетушителя и брызгалки на потолке.

— Ключ подходит только к одному замку, — сказал Нардо. — Тут есть еще другой. Что у него за паранойя? И где я возьму второй ключ?

Гурни протянул ему ключ:

— Сказал, что забыл. Но виноваты, конечно, вы.

Нардо брезгливо хмыкнул и вставил ключ в замок.

— Вот сукин сын, — пробормотал он, толкая дверь. — Поверить не могу, что я согласился проверить... Что это?

Нардо, а следом за ним Гурни осторожно вошли в комнату, которая оказалась значительно больше простой подсобки.

Поначалу они не поверили своим глазам.

Глава 51

Покажи и Расскажи

Гурни сперва решил, что они вошли не в ту дверь. Но это тоже было непохоже на правду. Помимо двери над лестницей, это был единственный вход. Однако то, что предстало их глазам, едва ли напоминало подсобку.

Они стояли в углу большой, залитой тусклым светом, полностью обставленной и увешанной коврами спальни. Перед ними была двуспальная кровать с одеялом в цветочек и узорной простыней, свисающей по бокам. Несколько избыточно пухлых подушек с одинаковыми оборочками лежали у спинки. Перед кроватью стоял деревянный сундук, на котором сидела мягкая игрушка в виде какой-то птицы, сшитой из разноцветных лоскутов. Внимание Гурни привлекло окно, которое как будто выходило на открытое поле, но при ближайшем рассмотрении оказалось большим, подсвеченным с изнанки плакатом — он, по-видимому, должен был слегка разряжать подвальную атмосферу. В следующее мгновение он обратил внимание на низкий гул — по всей видимости, вентиляционной системы.

— Ничего не понимаю, — сказал Нардо.

Гурни уже готов был согласиться, но тут он заметил небольшой столик у стены с фальшивым окном. Там стояла лампа, бросавшая круг тусклого света на три черных рамки, в какие обычно вставляют дипломы и сертификаты. Он подошел поближе, чтобы их разглядеть. В каждой рамке была копия чека. Все три были выписаны на имя Х. Арибды, все три были на сумму \$289.87. Слева направо лежали копии чеков, подписанные Марком Меллери, Альбертом Шмиттом и Р. Карчем. Это были чеки, которые Дермотт получил и необналиченные оригиналы которых вернул отправителям. Но зачем он делал с них копии перед тем, как возвращать? И что еще сильнее озадачивало, зачем он вставил их в рамки? Гурни взял все три в руки, как будто можно было что-то понять, рассмотрев их поближе.

Затем, разглядывая подпись на третьем чеке — «Р. Карч», — он снова почувствовал смутное беспокойство. Но на этот раз он понял, откуда оно взялось.

— Черт! — воскликнул он, проклиная свою слепоту к такой очевидной несостыковке.

В тот же момент Нардо тихонько вскрикнул. Гурни перевел взгляд на него, затем туда, куда тот смотрел, — в противоположный угол широкой

комнаты. Там, едва различимая в тени, частично скрытая широкими подлокотниками старинного кресла и одетая в ночнушку такой расцветки, что она сливалась с обшивкой, сидела, уронив голову на грудь, хрупкая женщина.

Нардо снял с пояса фонарик и направил луч на нее.

Гурни подумал, что ей может быть сколько угодно от пятидесяти до семидесяти. Ее кожа была мертвенно-бледной. Светлые волосы, уложенные в башенку из кудряшек, явно были париком. Моргая, она подняла голову так медленно, что движение было едва заметно, и посмотрела на источник света.

Нардо взглянул на Гурни, затем снова на женщину в кресле.

— Мне надо в туалет, — сказала она. Ее голос был высоким, дребезжащим, требовательным. Когда она приподняла подбородок, на шее показался уродливый шрам.

— Это еще кто? — прошептал Нардо, как будто Гурни мог знать.

На самом деле Гурни уже отлично понимал, кто это. Он также понимал, что принести Нардо второй ключ в подвал было ужасной ошибкой.

Он быстро повернулся к двери, но Грегори Дермотт уже стоял там, с бутылкой виски «Четыре розы» в одной руке и револьвером 38-го калибра в другой. От капризного, раздражительного человека, страдающего мигренью, не осталось и следа. Гурни подумал, что его взгляд без маски притворства теперь выдавал его истинную сущность: правый глаз смотрел остро и решительно, левый был темным и бесчувственным.

Нардо тоже повернулся к двери.

— Что за... — начал было он, но осекся и застыл на месте, уставившись на лицо и на револьвер Дермотта.

Дермотт сделал шаг в комнату, подцепил дверь ногой и захлопнул ее за собой. Раздался металлический щелчок. Его узкие губы растянулись в хищной улыбке.

— Ну вот мы и одни, — сказал он таким тоном, словно предвкушал приятную беседу. — Столько дел, столько дел, — добавил он. — И так мало времени! — Казалось, его это забавляет. Холодная улыбка еще несколько мгновений извивалась на его лице как червяк, затем исчезла. Он продолжил: — Хочу, чтобы вы знали, как высоко я ценю ваше участие в моем скромном прожекте. Ваше сотрудничество его несказанно улучшит. Давайте же утрясем детали. Лейтенант, могу я попросить вас лечь на пол лицом вниз? — Было понятно, что это отнюдь не просьба.

Гурни прочитал в глазах Нардо раздумье, но не мог понять, какие

варианты он взвешивает и даже понимает ли он, что произошло.

Если и можно было что-то прочитать в глазах Дермотта, это больше всего напоминало настороженное внимание кота, когда тот терпеливо наблюдает за мышью, загнанной в угол.

— Сэр, — начал Нардо осторожным тоном, — было бы хорошей идеей опустить револьвер.

Дермотт покачал головой:

— Не такой уж хорошей.

Нардо выглядел растерянным.

— Но все же опустите его, прошу вас.

— Это вариант. Но есть один нюанс. В жизни ведь все непросто, не так ли?

— Что за нюанс? — переспросил Нардо таким тоном, как будто имел дело с нормальным человеком, забывшим выпить лекарство.

— Я собираюсь опустить револьвер только после того, как застрелю вас. Если я опущу его прямо сейчас, значит, прямо сейчас я должен вас убить. А мне этого не хочется, да и вам, как мне кажется, тоже. Понимаете, какая проблема?

Говоря это, Дермотт поднял револьвер и прицелился в горло Нардо. То ли твердость его руки, то ли сдержанная насмешка в его голосе убедили Нардо попробовать другую тактику.

— Ну выстрелите вы, — произнес он. — А что, по-вашему, будет дальше?

Дермотт пожал плечами, узкие губы снова растянулись в улыбке.

— Вы умрете.

Нардо терпеливо кивнул, как учитель, которому дали неполный ответ на поставленную задачу.

— И потом что?

— А какая разница? — Дермотт снова пожал плечами, продолжая целиться ему в шею.

Было видно, что лейтенант изо всех сил старается совладать то ли с яростью, то ли со страхом.

— Для меня никакой, а вот для вас — другое дело. Нажмете на курок — и меньше чем через минуту сюда примчится толпа копов. Они вас на куски разорвут.

Дермотта это обещание развеселило.

— Скажите, лейтенант, как много вам известно о воронах?

Нардо вопросительно прищурился.

— Вороны сказочно глупы, — продолжил Дермотт. — Если

застрелишь одну, тут же прилетает вторая. Застрелишь ее — прилетит еще одна, затем еще и еще. Сколько ни стреляй — они все продолжают лететь под пули.

Гурни и раньше об этом слышал — что вороны не оставляют своих умирать в одиночестве. К умирающей вороне всегда прилетают другие, чтобы побыть рядом. Впервые эту историю ему рассказала бабушка, когда ему было лет десять, и ему тогда пришлось выбежать в ванную, чтобы она не видела, как он плачет.

— Я как-то видел фотографию одного фермера из Небраски, — сказал Дермотт с аппетитом хорошего рассказчика. — Он стоял с ружьем рядом с кучейдохлых ворон, которая доходила ему аж до шеи. — Он помедлил, как бы давая Нардо подумать о суицидальном безрассудстве ворон и об отношении этой истории к текущим событиям.

Нардо покачал головой:

— Вы что, всерьез считаете, что можете тут засесть, по очереди застрелить всех копов, которые повалят сюда через эту дверь, и не лишиться головы в процессе? Так не бывает.

— Конечно не бывает. Человек, который воспринимает все буквально, обедняет свою жизнь, лейтенант. Мне нравится история про ворон, но есть гораздо более эффективные способы избавиться от паразитов, чем отстреливать их поодиночке. Например, их можно потравить газом. Это очень эффективно, если наладить систему подачи газа. Быть может, вы уже заметили, что здесь в каждой комнате есть брызгалки? В каждой, кроме одной. — Он снова сделал паузу, и глаза его торжествующе блестели. — Так что если я вас застрелю и вороны полетят на звук, я открою два маленьких краника — и двадцать секунд спустя... — Он широко улыбнулся. — Вы представляете, что концентрированный газообразный хлор делает с человеческими легкими? И главное, с какой скоростью?

Гурни наблюдал, как Нардо пытается оценить реальность угрозы. В какой-то момент ему показалось, что он вот-вот не сдержится и бросится на Дермотта, но вместо того он сделал несколько тихих вздохов, которые, по видимому, его немного успокоили, и затем заговорил серьезно и торопливо:

— Соединения с хлором непредсказуемо себя ведут. Мне приходилось с ними работать в отделе по борьбе с терроризмом. Один умник в ходе эксперимента случайно выделил трихлорид азота. Опомниться не успел — ему палец оторвало. Может оказаться не так просто провести вашу смесь через брызгалки. Я вообще сомневаюсь, что это возможно.

— Вы зря тратите время, пытаясь меня одурачить, лейтенант. Ощущение, что вы сейчас используете технику из пособия для

начинающих копов. Что там сказано? «Выразите скепсис в отношении плана преступника, поставьте его компетентность под сомнение, спровоцируйте его на то, чтобы он углубился в детали»? Если вам нужны детали, не надо меня дурить, можно просто спросить напрямую. У меня секретов нет. Зато у меня есть два двухсотлитровых баллона, наполненных газообразным хлором и аммиаком, управляемых промышленным компрессором, и они напрямую подключены к трубке, ведущей к брызгалкам по всему дому. В этой комнате есть еще два вентиля, которые объединят четыреста литров и высвободят огромный объем концентрированного газа. Что же касается маловероятного побочного образования трихлорида азота и последующего взрыва, то я был бы только рад, но придется довольствоваться просто тем, что все отделение полиции Вичерли задохнется. Было бы отрадно видеть, как вас всех разносит на кусочки, но необходимо знать меру. Лучшее, как говорится, враг хорошего.

— Мистер Дермотт, зачем вам все это нужно?

Дермотт поднял бровь, карикатурно изображая, что всерьез задумался над этим вопросом.

— Сегодня утром я получил по почте записку.

*Таит опасность солнце, таит опасность снег,
опасен день, опасна ночь, закончится твой бег.*

Он процитировал стишок Гурни издевательским тоном, бросив на него вопросительный взгляд. — Все пустые угрозы, конечно, но я искренне благодарен тому, кто мне это прислал. Он напомнил мне, что жизнь коротка и не стоит откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

— Не понимаю, о чем идет речь, — искренне признался Нардо.

— А вы просто делайте, что скажу, — и в результате все прекрасно поймете.

— Отлично, нет проблем. Я просто не хочу, чтобы кто-то беспричинно пострадал.

— Такого, конечно, не будет. — Червивая улыбка снова мелькнула и исчезла. — Никому этого не надо. Кстати, чтобы избежать беспричинных страданий, мне нужно, чтобы вы легли на пол лицом вниз, прямо сейчас.

Круг замкнулся. Что дальше? Гурни пытался прочесть выражение лица Нардо. Сколько он успел понять? Знает ли он уже, кто эта женщина в кресле и кто этот улыбающийся псих с бутылкой виски и револьвером?

Должно быть, он как минимум понял, что Дермотт убил Сассека. Этим

бы объяснялась ненависть, которую он различал в его глазах. Напряжение снова стало нарастать. Нардо начал заводиться, его поглотило первобытное, безразличное к последствиям чувство, подавляющее рассудок. Дермотт тоже это заметил, но это его не напугало, а, напротив, окрылило, придало ему сил. Он сильнее сжал револьвер, и на этот раз его улыбка обнажила ряд блестящих зубов.

За долю секунды до того, как пуля 38-го калибра могла бы прервать жизнь Нардо, и за пару секунд до того, как вторая пуля убила бы его самого, Гурни вдруг страшно, яростно закричал:

— Делай, что он говорит! На пол, быстро! Я сказал — быстро!

Эффект оказался потрясающим. Противники замерли на местах, их противостояние разбилось о неожиданное выступление Гурни.

То, что все были живы, подсказывало ему, что он на верном пути, но он сам не понимал, что это за путь. Насколько он мог понять по мимике Нардо, тот почувствовал себя преданным. Более непроницаемый Дермотт явно был в замешательстве, но стремился, как подозревал Гурни, не дать замешательству подорвать его контроль над ситуацией.

— Отличный совет исходит от вашего друга, — сказал он Нардо. — Я бы ему на вашем месте незамедлительно последовал. У детектива Гурни такой острый ум. Он вообще интересный человек. Знаменитость. Столько можно узнать, просто набрав его имя в поисковике! А уж если набрать имя и индекс — поразительно. В мире не осталось ничего приватного. — Хитрый тон Дермотта вызвал волну тошноты в груди у Гурни. Ему пришлось напомнить себе, что коньком Дермотта было убеждать людей, что он знает о них больше, чем ему известно на самом деле. Но мысль, что его неспособность подумать наперед и глупая история с маркой могли подвергнуть Мадлен опасности, свербила в мозгу — и была невыносима.

Нардо нехотя опустился на пол и принял позу человека, который собирается отжиматься. Дермотт приказал ему накрыть голову руками, «если его не затруднит». В какое-то мучительное мгновение Гурни показалось, что это подготовка к убийству. Но Дермотт, с удовлетворением взглянув на лежащего ниц лейтенанта, осторожно поставил бутылку виски на сундук рядом с игрушечной птицей, в которой Гурни сейчас распознал гуся. Он вспомнил подробность из отчетов экспертов: на месте убийства обнаружили гусиный пух. Затем Дермотт нагнулся к правой лодыжке Нардо, вытянул небольшой автоматический пистолет, спрятанный в кобуре, и убрал его к себе в карман. Его многозначительная улыбка снова появилась и погасла.

— Знание, где искать скрытое оружие, — пояснил он с пугающей

серьезностью, — это ключ к предотвращению трагедии. Столько оружия, столько оружия в неправильных руках! На этом месте вечно кто-нибудь возьмет и скажет, что, дескать, оружие никого не убивает, это люди убивают людей. И в этих словах, как ни крути, есть доля истины. Люди действительно убивают людей. Кому это знать, как не представителям вашей профессии?

Гурни добавил в список вещей, которые знал наверняка, тот факт, что эти витиеватые речи, адресованные заложникам, вежливый тон, угрожающие нотки — все то, что ему уже было знакомо по запискам, — должны были поддерживать у убийцы ощущение всесилия.

Будто бы в подтверждение этой мысли, Дермотт повернулся к нему и голосом услужливого дворецкого прошептал:

— Не будете столь любезны сесть вон там возле стены? — Он кивнул на кресло слева от кровати, рядом со столом, на котором лежали чеки в рамках. Гурни без возражений подошел к креслу и сел в него.

Дермотт снова посмотрел на Нардо, и его ободряющий тон не вязался с ледяным взглядом.

— Мы с вами скоро разберемся. Нам только нужно дождаться еще одного участника событий. Благодарю вас за терпение.

Было видно, как Нардо напряг мышцы челюсти и его щеки и шея покраснели.

Дермотт быстро пересек комнату и, наклонившись через высокие боковины кресла, прошептал что-то сидевшей в нем женщине.

— Мне надо в туалет, — произнесла она, поднимая голову.

— На самом деле ей не надо, — пояснил Дермотт, поворачиваясь к Гурни и Нардо. — Это катетер создает раздражение. У нее уже много лет этот катетер. Неудобно, конечно, но если посмотреть с другой стороны, то очень даже удобно. Господь дал, Господь взял. Орел и решка. Одного без другого не бывает. Была какая-то песенка на эту тему... — Он задумался, как будто вспоминая слова, весело промурлыкал знакомую мелодию, затем, все еще сжимая револьвер в правой руке, левой помог женщине подняться из кресла. — Вставай, дорогая, пора баюшки.

Он повел ее маленькими прерывистыми шагами к кровати и помог ей прилечь, откинувшись на подушки, повторяя голосом маленького мальчика:

— Баюшки-баю, баю-баюшки-баю.

Направляя револьвер куда-то посередине между Нардо и Гурни, он неспешно огляделся, ни на чем не задержавшись взглядом. Было непонятно — видел ли он то, что было на самом деле, или то, что происходило здесь много лет назад. Затем он посмотрел на женщину в кровати и уверенным

голосом Питера Пэна произнес:

— Все будет хорошо. Все будет так, как должно было быть, — затем он начал тихонько напевать ей. Гурни вскоре узнал детскую песенку и различил слова: «А мы пойдем по ягоды прохладным утром ранним». Возможно, дело было в его нелюбви к нелогичным детским песенкам в целом, возможно, у него закружилась голова, а возможно, дело было в чудовищной неуместности сейчас этой нежной мелодии, но Гурни почувствовал, что его сейчас стошнит.

Тогда Дермотт изменил слова и запел, на детский лад:

— А мы ложимся баиньки холодным утром ранним...

— Мне надо в туалет, — дребезжала старушка.

Дермотт продолжил напевать, будто бы убаюкивая ее. Гурни задумался, насколько он в этот момент был сосредоточен. Достаточно ли он был занят, чтобы рискнуть и повалить его? Вряд ли. Подвернется ли другой удобный момент? Если обещание пустить ядовитый газ было правдой, а не жуткой фантазией, то сколько еще времени у них было в запасе? Он подозревал, что немного.

В доме наверху было пугающе тихо. Не было никаких признаков, что кто-то из полицейских обнаружил пропажу лейтенанта или счел ее значимой. Никаких громких голосов, торопливых шагов, никаких вообще признаков деятельности, а это значило, что спасение собственной жизни и жизни Нардо зависело от того, что он может сделать сам в ближайшие пять или десять минут, чтобы расстроить планы психа, который в этот момент взбивал подушки на кровати.

Дермотт прекратил петь. Затем он встал у кровати так, что ему стало одинаково удобно целиться в Нардо и Гурни, и принялся водить между ними револьвером, целясь то в одного, то в другого. Гурни догадался по ритмичным движениям и по шевелению его губ, что он бормочет «Вышел месяц из тумана». Вероятность того, что это через несколько секунд закончится выстрелом, была ужасающе велика, и Гурни пустился в импровизацию.

Тихим и как можно более спокойным голосом он произнес:

— А она когда-нибудь носит серебряные башмачки?

Дермотт прекратил бормотать, и его лицо стало пустым. Он перестал водить револьвером, и дуло остановилось напротив головы Гурни.

На него не первый раз направляли пистолет, но за 47 лет жизни он никогда не чувствовал, что смерть так близка. Он ощутил покалывание, как будто вся его кровь решила спрятаться в безопасное место и разом отхлынула от кожи. Затем вдруг пришло странное спокойствие. Он

вспомнил истории про людей в ледяном океане, о гипнотической умиротворенности, которую они испытывали перед тем, как потерять сознание. Он посмотрел на Дермотта, в его асимметричные глаза — один мертвый, другой живой и полный ненависти. И в этом втором глазу он увидел, что Дермотт колеблется. Может быть, упоминание серебряных башмачков сделало свое дело — озвученный вопрос требовал ответа. Возможно, Дермотт в этот момент пытался сообразить, сколько на самом деле известно Гурни и как это знание может отразиться на воплощении его планов.

Как бы там ни было, Дермотт довольно быстро пришел в себя. Он улыбнулся, во второй раз обнажив ряд мелких белых зубов.

— Вы получили мои послания? — игриво спросил он.

Умиротворенность покинула Гурни. Он понимал, что неправильный ответ на вопрос создал бы новые проблемы. Не отвечать тоже было нельзя. Он надеялся, что под «посланиями» Дермотт имел в виду то, что они обнаружили в «Рододендроне».

— Вы про цитату из «Сияния»?

— Это было первое, — заметил Дермотт.

— И про подпись «Мистер и миссис Сцилла», — со скучающим видом произнес Гурни.

— Это второе. Но третье, я считаю, было лучшим, вам так не кажется?

— Мне показалось, что третье было глупым, — сказал Гурни, отчаянно блефуя, пытаясь вспомнить пестрые домики и их колоритного владельца.

Этот комментарий заметно разозлил Дермотта, и он произнес:

— Я не уверен, что вы вообще знаете, о чем речь, детектив.

Гурни подавил желание с этим поспорить. Он знал, что лучший способ блефовать — это молчать. Кроме того, это оставляло возможность подумать.

Единственное, что ему удалось вспомнить, было упоминание птиц, что-то, не вязавшееся со временем года. Но что это были за птицы? И в чем была несостыковка — в количестве этих птиц?..

Дермотт начинал терять терпение. Пора было что-то сказать.

— Птицы, — хитро произнес Гурни. По крайней мере, он надеялся, что это прозвучало хитро, а не беспомощно. Что-то во взгляде Дермотта подтвердило его догадку. Но о чем все-таки шла речь? Что такого было в этих птицах? Что не вязалось со временем года? Розовогрудые дубоносы! Вот о чем шла речь. Но что с того? При чем тут розовогрудые дубоносы?

Он решил продолжить блеф и посмотреть, куда это приведет.

— Розовогрудые дубоносы, — произнес он и многозначительно подмигнул.

Дермотт постарался скрыть удивление под властной улыбкой. Гурни больше всего на свете сейчас хотел понимать, о чем идет речь, о чем он якобы знает. Сколько там было этих дубоносов? У него не было идей, что дальше говорить, как парировать следующий вопрос. Ни одной.

— Я был прав на ваш счет, — довольно произнес Дермотт. — С нашего первого разговора я сразу понял, что вы умнее большинства в вашем племени диких бабуинов. — Он помолчал, с удовлетворением кивая собственным словам. — Я доволен, — продолжил он. — Вы разумный бабуин. Значит, вы сможете оценить то, что здесь произойдет. Я даже думаю, что последую вашему совету. В конце концов, сегодня особый вечер, в самый раз для волшебных башмачков. — С этими словами он подошел к комоду у дальней стены комнаты и, не отрывая взгляда от Гурни, открыл верхний ящик и бережно достал оттуда пару туфель. Модель напоминала босоножки на небольшом каблучке, с открытым носом; такие его мать носила в церковь. Но эта пара была как будто из стекла, покрытого слоем серебряной краски.

Дермотт задвинул ящик локтем и вернулся к кровати с туфлями в одной руке и револьвером, нацеленным на Гурни, в другой.

— Благодарю вас за ценный вклад, детектив. Если бы вы не упомянули башмачки, я бы о них не вспомнил. Большинство людей в вашем положении не были бы столь любезны. — Издевательский тон этой реплики, как понял Гурни, означал: Дермотт считает, будто настолько владеет ситуацией, что способен любые слова или действия обернуть себе на пользу. Он наклонился к кровати, снял со старухи поношенные вельветовые тапочки и надел серебряные башмачки. Они пришлись впору: у нее были совсем маленькие ножки.

— Баю-баюшки-баю, баю деточку мою, — механически произнесла старушка.

— Баю-баюшки-баю, только чудищ я убью, — пропел он в ответ.

— Моя деточка ляжет ли спать? — спросила старуха голосом ребенка, который наизусть читает любимое место из сказки.

— Змею раздавить и ей голову снять, тогда твоя деточка ляжет спать.

— Моя деточка, где ты бывал?

— Чтоб кур спасти, петуха убивал.

— Моя деточка, за чем ходил?

— За кровью роз, что в саду цветут, чтоб каждый помнил — ждет его суд.

Дермотт выжидающе посмотрел на старуху, как будто ритуальный обмен репликами был еще не завершен. Он наклонился к ней и громким шепотом подсказал:

— Что моя деточка делать станет?

— Что моя деточка делать станет? — повторила старуха таким же шепотом.

— Ворон на погибель станет сзывать, потом твоя деточка ляжет спать.

Она мечтательно провела пальцами по золотистым кудряшкам парика, как будто поправляя прическу. Ее воспаленная улыбка напомнила Гурни болезненную гримасу наркомана.

Дермотт тоже смотрел на нее. Это был неприятный взгляд, не подобающий сыну, кончик его языка гулял между губ как небольшой слизняк. Затем он моргнул и огляделся.

— Кажется, пора начинать, — оживленно произнес он. Он забрался на постель и перелез через ноги старухи к противоположному краю, где снял с сундука игрушечного гуся, затем откинулся на подушки рядом с матерью и посадил гуся на колени. — Почти все готово. — Радостный тон этого предупреждения был бы уместен, если бы говоривший расставлял свечи на именинном торте. Дермотт же с этими словами погрузил пистолет, не спуская палец с курка, в глубокий карман в спине гуся.

Господи, подумал Гурни. Неужели он вот так и застрелил Марка Меллери? Значит, вот откуда остатки гусиного пуха в крови! Неужели за мгновение до смерти Меллери видел перед собой чертову игрушку? Образ был настолько гротескным, что Гурни пришлось поперхнуться нервным смешком. Или это был спазм от страха? Как бы там ни было, а охватившее его чувство было резким и сильным. Он на своем веку повидал изрядно безумцев — садистов, сексуальных маньяков всех мастей, социопатов с ледорубами, даже каннибалов, но никогда прежде ему не приходилось разруливать такой сложносочиненный бред на расстоянии одного неправильного движения от пули в голове.

— Лейтенант Нардо, попрошу вас встать. Ваш выход. — Голос Дермотта был зловещим, ироничным, театральным.

Шепотом настолько тихим, что Гурни поначалу показалось — он ему мерещится, старуха начала бормотать: «Баю-баюшки-баю, баю-баюшки-баю». Звук был больше похож на капли воды, чем на человеческий голос.

Гурни смотрел, как Нардо разжимает сомкнутые руки, потягивается и хрустит пальцами. Он поднялся из лежачего положения с прытью человека в хорошей форме. Его взгляд скользнул со странной пары на кровати к Гурни и назад. Если что-то в происходящем и удивило его, он не подал

виду. Из того, как он смотрел на гуся и руку Дермотта, впрочем, было ясно, что он понял, где находится пистолет.

Дермотт принялся гладить гуся свободной рукой.

— Последний вопрос, лейтенант, перед тем как мы начнем, касается ваших намерений. Собираетесь ли вы делать так, как я вам скажу?

— Разумеется.

— Надеюсь, что так и будет. Я дам вам несколько указаний, а вы должны в точности им следовать. Это ясно?

— Ясно.

— Если бы я был более недоверчивым человеком, я бы сейчас усомнился в серьезности ваших намерений. Надеюсь, вы способны оценить ситуацию. Давайте я выложу все свои карты, чтобы избежать непонимания. Я собираюсь вас убить. Этот вопрос не обсуждается. Единственное, что остается под вопросом, — это в какой именно момент я вас убью. Эта часть уравнения полностью зависит от вас. Я понятно излагаю?

— Вы меня убьете. Но я решаю когда, — повторил Нардо скучающим тоном, который, казалось, развеселил Дермотта.

— Все верно, лейтенант. Вы решаете когда. До определенной степени решаете, конечно, — в конечном-то итоге все кончится так, как должно. А до того момента вы можете оставаться в живых, если будете произносить и делать то, что я вам скажу. Это ясно?

— Да.

— Не забывайте, что в любой момент у вас остается выбор немедленно умереть, просто нарушив мои инструкции. Если вы будете им следовать, это продлит драгоценные минуты вашей жизни. Сопротивление их сократит. Что может быть проще?

Нардо уставился на него не мигая.

Гурни слегка отодвинул ноги назад, к ножкам стула, чтобы при удобном случае было легче броситься в сторону кровати. Он понимал, что накал страстей вот-вот приведет к взрыву.

Дермотт прекратил гладить гуся.

— Пожалуйста, поставьте ноги так, как они стояли раньше, — сказал он, не сводя глаз с Нардо. Гурни сделал, как ему велели, восхитившись про себя потрясающим боковым зрением Дермотта. — Если вы еще раз пошевелитесь, я убью вас обоих в ту же минуту. А теперь, лейтенант, — невозмутимо продолжил Дермотт, — слушайте внимательно свое задание. Вы — актер. Пьеса про Джима, его жену и ее сына. Пьеса короткая и простая, с бурной развязкой.

— Мне надо в туалет, — сказала женщина дребезжащим голосом, снова запустив пальцы в кудри парика.

— Все хорошо, дорогая, — сказал он, не глядя на нее. — Все будет хорошо. Все будет так, как должно было быть. — Дермотт слегка поправил положение гуся, как Гурни понял, чтобы лучше прицелиться в Нардо. — Все готово?

Если бы яд из взгляда Нардо мог достичь Дермотта, тот был бы уже трижды мертв. Но он сидел, слегка изогнув уголок губ, и было неясно — улыбка это, гримаса или что-то другое.

— На этот раз я приму ваше молчание за знак согласия. Но должен предупредить. Если вы и дальше будете мешкать с ответами, я положу конец этой пьесе вместе с вашей жизнью. Это понятно?

— Да.

— Хорошо. Итак, занавес поднимается. Начинаем. Время года — поздняя осень. Время суток — поздний вечер, уже стемнело. Воздух тусклый, на земле лежит снег, скользко. Надо сказать, погода примерно как сегодня. У вас выходной. Вы провели весь день в местном баре, где пьянствовали со своими приятелями-алкашами. Именно так вы проводите все свои выходные. В начале пьесы вы как раз возвращаетесь домой. Вваливаетесь в спальню жены. У вас красное, злое лицо, мутный и тупой взгляд. В руке у вас бутылка виски. — Дермотт указал на бутылку виски «Четыре розы» на сундуке. — Возьмите бутылку, прямо сейчас.

Нардо сделал шаг и взял бутылку. Дермотт одобрительно кивнул.

— Вы тут же прикидываете, не сгодится ли она как оружие. Очень уместно. У вас мысли сходятся с вашим персонажем. Теперь вы стоите с этой бутылкой возле кровати, шатаясь из стороны в сторону. Вы злобно тарашитесь на свою жену и ее маленького сына с игрушечным гусем. Затем обнажаете зубы, как бешеный пес. — Дермотт сделал паузу, изучая лицо Нардо. — Ну-ка обнажите зубы.

Нардо напряг и растянул губы. Гурни понимал, что выражение ярости на его лице ничуть не наигранно.

— Отлично! — похвалил Дермотт. — Идеально! У вас настоящий талант. Значит, вы стоите вот так, с налившимися кровью глазами, слюной на губах, и орете на жену: «Какого хрена он здесь делает?» И указываете при этом на меня. Моя мать отвечает: «Успокойся, Джим, он показывал мне и тебе книжку со сказками». А ты говоришь: «Я что-то не вижу никакой книжки». А мама говорит: «Да вон же она, на тумбочке». Но ты одержим похабными мыслями, это видно по твоему озверевшему взгляду, они сочатся из тебя вместе с вонючим потом. Мама говорит: «Ты пьян, иди

спать в другую комнату», — но ты начинаешь раздеваться. Я кричу тебе: «Убирайся!» Но ты продолжаешь раздеваться и в итоге стоишь, голый, и смотришь на нас. Меня тошнит от одного взгляда на тебя. Мама кричит, что ты ведешь себя отвратительно. А ты говоришь: «Это кто из нас отвратительный, а, грязная сука?» Затем ты разбиваешь бутылку о бортик кровати и бросаешься на нас как огромная обезьяна, сжимая разбитую бутылку. Комната наполняется тошнотворным запахом виски. Твое тело воняет. Ты снова обзываешь мою мать сукой. Ты...

— Как ее зовут? — спросил Нардо.

Дермотт моргнул.

— Это не важно.

— Нет, важно.

— Я сказал, не важно.

— Почему?

Этот вопрос, казалось, сбил Дермотта с толку.

— Ее имя не имеет значения, потому что ты никогда не называешь ее по имени. Ты обзываешь ее ужасными словами. Ты ее совсем не уважаешь. Может быть, ты так давно не звал ее по имени, что уже и не помнишь его.

— Но вам-то известно ее имя?

— Разумеется, известно. Это моя мать. Конечно, я знаю имя своей матери.

— И как же ее имя?

— Тебе не нужно его знать. Тебе плевать.

— И все-таки я хотел бы его услышать.

— Я не хочу, чтобы ее имя было в твоём грязном мозгу.

— Если я должен притвориться ее мужем, я должен знать, как ее зовут.

— Ты должен знать только то, что я хочу, чтобы ты знал.

— Я не могу играть эту роль, если я не знаю, кто эта женщина. Мне пофиг, что вы тут говорите, — но это нелогично, чтобы я не знал имени собственной жены.

Гурни не понимал, чего Нардо пытается добиться.

Успел ли он понять, что от него требуется разыграть нападение пьяного Джимми Спинкса на Фелисити Спинкс, случившееся двадцать четыре года назад в этом доме? Дошло ли до него, что Грегори Дермотт, который год назад купил этот дом, по возрасту может оказаться сыном Джимми и Фелисити — восьмилетним мальчишкой, которого после трагедии забрала социальная служба? Понимал ли он, что старуха в кровати со шрамом на шее — почти наверняка Фелисити Спинкс, которую подросший сын забрал из заведения, куда ее определили после полученной

травмы?

Надеялся ли Нардо изменить концовку «пьесы», назвав вещи своими именами? Пытался ли он просто отвлечь убийцу, надеясь что-то придумать? Или он действовал наугад и тянул время, стараясь как можно дальше отодвинуть то, что планировал Дермотт?

Была, впрочем, и другая вероятность. То, что делал Нардо, и то, как реагировал Дермотт, могло вообще не иметь никакого логического объяснения. Это могло быть примитивное противостояние вроде того, когда маленькие мальчики лупят друг друга пластиковыми совочками в песочнице, а разъяренные взрослые мужчины бьются насмерть в барах. С тяжелым сердцем Гурни пришлось признать, что эта догадка была не лучше всех прочих.

— Кажется тебе это логичным или нет — совершенно неважно, — сказал Дермотт, снова поправляя гуся и не отрывая взгляда от горла Нардо. — Твои мысли вообще не имеют значения. Давай раздевайся.

— Сперва скажи, как ее зовут.

— Ты должен раздеться, разбить бутылку о бортик и броситься на кровать как дикая обезьяна. Как тупое, вонючее, гадкое чудовище.

— Как ее зовут?

— Пора.

Гурни обратил внимание на едва заметное движение мускулов на предплечье Дермотта — это значило, что он напярк палец на курке.

— Скажи мне ее имя.

Гурни наконец понял, что происходит. Нардо положил на кон все — всю свою жизнь, — чтобы заставить противника ответить на этот вопрос. Дермотт в свою очередь был готов на все, чтобы сохранить контроль над ситуацией. Гурни не знал, понимает ли Нардо, насколько человек, которого он пытался сломить, одержим манией контроля. Ребекка Холденфилд, равно как и все, кто что-то смыслил в серийных убийцах, утверждала, что они добивались контроля любой ценой, шли на любой риск. Ощущение всемогущества и всеведения — вот в чем было их высшее наслаждение. Вставать на пути у этой мании без оружия в руках было самоубийством.

Непонимание этого обстоятельства поставило Нардо лицом к лицу со смертью, и на этот раз Гурни не мог спасти его, закричав, чтобы он подчинялся. Это была одноразовая тактика.

Жажда крови со скоростью грозового облака застилала Дермотту глаза. Гурни еще никогда не чувствовал себя настолько бессильным. Он не знал, как остановить палец, лежащий на курке.

И тогда он услышал голос, ясный и прохладный, как чистое серебро.

Вне всяких сомнений, это был голос Мадлен, много лет назад произнесший эту фразу, когда Гурни бился над одним безнадежным делом и почти отчаялся:

— Из тупика всегда есть один выход.

Ну конечно, понял он. Это же до смешного очевидно. Надо просто развернуться и пойти в другую сторону.

Чтобы остановить человека, одержимого желанием контролировать ситуацию и готового на убийства, чтобы сохранить контроль, необходимо было пойти против собственных инстинктов. Слыша голос Мадлен в голове, он понял, что ему нужно сделать. Это было возмутительно, откровенно безответственно и с юридической точки зрения необратимо, если что-то пойдет не так. Но он знал, что это сработает.

— Давай, давай, Грегори! — закричал он. — Застрели его!

Возникло секундное замешательство, когда оба мужчины, казалось, пытались совладать с тем, что только что услышали, как будто необходимо было примириться с громом, раздавшимся среди ясного неба. Дермотт несколько отвлекся от Нардо, и гусь немного сдвинулся в сторону кресла, в котором сидел Гурни.

Губы Дермотта растянулись в мрачном подобии улыбки.

— Что вы говорите? — переспросил он подчеркнуто непринужденно, и Гурни услышал в его голосе неуверенность.

— Ты слышал, что я сказал, — ответил он. — Я сказал тебе пристрелить его.

— Ты... сказал... мне?..

Гурни нарочито нетерпеливо вздохнул:

— Ты тратишь мое время.

— Трачу время?.. Ты что о себе вообразил? — Гусь с револьвером сдвинулись чуть дальше в его направлении. Непринужденность исчезла.

Нардо смотрел на них широко открытыми глазами. Гурни не мог расшифровать смесь чувств, скрытую за удивлением. В этот момент, как будто Нардо требовал объяснений, Гурни повернулся к нему и пояснил самым будничным тоном:

— Грегори любит убивать мужчин, которые напоминают ему отца.

Из горла Дермотта вырвался сдавленный звук, похожий на застрявший крик. Гурни продолжал смотреть на Нардо.

— Проблема в том, что иногда его нужно к этому слегка подталкивать. Он как-то заигрывается в процессе. И к тому же временами ошибается. Ух ты, а что, это идея! — воскликнул он и оценивающе посмотрел на Дермотта, напряженно наблюдавшего за ним. — «Тот, кто заиграется, часто

ошибается». Как тебе, Грегори? Может получится новый стишок! — Он даже хотел подмигнуть ошарашенному убийце, но решил, что это будет перебор.

Дермотт смотрел на него с ненавистью, растерянностью и еще каким-то неясным чувством. Гурни надеялся, что в его уме зародилась куча вопросов, на которые человек, одержимый манией контроля, захочет узнать ответы, прежде чем убивать того, кто способен эти ответы дать. Реакция Дермотта его обнадежила.

— Я ошибаюсь?

Гурни уверенно кивнул:

— Частенько притом.

— Детектив, вы лжец. Я никогда не ошибаюсь.

— Неужели? А как это называется — невинные осечки?

Уже произнося это, он успел задуматься, могло ли это оказаться смертельной ошибкой. В любом случае пути к отступлению не оставалось. Кончики губ Дермотта едва заметно подрагивали. Откинувшись на подушках в противоестественно расслабленной позе, он выглядел так, будто смотрел на Гурни из логова в самом аду.

В действительности Гурни знал только про одну ошибку Дермотта — ошибку с чеком Карча, про которую наконец все понял всего четверть часа назад, когда взглянул на копию чека на столике. Но что, если заявить, что он знал про ошибку с самого начала? Какой эффект это может оказать на человека, который так отчаянно хочет верить, что все это время именно он контролировал ситуацию?

Слова Мадлен снова пришли ему на ум, но на этот раз фраза прозвучала наоборот. Если некуда отступать, мчи вперед очертя голову. Он повернулся к Нардо, как будто маньяка можно было спокойно игнорировать.

— Смешнее всего он ошибся, когда называл мне имена людей, которые отправили ему чеки. Среди имен значился Ричард Карч. А дело в том, что Карч прислал ему чек в конверте без обратного адреса, опознавательным было только имя «Р. Карч» на чеке, и подпись была такая же. Буква «Р» могла означать — Роберт, Ральф, Рандольф, Руперт и еще дюжину имен. Однако наш Грегори знал, что это именно Ричард, хотя утверждал, что незнаком с отправителем и ничего не знает о нем, кроме имени и адреса на чеке, который я видел в Созертоне. Я тогда сразу понял, что он врет. И причина была очевидной.

Нардо не выдержал:

— Вы знали?! Так какого черта вы не сказали нам, чтобы мы могли его

повязать?

— Я знал, что он делает и зачем он это делает, и у меня не было причин его останавливать.

Нардо выглядел так, будто попал в незнакомую вселенную.

Резкий стук привлек внимание Гурни к кровати. Старуха постукивала серебряными башмачками, как Элли, которая засобиралась домой в Канзас. Гусь с револьвером был нацелен на Гурни. Дермотт старательно — по крайней мере, Гурни надеялся, что это потребовало старания, — делал вид, что его не задело откровение про Карча. Чеканя слова, он сказал:

— Не знаю, в какую игру вы сейчас играете, детектив, но я положу ей конец.

Гурни, призвав на помощь все свои скрытые актерские способности, попытался говорить с уверенностью человека, у которого за пазухой припрятан небольшой пулемет.

— Прежде чем угрожать, — негромко произнес он, — убедитесь, что хорошо понимаете положение вещей.

— Положение вещей? Я стреляю — вы умираете. Я стреляю снова — он умирает. Бабуины прорвутся сквозь дверь — они тоже умирают. Таково сейчас положение вещей.

Гурни закрыл глаза и оперся головой об стенку, глубоко вздохнув.

— Вы даже не представляете... — начал он, затем устало покачал головой. — Нет, конечно же не представляете. Откуда вам знать.

— Чего же я не представляю, детектив? — поинтересовался Дермотт, сделав издевательский напор на звании.

Гурни засмеялся. Это был нехороший смешок, который должен был вызвать у Дермотта вопросы, но он также отражал смятение, происходившее у Гурни в голове.

— Угадайте, скольких я убил, — прошептал он, в упор уставившись на Дермотта и отчаянно надеясь, что тот не поймет, что он просто тянет время, импровизируя на ходу, надеясь, что копы наконец-то заметят исчезновение Нардо. Черт побери, почему они до сих пор этого не заметили? Или заметили?.. Башмачки продолжали постукивать один о другой.

— Чертовы копы все время кого-то убивают, — отозвался Дермотт. — Мне-то что.

— Я не имею в виду людей вообще. Я имею в виду людей вроде Джимми Спинкса. Знаете, сколько таких я положил?

Дермотт моргнул:

— О чем вы?

— Об алкашах. Об избавлении мира от пьяных животных, об уничтожении гнусных отбросов.

Кончики губ Дермотта снова задрожали. Одно было понятно: Гурни его заинтриговал. Но что дальше? Оставалось только продолжать эту игру. Другого выхода не было видно. Он продолжил, сочиняя слова на ходу:

— Однажды, когда я еще был новобранцем и служил на автовокзале Порт-Оторити, мне велели убрать бомжей от одного из выходов. Один отказался уходить. От него за километр разило виски. Я сказал ему убираться из помещения, а он, вместо того чтобы направиться к двери, попер на меня и достал из кармана ножик с зазубринами, каким обычно апельсины чистят. Двое свидетелей, видевшие стычку с эскалатора, сказали, что я застрелил его в порядке самообороны. — Он сделал паузу и улыбнулся. — Но это была неправда. Если бы я захотел, я мог бы скрутить его безо всякого труда. Но я выстрелил ему в лицо и разmozжил его голову. Знаешь, зачем я это сделал, Грегори?

— Баю-баюшки-баю, — произнесла старуха, обгоняя ритм, в котором постукивала башмачками. Дермотт едва заметно приоткрыл рот, но молчал.

— Я это сделал, потому что он напомнил мне моего отца, — сказал Гурни, яростно повышая голос. — Напомнил отца в ту ночь, когда он разбил о голову моей матери заварной чайник в форме башки дурацкого клоуна.

— Не повезло тебе с отцом, — холодно отозвался Дермотт. — Но, знаешь, твоему сыну вообще-то тоже.

Это заявление уничтожило всякие сомнения насчет осведомленности Дермотта. В этот момент Гурни захотелось рискнуть получить пулю, лишь бы вцепиться ему в глотку.

Издевка усилилась — возможно, Дермотт почувствовал, что Гурни теряет самообладание.

— Хороший отец не даст четырехлетнему ребенку попасть под машину и не даст водителю безнаказанно уйти.

— Ах ты, дерьмо, — пробормотал Гурни.

Дермотт засмеялся от восторга:

— Фу, как вульгарно! А я-то начал было думать, что ты тоже поэт. Думал, мы можем продолжить обмениваться виршами. У меня даже готов стих. Как тебе? Послушай.

*Сбившая машина бесследно унеслась,
А великий сыщик лицом ударил в грязь.
Матери мальчонки что сказать ты смог,*

Когда в одиночку поднялся на порог?

Странный животный звук вырвался у Гурни из груди. Сдавленная ярость. Дермотт заворуженно наблюдал.

Нардо тем временем ждал подходящего момента. Его мощная правая рука поднялась, описала дугу и со страшной силой опустила запечатанную бутылку «Четырех роз» на голову Дермотта. Дермотт успел заметить движение и стал перенаправлять револьвер в гусе на Нардо, но в этот момент Гурни рванулся вперед и упал на кровать, приземлившись грудью на гуся ровно в тот момент, когда тяжелое дно бутылки вонзилось в голову Дермотта. Револьвер выстрелил, наполняя воздух вокруг пухом. Пуля прошла под Гурни и попала в стену там, где он сидел, разбив настольную лампу, единственную в комнате. В темноте было слышно, как Нардо тяжело дышит сквозь сжатые зубы. Старуха негромко застонала дрожащим голосом, это было похоже на неуверенную колыбельную. Затем раздался оглушительный грохот, тяжелая железная дверь в комнату распахнулась, и на пороге выросла фигура огромного человека, а за ней — фигура поменьше.

— Стоять! — закричал великан.

Глава 52

Смерть перед рассветом

Поспела подмога. Запоздало, но это было к лучшему. Учитывая талант Дермотта все видеть наперед и его жажду «убить воронье», оставалась вероятность, что, пойдя все по-другому, не только подоспевшие копы, но и Нардо с Гурни получили бы пулю в горло. На выстрелы сбежалось бы все остальное отделение, и Дермотт открыл бы вентиль, распыляя хлор и аммиак через пожарные брызгалки...

В сложившихся обстоятельствах главной жертвой, если не считать разбитую лампу и выбитую дверь, был сам Дермотт. Бутылка, запущенная ему в голову со всей исполинской яростью Нардо, ввергла его в подобие комы. Изогнутый осколок отскочил и вонзился в голову Гурни в районе линии волос.

— Мы слышали выстрел. Что случилось? — спросил запыхавшийся великан, сиюминутно что-либо разглядеть в темноте.

— Все под контролем, Томми, — отозвался Нардо, но неровный голос выдавал его. В тусклом свете, сочившемся из подвала, Гурни узнал во втором силуэте офицера Пат с неестественно синими глазами. Держа наготове тяжелый пистолет и не сводя глаз с кровати, она прошла в дальний угол комнаты и включила лампу, стоявшую рядом с креслом, где до этого сидела старуха.

— Не возражаете, если я встану? — спросил Гурни, который все еще лежал на коленях Дермотта поверх гуся.

Большой Томми посмотрел на Нардо.

— Конечно, — сказал Нардо сквозь зубы. — Пусть встает.

Гурни осторожно слез с кровати и обнаружил, что по его лицу течет кровь. Возможно, именно вид крови помешал Нардо немедленно броситься на него за то, что несколько минут назад он подбивал безумного маньяка застрелить его.

— Господи, — пробормотал Томми, глядя на кровь.

Избыток адреналина не дал Гурни почувствовать боль. Он коснулся лица и удивился, что оно влажное, затем посмотрел на руку и удивился, что она красная.

Синеглазая Пат без выражения посмотрела на него.

— Вызвать скорую? — спросила она у Нардо.

— Да, пусть приезжают, — отозвался тот, помедлив.

— Им тоже? — спросила она, кивнув на странную парочку на кровати. Ее взгляд привлекли серебряные башмачки. Она сощурилась, будто пытаясь прогнать обман зрения.

Помолчав, он выжал из себя брезгливое «да».

— Машины отозвать? — спросила она, поморщившись, очевидно поняв, что башмачки ей не пригрезились.

— Что? — переспросил он, снова помедлив. Он смотрел на осколки лампы и на пулевое отверстие в стене.

— Наши ребята патрулируют район на машинах и опрашивают соседей. Всех собрать?

Казалось, что решение дается ему с неожиданно большим трудом. Наконец он сказал:

— Да, собирайте.

— Хорошо, — отозвалась она и вышла из комнаты.

Большой Томми с откровенной неприязнью рассматривал рану на голове Дермотта. Бутылка от «Четырех роз» приземлилась на подушке между ним и старухой, чей кудрявый парик съехал набок, отчего ее голова казалась повернутой на пол-оборота.

Гурни рассматривал броскую этикетку на бутылке и наконец-то нашел ответ, который так долго искал. Он вспомнил слова Брюса Плюма о том, что Дермотт (он же мистер Сцилла) утверждал, будто видел четырех розовогрудых дубоносов, и зачем-то несколько раз подчеркнул цифру четыре. Гурни осенило, на что он таким образом намекал. «Четыре розы»! Как и подпись «Мистер и миссис Сцилла» в журнале посетителей, это сообщение было еще одной загадкой в его хитроумной игре по одурачиванию тупых злых копов. Поймайте меня, если сможете.

Минуту спустя Пат вернулась и деловито сообщила:

— Скорая едет. Все машины в пути. Опрос соседей отменен.

Она мрачно посмотрела на кровать. Старуха издавала странные звуки, одновременно напоминающие причитание и мычание. Дермотт лежал неподвижный и бледный.

— Он вообще жив? — спросила Пат без особого интереса.

— Понятия не имею, — отозвался Нардо. — Проверьте на всякий случай.

Она поджала губы, подошла к телу и пощупала пульс на шее.

— Да, живой. А с ней что?

— Это жена Джимми Спинкса. Ты слышала про Джимми Спинкса?

Она покачала головой:

— Кто это?

Он помедлил, потом сказал:

— Забудь.

Она пожала плечами, как будто забывать было естественной частью ее работы.

Нардо несколько раз глубоко вздохнул.

— Идите с Томми наверх, встаньте на входе. Теперь мы знаем, что это и есть сукин сын, который всех убил, так что придется по новой вызывать экспертов и просеивать весь этот чертов дом через сито.

Пат и Томми обменялись недовольными взглядами, но вышли из комнаты без разговоров. Проходя мимо Гурни, Томми произнес:

— У вас осколок из головы торчит.

Он произнес это так буднично, точно речь шла о пылинке на плече.

Нардо дождался, когда их шаги стихнут на лестнице, и только тогда заговорил.

— Отойдите от кровати, — сказал он, и голос его был нервным.

Гурни понимал, что на самом деле он хочет, чтобы он отошел подальше от оружия — револьвера Дермотта в разодранной игрушке, пистолета Нардо и тяжелой бутылки. Он спокойно отошел.

— Отлично, — произнес Нардо, явно стараясь держать себя в руках. — А теперь у вас есть один-единственный шанс все объяснить.

— Можно я сяду?

— Да можете хоть на уши встать! Объяснитесь, сейчас же.

Гурни сел на кресло рядом с разбитой лампой.

— Он собирался стрелять. Еще секунда — и у вас была бы пуля в горле. Или в голове. Или в сердце. Был только один способ его остановить.

— Вы не пытались его остановить. Вы сказали ему застрелить меня. — Нардо сжал кулаки так сильно, что костяшки побелели.

— Но он ведь этого не сделал.

— Но вы его к этому подталкивали.

— Иначе его было не остановить.

— Остановить? Вы спятили! — зарычал Нардо, уставившись на Гурни как бойцовский пес, готовый сорваться с цепи.

— Факт остается фактом: вы живы.

— То есть вы считаете, что я жив, потому что вы сказали ему меня пристрелить? Вы хоть сами понимаете, какой это бред?

— Серийные убийцы одержимы манией контроля — тотального. Для безумного Грегори было важно контролировать не только настоящее и будущее, но и прошлое. Сцена, которую он вас пытался заставить разыграть, — это повторение трагедии, которая произошла в этом доме

двадцать четыре года назад, но с одним ключевым отличием. В то время маленький Грегори не мог остановить отца и защитить мать. Эта история навсегда изменила ее, и его тоже. Взрослый Грегори хотел отмотать пленку назад, чтобы все повторилось и он смог изменить финал. Он хотел, чтобы вы проделали все, как его отец, — до момента, когда тот замахнулся бутылкой. В ту секунду он собирался вас застрелить, чтобы избавиться от пьяного чудовища и спасти свою мать. Все его убийства были про это — попытки подчинить себе и уничтожить Джимми Спинкса, убивая других алкашей.

— Гэри Сассек не был алкашом.

— Возможно, не был. Но Гэри Сассек уже работал в полиции во времена Джимми Спинкса, и Грегори мог узнать в нем приятеля отца. Может быть, они даже выпивали вместе. А то, что вы тоже в то время работали, сделало вас подходящей заменой самого отца — идеальным способом вернуться назад и изменить ход истории.

— Вы сказали ему застрелить меня! — не успокаивался Нардо, но, к облегчению Гурни, уверенности в его голосе прибавилось.

— Я сказал ему вас застрелить, потому что лучший способ остановить одержимого контролем убийцу, когда слово твое единственное оружие, — это заставить его усомниться, что именно он контролирует ситуацию. Часть фантазии о всемогуществе заключается в том, что именно он принимает все решения, что все зависит от него, а над ним ни у кого нет власти. Необходимо разрушить эту уверенность, обставив дело так, будто он делает именно то, чего вы от него хотите. Противостоять ему напрямую значит получить пулю. Молить о пощаде — тоже значит получить пулю. Но скажите ему, что это вы хотите, чтобы он поступил так, как собирался, — и происходит замыкание.

Нардо слушал так, будто старался найти в его повествовании слабые места.

— Вы говорили очень уж натурально. С такой ненавистью, будто и впрямь хотели, чтобы он меня прикончил.

— Если бы я звучал ненатурально, мы бы сейчас с вами не разговаривали.

Нардо сощурился:

— А как же насчет расстрела в Порт-Оторити?

— В каком смысле?

— Вы грохнули там какого-то бомжа, потому что он напоминал вашего пьющего папашу.

Гурни улыбнулся.

— Что здесь смешного?

— Две вещи. Во-первых, я никогда не работал в Порт-Оторити. Во-вторых, за двадцать пять лет в полиции я ни разу не стрелял из своего пистолета.

— То есть это все чушь собачья?

— Мой отец действительно пил, это... сложная тема. Он все равно что постоянно отсутствовал, даже когда был рядом. Но убийство какого-то случайного бедолаги не исправило бы ситуацию.

— Ну и какой был смысл гнать эту пургу?

— Смысл в том, что мы в результате имеем.

— Чего?..

— Господи, лейтенант, да я просто пытался отвлечь его и тянул время, чтобы вы успели что-нибудь сделать с помощью чертовой бутылки.

Нардо тупо уставился на него, будто информация перестала помещаться в его мозгу.

— А то, что мальчишку переехала машина, — тоже пурга?

— Нет. Это правда. Его звали Дэнни. — Голос Гурни стал хриплым.

— И водилу так и не поймали?

Гурни покачал головой.

— Никаких зацепок?

— Один очевидец сказал, что машина была красной «БМВ», что она весь вечер стояла напротив кабака, и когда из кабака к этой машине подошел хозяин, он был откровенно пьян.

Нардо задумался:

— И что, никто в баре не дал наводки?

— Его там никто не знал, он пришел впервые.

— Давно это было?

— Четырнадцать лет и восемь месяцев тому назад.

Они несколько минут помолчали, затем Гурни не спеша, тихим голосом продолжил:

— Я отвел его на детскую площадку в парке. По тротуару мимо шел голубь, и Дэнни пошел за ним. Я думал о своем, об убийстве, которое тогда расследовал. Голубь сошел с тротуара на дорогу, и Дэнни за ним погнался. Когда я понял, что происходит, было слишком поздно. Его сбили.

— У вас есть другие дети?

Гурни помедлил с ответом.

— С матерью Дэнни — нет.

Затем он закрыл глаза, и оба долгое время молчали. Нардо первым нарушил тишину:

— Значит, это Дермотт убил вашего приятеля, сомнений нет?

— Сомнений нет, — отозвался Гурни и поразился усталости, сквозившей в обоих голосах.

— И других он же?

— Похоже на то.

— Почему именно сейчас?

— В каком смысле?

— Зачем он так долго ждал?

— Ждал удобного момента, а может, вдохновения или прозрения. Я предполагаю, что он работал над какой-нибудь системой безопасности для большой базы данных медицинского страхования. И в какой-то момент решил написать программу, которая на основе этой базы создаст список людей, которые лечились от алкоголизма. Возможно, так все и началось. Думаю, открывшиеся возможности вскружили ему голову и он придумал схему — написать всему списку, чтобы вычислить тех, кому есть чего бояться. Эти люди выдали себя, отправив ему чек, и он принялся изводить их своими злобными виршами. В какой-то момент он забрал свою мать из центра, где за ней ухаживали после нападения.

— Но что он делал все эти годы, пока не появился здесь?

— Детство, вероятно, провел в интернате или у приемных родителей. Мог пойти по скользкой дорожке. Потом увлекся компьютерами — скорее всего, через игры, — и открыл в себе способности к этому делу, причем немалые. Вплоть до того, что окончил Массачусетский технологический институт.

— И в какой-то момент сменил имя?

— Может быть, когда ему исполнилось восемнадцать. Уверен, что для него невыносимо было носить фамилию отца. Я не удивлюсь, если окажется, что Дермотт — девичья фамилия Фелисити Спинкс.

Нардо презрительно скривил губы.

— Жаль, что вы не догадались пробить его по базе перемены имен в самом начале всей этой заварухи.

— Строго говоря, для этого не было повода. Но даже если бы мы это сделали, тот факт, что Дермотта раньше звали Спинксом, ничего не значил бы для тех, кто занимался делом Меллери.

Было видно, что Нардо старательно откладывает эту информацию на потом, чтобы поразмыслить над ней, когда в голове прояснится.

— Но зачем этот псих вообще решил вернуться в Вичерли?

— Наверное, потому что двадцать четыре года назад здесь напали на его мать. А может, его захватила идея переписать историю. Или узнал, что

дом продается, и не смог устоять. Возможно, увидел в этом шанс поквитаться не только с алкоголиками, но и с полицейским управлением Вичерли. Вариантов много, и если он сам не захочет нам рассказать правду, мы ее так и не узнаем. А Фелисити Спинкс вряд ли нам что-то расскажет.

— Вряд ли, — согласился Нардо, но его явно мучило что-то еще. Он выглядел озабоченно.

— В чем дело? — спросил Гурни.

— Что? А, нет, ничего. Правда ничего. Я так, подумал... а вам действительно было не все равно, что кто-то убивает алкашей?

Он не знал, что ответить. Уместным вариантом было бы сказать, что он не вправе судить, кто из жертв был достоин смерти. Был еще циничный вариант: что искать разгадку для него было важнее, чем восстановить справедливость, игра была важнее человеческих судеб. В любом случае ему совершенно не хотелось обсуждать это с Нардо, но он чувствовал, что промолчать нельзя.

— Если вы хотите узнать, получал ли я удовольствие оттого, что кто-то символически мстил алкашу, сбившему моего сына, то ответ отрицательный.

— Вы так уверены?

— Я уверен.

Нардо недоверчиво посмотрел на него, затем пожал плечами. Казалось, ответ Гурни прозвучал для него неубедительно, но ни одному из них не хотелось продолжать этот разговор.

Было похоже, что вспыльчивый лейтенант сдулся. Остаток вечера был занят рутинным процессом определения приоритетов и подведения итогов расследования.

Гурни отвезли в больницу Вичерли вместе с Фелисити Спинкс (урожденной Дермотт) и Грегори Дермоттом (урожденным Спинкс). Пока Гурни осматривал вежливый ассистент врача, Дермотта, так и не пришедшего в сознание, повезли на томографию.

Сестра, которая занималась раной Гурни, стояла настолько близко, говорила с таким придыханием и обрабатывала рану с такой заботой, что в этом сквозил какой-то неуместный эротизм. Пойти на поводу у непрошеного возбуждения, учитывая обстоятельства, было бы сумасбродством, но он все же решил воспользоваться ее расположением. Он оставил ей свой номер и попросил перезвонить, если будут какие-то изменения в состоянии Дермотта. Он хотел быть в курсе событий и не был уверен, что Нардо будет его оповещать. Сестра с улыбкой согласилась, и затем неразговорчивый коп отвез Гурни назад к дому Дермотта.

По дороге он успел позвонить по экстренной линии Шеридану Клайну и оставить сообщение с перечислением основных событий. Затем он набрал свой домашний номер и оставил сообщение для Мадлен, избежав упоминаний о пуле, о бутылке, о крови и о наложении швов. Он гадал, не стоит ли она в этот момент рядом с телефоном, слушая сообщение, но не желая с ним говорить. Увы, он не обладал ее природной прозорливостью, и это осталось загадкой.

Когда они вернулись к дому Дермотта, прошло больше часа, и улица была забита машинами полиции Вичерли, округа и штата. Большой Томми и Пат с квадратным лицом дежурили на крыльце. Гурни отправили в маленькую комнату, где он впервые разговаривал с Нардо, который сейчас сидел за тем же столом. Два эксперта в комбинезонах и перчатках прошли мимо него и направились в подвал.

Нардо подтолкнул к Гурни желтый блокнот и ручку. Если в нем до сих пор и бурлили какие-то эмоции, они полностью растворились в навалившейся бумажной волоките.

— Присядьте. Нам нужно от вас заявление. Опишите все, начиная с момента прибытия сюда и причины своего визита. Дальше нужно перечислить все, что вы сделали, и все, что наблюдали. Желательно указывать время, как предполагаемое, так и точно известное. Заявление надо закончить вашей отправкой в больницу, если только в больнице не появилась какая-то дополнительная информация по делу. Вопросы есть?

В течение следующих сорока пяти минут Нардо то и дело выходил из комнаты, а Гурни исписал четыре разлинованных страницы мелким, отточенным почерком. На столе у дальней стены комнаты был настольный копировальный аппарат, и Гурни сделал две копии подписанного заявления для себя, прежде чем отдать оригинал Нардо.

Тот коротко сказал:

— Будем на связи.

Голос его был профессионально нейтрален. Он не предложил Гурни руку для рукопожатия.

Глава 53

Конец и начало

К моменту, когда Гурни пересек мост Таппан-Зи и начал долгий путь домой, снег валил уже стеной, оставляя видимой лишь небольшую часть мира. Каждые несколько минут он приоткрывал окно, чтобы холодный воздух привел его в чувство.

В нескольких милях от Гошена он чуть не съехал с дороги. Он вовремя очнулся от звука шин, верещащих от трения об обочину дороги, иначе мог бы угодить в реку.

Он пытался думать только о машине, о руле и о дороге, но это было невозможно. В его воображении крутились будущие газетные заголовки, которые появятся сразу после пресс-конференции Шеридана Клайна — он ведь не преминет похвалить себя за то, что его команда избавила Америку от опасного маньяка. Средства массовой информации раздражали Гурни. То, как они освещали преступления, само по себе было преступно. Для них это было игрой. Впрочем, для него тоже: ведь он рассматривал каждое убийство как головоломку, которую нужно собрать, а убийцу — как противника, которого следует обыграть. Он изучал обстановку, вычислял вероятность, ставил капкан и бросал добычу в утробу машины правосудия — и переключался на следующее убийство, разгадка которого требовала острого ума. Однако иногда случалось, что он видел все в ином свете — когда усталость от преследования брала свое, когда в темноте элементы мозаики были неразличимы, когда опустошенный ум руководствовался не жесткой логикой, а куда более простыми вещами. Тогда ему приоткрывался истинный ужас того, с чем он имел дело, во что добровольно ввязывался.

С одной стороны была логика закона, наука криминология, процедура вынесения приговора. С другой стороны были Джейсон Странк, Питер Поссум Пиггерт, Грегори Дермотт, боль, ярость, смерть. И между этими мирами стоял холодящий душу вопрос: как одно связано с другим?

Он вновь открыл окно и подставил лицо жалящему ветру со снегом.

Глубокие, но бесполезные вопросы, внутренний диалог, ведущий в никуда, были для него так же естественны, как для иных — вычисление шансов победы команды «Ред сокс». Подобный образ мыслей был дурной привычкой, от которой был сплошной вред. В моменты, когда он упрямо пытался поделиться всем этим с Мадлен, он сталкивался со скучающим взглядом и нежеланием вникать.

— О чем ты думаешь на самом деле? — спрашивала она иногда, откладывая вязание и внимательно глядя на него.

— В каком смысле? — спрашивал он, лукавя, потому что отлично знал, что она имеет в виду.

— Не может быть, чтобы тебе действительно было дело до этой ерунды. Попробуй понять, что тебя мучит на самом деле.

Попробуй понять, что тебя мучит на самом деле.

Легко сказать.

Что же его мучило? Несовместимость логики с бурлящими страстями? Тот факт, что система правосудия была всего лишь клеткой, пригодной для борьбы со злом не больше, чем флюгер — для борьбы с ветром? Что-то оставалось, мелькало на задворках сознания, украдкой грызло его мысли и чувства, словно крыса.

Он попытался понять, что сильнее всего задело его в этот безумный день, и оказался в плену хаотичных образов.

Когда он постарался отогнать их, расслабиться и ни о чем не думать, два образа отказались оставлять его в покое.

Первым был жестокий восторг в глазах Дермотта, когда он зачитывал свой стишок про смерть Дэнни. Вторым был привкус ярости, с которой он сам рассказывал про отца, сочиняя историю про нападение на мать. Это была не просто актерская игра. Из-под нее прорывалась ненаигранная, пугающая злость. Означало ли это, что он и вправду ненавидел своего отца? Неужели в том отчаянном взрыве эмоций выплеснулась вся обида ребенка, чей отец только работал, спал и пил и все больше отдалялся, пока не стал совсем недостижимым? Гурни потрясло, как мало и одновременно много общего у него с Дермоттом.

Или дело было в другом — и вспышка была вызвана завуалированным чувством вины за то, что он оставил этого замкнутого, холодного человека одного в старости, за то, что не хотел иметь с ним ничего общего?

Или же это была ненависть к себе, к своему дважды проваленному отцовству — за то, что он трагически мало уделял внимание одному сыну и постоянно избегал другого?

Мадлен, вероятно, сказала бы, что правдой могут быть все три предположения либо ни одно из трех, но в конечном счете это не важно. Важно только поступать так, как правильно здесь и сейчас. И как бы он ни отгонял от себя эту мысль, начать следовало со звонка Кайлу. Не то чтобы Мадлен хорошо относилась к Кайлу — было похоже, что он ей, напротив, вовсе не нравится, его желтый «порше» кажется ей глупым, а его жена претенциозной, — но для Мадлен личное отношение всегда было

второстепенным по сравнению с необходимостью поступить правильно. Для Гурни оставалось непостижимым, как настолько импульсивный человек может настолько подчинить свою жизнь принципам. Но такова была Мадлен. Именно поэтому она служила для Гурни маяком во мгле его собственного существования.

Сделать то, что правильно, здесь и сейчас.

Вдохновленный, он остановился у широкого запущенного въезда на старую ферму и достал бумажник, чтобы найти телефон Кайла (он даже не ввел его номер в систему голосового набора, и сейчас эта мысль его больно кольнула). Звонок в три часа ночи был странным поступком, но альтернатива была хуже: отложить его снова, затем снова и в итоге найти повод вовсе не звонить.

— Пап, ты?

— Я тебя разбудил?

— Вообще-то нет, я не спал. Что случилось?

— Да нет... все в порядке, я просто... хотел поговорить с тобой. Вот, перезваниваю. Что-то у меня с этим долго не складывалось, а ты так давно пытался со мной связаться.

— С тобой точно все в порядке?

— Я понимаю, что звоню в странное время, но не волнуйся, все нормально.

— Я рад.

— У меня был трудный день, но все кончилось хорошо. Я не мог перезвонить раньше, потому что я... запутался в одной сложной истории. Это, конечно, плохое оправдание. Ты зачем звонил?

— А что за история?

— Что? А, да как обычно, расследование убийства.

— Ты же уволился?

— Уволился, все верно, но тут пришлось поучаствовать, потому что я был знаком с одной из жертв. В общем, долгая история. Расскажу при встрече.

— Ух ты! Значит, у тебя снова получилось!

— Что?

— Ты поймал очередного серийного убийцу.

— Откуда ты знаешь?

— Ты сказал — «одна из жертв», значит, их было много. Кстати, сколько?

— Известно про пятерых, в планах было еще двадцать человек.

— И ты его поймал. Черт побери! Ты просто гроза серийных убийц.

Прямо как Бэтмен.

Гурни засмеялся, что было для него редкостью само по себе, и он не помнил, чтобы это раньше случалось в разговорах с Кайлом. Впрочем, это был во всех смыслах странный разговор — учитывая, что они беседовали уже пару минут, а Кайл до сих пор не похвастался какой-нибудь очередной покупкой.

— В этом деле Бэтмену много кто помогал, — сказал Гурни. — Но я не поэтому звоню. Хотел спросить, зачем ты звонил, узнать, как ты поживаешь. Какие новости?

— Да никаких особо, — сухо ответил Кайл. — Я потерял работу. Мы разошлись с Кейт. Думаю сменить сферу деятельности, пойти учиться на юриста. Что ты думаешь?

Ошарашенно помолчав, Гурни снова засмеялся, на этот раз еще громче.

— Вот черт! — воскликнул он. — Да что у тебя там случилось?

— Ты, наверное, уже слышал, что в финансовой индустрии большие проблемы. Я потерял работу и жену как следствие, а заодно обе квартиры и три машины. Но знаешь, это удивительно, как быстро можно привыкнуть даже к самой жуткой катастрофе. В общем, я сейчас в раздумьях, имеет ли смысл идти учиться на юриста. Об этом я и хотел с тобой поговорить. Как думаешь, у меня подходящий для этого склад ума?

Гурни предложил Кайлу приехать на выходных, уже через два дня, чтобы поговорить как следует и обсудить подробности. Кайл согласился и, кажется, даже обрадовался. Когда они закончили разговор, Гурни минут десять сидел, потрясенный.

Следовало сделать еще несколько звонков. С утра надо было позвонить вдове Марка Меллери и сказать, что Грегори Дермотт Спинкс арестован, а доказательства его вины несомненны. Возможно, Шеридан Клайн и даже Родригес уже сообщили ей. Но в любом случае следовало проявиться, хотя бы из-за знакомства с Марком.

Дальше он подумал о Соне Рейнольдс. Они договорились, что он пришлет ей хотя бы еще один портрет. Сейчас это казалось чем-то бессмысленным, пустой тратой времени. Тем не менее он собирался ей перезвонить и поговорить на эту тему, а затем закончить обещанную работу. И на этом все. Внимание Сони было ему приятно, оно щекотало самомнение и сулило приключения, но слишком дорого стоило и ставило под угрозу более важные вещи.

250-километровый путь от Вичерли до Уолнат-Кроссинг из-за снега

занял пять часов вместо трех. Когда Гурни свернул на дорогу, ведущую в гору, к его дому, у него как будто включился автопилот. Окно машины было немного опущено, чтобы постоянный приток морозного воздуха помогал вести. Съезжая на луг, отделявший амбар от дома, он заметил, что снежинки больше не несутся на него, как раньше, а падают вертикально вниз. Он медленно проехал по лугу и, прежде чем остановиться, развернул машину в восточную сторону, чтобы солнце, когда кончится метель, светило на лобовое стекло и не дало ему заледенеть. Затем он откинулся на сиденье, не в силах пошевелиться.

Он так устал, что, когда зазвонил телефон, несколько секунд соображал, что это за звук.

— Да? — прохрипел он.

— Можно поговорить с Дэвидом? — спросил женский голос.

— Это Дэвид.

— Ах, это вы, я вас... не узнала. Это Лора, из больницы. Вы просили перезвонить вам... если что-нибудь случится, — добавила она с многозначительной паузой, выдававшей надежду на то, что у просьбы перезвонить есть более глубокие причины.

— Да-да. Спасибо, что вспомнили.

— Рада помочь.

— Так что случилось?

— Мистер Дермотт умер.

— Простите? Можете повторить?

— Грегори Дермотт, пациент, про которого вы спрашивали, умер десять минут назад.

— А причина смерти?

— Официальной версии пока нет, но когда его привезли, ему сделали томографию, и она показала перелом черепа с обширным кровоизлиянием.

— Ясно. Наверное, это неудивительно, после такой травмы.

— Совсем неудивительно.

Он испытал смутное беспокойство, похожее на тихий вскрик на громком ветру.

— Что ж. Благодарю вас, Лора. Спасибо за звонок.

— Пожалуйста. Я могу вам еще чем-то помочь?

— Вряд ли, — ответил он.

— Вам надо выспаться.

— Это правда. Спокойной ночи. И еще раз спасибо.

Сперва он отключил телефон, затем погасил фары и снова откинулся на сиденье, не в силах пошевелиться. Без света фар все погрузилась в

непроницаемую тьму.

Медленно, по мере того как глаза привыкали, всепоглощающая чернота неба и леса растворилась в темно-серый, а заснеженный луг стал пепельным. Там, где проглядывал восточный хребет гор, из-за которого через час должно было взойти солнце, угадывалось слабое свечение. Снегопад кончился. В стороне от машины застыл огромный, холодный, неподвижный силуэт дома.

Он сделал попытку подытожить то, что произошло. Ребенок в спальне с одинокой матерью и спятившим пьяным отцом... крики, кровь, беспомощность... ужасная физическая и психологическая травма... кровавые фантазии о возмездии. Мальчишка Грегори Спинкс вырос в маньяка Дермотта, который убил как минимум пятерых и собирался убить еще двадцать человек. Грегори Спинкс, чей отец перерезал глотку его матери. Грегори Дермотт, которому проломили череп в доме, где все это началось.

Гурни посмотрел на едва различимый контур гор, понимая, что есть еще одна биография, о которой следует задуматься, которую нужно успеть понять. История его собственной жизни. Отец, который не обращал на него внимания, и взрослый сын, которого он, в свою очередь, игнорировал; одержимость карьерой, которая принесла ему так много похвал и так мало покоя; маленький мальчик, погибший, потому что он за ним не уследил, и Мадлен, всепонимающая Мадлен. Мадлен, которую он почти потерял. Светоч, который из-за него почти угас.

Он едва мог двигаться и слишком хотел спать, чтобы что-нибудь чувствовать. Его ум захватила милосердная пустота. На какое-то время — он не знал, как долго это длилось, — его будто не стало, словно все его существо сжалось в точку, и осталось только пульсирующее в пустоте сознание, больше ничего.

Он пришел в себя неожиданно, открыв глаза как раз в момент, когда пылающая кромка солнца засияла над голыми верхушками деревьев на горе. Он наблюдал, как светящийся контур света медленно разрастается до огромного яркого полукруга. И вдруг почувствовал, что не один.

Рядом стояла Мадлен в своей ярко-оранжевой куртке — той самой, что была на ней в то утро, когда он пошел за ней на утес. Она стояла возле машины и смотрела на него через окно. Он не знал, сколько она так простояла. На ее капюшоне блестели крохотные льдинки. Он опустил стекло.

Она молчала, но ее лицо было воплощением любви и понимания. Он это видел, осязал, ощущал, сам не понимая как. Любовь, понимание и

облегчение от того, что он снова вернулся домой живым.

Она буднично поинтересовалась, не хочет ли он позавтракать.

Ее оранжевая куртка пламенела в лучах восходящего солнца. Он вышел из машины и прижал к себе Мадлен так крепко, словно обнимал саму жизнь.

Слова признательности

Спасибо моему великолепному редактору Рику Хоргану — неиссякаемому источнику прекрасных идей. Благодаря его вдохновенному и вдохновляющему руководству книга стала неизмеримо лучше, и именно он придумал ей блестящее название. Я благодарен Рику и за то, что он решился в нынешних непростых условиях рискнуть с первым романом никогда не публиковавшегося писателя.

Спасибо Люси Карсон и Полу Сироне за их заступничество, энтузиазм и деятельную помощь; Бернарду Уэйлену за советы и поддержку в самом начале моей работы; Джошу Кенделлу за продуманную критику и замечательные предложения; и, наконец, Молли Фридрих, попросту лучшему и умнейшему агенту в мире.

notes

Примечания

Здесь и далее стихи в переводе Юрия Мачкасова.

Уильям Шекспир. Юлий Цезарь. Перевод Михаила Зенкевича.

Убийство (англ.).